

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2023 № 1 (27)

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LITERATURNYI FAKT
LITERARY FACT

Academic journal

No. 1 (27). 2023

Published since 2016

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2023. № 1 (27)

Издается с 2016 г.

Редакция

Главный редактор

Вадим Владимирович Полонский (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Заместитель главного редактора

Сергей Игоревич Панов (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Екатерина Евгеньевна Дмитриева (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакторы

Елена Валерьевна Глухова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Алена Эдвартовна Исахаян (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

Маргарита Вадимовна Черкашина (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

К.М. Азадовский (Германская академия языка и литературы, Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург, Россия), *М.Л. Андреев* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Ю. Балакин* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *Н.А. Богомолов* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Н.В. Корниенко* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Ф. Кофман* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.В. Лавров* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *И.Е. Лоцилов* (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия), *Д.С. Московская* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *Ф.Б. Поляков* (Институт славистики Венского университета, Вена, Австрия), *О.А. Проскурин* (Университет Эмори, Атланта, Джорджия, США), *А.И. Рейтблат* (ИД «Новое литературное обозрение», Москва, Россия), *М.В. Строганов* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Л. Топорков* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *М.И. Щербакова* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Международный редакционный совет

С. Гардзонио (Пизанский университет, Пиза, Италия), *А.Л. Зорин* (Оксфордский университет, Великобритания / Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия), *Д.П. Ивинский* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *П.М. Лавринен* (Вильнюсский университет, Вильнюс, Литва), *Дж. Малмстад* (Гарвардский университет, Бостон, США), *Г.В. Обатнин* (Университет Хельсинки, Финляндия), *Л.Л. Пильд* (Тартуский университет, Тарту, Эстония), *Д. Рицци* (Университет Са' Фоскар, Венеция, Италия), *А.Ф. Строев* (Университет Новая Сорбонна – Париж 3, Париж, Франция), *Р.Д. Тименчик* (Еврейский университет, Иерусалим, Израиль), *Л.С. Флейшман* (Стэнфордский университет, Пало-Алто, США), *М. Шруба* (Миланский университет, Милан, Италия)

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Поварская 25 а

Тел: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

Сайт: <http://litfact.ru/>

Editors

Editor-in-Chief

Vadim V. Polonsky (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Sergei I. Panov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Ekaterina E. Dmitrieva (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editors

Elena V. Gluhova (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alena E. Isakhanyan* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor

Margarita V. Cherkashina (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editorial Board

Konstantin M. Azadovsky (German Academy for Language and Literature, Darmstadt, Germany / St. Petersburg, Russia), *Mikhail L. Andreev* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexei Yu. Balakin* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Nikolay A. Bogomolov* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *Natalia V. Kornienko* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Andrey F. Kofman* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexander V. Lavrov* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Igor E. Loshchilov* (Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia), *Darya S. Moskovskaya* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Fyodor B. Polyakov* (Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna, Austria), *Oleg A. Proskurin* (Emory University, Atlanta, GA, USA), *Abram I. Reitblat* ("Novoe Literaturnoe Obozrenie" Publishing House, Moscow, Russia), *Mikhail V. Stroganov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Andrei L. Toporkov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Marina I. Shcherbakova* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia),

International Editorial Council

Stefano Garzonio (University of Pisa, Pisa, Italy), *Andrei L. Zorin* (Oxford University, Great Britain / Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia), *Dmitry P. Ivinsky* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *Pavel M. Lavrinets* (Vilnius University, Vilnius, Lithuania), *John Malmstad* (Harvard University, Boston, MA, USA), *Gennady V. Obatinin* (University of Helsinki, Finland), *Lea L. Pild* (University of Tartu, Tartu, Estonia), *Daniela Rizzi* (University Ca' Foscari, Venice, Italy), *Alexander F. Stroev* (New Sorbonne University – Paris 3, Paris, France), *Roman D. Timenchik* (The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel), *Lazar S. Fleishman* (Stanford University, Palo Alto, CA, USA), *Manfred Schrubba* (Milan University, Milan, Italy)

Address: Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia

Phone: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

www.litfact.ru

Содержание

Литературный факт. 2023. № 1 (27)

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Е.А. Дьякова. «Мы все живем поверх страны, пропавшей без вести».

Семейная хроника.

Подготовка текста Д.В. Заботина, предисловие Е.Е. Дмитриевой 8

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ.

А.Л. Соболев. Ю.Н. Верховский. Письма к Г.И. и Н.Г. Чулковым..... 56

В.Э. Молодяков. «Ищем денег всюду, где есть друзья русского искусства, русской поэзии»: В.Ф. Зеелер и Комитет по ознаменованию 50-летия литературной деятельности К.Д. Бальмонта 97

БИОГРАФИКА

Т.Д. Кузовкина. Лотман об Эйзенштейне: реконструкция контекста 112

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

В.А. Мильчина. 1817 год: парижская повседневность в водевиле и в романе 131

В.Г. Щукин. Как сделано «Заколдованное место» Н.В. Гоголя 157

К.В. Душенко. «...Быть пусту»: «проклятие Евдокии» и его рецепция в русской культуре XIX – начала XX вв. 173

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

А.Г. Плотникова. М. Горький и серия «Библиотека поэта»: трансформация замысла 195

К.М. Азадовский. Марризм и советская фольклористика (по материалам архива М.К. Азадовского) 217

ФИЛОЛОГИЯ В ЛИЦАХ

А.В. Лавров «Знакомый хлебниковед в Киеве». К 85-летию А.Е. Парниса..... 246

БИБЛИОГРАФИЯ

Е.Р. Пономарев. И.А. Бунин и В.Н. Муромцева-Бунина на страницах «Нового журнала» 258

М.С. Щавлинский. Библиография публикаций И.А. Бунина и В.Н. Муромцевой-Бунинной в «Новом журнале» 269

Contents

Literary Fact. 2023, no. 1 (27)

FROM CREATIVE HERITAGE

- Elena Diakova*. “We All Live above the Missing Country.”
The Family Chronicle.
Text prepared by Daniil V. Zabolin. Introduction by Ekaterina E. Dmitrieva 8

MEMOIRS. LETTERS. DAIRIES

- Alexander Sobolev*. Yu.N. Verkhovsky. Letters to G.I. Chulkov and N.G. Chulkov 56
- Vassili Molodiakov*. “We are Looking for Money wherever there are Friends
of Russian Art, Russian Poetry”: V.F. Zeeler and the Committee
to Commemorate the 50th Anniversary of K.D. Balmont's Literary Activity 97

BIOGRAPHICS

- Tatyana Kuzovkina*. Lotman about Eisenstein: Context Reconstruction 112

ARTICLES. NOTES. REPORTS

- Vera Milchina*. 1817: Parisian Everyday Life in Vaudeville and in the Novel 131
- Wasilij Szczukin*. How Nikolai Gogol's “Enchanted Place” was Made 157
- Konstantin Dushenko*. “Let it be Empty”: “The Curse of Eudokia” and its Reception
in Russian Culture of the 19th – Early 20th Centuries 173

FROM SCIENTIFIC HERITAGE

- Anastasia Plotnikova*. M. Gorky and “The Poet's Library” Book Series:
Transformation of the Idea 195
- Konstantin Azadovsky*. Marrism and Soviet Folklore Studies:
From the Archives of Mark Azadovsky 217

PORTRAITS IN PHILOLOGY

- Alexander Lavrov*. “A Familiar Khlebnikov Specialist in Kiev.”
For the 85th Jubilee of A.E. Parnis 246

BIBLIOGRAPHY

- Evgeny Ponomarev*. I.A. Bunin and V.N. Muromtseva-Bunina on the Pages
of the “Novyi Zhurnal” / “The New Review” 258
- Maksim Shchavilinsky*. Bibliography of Publications by I.A. Bunin
and V.N. Muromtseva-Bunina in the “Novyi Zhurnal” / “The New Review” 269

Литературный факт.
2023. № 1 (27)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (27), 2023

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-8-55>
<https://elibrary.ru/SDUXJT>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Мы все живем поверх страны, пропавшей без вести». Семейная хроника

© 2023, Е.А. Дьякова

Литературный и театральный критик

Подготовка текста © 2023 Д.В. Заботина

Предисловие © 2023 Е.Е. Дмитриевой

Аннотация: Настоящая публикация представляет собой части семейной хроники автора, написанной на основе архивных материалов, семейных документов и воспоминаний. История купеческого рода Аносовых рассматривается в ней начиная с XVII в. и до первых послереволюционных лет, будучи вписана в историю страны и в размышления о судьбах России. В первой части публикуемых материалов описывается становление купцов Аносовых, принадлежавших не только к финансовой, но и духовной элите города. Сын тамбовского рыбака, который ездил за стерлядью 900 верст по тракту, приобретает четырнадцать томов сочинений П.И. Мельникова-Печерского и велит потомству их читать, «чтоб знали, как мы, Аносовы, прежде жили». Семья купцов делает пожертвования на благотворительные нужды города, а позднее один из Аносовых становится городским головой Тамбова. В 1871 г. представители семьи активно участвуют в деятельности по избавлению города Тамбова от холерной эпидемии. Когда, по семейной легенде, тамбовский губернатор предложил промышленнику Аносову хлопотать о дворянстве, Василий Михайлович откажется со словами: «Нас и так знают». Следующим эпизодом истории семьи становится Первая мировая война, на которой еще один представитель семьи Владимир Аносов, ставший талантливым хирургом, работает военным доктором. Аносовы возвращают в это время свои вклады из банков Европы в Россию. В третьем эпизоде материалов описывается Тамбов 1918 года: карательные операции, расстрельные камеры. Семья Аносовых, чудом спасаясь, уезжает из города в одном вагоне с князем Сергеем Михайловичем Волконским, их соседом по имениям. Последний эпизод публикуемых материалов посвящен Тамбову 1920-х гг.: размышления о судьбах семьи в эти годы перемежаются с раздумьями о последующей судьбе их потомков.

Ключевые слова: Аносовы, тамбовское купечество, благотворительность, Тамбов 1918–1920-х гг., историческая память.

Информация об авторе: Елена Александровна Дьякова — член Ассоциации театральных критиков, Союза журналистов России, Международной федерации журналистов, Союза писателей Москвы.

Для цитирования: Дьякова Е.А. «Мы все живем поверх страны, пропавшей без вести». Семейная хроника / подгот. текста Д.В. Заботина, предисл. Е.Е. Дмитриевой // Литературный факт. 2023. № 1 (27). С. 8–55. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-8-55>

Фрагменты обширной семейной хроники Елены Дьяковой «Мы все живем поверх страны, пропавшей без вести», мы публикуем в жанре *In memoriam* — с большой и неизбывной печалью о той, кого мы знали как блестящего журналиста, театрального и книжного критика, в юности — тонкого и мало на кого похожего поэта (так что только остается сожалеть, что в какой-то момент она перестала писать стихи*), для иных — прекрасного и верного друга. В многочисленных медийных откликах на ее уход в феврале этого года самые разные авторы почти единодушно писали о том, что сама она, став летописцем нашего времени, своим внешним обликом, манерой говорить (а в устном жанре она была тоже непревзойденной), манерой чувствовать — казалась словно вышедшей из Серебряного века. По каким-то иным, неписанным законам, ей, видимо, именно в нем и надлежало жить (будучи в начале 1990-х гг. аспиранткой в ИМЛИ, она и занималась Серебряным веком — наследием А.А. Блока, М.В. Добужинского и др.).

Это чувство человека, проживающего чью-то чужую жизнь, проходящего не свой путь — хотя как раз по этому пути она шла более, чем уверенно — пронизывает и последнюю, написанную ею книгу, которую первоначально она хотела озаглавить «Дом купцов Аносовых», используя слово дом в том понимании, которое было характерно даже не для Серебряного, а для Золотого века, для Пушкина, например, для которого дом — род — родословная были звуком, отнюдь не пустым.

Случилось так, что по отцовской линии Лена была потомком сразу двух родов — Дьяковых и Аносовых. Дьяковы были родом дворянским (до поры до времени это тщательно скрывалось даже и в ее семье). К нему принадлежала и та самая Марья Алексеевна Дьякова

---

* Со стихами Е.А. Дьяковой можно познакомиться в журнале «Синтаксис» (1990. № 27), а также на сайте: <https://nestoriana.wordpress.com/2017/10/28/елена-дьякова-восьмидесятые-стихи-из/>.

(1755–1807), ставшая впоследствии женой архитектора Н.А. Львова, к которой в 1779 г. обращался влюбленный в нее И.И. Хемницер: «Нет, ежели ты в свет захочешь нас пустить, — / Отдай Дьяковой нас в покров и защишенье». Портрет Марии работы Д.Г. Левицкого и по сей день представлен в Третьяковской галерее. Другая сестра Марии, Александра, стала женой В.В. Капниста, и обе они — важными персонажами Львовского кружка. Одна из дочерей Марии Дьяковой и архитектора Львова, Вера Николаевна, в замужестве Воейкова, станет «любимой бабушкой» Василия Поленова, изображенной им на картине «Бабушкин сад». К этому же роду Дьяковых принадлежала и Александра Алексеевна Оболенская (урожденная Дьякова), к которой одно время был весьма неравнодушен Л.Н. Толстой и которая, по легенде, даже послужила одним из прототипов Кити Щербацкой.

Перечень всех этих культурных реминисценций и нечаянных сближений можно было бы еще долго продолжать. Елена Дьякова хотела написать о них книгу, начала, но не успела завершить. А вот книгу о других своих предках, тамбовских купцах Аносовых, она написала. И будем надеяться, что в скором времени она в полном объеме увидит свет.

Определить жанрово текст, предлагаемый вниманию читателя, довольно сложно. Несмотря на обилие использованных в нем источников, архивных материалов, редчайших печатных исторических, экономических, статистических трудов, которые выходят в наше время таким смехотворным тиражом, что легко тут же облекаются забвению — а Лена все это скрупулезно разыскивала, — текст этот, конечно же, прежде всего художественный. Наполненная авторскими раздумьями о ходе, или беге, истории, о месте в ней человека и о том, во что история превращает самые «прекрасные порывы» души, книга «Мы все живем поверх страны...» формирует — да простится здесь это слово — какой-то удивительный хронотоп. События и люди прошлых времен в ней постоянно предстают в проекции времен последующих. Кирпич дома Волконских в Павловке превращается в консервный цех Борисоглебской скотобойни, «главный донатор» Вернадского вел. кн. Николай Николаевич идет по снегу на расстрел босой, оставляя сапоги тому, кто будет его расстреливать. Лестница, по которой в марте 1917 г. летела вверх красавица Наталия (одна из Аносовых) с криком: «Папа! В Петрограде революция!», становится той лестницей, по которой спускаются выселяемые из дома на Христорождественской члены семьи седого промышленника: невестка Прасковья и трое детей, девяти, шести и трех лет. А наблюдают молча за ними чужие люди в шинелях и островерхих шапках.

Щемящее ощущение, что все происходит не так как должно. Что все бессмысленно. Но так ли это?

Потому что «в сухом остатке», когда читаешь книгу Елены Дьяковой, остается ощущение высокого и трагического хода Истории — истории нашей страны. И, как в греческой, а может, и барочной трагедии, о которой некогда писал Вальтер Беньямин, история эта, как никакая другая, учит непостоянству судьбы. И еще тому, что, если и невозможно избежать несчастья, то, по крайней мере, возможно при этом сохранить свое достоинство.

Именно история сохранения достоинства — вопреки всем ударам истории и судьбы — и есть та подспудная тема, которая становится бытийным фоном рассказанной нам судьбы рода купцов Аносовых. Рода, к которому принадлежала и Елена Дьякова.

Текст печатается в авторской орфографии и с авторской пунктуацией.

Екатерина Дмитриева

И общей не уйдет судьбы.

Г. Державин, тамбовский наместник.

Поезд пришел под утро. Стыли у вокзала руины башни, проваленные внутрь до второго этажа. Щерились красным кирпичом.

...Уездный Борисоглебск. Лето 2005 г.

Руины были прежде элеватором на 200 тыс. пудов зерна. Стояли памятником голоду 1891 г. — точнее, программе казенных общественных работ помощи голодающим. Крестьяне бедствующих губерний получали по ней работу и заработок на строительстве малых шоссе и мостов, сельских школ, церквей, зернохранилищ.

Элеватор в Борисоглебске 1890-х был нужен. В уездном городе была Хлебная биржа. Городок отправлял в столицы и порты до 200 вагонов зерна в день. Полдюжины мукомольных предприятий (каменных, с паровыми двигателями, в пять-шесть этажей) работали здесь. Годовой оборот крупнейшего составлял 1,25 млн руб.

Но прожил элеватор лет тридцать–сорок.

В башне стоял мощный дизель для сушки-перевалки зерна. В 1920-х его реквизировали. Не знаю, какую адскую машину крутил дизель впредь, но пшеницу сушить стало нечем. В 1930-х элеватор уже не надобился. Потом рухнул внутрь себя.

Разобрать его все же было жаль. Так руины и стояли у станции.

Нас вел по городу историк Аркадий Мурашев, биограф С.М. Волконского (1860–1937). Внук декабриста, директор Императорских театров, блестящий мемуарист, адресат лирики Цветаевой, Волконский был связан с уездом кровно. Усадьба Павловка, главная героиня его книги «Мои воспоминания. Родина», — здесь. Покинута в 1917-м.

Дом Волконских в Павловке разобрали давно. В 1930-х. Из кирпича выстроили консервный цех Борисоглебской скотобойни. Только Аркадий мог провести сумрачным лесом — заросшим парком — по теням аллей, вдоль теней прудов к тени дома — яме фундамента. Больше ничего не осталось.

Недалеко от усадьбы, на всхолмье, стояла ампириная церковь Петра и Павла. Там был клуб, потом склад. Стены обиты до красного кирпича 1820-х. Провалился купол.

Барабан его казался увечной культей. Ободранным диким мясом, воздетым к небу.

Заехали в ближнее село. Сухоньякая, седая, легкая на ногу и на восьмом десятке лет Неонила повела показывать гордость бабушек Большой Грибановки: молельный дом.

Дом был завещан бездетной хозяйкой подружкам на божье дело. Отмыт, побелен, расписан цветами. Подзоры на окнах сияли белым. Подружки сносили сюда иконы из опустевших, выморочных домов. Спасали их от медленной гибели в ничьем «житле».

Десятки Богородиц, Спасов, Никол, Параскев тихо сияли по стенам. Выдавлены на плотной фольге, подкрашены голубым по ризам, золотцем — по венцам.

И это был хор: беззвучный хор брошенных крестьянских божниц.

Среди цветной фольги бросались в глаза темные иконы «на досках». Старые. Их было немного. В плотной развеске образов шерилась дыра.

— *Здесь Георгий был,* — вздохнула Неонила. — *Старый, на доске. Батюшка говорил: цены не сложить. Залезли ночью да взяли. Батюшка в соседнем селе хороший: поглядел на дом, головой покачал, разрешил молиться. Просил только помнить: тут не церковь...*

Молельный дом — в анилиновом сиянии выморочных Спасов и Казанских, с дырой на месте усадебного Георгия Победоносца — был тоже памятником XX в.

Как и красная башня уездного элеватора, давно рухнувшая внутрь себя.

В проулке Грибановки тощие утки и коты пылили сухим черноземом. Борисоглебским черноземом слоем в 1–1,5 м, благодатнейшей для вспашки земель огромной страны. В сельпо сверкал новый холодильник: не хуже, чем на Тверской. Полки были застелены желтыми газетами 1990-х, листком областной КПРФ с ядреной одой товарищу Сталину. В уездном городе сражались спокойные усталые мужики, менеджеры машиностроительного завода: готовили документы на тендер. На поставку оборудования в Вунгтау, под Сайгоном, для нефтеразработок на шельфах. Тягались с американской фирмой. Рассуждали: у них бренд, у нас надежность и простота, а уж по цене...

Город все же был жив. Казалось: он отходит от пожара. От ожога по всему телу.

Кой-где выросла к 2005 г. молодая блестящая кожа нового дела и обустройства.

Но по большей площади еще ухмылялись рубцы, бугры, шрамы. Как по всей России.

Я не была в уезде совсем уж чужой. С княжеским именем Павловка граничило век назад купеческое имение Софьевка. В реки борисоглебского зерна вливались и урожаи тамбовских купцов Аносовых.

*Чашитие семьи Аносовых на веранде в Софьевке
The Anosovs drink tea on the terrace in Sofievka*

Это моя семья. Для российской семьи XX в. — кой-как уцелевшая и помнящая родство. Хотя почти все потомки прожили столетие в России и с полной выкладкой: обыски, аресты, запреты учиться, ГУЛАГ, фронт, мирное шестидесятничество правнуков.

Но как начинаешь *углублять и уточнять*, понимаешь: *мы все живем поверх страны, пропавшей без вести*. Страны выморочных родовых икон. Где уходили из памяти пепелища усадеб и фундаменты соборов, кладбища и ремесла, семьи, семьи, семьи...

И здесь — лоскуты. Половину я помню с детства. Половина собрана по архивам, новым рассказам, старым губернским хроникам, адрес-календарям Тамбова и проч. Белых пятен и черных дыр в избытке. Равнодействующей не могу вывести: свиты воедино колокола коронации и пулеметные очереди, голос подвижника и коммунальная склока, ссыльная беда и забытая слава, непрожитые судьбы 1910-х — и попытки их воскрешения.

И собственно, объяснение у меня одно: *все эти люди были. Они — часть огромного хора века и страны. Разглядеть и услышать именно их, Аносовых, — мой долг и право.*

1659–1825. Астраханский тракт. Пушкари. Михаил и Пелагея

На иноходце хватском,
Под белым покрывалом...
Г. Державин.

Астраханский тракт *звонит по метели*.

В беду-буран звонари сел и станиц меж Рязанью — Тамбовом — селом Царицыным — Астраханью всходят на колокольни. Раскачивают свои *постовые, полиелейные, благовестные, подзвонные*. Стучат в чугунное било, пока не уляжется метель.

Колокол в степи — звуковой маяк. Проезжие держат на звон к жилью сквозь вьюгу.

Большеголовые каменные бабы стоят вдоль тракта. На брюхах высечены путевые знаки: крест — на Москву, черный человек — к Хвалынскому морю. Грунтовой шлях проложен еще Золотой Ордой: само слово «ямщик» пошло от здешнего «ямчи».

*Степь да степь кругом*¹ как раз по этой дороге.

¹ Основа песни — «В степи» (1865) И.З. Сурикова. У поэта помянута народная песня «Степь Моздокская». Тянется степь от Саратова до села Царицына. На Моздок и Кизляр тракт поворачивал за Астраханью.

Город был заложен — как в русской сказке. Весной 1636 г., при царе Михаиле, пришла по тракту от Москвы тысяча стрельцов. С ними воевода Роман Боборыкин.

На холме у слияния Цны и Студенца срубили крепость Тамбов: часть Большой Засечной черты, проложенной «*для береженья от набегов крымских, азовских и ногайских людей*»». Лавины конников с юго-востока, из Дикого поля, «*прохаживали изгоном, на те все места воевали, людей побивали и в полон <...> имали*»². Пленных ждали невольничьи рынки Крыма.

В.О. Ключевский пишет:

...Шаг за шагом отвоевывали степь <...> В продолжение XVI в. из году в год тысячи пограничного населения пропадали для страны, а десятки тысяч лучшего народа страны выступали на южную границу, чтобы прикрыть от плена и разорения обывателей центральных областей <...> Отсюда естественно возникала мысль рассыпать служилых людей по внутренним, особенно по крайним областям <...> сделать из землевладельцев живую изгородь против степных набегов³.

В середине XVII в. свыше сорока крепостей стояли на Засечной черте, на пограничье. Воронеж, Белгород, Тамбов, Симбирск. Между крепостями селилась по черте *засечная стража*, вольные крестьяне-однородцы. Та самая «*живая изгородь*» Ключевского.

Они владели клочками земли. Получали от казны пищаль, боевой топор, порох-свинец. Объединялись в отряды при набегах с юга. Держали фронт Дикого поля.

Пограничье лепит характеры. Кажется, ни один большой бунт на Руси не обойдет Засечную черту стороной. Но стрельцы и пушкарки крепости Тамбов — того же замеса. Из однородцев засечной стражи.

Историк Марина Климова осенью 2021 г. обнародовала в соцсетях архивный список пушкарей крепости Тамбов 1659 г.:

По другую сторону города и острога, на берегу речки Студенца, построена Пушкарская слобода, а в ней церковь Живоначальные

² Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / под ред. А.Е. Андриевского. Тамбов: Типо-лит. Н. Бердоносова и Ф. Пригорина, 1911. С. 305.

³ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М.: СОЦЭКГИЗ, 1937. Ч. II. С. 228–229.

Троицы с приделом <...> а в той слободе живут пушкари, и затинщики, и воротники...⁴

Среди Толмачевых, Ульевых, Четвертаковых, Неколотовых, Серовых, Кухтиных, Лутошкиных были и два брата-пушкаря Аносовы. Ларион и Сидор.

Ко Второй ревизской переписи 1748 г. однодворцы Аносовы прочно живут в Тамбове: Андрей Афанасьев с сыновьями в Покровской слободе. Иван, Ермил, Михайло (все с малолетними сыновьями) — в Пушкарской. Город прирастает слободами, тянется вдоль Астраханского тракта, обзаводится соборами и присутствиями. А наместник его, Гавриил Державин, пишет «Желание зимы» (1787), пронизанное хохотом, руганью, свистом возниц и полозьев за окном:

В убранстве козырбацком,
Со ямщиком-нахалом,
На иноходце хватском,
Под белым покрывалом —
Бореева кума,
Катит в санях Зима.

Кати, кума драгая,
В шубеночке атласной,
Чтоб Осень, баба злая,
На астраханский красный
Не шлендала кабак
И не кутила драк.

Цепочку тамбовских Аносовых 1750–1810-х гг., медленный выход пушкарей, стрельцов, ямщиков, однодворцев в купцы нужно еще выстроить по ревизским сказкам. Но в 1820-х гг. уже точно едет Астраханским трактом на восток суровый, в скобку стриженный человек. Его подводы гружены сазаном, судаком, балыком, стерлядью пылкого мороза: купец III гильдии Михаил Аносов возит рыбу из Астрахани в Тамбов. Причт по Астраханскому тракту *звонит по метели* и для него треть века.

⁴ Цит. по: День Святой Троицы: Престольный праздник Пушкарской слободы. URL: <https://marina-klimkova.livejournal.com/693354.html?ysclid=lecpafmnd101596185> (дата обращения: 26.02.2023).

От Тамбова до Астрахани по тракту почти 900 верст. В России дорога — уже работа. Такая дорога по безлюдным степям явно мало походила на мирные хлопоты торговца.

На «наивном портрете» 1830-х (до нас дошло только его фото) — шерстяная фуфайка под сюртуком, борода, как у Пугачева. Серые протяжные глаза купца прищурены.

Пищаль предка-одногодворца еще пришлось бы ему по руке⁵.

В Тамбове рыбак Аносов выстроил серый деревянный двухэтажный дом с белыми наличниками и мезонином у Базарной площади — «2-й полицейской части, 42 квартала, собственный дом под № 26»⁶.

Выстроил, думаю, до 21 мая 1825 г., когда обвенчался в «соборной города Козлова церкви» с купеческой дочерью Пелагеей Федоровной Силантьевой. Венчал их протоиерей Никита с причтом. Венцы держали купец Алексей Гладышев, купеческие дети Гавриил Аносов и Николай Родионов⁷.

Праматерь Пелагея принадлежала к почтенному купеческому роду яблочного города Козлова. Были Силантьевы при Екатерине, Павле, Александре уездными храмоздателями: Иван Силантьев построил каменную церковь в селе Громушка, купеческая жена Анна — каменную церковь в Заворонежской слободе, еще один «*“Козловский купец Силантьев”*» (цит. по: [2, с. 176]) — каменную церковь в селе Глазок.

Одним из лучших зданий уездного города была Пятницкая (Троицкая) церковь с фарфоровым (по моде екатерининских времен) иконостасом. Строена в 1773 г. Иваном Тимофеевичем Силантьевым.

Годна хоть в Петербург: с колоннами, с барочной колокольней. И неистребимо прежняя, здешняя: над ярусами колонн луковка купола, крытое крыльцо — узорчатое, как в тереме. Славилась в Козлове местнотимой иконой Казанской Божией Матери.

Снесена в 1920-х. (Полтора десятка храмов взорваны в Козлове, три уцелели.) На месте Пятницкой церкви выстроен конструктивистский Институт садоводства им. И.В. Мичурина.

Говорят: кто-то в Козлове-Мичуринске сберег острый клинышек фарфорового иконостаса. Дед хранителя поднял его из каменного месива в 1920-х, после взрыва.

⁵ Я знаю этот наивный портрет Михаила Аносова по фотокопии начала 1970-х. Где оригинал, кто и когда сделал с него фото, неизвестно. Отпечатки были у всего потомства... и никто не догадался спросить.

⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 164. Л. 1–1 об.

⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 164. Л. 27.

У моих записок та же суть: осколки. Подобраны после взрыва.

А пока их мир и город лишь строятся. У Михаила и Пелагеи Аносовых рождаются Василий (1829–1905), Александр (1832–1859), Анна (1836–1910). Всех крестят в Знаменской церкви, храме «торговой части» Тамбова. Среди восприемников много Аносовых: купеческий сын Матвей и девица Александра Васильевна, купеческий сын Стефан Васильевич. Есть в городе и Аносовы других ветвей: в 1820-х становится гласным городской думы купец Гаврила Аносов, заседателем совестного суда — его брат Петр.

С 1810-х гг. живут в Вознесенском монастыре, старейшей женской обители Тамбова, *мантейная монахиня Мария и пребывавшая в монастыре 46 лет* рясофорная *Стефанида* Аносовы. Обе будут погребены в монастырском некрополе, рядом ляжет купеческая вдова Анна Кондратьевна Аносова (†1856, 80 лет) [13, с. 40–41]. Все могилы взорваны в 1930-х.

По смутной памяти — у тамбовских Аносовых были родственники в Саратове. Там в 1820-х – 1830-х гг. разбогател добычей соли на озерах Эльтон и Баскунчак купец Петр Васильевич Аносов. В 2017 г. в Москве изданы воспоминания Нины Аносовой, праправнучки солевара, записанные ее внуком (см.: [3])⁸.

В саратовской семье жила легенда о предках-староверах. Как и в тамбовской. Версия Нины Аносовой романтичнее нашей: предки ушли в XVII в., в пору раскола, из Москвы в Сибирь. Торговали мехами.

Такого в Тамбове не рассказывали. Вознесенские монахини 1810-х, Михаил с Пелагеей, обвенчанные в Покровском соборе города Козлова, староверами явно не были.

Но и сын сурового тамбовского рыбака, что ездил за стерлядью 900 верст по тракту, приобрел когда-то четырнадцать томов П.И. Мельникова (Андрея Печерского), изданных товариществом М.О. Вольфа в Санкт-Петербурге в 1897–1898 гг. Переплел в тисненый черно-красный ледерин с орнаментом из речных лилий,

---

⁸ Литературная запись о. Александра Дианина-Хаварда. Нину Ефимовну (1903–1998) обстоятельства оторвали от саратовских Аносовых очень рано. Ее сквозной сюжет — Гражданская, путь с матерью и отчимом из Петербурга к Черному морю и в эмиграцию. С о. Дианиным-Хавардом, внуком Нины и издателем ее записок, беседовала в Москве в 2018 г. Елена Сергеевна Аносова. Глаза у Елены и Александра, доктора и пастора, оказались одинаковыми. «Аносовскими». Такие были у моей бабушки Татьяны и ее брата Сергея, деда Елены. На портрете М.В. Аносова под суровой «скобкой» волос видны они же. Та же форма. Цвет... Волги осенью, что ли. Впрочем, с родством тамбовских и саратовских Аносовых 1820-х гг. надо разбираться в архивах.

гербовых цветов модерна. Читил Мельникова-Печерского за точность и беспристрастие в описании волжского староверства. И заповедал потомству читать «В лесахъ», «Счисленіе раскольниковъ» и проч. Именно *чтоб знали, как мы, Аносовы, прежде жили.*

В 1849 г. летняя холера унесла в одночасье Михаила и Пелагею. Главой семьи остался девятнадцатилетний Василий. С двумя подростками, братом и сестрой, на руках.

Впереди брезжили «великие реформы»: Василию досталось *попутное время.*

Из осиротевшего юноши выплывит патриарх. Бог Зевес этой семьи. Храмоздатель, как предки Силантьевы. Филантроп, строитель школ, бессменный казначей Красного Креста. Знакомец трех святых. Хозяин тысяч десятин чернозема, впервые от сотворения мира распавшихся его работниками. Гость коронации Александра III: он очень подходил в поданные этому кряжистому императору, наш Василий Михайлович.

При всем этом: жил он всю жизнь в деревянном доме «*2-й полицейской части, 42 квартала*», в беспокойном соседстве с базаром. В доме отца — купца III гильдии.

Только 1918 г. вытряхнет семью из этих дубовых стен.

Само же крепкое купеческое строение 1820-х гг. простоит до 1990-х. А там — снесут его, взбодрят ТЦ «Дом купца Аносова» на Красной, 12, врубят фрагмент деревянного дома и доску о «памятнике истории и культуры регионального значения» в фасад универсама, стыдливо забрав уцелевшее под стекло. Ныне за белыми наличниками ведут свой бизнес салон «Шик» и офис «2Т–Танго Телеком». Над улицей Красной-Базарной-Христорождественской голосят рупора: «Распродажа пуховиков и джинсов!»

Но торговый, бетонно-кафельный гламур 1990-х уже устарел и пожух.

Это шумный квартал, торговый и привокзальный. Но если прислониться к стеклу фасада, старое дерево за ним — как огромный инструмент, фисгармония времени. В ящике, как в улье, заперты звуки.

Там мычит скот на базаре, поет хор взорванного собора, тихий голос святителя Феофана Затворника хвалит его иконостас, скрипит декабрьский снег 1872 г.

Там палят из трехлинеек, требуют прислать из Москвы броневик для подавления солдатского бунта, проживают первый свой

голодный год, напевают в детской «Был у Христа-младенца сад...», читают письма из Восточной Пруссии с марками Красного Креста, смотря молча, как ЧК выводит из дома сыновей.

Гремит медью марш, только что написанный в Тамбове штаб-трубачом 7-го запасного полка Василием Агапкиным. Поют беспризорники на базаре. Крестят и отпевают в Христорождественском соборе поколения семьи. Навек выводят детей и выносят вещи.

И сквозь долгую сечу при Керженце XX в. дом тихо скрипит то, на чем стоял:

Дано из Тамбовской городской управы Тамбовскому I гильдии купцу Василию Михайловичу Аносову <...> в том, что он, Аносов <...> и никто из вышеозначенного семейства его в течение показанного времени пребывания в гильдиях несостоятельности не показал, ни под судами и судебным приговором опорочены не были⁹.

Давно бумага дана: в 1870-х.

Последних детей дома на Христорождественской, правнуков Василия, я помню седыми. Против своего *поперечного времени*, против XX в. каждый из них был — как пастушок с пращой против великана в горячей от ярости броне.

Но несостоятельности не показали. И опорочены не были.

<...>

Почетный гражданин: Собор. Коронация. Голод

С 1860-х «Тамбовские епархиальные ведомости» начинают отмечать пожертвования купца Аносова: 600 руб. на храм в селе Павлодар, 1000 руб. на Знаменскую церковь Тамбова, 200 руб. на ремонт моста... Это в духе времени: в пореформенном Тамбове бурно развивается горизонтальная солидарность, как сказали бы сейчас.

Общества растут густо: Вольное пожарное, Подания помощи при кораблекрушениях под покровительством цесаревны Марии Федоровны (хотя в Тамбове с тишайшей Цной тема кораблекрушений не очень насущна), Императорское Русское музыкальное, Взаимного вспоможения ремесленников, Для пособия воспитанникам Тамбовской гимназии и реального училища, Вспомоществования церковным школам, Тамбовское попечительное о бедных, Попечительное

⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 164. Л. 32–32 об.

о яслях, Православное Миссионерское, благотворительные братства при церковных приходах Тамбова...

Растут и не благотворительные затеи: вот Тамбовское общество охотников конского бега¹⁰. Для коего Императорским Московским обществом учрежден особый беговой приз.

Везде то почетным, то действительным пожизненным членом состоит В.М. Аносов.

В ноябре 1864 г. вступает в силу судебная реформа — одна из важнейших реформ Александра II. Тридцатилетний купец Василий Аносов становится почти сразу заседателем Тамбовской уголовной палаты. Через три года этой службы он получает право избрания мировым судьей в Борисоглебском уезде¹¹.

Самый список уездных кандидатов в мировые судьи конца 1860-х очень примечателен. В нем действительный статский советник Михаил Волконский, сын декабриста и М.Н. Раевской, в близком будущем сенатор и член Государственного совета. Представители таких семей, как Гагарины, Кропоткины, Толстые. Братья Воейковы — дядюшки художника Василия Поленова. Г.В. Кондоиди — губернский предводитель дворянства с рекордным «стажем» службы (шесть сроков). Но здесь же и «новые помещики»: легендарный в Тамбове купец-филантроп Андрей Носов и Василий Аносов.

Последнему — 36 лет. Имение его в Борисоглебском уезде составляет 5499 десятин.

В 31 год В.М. Аносов будет казначеем Православного Миссионерского общества в губернии¹². Одна из главных задач общества — создание церковно-приходских школ в селах.

В Тамбовском отделении состоял и протоиерей Кронштадтского Андреевского собора И. Сергеев — о. Иоанн Кронштадтский. Он бы-

¹⁰ См.: 1900: Результат бегов Тамбовского общества охотников конского бега: 63-й год. Тамбов: Типография губернского правления, 1900. 34 с. Вместе с В.М. Аносовым в обществе состоят: И.Д. Гуаданини — будущий депутат Государственной Думы, будущий дед Ирины Гуаданини — лирической героини В.В. Набокова; Ю.В. Давыдов — известный в губернии земский деятель, будущий персонаж «Красного колеса» А.И. Солженицына; Г.Н. Луженковский — губернский советник, которого в 1906 г. застрелит юная эсерка Мария Спиридонова, мстившая за подавление крестьянских восстаний в губернии. В списках тамбовских «охотников конского бега» — Араповы, Ланские, промышленники Толмачевы. И еще помещик Кирсановского уезда, отставной лейб-драгун, коннозаводчик В.В. Дьяков. В 1931 г. в совсем другом Тамбове его внук женится на правнучке В.М. Аносова. Мы с сыном и внуками — их потомки.

¹¹ Борисоглебское уездное земское собрание. Журналы заседаний Борисоглебского уездного земского собрания, бывшего в сентябре 1868 года. Тамбов: Губернская земская тип., 1869. С. 141.

¹² Тамбовские епархиальные ведомости. 1871. № 12. С. 308.

вал в городе. «...*На средства о. Иоанна Кронштадтского и Василия Михайловича Аносова при школе <...> открылись <...> чтения религиозно-нравственного характера, со световыми картинами <...> заведена была библиотека-читальня*»¹³ — писали в 1903 г. «Тамбовские епархиальные ведомости» о селе Пановы Кусты.

27 лет (1878–1905) В.М. Аносов был казначеем губернского отделения Российского Общества Красного Креста. Имел и наградной знак РОКК: белый эмалевый гербовый щит с красным крестом в центре и вязью вокруг: «Возлюбиши ближняго своего яко сам себе».

Чем тамбовские филантропы занимались? Вот «Взаимное вспоможение ремесленников»¹⁴: склады материалов, ссуды по болезни, пособия на похороны, обучение сирот членов Общества в ремесленных училищах за счет общества, лекция об устройстве артелей, елка для детей. В планах было «*общеобразовательное ремесленное училище, с женским портняжным и белошвейным отделениями*»¹⁵, выставка-магазин кустарей в Тамбове.

Вот попечительство об обществе «Работный дом»¹⁶. Название устрашает, но создан он по образцу Домов трудолюбия о. Иоанна Кронштадтского (В.М. Аносов — член правления). С 1888 г. тут дают бездомным приют и заработок. Невеликий: 5–6 коп. в день. Но всех насельников кормят: «“...*по 2 фунта черного хлеба, обед из двух сытных блюд, например, щей с мясом и каши, и ужины...*”»¹⁷ Здесь делают конфетные коробки, ткнут холсты, вяжут детские кофточки, переписывают бумаги, плетут корзины.

В марте 1880 г. «Тамбовские епархиальные ведомости» перепечатывают статью «Московских ведомостей»:

...Самые богатые из купцов города Тамбова: Носов, Аносов и Ашурковы <...> изъявили желание в ознаменовании дня 19 февраля (здесь — 25-летие царствования Александра II. — *Е.Д.*),

¹³ Тамбовские епархиальные ведомости. 1903. № 49. С. 1380.

¹⁴ См.: Тамбовское общество взаимного вспоможения ремесленников. Отчет о деятельности взаимного вспоможения ремесленников г. Тамбова и Тамбовской губернии за 1902 г.: Год третий. Тамбов: Типо-лит. Н. Бердоносова и Ф. Пригорина, 1903. 22 с.

¹⁵ Там же. С. 1.

¹⁶ См.: Акт государственной историко-культурной экспертизы выявленного объекта культурного наследия «Дом жилой», расположенного по адресу: Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Карла Маркса / ул. Студенческая, д. 168/1. URL: https://pam.tmbreg.ru/assets/files/Ekspertiza/2019/Akt_GIKE_Tambov_K_Marksa_168.pdf (дата обращения: 26.02.2023).

¹⁷ Там же.

пожертвовать со своей стороны 36 000 рублей <...> а на проценты с 36 тыс. город должен устроить и поддерживать богадельню и ночлежный приют для уменьшения числа нищих в городе Тамбове...

<...> купцы Носов, Аносов и Ашурковы не в первый уже раз предлагают свои средства на нужды города <...> Такое внимание к общественным нуждам и потребностям города <...> обязывает и город выразить этим лицам особую благодарность, избрав их в почетные граждане Тамбова¹⁸.

Что и произойдет в 1883 г.

Василий Михайлович был и городским головой Тамбова. Один срок: 1869–1871 гг. Его «Формулярный список о службе» сообщает:

По городским выборам в 1869 г. и по 1871 г. состоял Тамбовским городским головою, и за усердную службу по ходатайству г. Губернатора по представлению г. Министра внутренних дел Государь Император в 20 день июля 1871 года соизволил пожаловать золотую медаль на Станиславской ленте¹⁹.

Благоустройство степного губернского города шло долго и медленно. Взрывной его рост придется на начало XX в. Поэтапное устройство полноценного водопровода в Тамбове, например, длилось тридцать лет: 1880–1911 гг.

Но все ж при В.М. Аносове *«городская управа, впервые серьезно проявляя некоторую заботливость об улучшении санитарного состояния города, приступает <...> к устройству больших городских грунтовых колодцев <...> Этими колодцами и отчасти водой из р. Цны город исключительно только и пользовался до 1881 года»* [15, с. 91–92]²⁰.

Он оставил должность весной 1871 г. Незадолго до худшей холеры в истории Тамбова. Эпидемию встречал уже его преемник — Петр Машков.

Но именно в рассказе о холере звучит живой голос Василия Аносова.

В 1916 г. священник Вознесенского монастыря о. Алексей Цветаев опубликует «Воспоминания об избавлении города Тамбова

¹⁸ Тамбовские епархиальные ведомости. 1880. № 5. С. 157–158.

¹⁹ РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1124. Л. 533.

²⁰ Подробнее см.: [15, с. 89–100].

от холерной эпидемии в 1871 году по молитвам граждан перед Чудотворною Вышенскою иконою Божией Матери».

С указанием:

Настоящий очерк составлен на основании письменных документов и рассказов многих переживших тамбовскую холеру лиц, особенно Григория Ив. Гукина и <...> Василия Михайл. Аносова, из которых последний, при впечатлительности своего характера, отличался прекрасною памятью местных исторических событий²¹.

Служил о. Цветаев в монастыре, где игуменьей четверть века была мать Антония, Анна Михайловна Аносова. Он был усердным автором «Епархиальных ведомостей».

Его очерк о холере — страшный эпос о беспомощности врачей, недостатке священников и гробов, отсутствии водопровода. О том, как выглядят умирающие от скоротечной холеры. Об урожайном лете 1871 г.: дыни и арбузы, идущие в город из низовьев Волги, грозили заразой, но «бедный класс населения» покупал их. Уж очень все стало дешево.

Бедняки покупали холерные дыни. Кто-то расторопный их ввозил, сам рискуя жизнью.

Невзирая на вред от употребления сырых плодов, дешевка соблазняла бедный класс населения <...> прокладывала путь к новым заболеваниям... А в качестве санитарных мер по распоряжению полиции практиковалось иногда растапывание дынь на базаре полицейскими...²²

...В течение десяти дней (с 29 июня и по 8-е июля включительно) каждое кладбище принимало <...> от 30 до 42 покойников ежедневно. Эти тридцать-сорок гробов одновременно на одном кладбище представляли собою какую-то неопишуемую картину ужаса, к довершению стоустая молва обращала их в сотни и даже более.

<...> каждый из жителей ясно понял свою беззащитность <...> все хорошо видели, что все рекомендуемое врачами и аптекою <...> было бессильно в борьбе с неумолимым бичом человечества! <...> Каждый спешил исполнить христианский долг исповеди и св. причащения; каждый готовился к смерти; в течение двух недель Петрова

²¹ Тамбовские епархиальные ведомости. 1916. № 49 от 3 декабря. С. 1259.

²² Там же. С. 1240.

поста успел приобщиться почти весь город. Подъем религиозного чувства в это время был необычайный <...> каждый чувствовал над собою обнаженный меч Божий <...> Искренний нелицемерный пост, ежедневные причастники, густая стена богомольцев, прекращение всяких увеселений в городе — все это переносило в древнюю кающуюся Ниневию...²³

11 июля в Тамбов вошел крестный ход с чудотворным образом Богородицы из Вышенской пустыни в Шацком уезде. По преданию, после этого холера и пошла на спад.

Вот этот день — по памяти людей XIX в., чувствовавших жизнь не так, как мы.

Судя по свидетельству о. Алексея, это рассказ Василия Михайловича.

Картина встречи св. иконы, по словам очевидцев, не поддается никакому описанию <...> Многотысячная масса людей всякого возраста и звания занимала все видимое пространство прямой Моршанской и прилегающих к ней улиц <...> все обратилось в слух и внимание... «Заступнице усердная — Мати Господа Вышняго» — вдруг послышалось издали пение, и св. икона на руках священнослужителей, плавно подвигаясь, приближалась к городу <...> Всеобщее молитвенное одушевление было необычайное; все людское горе стремилось повергнуть теперь пред пречистые взоры Царицы Небесной свое израненное сердце <...> Все это сливалось в какой-то общий молитвенный стон...

<...> Чудотворный образ, меж тем, медленно подвигался среди сплошной стены граждан по направлению к Казанскому монастырю...²⁴

«Обнаженный меч Божий» еще не раз закачается над городом и страной. Но так содрогаться в горе и вере наша необъятная Ниневия уже не будет.

Через полвека от того мора — в Казанском монастыре будет расстрельный плац и концлагерь. В 1921 голодном году заключенных снимут с пайка. Суровый обед насельников «Работного дома» 1880-х — два фунта хлеба, щи с мясом, каша — будет недостижимой мечтой и для вольных горожан. А 30–40 трупов в день станут в ка-

²³ Там же. С. 1238, 1243–1244.

²⁴ Там же. С. 1245–1246.

кие-то месяцы Гражданской войны привычной картиной. Без гробов: их, похоже, не будет вовсе.

Ту самую чудотворную икону из Вышенской пустыни в 1918 г. арестует чрезвычайка в Шацке. Чтоб не носили ее крестным ходом по уезду, не просили спасения от «испанки».

Крестьяне узнали о глумлении, произведенном в Ч.К. над иконой: «плевали, шваркали по полу», и пошли «стеной выручать Божью Матерь». Шли бабы, старики, ребятишки. По ним Ч.К. открыла огонь из пулеметов. «Пулемет косит по рядам, а они идут, ничего не видят, по трупам, по раненым, лезут напролом, глаза страшные, матери детей вперед; кричат: Матушка, Заступница, спаси, помилуй, все за тебя ляжем...»²⁵.

Мы родимся с этим в крови. С железными нервами: как из колючей проволоки.

Но до нас еще век. До революции полвека.

А пока: ушла холера. Четыре купца-строителя — Носов, Аносов, братья Ашурковы — возводят на Базарной площади Тамбова Христорождественский собор.

<...>

В 1933 г. собор был закрыт. В 1939 г. — разобран. От образов 15-метрового иконостаса, блеска серебра в ризнице, жемчуга плащаницы и афонского ковчежца не осталось, кажется, ничего. Нет и фото интерьеров.

Только пылкая хроника о Цветаева: сквозная резьба Царских врат была — лозы винограда и колосья. Хранилось в ризнице серебро-вызолоченное праздничное Евангелие работы мастеров Овчинникова: Христос и четыре евангелиста на лицевой крышке, явление воскресшего Господа Марии Магдалине в Гефсиманском саду на оборотной. И другое Евангелие, фирмы Постникова: с сошествием Христа в ад.

А плащаница, шитая жемчугом, куплена на Московской мануфактурной выставке 1865 г. у фирмы Шандрина за 4000 руб. Какова была плащаница — нам не узнать.

В 2018 г. в Тамбове за торговым домом «Альянс» у магазина «Евролайн» прошли раскопки²⁶. Археологи нашли фундамент Христо-

²⁵ Мельгунов С.П. Красный террор в России. Нью-Йорк: BRANDY, 1979. С. 103.

²⁶ Чернышева Т. В Тамбове собираются построить еще одну церковь / Комсомольская правда. 2018. 14 авг. URL: <https://www.tambov.kp.ru/daily/26867/3910298/?ysclid=lecx2llu7m464698734> (дата обращения: 26.02.2023).

рождественского собора. Ныне там сруб часовни. Жестяная кружка в притворе зовет жертвовать на воссоздание храма.

...И не хочу я вступать в ученый спор: а водопровод был Тамбову нужнее! Возможно. Но размахистое усердие купцов-храмоздателей 1870-х — пролог к работе на голоде 1891 г., к расцвету российского Красного Креста, к клиникам и земским МТС 1900-х.

Общество российское, как любое общество, созревало в поколениях. Не успело.

Среди наград Василия Михайловича (многочисленных, утраченных) была *«темно-бронзовая медаль на Александровской ленте для ношения в петлице в память коронавания Их Императорских Величеств 15 мая 1883 года»*²⁷.

Послужной список в РГИА поясняет: был гостем коронации Александра III, ассистентом городского головы Тамбова. Они представляли торгово-промышленное сословие губернии. Но кабы не Исторический архив, потомки купца не знали б об этом.

О присутствии патриарха семьи на коронации молчали даже самые храбрые из них.

15 мая началось салютом в 101 выстрел со стен Кремля.

<...> Императорская чета вышла на Красное Крыльцо и, по старинному обычаю, трижды земно поклонилась многотысячной толпе, стоявшей в Кремле <...> начиная с Ивана III, все русские Цари выражали свою готовность служить народу этими тремя земными поклонами со ступеней Красного Крыльца.

<...> Восемь генерал-адъютантов держали над Государем красный с золотом балдахин; восемь камергеров держали такой же балдахин над Императрицей...

<...> Дворцовые гренадеры в формах 1812 года и в медвежьих шапках стояли вдоль пути царского следования. С колокольни Ивана Великого раздался тяжелый удар большого колокола, и тотчас же вслед за ним сорок сороков московских храмов начали торжествен-

²⁷ РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1124. Л. 532–534. Также В.М. Аносов получил: *«Золотую медаль на Аннинской ленте <...> по должности члена Учетного комитета Тамбовского Отделения Государственного Банка; Золотую медаль на Андреевской ленте для ношения на шею; Орден Св. Станислава 3-ей степени <...> по должности ктитора Тамбовского Реального училища (1889); Орден Св. Анны 3-ей степени <...> 1893 г. по ведомству Министерства Внутренних дел». В 1895 г. представлен к ордену Св. Станислава 2-й степени «за десятилетние безвозмездные труды в податном присутствии». («Будучи знаком с ходом торговли и промышленности в Тамбовской губернии, он оказывает весьма полезное содействие», — поясняет служебный формуляр.)*

ный перезвон <...> Глядя с высоты вниз на океан мелькающих рук и непокрытых голов, я видел и лица, мокрые от слез. Я сам старался проглотить слезы, волнение сдавило мне горло, — Россия в эту минуту во мне победила кавказца [7, с. 62–63].

Коронация Александра III... Блеск парадного въезда из Петербурга в Москву. Церемония в Успенском соборе — и звон от Ивана Великого до монастырей на заставах. Ожидание императора в Большом Кремлевском дворце. Сияние риз, золотое шитье придворных и гвардейских мундиров, полосатые шелка среднеазиатских халатов, серебро казачьих газырей, ордена послов и иностранных принцев. Бриллианты дам.

Все это напишут Поленов, Крамской, братья Маковские, Верещагин, Саврасов.

Коронационный обед в Грановитой и Золотой палатах на 500 персон. К закуске — беломорская семга, волжская стерлядь, байкальский омуль, якутская нельма: 15 сортов отечественной рыбы, от Балтики до реки Лены. Перепела, заливное из раков, спаржа...

И те самые темно-бронзовые памятные медали участников коронации, одна из которых была у В.М. Аносова. В конце этого обеда их и вручали гостям.

Горит вечером иллюминация Кремля, Красной площади, Александровского сада, зданий на Воздвиженке, Знаменке, Тверской по проекту инженер-подполковника Фабиуса. Она электрическая — московская иллюминация мая 1883-го! (Напомню: в 1882 г. Т. Эдисон начал электрификацию Нью-Йорка.)

Звенят новенькие серебряные коронационные рубли с профилем Александра III. Идет в Большом театре «Жизнь за царя». В финале на сцене — «Все народы России» (апофеоз).

Царская ложа блещет. Городские головы с ассистентами осанисто сидят в партере.

На второй день коронации Первопрестольная дает в Большой Московской гостинице обед городским головам и их ассистентам. Там городской голова Москвы, философ — и тамбовский помещик — Борис Николаевич Чичерин гремит, призывая, *«чтобы нынешнее наше собрание не прошло бесследно, чтобы оно было началом единения земских людей на пользу отечества»*²⁸.

²⁸ Чичерин Б.Н. Речь Б.Н. Чичерина, московского городского головы, 16-го мая 1883 г. / предисл. Р.Р. Berlin: В. Behr's Verlag, 1883. С. 19. Речь философа (умная, точная пророческая) была сочтена крамолой.

Старая Россия была крепостная, и все материалы были страдательными орудиями в руках мастера; нынешняя Россия — свободная, а от свободных людей требуется собственная инициатива и самостоятельность. Без общественной самостоятельности, все преобразования прошедшего царствования не имеют смысла²⁹.

Именно самостоятельность и единение видятся Чичерину залогом победы в борьбе с «*собственными своими сынами, посягающими на мирное и правильное <...> развитие*»³⁰ страны.

Увы: за эту речь Чичерин был назавтра снят с поста городского головы Москвы. Его точные, умные диагнозы удалось издать только в Берлине. Неподцензурно.

Все здесь сходится в единый русский узел. Да, расцвет. Тяжелое, грозное, растущее на глазах хлебное, конное, угольное, золотое, рельсовое богатство. «*Единение земских людей на пользу отечества*». Кипение речей. Жесткая рука державы. Подземные толчки. Страна дрожит, набирая скорость. Коронация 1883 г. — апофеоз. Что будет дальше?

Великий князь Александр Михайлович (в будущем — отец русской военной авиации и автор отличных записок) видел коронацию подростком. Он вспоминал, как потрясены были мощью и блеском он, его братья-сверстники и кузен — цесаревич Николай:

18 мая Император отправился отдохнуть в свою резиденцию под Москвой — Нескучное, расположенную на берегу Москвы-реки под сенью векового парка.

Лежа в высокой, сочной траве и слушая пение соловьев над нашими головами, мы четверо — Никки, Жорж, Сергей и я — делились между собою тем совершенно новым, поразительным чувством спокойствия, полной безопасности, которое было у нас в течение всех коронационных празднеств.

— Подумай, какой великой страной станет Россия к тому времени, когда мы будем сопровождать Никки в Успенский собор, — мечтательно сказал брат Сергей.

Никки улыбнулся своей обычной мягкой, робкой, чуть-чуть грустной улыбкой³¹.

²⁹ Там же. С. 21.

³⁰ Там же. С. 19.

³¹ См.: [7, с. 65].

Это был пикник смертников на Москве-реке. Троиш из четверых мальчиков Романовых, лежавших тогда в майской траве Нескучного сада, расстреляют в Гражданскую.

Сотни тысяч судеб будут связаны с ними. Миллионы пойдут следом.

Вот еще награда «купца Аносова»:

В бытность губернским гласным и уполномоченным Тамбовского Губернского Земства, собранием оногo, в постановлении 13 декабря 1892 года выражена благодарность за весьма существенную пользу в качестве уполномоченного по покупке хлеба, и <...> пожалован в 18 день февраля 1893 года орденом Святой Анны 3-ей степени³².

Василий Михайлович был уполномоченным по закупке хлеба для голодающих в самый страшный недород конца XIX в.: голод 1891–1892 гг.

«Единение земских людей на пользу отечества» проявилось в это время. Хотя Россия лишь училась *технологиям помощи*. Но продовольственные ссуды получали 11,9 млн крестьян. Был на несколько месяцев запрещен экспорт зерна из России. Общие расходы «казны» на спасение голодающих составили около 146 млн руб. Общественные работы тех лет признаны неудачными, но все же — дороги, мосты, уездные элеваторы страна получила. А крестьяне-работники получили прокормление.

Правительству и земству сопутствовала работа общества. Устройство столовых, которому тогда уделил столько сил Л.Н. Толстой, — и тысячи сограждан последовали его примеру. Бесплатные и льготные перевозки зерна «по маркам» Красного Креста. Многотысячные пожертвования Юсуповых, Романовых «младших ветвей», Столыпинных — и посильные вклады иных соотечественников (так, Ключевский издает в пользу голодающих чудесную книгу «Добрые люди Древней Руси»).

Самый известный — и героический — эпос работы на голоде в Тамбовской губернии — столовые Приютинского братства, кружка молодых ученых и начинающих политиков. Среди них: Владимир Вернадский, Федор и Сергей Ольденбурги, Иван Гревс, Иван Петрункевич, Дмитрий Шаховской, Александр Корнилов. «Кормят» в Моршанском и Кирсановском уездах, неподалеку от

³² РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1124. Л. 534.

усадьбы Вернадовка. Корнилов (в будущем — известный историк) в 1893 г. выпустит очень емкую книгу «Семь месяцев среди голодающих крестьян»³³. Труд реального устройства столовых в деревнях и школах, поиск дешевого помола и дров, выпечка хлеба, перевозки, закупка скота взамен павшего и съеденного... Сбор пожертвований: 40 коп. от двух учениц Строгановского училища, 2 руб. от профессорской кухарки, 30 000 руб. от великого князя Николая Михайловича... Список в книге длинен.

И страшный контраст между Россией коронации, блеском соборного убранства, электричеством на Невском проспекте с 1884 г. — и полуразобранными на дрова дворами, сиротами пяти-семи лет, о которых нельзя читать спокойно, голыми стропилами изб: солому съел скот, — судьбами:

Панкратий Жучков, с шестью несовершеннолетними детьми, ездил побираться, вернулся больным, харкает кровью; привез с собою 30 фунтов хлеба кусочками. Для топки разбирает двор; лошадь и корову кормит ветками с ветел³⁴.

Помянуты и крестьянские дворы с семью лошадьми, пятью коровами.

В том же уезде — имение бывшего министра двора, коннозаводчика И.И. Воронцова-Дашкова. Дочери графа руководят столовыми в своей волости всю голодную зиму.

Еще ближе к Вернадовке село Громок. Здесь столовые в голодный год создала тридцатилетняя художница Мария Федоровна Якунчикова, урожденная Мамонтова — племянница Саввы Мамонтова, «прикладница» из круга мастеров Абрамцева.

В соседнем селе Соломенка Якунчикова открыла после голода артель вышивальщиц. Цель была скромная: восстановить поголовье павшего и съеденного скота. Материалы и эскизы (свои, Елены Поленовой, Натальи Давыдовой) она привозит из Москвы. Крестьянки вышивают. Готовые работы продаются в Москве: в 1890 г. Якунчикова и Елизавета Мамонтова, мать *девочки с персиками*, открыли на Петровских линиях «Магазин русских изделий». Коровы и лошади куплены вышивальщицами за год. Затем — построены школы в Соломенке и Громке. Но женская артель продолжает труды.

³³ См.: *Корнилов А.А.* Семь месяцев среди голодающих крестьян: Отчет о помощи голодающим некоторых местностей Моршанского и Кирсановского уездов, Тамбовской губернии, в 1891–92 г. М.: Тип. Д.И. Иноземцева, 1893. 231, 36 с.

³⁴ Там же. С. 19.

В 1900 г. их вышивки награждены на Всемирной выставке в Париже. М.Ф. Якунчикова получает и орден за организацию русского Кустарного отдела. В 1912 г. в моршанском селе открыта фабрика ковров, бисерного шитья, кружева.

Субсидия Министерства земледелия кустарям Соломенки — 400 тыс. руб.

После революции М.Ф. Якунчикова сослана. В конце 1920-х эмигрирует. Умерла в 1950-х в Русском старческом доме под Парижем, в бедности и болезнях.

...Были судьбы и печальней. Главный донатор Вернадского и его друзей в тот голодный год, великий князь Николай Михайлович (известный историк, составитель великолепного пятитомника «Русские портреты XVIII и XIX столетий», пылкий либерал) — расстрелян в январе 1919 г. в Петропавловской крепости.

По легенде: к стенке по снегу он шел босой. Сапоги снял сам, отдал конвоиру, усмехнувшись: «*Носи. Царские...*». Его «Русским портретам» цены не сложить: многие полотна погибли в пожарах двух революций.

И все же еще раз: единение столь разных людей в спасительной миссии поражает. Хотя и изрядно забыто. Но оно лишь поддерживало работу государства и земств на голоде.

«Казна» кормит в голод 1891–1892 гг. 11,9 млн душ по России. Земства закупают и перевозят хлеб на выделенные им субсидии.

В Тамбовской губернии помощь в тот голодный год получают 1 286 672 человека.

На закупку хлеба и посевных семян земство в 1891–1892 гг. расходует 7 044 389 руб.

Молодой либерал Корнилов признает: «казенные» выдачи муки (с ноября 1891 г.) и посевных семян сыграли огромную роль в спасении от голода. С декабря 1891 г. губернское земство выдавало в бедствующих местностях 30 фунтов муки на человека ежемесячно³⁵. («Паек» не получали мужчины 18–55-летнего возраста и дети до 5 лет³⁶.) Эти выдачи обеспечивали примерно на две трети потребности голодающих. Далее была нужна частная помощь.

---

³⁵ Тамбовская губернская земская управа. Отчет Тамбовской губернской земской управы по продовольственной операции 1891–92 гг.: Общий сравнительный обзор заготовок хлебов и выданных ссуд. Тамбов: Губернская земская тип., 1892. С. 26.

³⁶ Корнилов А.А. Семь месяцев среди голодающих крестьян... С. 16.

А вот качество посевных семян «от казны» (по крайней мере, в Моршанском уезде) историк ругает ругательски. Само земство в отчете другого мнения³⁷.

Рожь, пшеница, сурожь, просо, ячмень, кукуруза, отруби, горох, картофель... Всего Тамбовское земство заготовило тогда 6 050 235 пудов «хлебов»³⁸. Миллионы пудов по относительно сходной цене (в неурожайный-то год) нужно было искать и перевозить.

Почти треть нужного провианта пришлось добывать за пределами губернии.

Вот эту работу и вел для губернского земства в 1891–1892 гг. наш В.М. Аносов. Он был не единственным уполномоченным, но его доверенные лица находили и закупали зерно вдоль Лозово-Севастопольской и Екатерининской железных дорог.

«...Из Мелитополя, Геническа и других пунктов» в губернию только осенью 1891 г. пришли 1087 вагонов: Аносов закупал пшеницу и рожь, купец Фрейденштейн — ячмень³⁹. Продолжалась кампания почти год (земские закупки начаты еще летом 1891 г.). Подробный отчет поминает все накладные расходы и хлопоты: вагоны, речные и гужевые перевозки, амбары, караул, перегрузку, помол, мешки (большой расход!), почту...

Для Аносова эта работа, естественно, была безвозмездной.

К осени 1892 г. голод и спутники его, тиф с холерой, в губернии побеждены. Огромным общим усилием. Печеный хлеб на базарах вновь стоит 2,5 коп. фунт.

По семейной легенде — после работы на голоде тамбовский губернатор В.П. Рокасовский предлагал промышленнику Аносову хлопотать о дворянстве.

Василий Михайлович, прошедший за 25 лет путь от прасола, купеческого сына III гильдии, в потомственные почетные граждане, — отказался со словами: «Нас и так знают».

<...>

³⁷ См.: Корнилов А.А. Семь месяцев среди голодающих крестьян... С. 166–168; Отчет Тамбовской губернской земской управы по продовольственной операции... С. 52–55.

³⁸ Отчет Тамбовской губернской земской управы по продовольственной операции... С. 32.

³⁹ Там же. С. 42.

*Бывший дом Аносовых на Большой (ныне Советская) ул. Тамбова
The former house of the Anosovs on Bolshaya (now Sovetskaya) street of Tambov*

Доктор Аносов на Первой мировой войне

<...> Доктор приехал в Тамбов в последний отпуск зимой 1916 г. Сказал отцу:

— *В армии брожения. Я слушаю разговоры раненых: мне страшно.*

Осенью 1914 г. на патриотическом подъеме русские возвращали вклады из банков Европы в надевшее шинели Отечество. П.А. Бурышкин в «Москве купеческой» свидетельствует:

Тогда и в голову не могло прийти, что можно переводить деньги за границу, настолько это казалось непатриотичным. В московских общественных кругах такое мнение было единодушным, исключения были чрезвычайно редкими <...> Конечно, после советского переворота настроение изменилось [6, с. 338–339].

У Аносова-отца были счета в британских банках. Конечно, в начале войны он вернул деньги домой. Как все.

В том же декабре 1916 г. депутат Александр Аносов, член Прогрессивного блока и четырех комиссий Думы, пишет со звонким негодованием: «...*Наши старания направлены только к тому, чтобы*

скорее одолеть врага. Об этом же мы слышим и от власти, но получается что-то другое. Наступают все новые разрухи, отдаляющие нас от победы. Пора уже власти признаться в этом и уступить место другим людям»⁴⁰.

А его брат-хирург (два ордена, Георгиевская медаль, лазарет на 500 душ в 15 верстах от передовой, два года на фронте) просит отца: *вернуть капиталы в Англию*. Просит собрать женщин и детей семьи (женщин было пятеро, детей от семи лет до полугода — шесть или восемь, смотря какие ветви считать) и отплыть с ними в Британию до конца войны. Молодые мужчины Аносовы, конечно, останутся в России.

И этот единственный путь в Европу был опасен: минные поля в море, германский флот.

Но госпитальные разговоры, видимо, казались доктору Аносову страшней. Те, чьи ноги годами *«утопали в окровавленном и гнойном перевязочном материале»⁴¹*, в глине окопов, — начали понимать степень усталости, ожесточения, безумия этой войны.

Что он слышал в палатах нижних чинов (пусть и образцовых)? То же, что запишет сестра милосердия Софья Федорченко для своей книги «Народ на войне» (1917)?

Как начну не про вещи думать, голова загудит с непривычки. А я помаленьку: сперва про наше про гореванье, на другой разок — про ихнее измыванье...

<...> А наш депутат револьвер вынул, говорит, застрелится, как уйдем (с позиций. — Е.Д.). А пускай его. Лучше одному под пулей-то гинуть, а нас дома ждут.

<...> И выходит на тех счетах — им с нами вовек не расплатиться. Целыми гнездами до исконных дедов нас в черном несчастье держали. Что теперь ни отдай — всего мало.

<...> Зло-то ровно огонь: тогда помрет, когда все сожрет [16, с. 91, 105, 113, 96].

Но человек в обношенном кителе, наголо обритый (на фронте — тиф) не мог дать услышать дальний, как обстрел, гул будущего — человеку в крахмальных воротничках старых истин, патриоту и филантропу, помещику, церковному старосте.

Николай Васильевич, раздумяившись от гнева, ответил:

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1063. Л. 1301.

⁴¹ Волконский С.М. Последний день: Роман-хроника. Берлин: Медный всадник, 1925. С. 396.

*Рождество 1917 года: последний детский праздник у Аносовых
Christmas 1917: the last children's holiday of the Anosovs*

— Да! Я слышу, как далеко зашли брожения в армии! Если ты, мой старший сын, смеешь мне предлагать...

Никто капитал в Лондон не возвратил. И с полудюжиной детей туда не уехал.

Доктор Аносов рассказал о разговоре только жене Прасковье. Прасковья старшему сыну в 1940 г.: она вернулась в Тамбов из ссылки, он — из ГУЛАГа. Дядюшка в XXI в. — мне.

Четырехлетняя Татьяна всю жизнь помнила прощание с отцом в 1916 г.

Она играла одна в гостиной: кадки с пальмами были джунглями, под роялем мерцала пещера. Вошли родители. Отец уже в форме, мать с оренбургским платком на плечах.

Прасковья плакала. Владимир обнимал ее за плечи.

Они встали вдвоем у высокого окна. У тройного венецианского окна с полукруглыми навершиями — в тяжелом купеческом дубе, в добротной белизне рам, запертых на зиму.

Татьяна поняла: мешать не надо. Молчать. Смотреть из-за латаний, из-за жесткого веера арековых пальм. Но пронзило так, что помнила семьдесят лет спустя:

— Вот что красивей всего на свете: мужчина в мундире обнимает женщину в накинута на плечи белом платке. Они стоят у окна. За стеклом идет снег.

...Как это было красиво, Алена⁴²! Как красиво! Как красиво!

Подали лошадей. Все вышли прощаться. Отец уехал.

<...>

Тамбов. 1918 год. Расстрельная камера, ночной эшелон

...Топот ног, хохот, ругань. Звонкий голос из темноты:
«Не беспокойтесь, мамаша, это реквизиционный отряд
с обыском пришел!»

<...> Пляшет огарок. Огромные — на стене —
тени красноармейцев.

М. Цветаева.

С сентября 1917 г. в Тамбовской губернии описывали и ставили на учет крупные имения: ждали национализации земли Учредительным собранием.

6 января 1918 г. «Учредилка» разогнана.

В губернии длится робкое двоевластие. В январе 1918 г. еще действует «аппарат» комиссара Временного правительства.

22 января Н.В. Аносов в союзе со своим поверенным в делах И.И. Маркеловым пишет туда жалобу: Никольско-Кабаньевская волостная комиссия по учету частновладельческих имений описала Софьевку, «не имея к тому никакого законного основания или повода...» [12, с. 320]⁴³.

Ответа не будет. 22 февраля губернский совет депутатов упразднит губернскую земскую управу. Управа даже не сразу поверит в это...

Затем начинают сбываться страхи из челобитных Керенскому лета 1917 г.

С февраля 1918 г. в Тамбове белый хлеб — только по рецепту врача [11, с. 35].

⁴² Алена, т. е. Е.А. Дьякова, автор данного текста, которой ее бабушка (Татьяна) рассказывает семейную легенду (*примеч. ред.*).

⁴³ Судя по иным материалам сборника «Крестыянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): Документы и материалы» (см.: [12]), присяжный поверенный Иван Иванович Маркелов представлял интересы и А.Н. Нарышкиной (Чичериной). Значит — по определению был одним из ведущих юристов города. Но в 1918 г. его профессионализм и опыт уже никому из доверителей помочь не могли.

В апреле 1918 г. председатель губсовдепа С.А. Евфорицкий пишет: «*Финансовое положение губернии приняло исключительно тяжёлый [характер]. Земские больницы, школы накануне закрытия...*» [12, с. 338].

14 мая 1918 г., за месяцы до декрета о продразверстке, центральная газета «Свобода России» сообщает:

Недавно волостной Совет с. Мучкап Борисоглебского уезда задержал 11 вагонов хлеба, адресованных для Тамбовского Совета <...> для отобрания хлеба был послан специальный отряд из 300 человек с 11 пулеметами и трехдюймовым орудием <...> по селу было сделано несколько выстрелов шрапнелью высокого разрыва. Крестьяне сдались и позволили взять хлеб [12, с. 342].

Весной по тамбовским селам бродят слухи: «...*Красная Армия будет грабить их, граждан, хлебом, скотом, птицей, маслом <...> а также будет приказывать, чтоб курица несла по несколько яиц в день*» [11, с. 55].

17–19 июня губерния взорвется новым бунтом новобранцев. Теперь — мобилизованных в Красную армию.

О «недовороте» (так окрестили эти дни в Тамбове [9, с. 277]) написана книга В.В. Канищева и Ю.В. Мещерякова «Анатомия одного мятежа: Тамбовское восстание 17–19 июня 1918 г.» (см.: [11]). Новобранцы, забритые в Красную армию, офицеры, что еще оставались в городе, тамбовские правые эсеры, недавние члены губернской земской управы, генералы «на покое» образовали причудливый и непрочный союз. Но — заняли штаб красных в синема «Колизей» (бывшее Дворянское собрание) легко, после пулеметной перестрелки.

«Бывший» Тамбов воспрял. На Большой улице засверкали трубы полкового оркестра. Начались гулянья... Новобранцы разошлись по селам. Офицеры — душ триста — остались.

20 июня из эшелона высадилась тысяча красных кавалеристов под командованием Васо Киквидзе. Синема «Колизей» отбили назад. Начались аресты и расстрелы.

Свидетель в совдепе уездного Кирсанова докладывал:

Прибыл отряд под командой Киквидзе <...> который сразу принял действия с этими контрреволюционерами. Главное офицерство, которых (так в тексте. — В.К., Ю.М.) он расстрелял за стан(цией) Тамбов — 260 человек, да еще во время пути к Тамбову ему встре-

чались бежавшие офицеры из Тамбова, — он их расстреливал. По его объяснению, по дороге было расстреляно 26 человек офицеров, да в числе расстрелянных офицеров в городе Тамбове был зарублен шашкой один священник, который признался, что стрелял из пулемета (цит. по: [11, с. 237–238]).

Расстреливали и в казармах верных большевикам полков.

И просто: «...за *Кривым мостом по Рассказовской дороге* <...> был поднят труп неизвестного мужчины, на вид около 20 лет; судя по одежде, он был офицером» (цит. по: [11, с. 238]). Бумаг при нем не было.

Свидетельство петербуржца, штаб-офицера с «Георгием» — Антона Окнинского:

В июне 1918 года был арестован Тамбовской чекой по обвинению в обезоруживании на улицах города красногвардейцев во время эсеровского восстания и заключен в подвал при той же чеке <...> В подвале вместе с другими <...> арестованными офицерами <...> просидел около трех месяцев.

<...> Дни проводил вместе с другими арестованными в <...> работе по очистке выгребных ям в городе <...> и каждую ночь ожидал своей очереди для вывода на расстрел.

Чистое белье не позволяли принимать от приносивших его. Позволяли это только тем, которые в предстоящую ночь подлежали расстрелу. Поэтому получение чистого белья было равносильно смертному приговору [14, с. 62].

Свидетельство Сергея Волконского (из книги «Мои воспоминания. Родина»):

В губернском городе представителей дворянства, помещиков, профессоров, учителей гораздо больше, чем в уездном, и потому большевистские расправы занимали <...> больше места в губернской жизни, чем в уездной; масштаб их был шире, имена расстрелянных не сходили с уст. И ужасные подробности! Кто-то лесом проходил и видел несколько трупов недавно расстрелянных; лежали в куче, а один не был добит и, лежа лицом к земле, рукой судорожно ерзал по груди, все крестился, крестился... [9, с. 276]

Свидетельство Владимира Вернадского — его дневник января 1920 г.:

Вчера Соня [Бакунина] рассказывала свои переживания в Тамбове более года назад. Кошмар такой жизни так стоит ярко <...> Вся моя земская деятельность в Тамбове встает передо мной, как что-[то] далекое, далекое [8, с. 22].

Васо Киквидзе, командир этой карательной операции, погибнет в январе 1919-го. В 23 года. Комиссар той же «тыщи» красных конников, матрос Анатолий Железняков (да, именно тот, у которого «караул устал»), погибнет в июле 1919-го. Ему будет 24.

Имя Киквидзе посейчас носит улица в Тамбове, ведущая из предместья к вокзалу. Ад столетней запущенности прикрыт яркими билбордами BMW, рекламой моторных масел. Улица упирается в старый пакгауз, глухую кирпичную стену «за стан(цией) Тамбов».

Не здесь положили 260 душ? На черном рубероиде крыши криво написано: «СОЛЬ».

...Конец июня 1918-го. Допросы в Тамбовской ЧК.

Красногвардеец В.И. Погонялин, который был арестован повстанцами <...> сообщал также, что заметил в повстанческом штабе своего сослуживца по полку офицера Аносова. «Он, — отмечал свидетель, — тамбовский житель, сын богатых родителей, дурак и недоучка» [11, с. 184–185].

Оставим «дурака» и прямой донос на классовой совести товарища Погонялина. Но младший из братьев Аносовых, Николай, и вправду не окончил курс, вышел из университета. Погонялин мог встретить у повстанцев Аносова другой ветви. Но «наши» Александр и Николай летом 1918 г. — в Тамбове. Арестованы. Спас их большевик Михаил Чичканов.

Член РСДРП с 1908 г. Знакомец Марии Ульяновой. Окончил Тамбовское реальное училище. Петербургский политехнический институт окончить не успел: ушел в революцию. К лету 1918-го — председатель губисполкома. На фото его — хорошее студенческое лицо.

Я слышала в детстве: отец Чичканова был объездчиком на конном заводе В.М. Аносова и разбился насмерть. Василий Михайлович платил пенсию вдове, выучил двух сыновей в реальном училище. Михаилу помог учиться и в Петербурге. Ждал его в Софьевку инженером.

У дяди Володи версия другая: *«В Тамбове была домоправительница. Анна Ивановна. У нее ключи были, вызов телефонный, горничные. Утром деду варила кофе. В таком громадном кофейнике. Сама молола ему этот кофе.*

А племянник ее, Чичканов, был в Тамбове главковерхом. И когда дядю Колю и дядю Сашу арестовали, обратились через Анну Ивановну к нему. Он приехал и говорит: “Я могу их освободить. Но чтобы через сутки их в Тамбове не было”».

Ночью делили на четыре части не отобранные при обысках побрякушки. Перекусывали сахарными щипцами цепь от часов городского головы. Дети радовались: *«Ехать куда-то — интересно!»* Няни плакали, складывая вещи.

В эшелоне с ними ехал в ту ночь господин, которого дети Аносовы помнили сорок лет. Он был сед, спокоен. Шутил. Нашел для них шоколад в кармане шинели.

...Ночь, спешка, эшелон. Расстрельная камера у отца за плечами. Уже в 1950-х гг. Надежда и Галина Аносовы спросили мать: был человек в солдатской шинели — или примерещился им в лихорадке бегства?

Клавдия Алексеевна кивнула: *«Князь Волконский».*

Вероятно, Сергей Михайлович. Из четырех братьев, внуков декабриста, именно он пережил в Тамбове «недоворот» и вскоре покинул город.

Спаситель братьев Аносовых Михаил Чичканов погибнет через год. Осенью 1919 г. он уехал на охоту в Кирсановский уезд: бродил у реки Вороны с ружьишком, без охраны. Убили его восставшие против Советской власти крестьяне. Первые антоновцы. И жестоко. Комиссару Чичканову было 29 лет. Через два года тамбовские антоновцы примут жестокую смерть от Тухачевского. А Тухачевский примет смерть... Ой, хватит.

Тамбов, осень 1918-го. Александр и Николай с семьями покинули город. Владимир со своим лазаретом — где-то на Юге. Писем нет. Николая Васильевича многократно арестовывали, держали несколько дней и выпускали за мзду. Последний раз пришел — штаны веревкой подвязаны. Потом их выселили из дома на Христорожественской: седого промышленника, невестку Прасковью и детей — девяти, шести и трех лет.

Первое воспоминание младшего — трехлетнего Сергея: мать тащит вниз по лестнице тяжелый сундук. На ступеньках молча стоят чужие в шинелях и островерхих шапках.

Лестница — та, по которой в марте 1917-го летела вверх красавица Наталия с криком: *«Пана! В Петрограде революция!»* Между сценами «вверх и вниз» — полтора года.

Когда дом Аносовых реквизировали, Прасковья с детьми ушла на Кирпичную улицу к родителям, Порфирию Никандровичу и Елизавете Дмитриевне. Скромное происхождение из тамбовских мещан православного вероисповедания спасло кирпичного фабриканта Ефимова. Да и жили в небольшом доме сам-девять: родители, четыре дочери, трое внуков Аносовых. Их не выселили.

По семейной легенде, когда завод пришли национализировать, рабочие Порфирия Никандровича пытались защищать его от Красной гвардии. Но силы были неравны.

Часть кафельщиков-кирпичников осталась жить в бывших цехах. Вместе с семьей хозяина растили картошку. При НЭПе Ефимов пытался возродить производство. Однако... сломался дизель, гордость завода: на него фабрикант когда-то долго копил.

И нужна-то была мелкая деталь! Но ни купить ее заново, ни выписать из столиц, ни выточить на месте в Тамбове 1920-х было уже невозможно. Дизель погиб навек.

Порфирий Никандрович с рабочими мешал глину, лепил кирпичи вручную: так он начинал полвека назад. Но быстро в методе отчаялся. Сказал: *«Надсмешка одна...»* — и умер.

Кое-где на фасадах старого Тамбова «кафель Ефимова» блестит до сих пор.

Елена, Ольга и Елизавета — сестры Прасковьи. Каждая на свой манер. Тихую конфузливую Ленушу почему-то рано взяли из гимназии. Огород и корова были на ней. Говорят: никто не умел так вкусно печь, томить, парить самую простую еду в русской печи.

Ольга была главная красавица. В 1910-х — декадентка, в 1930-х — богомолка. В войну — истовая пламенная прихожанка святителя Луки Войно-Ясенецкого. Бывала Ольга Порфирьевна и звана на чай к владыке, во флигель Зайцевых на Комсомольской улице.

На Елизавете Порфирьевне держалось все. Полвека она прослужила дантистом в железнодорожной поликлинике Тамбова. Даже получила орден Ленина в старости. Полвека работала инструмента-

ми: выписанным из Германии в конце 1900-х огромным комплектом золингенговской стали. И лучше тех ланцетов-скальпелей не было.

А железная дорога... это зарплата, паек, уголь. Каменная стена для всей семьи.

Вот она на фото — еще в частном кабинете 1910-х, на фоне за-тейливой бормашины. Гордая, полная надежд. Белый халат похож на античный хитон. Меандры по рукавам.

Был и жених у Лизы. Знаю только: был. Умер от чахотки. Деревянный дом Ефимовых над Цной давно снесен. Личные фото влились в семейный архив. Вот он, в бобровой шапке. Годится в персонажи Бунина. На паспорту: «Москва. Тверская, 37». На обороте: «*Арсений умерь 1913 года 25 мая. В 5 час. 25 м.*» И номер участка на Ваганьковском.

А ей: война, революция, гибель дизеля. Деньги, паек, уголь. Посылки в Яренск: сестре в ссылку. В Мариинск: племяннику в тюрьму. Полвека за прялкой бормашины: *жс-жс-жс...*

Читаю повесть «Цирк»⁴⁴ Маргариты Волиной о приюте 1920-х в доме Асеева над Цной: грязь, разруха, дизентерия, трахома, тиф, смерти. Читаю «Россию после четырех лет революции»⁴⁵ Сергея Маслова, о детдомах: то же в масштабе страны.

Прасковья знала: с ее детьми, даже при полном сиротстве, так не будет. У них есть сестры Ефимовы. Из мещан православного вероисповедания. Печь. Огород. Бормашина.

Когда Аносовых выселяли из дома, столовое серебро опечатали в кладовке. Вазы, ладьи-ендовы — призы сельскохозяйственных выставок... 84-я проба *уклада, уюта, устоя*⁴⁶: сахарные щипчики, чайники, улыбочивые ложки для соуса, кофейные с витым стеблом. Вилки со славянскими буквицами «М.У.» из приданого Марии Умняковой 1882 г.

Кто-то из слуг (они еще оставались в доме) рискнул головой. И ночью открыл кладовку.

За серебром поехала сестра Прасковьи, декадентка Ольга. С собой взяла племянников: Владимира и Татьяну — девяти и шести лет.

Дальше прямая речь девятилетнего дяди Володи:

⁴⁴ Волина М. Цирк. URL: http://samlib.ru/m/margarita_w/cirk.shtml (дата обращения: 26.02.2023).

⁴⁵ Маслов С.С. Россия после четырех лет революции: в 2 кн. Париж: Русская печать, 1922. Кн. 1. 206 с.; Кн. 2. 207 с.

⁴⁶ Межиров А.П. Тысяча мелочей: Лирика. М.: Современник, 1984. С. 218.

— У деда Порфирия был под Тамбовом кирпичный завод. Мы там жили практически во время ленинской этой баламутии. А у Аносовых каждую ночь обыски были.

За серебром, да... Я участник этой истории. С теткой и с нами с завода приехал кучер. Василий Иванович такой был. Погрузили в плетенки... Да ты Тамбов знаешь?

— Плохо.

— Ну: назад, на завод, ехать надо было мимо Интендантских складов. Там часовой стоял. Поехали. Он кричит: «Стой!». Василий Иванович был мужик крепкий — молча нахлестнул лошадь. Часовой выстрелил. Тут тетка расквасилась, мы встали.

Подходит: «Что там у Вас?» — «Везу двух детей в больницу. Вот их вещи». Вещички посмотрел: ничего там завидного нету... Поворошил рукавицей сено, глянул на плетенки: «Проезжайте».

Серебро из телеги Василия Ивановича продавали в 1920-х, сдавали в Торгсин в 1930-х. Письменным прибором *ар-нуво* со стола Н.В. Аносова поклонились двадцать лет спустя московскому чину НКВД с тамбовскими корнями. Чтобы перевел Владимира — подростка из той телеги — из сибирской тюрьмы в подмосковный лагерь.

Чин перевел его в Апрелевку, строить Киевское шоссе. Грех жаловаться.

Еще тамбовский слух 1918 г. по памяти Владимира:

— В Казанском монастыре, когда там была ЧК, их — семь человек — на расстрел вывели. Они перебили этот самый конвой. И как были, полуголые, переплыли реку.

А за рекой — посад. Сколь чекисты ни искали, ни одного не нашли. Так-то, милая моя...

<...>

Тамбов. 1920-е

Общий фон жизни — статистика. «Краткий обзор народного хозяйства Тамбовской губернии. 1921–1922 гг.»: 553 страницы — с подробностью и добротностью старой земской статистики⁴⁷. Собственно, «прежние кадры» справочник и готовили.

Даже по сравнению с 1917 г. запашка в губернии в 1921 г. *сократилась* на 22%. Удобрена лишь треть пашни. 43,6% хозяйств в Бори-

⁴⁷ Тамбовский губернский исполнительный комитет. Краткий обзор народного хозяйства Тамбовской губернии за 1921–1922 гг. Тамбов, 1922. 553 с.

соглебском уезде, 32,2% хозяйств в Кирсановском имели землю, не вспаханную частично или полностью. 8% хозяйств в Борисоглебском уезде пахали на коровах, а 14% хозяйств сеяли в 1922-м по «пожару», вовсе без вспашки [4, с. 171–172, 174]. Как вятичи и кривичи в древности.

Главная причина — резкое падение числа мужчин. И лошадей. Мужчин в губернии после Гражданской меньше, чем женщин, на 150 тыс. (в 1917-м было меньше всего на 12 тыс.⁴⁸). Лошадей уцелела половина: было свыше 623 тыс., осталось 339 тыс.⁴⁹

Из 122 больших и малых конных заводов к 1922 г. уцелело лишь три. Свиной в Тамбовской губернии — 26,8% от поголовья на 1917 г. По коровам и овцам — сходные цифры. Промышленное птицеводство уничтожено полностью. А до революции животноводство давало 44,6% дохода от сельского хозяйства губернии [4, с. 173–174].

В 1910–1911 гг. губерния произвела 1 859 022 пуда сахара. Из сахарной свеклы, выращенной здесь же. В 1922 г. — 65 189 пудов сахара, 3% «довоенной выработки» [4, с. 175].

«До войны» 17 масляных заводов губернии давали 418 900 пудов подсолнечного масла. В 1922 г. цел один завод. Это 30 694 пуда, 7,3% прежней выработки [4, с. 175].

«Тамбовский завод гжельного кирпича» в 1922 г. выдает 11,71–14,68% довоенной выработки [4, с. 176]. Так и по всей России.

...Общая продукция русской крупной промышленности упала в 1921 г. до 12–13% довоенной, население, благодаря неурожаю 1921 г., не было в состоянии приобрести даже такую ничтожную долю того количества товаров, которое потреблялось им в мирное время⁵⁰.

Прогнозы лета 1917 г. быстро сбылись.

Но если в 14 раз падает производство масла, в 33 раза — сахара, в 7 раз — резины и байки, что происходит с ценами на щипки, пряники и галоши?

В справочнике 1922 г. есть таблица «довоенных» тамбовских цен. Пуд ржаной муки стоил от 94 коп., картофеля — от 15 коп., растительного масла — от 5 руб. 15 коп., ядрового мыла — от 4 руб. 5 коп.,

⁴⁸ Статистический справочник по Тамбовской губернии. Год 3-ий. Тамбов: Пролетарский Светоч, 1926. С. 126.

⁴⁹ Краткий обзор народного хозяйства... С. 427.

⁵⁰ Там же. С. 475.

сахара — от 5 руб. 44 коп.⁵¹ С 1 октября 1921 г. дорожают: «продукты бакалея» — в 170 тыс. раз, «железные предметы, одежда и хлебные продукты» — 100–120 тыс. раз, «осветительные материалы, жиры и канцелярские принадлежности» — 70–80 тыс. раз, «дрова и предметы широкого потребления» — в 50 тыс. раз⁵².

Обыватель 1922-го на своей шкуре изучил динамику курса рубля в те годы. Соотнести рост цен с реальной инфляцией, прежний рубль с «лимоном» каждый мог сам⁵³.

...Отчетный год является периодом самого катастрофического за все время войны и революции падения курса рубля с 1 октября 1921 г. по 1 октября 1922 г. Общий уровень цен (индекс ЦСУ) поднялся в 92,4 раза...⁵⁴

Тамбовская губерния — не самая бедствующая в голодном 1922-м. Но все же «по состоянию на 1-е июня» в Борисоглебском уезде умершими от голода признаны 1456 человек. В Кирсановском — 935. В Тамбовском — 747⁵⁵. Составители справочника замечают: «...В начале 1922 года <...> население в буквальном смысле умерало от голода...»⁵⁶

При этом «твердое задание» по изъятию хлеба в Тамбовской губернии в 1921–1922 гг. составило 15,5 млн пудов. На общественное и детское питание в самой губернии — Центр оставил Тамбову 15 тыс. пудов⁵⁷. То есть 0,1% изъятых.

Власть народа делает все, чтоб передать школы, детские сады, больницы на кошт уездов, а чаще — «на содержание трудовому населению»⁵⁸. В 1921 г. сняты с пайка детские сады Тамбова. Снабжаются лишь дома ребенка: отмечен огромный наплыв в них «беспризорных и голодающих»⁵⁹.

В январе 1922 г. и концлагеря (их пять в губернии) переведены на самоокупаемость.

⁵¹ Там же. С. 485.

⁵² Там же. С. 476.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 475.

⁵⁵ Там же. С. 540.

⁵⁶ Там же. С. 499.

⁵⁷ Там же. С. IV–V.

⁵⁸ Там же. С. 27.

⁵⁹ Там же. С. 30.

С июля 21 г. фактически не получалось никаких денежных ассигнований <...> и в лагерях создалось критическое положение: голод и заболевания. Это обстоятельство заставило прибегнуть к широкой разгрузке заключенных⁶⁰.

Правда, методы «разгрузки» в справочнике названы нелегальные: освобождение, перевод в другие лагеря и побег⁶¹.

Но голод в концлагерях не мешает губернской власти издать в 1922 г. 313 циркуляров агитационного содержания. На это деньги были.

И в каждой главе справочника 1922 г. повторено заклинание: в происходящем виновны три кровавых контрреволюционных чудища. Мамантовский рейд (три дня, 18–20 августа 1919 г., «белые» были в Тамбове, 14–31 августа — прошли по губернии). «Бандитизм» (антоновское восстание). И неурожай 1921 г.

Статистика 1926 г. покажет: смертный голод отступил. Но и в расцвете НЭПа жизнь губернии бедна и сурова. Запашка середины 1920-х составляет 95,6% площади 1917 г.⁶² Резко упало число сеялок и жнеек. Молотилок и сенокосилок почти не стало. Зато растет число борон, особенно «железных и деревянных с железными зубьями»⁶³. Выявлена «тенденция к утайке числа кур»⁶⁴: народная власть обложила птицу налогом, о чем прежде не слыхивали.

Возрастает процент «двухлошадных» крестьянских хозяйств в губернии середины 1920-х — с 2,6% до 3,4%⁶⁵. Вот группировка крестьянских хозяйств по посеву в 1926 г.: без посева — 2,1%, с посевом до 2-х десятин земли — 25,4%, свыше 10-ти десятин — 1,1%⁶⁶.

Еще раз: это 1925–1926 гг. Единственное вольное десятилетие деревни.

Прошла денежная реформа. Заблестел советский червонец. Вот зарплаты «новыми» в Тамбове в августе 1926 г. Больше всех — 104,64 руб. в месяц — получают судьи. 93,48 руб. — зарплата врачей лечебных учреждений (21,87 руб. в месяц — заработок санитаров

⁶⁰ Там же. С. 513.

⁶¹ Там же.

⁶² Статистический справочник по Тамбовской губернии... С. 127.

⁶³ Там же. С. 135.

⁶⁴ Там же. С. 134.

⁶⁵ Там же. С. 139.

⁶⁶ Там же. С. 159.

и сиделок). Учителям причитается 46,62 руб.⁶⁷ Пособие на кормление ребенка — 4 руб. в месяц. Разовое — на рождение младенца — 10 руб.

При этом дотошные статистики 1926 г. подсчитали: на полноценное питание *одного человека* по ценам кооперации нужно около 100 руб. в месяц.

В губернии 1926 г. — 63 детдома. Правда, проживают в них лишь 4990 сирот⁶⁸.

Опубликованных воспоминаний о Тамбове 1920-х годов немного. Вот «Записки старого взрывника» С.А. Давыдова (см.: [10]). Автор — сын бывшего помещика Моршанского уезда, племянник бывшего председателя губернской Земской управы Ю.В. Давыдова. Пишет он сдержанно, с полной мерой достоинства. Из-за чего, скорее, смягчает обстоятельства.

В 1920-х подросток Степан Давыдов подрабатывает кольщиком в Тамбове на дровяном складе. Носит передачи отцу в тюрьму. Свидетельствует:

В то время довольно распространенной болезнью было воспаление лимфатических желез, у кого — подмышкой, у кого — под нижней челюстью, а у кого — в паху. Как раз последним <...> наградила Господь Бог и меня [10, с. 69].

Причины этой хвори — холод, недоедание, хронический стресс. И дефицит мыла.

А что наши? Семейных фотографий 1920-х почти нет. Вот, сохранилась справка:

Сим удостоверяю, что гр. Аносова Прасковья Порфирьевна состоит в должности научного сотрудника при Тамбовском Губ. Архивном бюро с февраля мес. 1922-го по настоящее время и в течение означенного времени в исполнении своих обязанностей проявила выдающуюся энергию, знания и добросовестное отношение к делу.

Заведующий Тамб. Губ. Архивн. бюро Ив. Катаев

20/IX – 1924 г.

⁶⁷ Там же. С. 366.

⁶⁸ Там же. С. 60.

Прасковья Аносова (вторая справа) с сотрудниками Тамбовского архива (1920-е гг.)
Praskovia Anosova (2nd from right) with Tambov archive specialists (1920s)

Молодой коллега, сам из тамбовских «бывших», написал на нее донос: семья Аносовых, муж — врач Белой армии. Директор губархива вызвал его, сказал: «Аносова — вдова с тремя детьми. А вы дворянин. Стыдитесь!» Донос был порван при авторе.

Директор архива тогда — Иван Матвеевич Катаев. Почтенный историк, автор учебников. Отец блестящего (и не «контрреволюционного», но зоркого и честного) прозаика Ивана Катаева. Его сын будет расстрелян в 1937 г. В 35 лет.

...Анособы-Ефимовы не голодают по-настоящему. Но школьный завтрак детей — кусок черного хлеба, посыпанный сахаром, политый водой. По ночам Владимир и Татьяна шепчутся, вспоминая прошлое. Младший — Сергей, 1915 года рождения — ябедничает матери: слышал ему лично не знакомые, но явно нехорошие слова — «булка» и «колбаса».

Они даже зовут друзей, устраивают елки, но за плотно занавешенными окнами. (Цепи на елку в Тамбове, как и по всей России, вешать «низзя»: цепи — символ угнетения пролетариата.) Прасковья продает пианино, серебряные ложки, книги. Но платит за уроки немецкого и французского для детей (их в Тамбове дают дамы из «бывших»).

Из дореволюционной библиотеки Аносовых она сохранила собрания сочинений Пушкина, Некрасова, Ключевского, Достоевского, Владимира Соловьева. В 1960-х годах потомки вздыхали: беречь надо было Метерлинка и «Русскую охоту». Прабабушка оправдывалась: *«Я думала: Пушкина больше никогда не издадут. Детям сберечь...»*

Ключевский, Достоевский, Соловьев и вправду были в 1920-х под запретом.

Вновь к запискам их сверстника — Степана Давыдова. После седьмого класса учиться детям лишенцев было запрещено.

Таких, как я, по городу набралось порядочно и родители начали усиленно хлопотать. В результате при школе № 1 (бывшей гимназии) <...> разрешили организовать класс самокупаемости, т. е. класс с платным обучением [10, с. 70].

Но тут в «Тамбовской правде» вышел фельетон о детях классовых врагов в школе № 1.

И началось: вот вы такие-сякие, обманным путем проникли в советскую школу.

<...> А потом объявили голосование и единогласно всех нас исключили [10, с. 77].

Татьяна Аносова все же училась. В середине 1920-х к ним в класс пришла новенькая — бледная, сдержанная девочка. Новенькие из Петрограда и Москвы были в тамбовских школах 1920-х привычным делом: семьи «бывших» (чаще — вдовы с детьми) бежали из столиц в относительно тихую и хлебную губернию.

Татьяна с петроградской девочкой подружилась и любила ходить к ней в гости.

До 1914 г. мама «новенькой» считалась дамой крайне хрупкого здоровья.

По заключению столичных врачей, — зимовать в России она никак не могла.

Осенью петербурженка садилась в Одессе на пароход. До апреля жила в Александрии Египетской. Там было много таких в 1910-х гг.: предчахоточных европейцев в шляпах из флорентийской соломки, в пробковых шлемах, в коломьянковых пиджаках и батисте.

А весной, аки ласточка, больная возвращалась к мужу и дочери в Петербург.

В революцию муж-адвокат погиб. У девочки осталась только мать, дама хрупкого здоровья. Жизнь показала: зимовать в России, колоть на дворе дрова она вполне может.

От путешествий в Египет уцелел чемодан с сущей чушью: бумажные веера, медные браслеты, рекламки товарищества «Меркурий», скарабеи из блеклой ляпис-лазури, клочья шелка. Сидя с двумя девочками у печки, дама открывала *la valise*⁶⁹ и рассказывала: *серебром холодной зари озаряется небосвод, меж Стамбулом и Скутари пробирается пароход...* Гора Акрокоринф со шрамом во всю грудь от Сизифова камня. Щебень Акрополя. Пирамиды и бедуины. Ослики в бубенцах везут груды мандаринов на рынок.

Щелкали мятые замки потертого чемодана. В руки ворохом открыток выпадал мир.

— *Ты знаешь,* — говорила Татьяна, подполковник РККА и ветеран Сталинграда, семьдесят лет спустя, — *той зимой, перебирая пароходные веера, медь и бисер, я поверила, что и вправду есть... какие-то еще формы жизни. Египет и Греция, море и пароходы. А не только вьюга в степи, картошка в печи и Тамбов 1920-х.*

...Лет до пятнадцати Татьяна носила нательный крест. Что в тамбовской школе 1927 г. никак не приветствовалось. Кто-то тихо предупредил:

— *Аносова, завтра с тебя комсомольцы крест срывать будут!*

На перемене ее окружили, схватили за локти, вытащили из ворота цепочку. На ней висел уже не крест, а позолоченный медальон с жемчужинкой, подарок гимназиста Владимира Аносова гимназистке Прасковье Ефимовой в 1902 г.

Татьяна стряхнула лапы общественности. Сама открыла медальон: семнадцатилетний отец в мундирчике, юная мать в крылах черного фартука.

Спросила, глядя в упор серыми аносовскими глазами:

— *Родителей — можно?!*

— *Родителей можно...* — подтвердили комсомольцы и расползлись.

Я много смысла вижу в этой истории. Заменой кресту в XX в. стала родовая память.

Они прожили не свою жизнь, да. Пронесли ее на прямых плечах — тяжелую, как шинельная скатка. Но даже чуть вчитавшись в хроника 1920-х – 1930-х, понимаешь: как много их современников

⁶⁹ Чемодан (франц.). Примеч. ред.

не прожили вообще никакой. Или почти никакой. От 1456 жертв голода 1921 г. в Борисоглебском уезде (на метровых черноземах) — до детей из приюта в доме Асеевых, которых косила голодная дизентерия. От обезумевшей крестьянки с мертвым младенцем в концлагере на Покровской площади (там, за проволокой, на голой земле, держали семья «антоновцев») — до расстрелянного писателя Ивана Катаева. От пропавших без вести двоюродных братьев — до безымянных, погибших в подвале дома В.В. Аносова.

<...>

Дети Аносовы. Конец 1920-х

<...> Я вообще думаю: главное здесь — не полвека процветания степных Будденброков. Не тысячи десятин Василия Михайловича, не коронация Александра III, не школа и ярмарка Вознесенского монастыря. Не IV Дума, не особняк стиля *а-ля рюсс* с электрогенератором.

Главное в истории Аносовых — выживание в 1920-х – 1930-х. Выживание с чистыми руками. Воля к образованию как воля к жизни. Неуничтожимость семьи.

Да, они потеряли все. И все способы самозащиты. Кроме твердо-го хребта и головы на плечах. Кроме ответственности семьи за всех своих. И матерей за детей.

Их опыт в 1920-х гг. — словно комментарий к строкам Аверченко:

...Умер Простодушный...

Доконал Константинополь русского Простодушного.

<...> Выковали из нас — благодушных, мягких, ласковых дураков — прочное железное изделие [1, с. 213].

Тогда же по другую сторону границы Михаил Булгаков пишет:

После революции народилась новая, железная интеллигенция.

Она и мебель может грузить, и дрова колоть, и рентгеном заниматься.

<...> она не пропадет! Выживет.

<...> Зачем пропадать. Пропадать мы не согласны [5, с. 213].

Прочными железными изделиями были Владимир-младший и Татьяна. И молчаливый ленинградский профессор Н.Н. Аносов-младший. И хрупкая францужистая Надежда Александровна. И вальяжный насмешник Тема.

«Прочное железное изделие»: спору нет. Но нас в конце столетия именно *эта ясная, твердая, верная сталь* растила и любила. Кто был жив, конечно.

Литература

1. *Аверченко А.Т.* Записки Простодушного. М.: Книга и бизнес, 1992. 365 с.
2. *Акользина М.К., Орлова В.Д.* Проявление религиозности тамбовского купечества в XIX – начале XX века // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. Тамбов: ТПС, 2016. Вып. 3. С. 174–183.
3. *Аносова Н.Е.* Пока еще ярк свет... О моей жизни и утраченной родине. М.: Встреча, 2017. 243 с.
4. *Балмасов С.С.* Итоги подавления тамбовского восстания по официальной статистике // *Сенников Б.В.* Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг. М.: Посев, 2004. С. 161–176.
5. *Булгаков М.А.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Голос, 1995. Т. 1: Дьяволиада. 464 с.
6. *Бурыйкин П.А.* Москва купеческая. М.: Столица, 1990. 352 с.
7. Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний / предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991. 271 с.
8. *Вернадский В.И.* Дневники: 1917–1921 (Январь 1920 – март 1921). Киев: Наукова думка, 1997. 328 с.
9. *Волконский С.М.* Мои воспоминания: в 2 т. М.: Искусство, 1992. Т. 2: Родина. 383 с.
10. *Давыдов С.А.* Записки старого взрывника. М.: ГПИБ, 1992. 96 с.
11. *Канищев В.В., Мецераков Ю.В.* Анатомия одного мятежа: Тамбовское восстание 17–19 июня 1918 г. Тамбов: ТГУ, 1995. 295 с.
12. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): Документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2003. 480 с.
13. *Кученкова В.А.* Тамбовские городские некрополи. Тамбов: Книжная лавка писателя, 2001. 76 с.
14. *Окнинский А.Л.* Два года среди крестьян. М.: Русский путь, 1998. 272 с.
15. *Серета В.П.* «Гордо неси свое горькое бремя...». И.М. Потапов. Тамбов: Мичуринск, 2014. 511 с.
16. *Федорченко С.З.* Народ на войне. М.: Сов. писатель, 1990. 400 с.

“We All Live above the Missing Country.” The Family Chronicle

© 2023. Elena A. Diakova

Literary and theatre critic

Text prepared by © 2023 Daniil V. Zabotin

Introduction by © 2023 Ekaterina E. Dmitrieva

Abstract: This publication is a part of the author’s family chronicle, based on the archival materials, family documents and memoirs basis. The cronicle examines the Anosov merchant family history from the 17th century to the first post-revolutionary years as inscribed in the history of the country and in reflections on the Russia’s destiny. The first part of the story describes the Anosov merchants establishment, their belonging not only to the financial, but also to the spiritual town’s elite. The son of a Tambov fish farmer, transporting sterlet from 900 miles along the highway, purchased P.I. Melnikov-Pechersky’s works in 14 volumes and made his offspring to read it, “that they may learn how we, the Anosovs, used to live.” The merchant family made donations to the charity within the town, and later one of them became the Mayor of Tambov. In 1871 family members participated actively in Tambov fight against the cholera epidemic. When, according to a family legend, the Governor of Tambov had offered the manufacturer Anosov to obtain noble status, Vasily Mikhailovich refused saying “They know us well already.” The next episode in the family history is the First World War, when another family member, Vladimir Anosov, a gifted surgeon, was working as a military doctor. At that moment the Anosovs are returning their deposits from European banks to Russia. The third episode of the article describes Tambov in 1918: the punitive operations, the execution chambers. The Anosov family, miraculously escaped, leaves the town in the same carriage as Prince Sergei Mikhailovich Volkonsky, their estate neighbor. The last episode is devoted to Tambov of the 1920s: reflections on the family destiny during these years intermingles with reflections on the subsequent destiny of their descendants.

Keywords: Anosovs, Tambov merchants, charity, Tambov in 1918–1920s, historical memory.

Information about the author: Elena A. Diakova — a member of the Association of Theater Critics, the Russian Union of Journalists, the International Federation of Journalists, the Moscow Writers’ Union.

For citation: Diakova, E.A. ““We All Live above the Missing Country.” The Family Chronicle,” text prep. by D.V. Zabotin, introd. by E.E. Dmitrieva. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (27), 2023, pp. 8–55. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-8-55>

References

1. Averchenko, A.T. *Zapiski Prostodushnogo* [*The Notes of the Simple-Minded*]. Moscow, Kniga i biznes Publ., 1992. 365 p. (In Russ.)
2. Akol'zina, M.K., and V.D. Orlova. "Proiavlenie religioznosti tambovskogo kupechestva v XIX – nachale XX veka" ["The Manifestation of the Religiosity of the Tambov Merchant Class in the 19th – Early 20th Centuries"]. *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii*, no. 3, 2016, pp. 174–183. (In Russ.)
3. Anosova, N.E. *Poka eshche iarok svet... O moei zhizni i utrachennoi rodine* [*While the Light is Still Bright... About my Life and my Lost Homeland*]. Moscow, Vstrecha Publ., 2017. 243 p. (In Russ.)
4. Balmasov, S.S. "Itogi podavleniia tambovskogo vosstaniia po ofitsial'noi statistike" ["The Results of the Suppression of the Tambov Uprising according to Official Statistics"]. Sennikov, B.V. *Tambovskoe vosstanie 1918–1921 gg. i raskrest'ianivanie Rossii 1929–1933 gg.* [*The Tambov Uprising of 1918–1921 and the Depeasantization of Russia, 1929–1933*]. Moscow, Posev Publ., 2004, pp. 161–176. (In Russ.)
5. Bulgakov, M.A. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [*Collected Works: in 10 vols.*], vol. 1: *D'iavoliada* [*Diaboliad*]. Moscow, Golos Publ., 1995. 464 p. (In Russ.)
6. Buryshkin, P.A. *Moskva kupecheskaia* [*The Merchants' Moscow*]. Moscow, Stolitsa Publ., 1990. 352 p. (In Russ.)
7. Velikii kniaz' Aleksandr Mikhailovich: *Kniga vospominanii* [*Grand Duke Alexander Mikhailovich: The Book of Memories*], introd. article and comm. by A. Vinogradov. Moscow, Sovremennik Publ., 1991. 271 p. (In Russ.)
8. Vernadskii, V.I. *Dnevnik: 1917–1921 (Ianvar' 1920 – mart 1921)* [*Diaries: 1917–1921 (January 1920 – March 1921)*]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1997. 328 p. (In Russ.)
9. Volkonskii, S.M. *Moi vospominaniia: v 2 t.* [*My Memories: in 2 vols.*], vol. 2: *Rodina* [*The Homeland*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1992. 383 p. (In Russ.)
10. Davydov, S.A. *Zapiski starogo vzryvnika* [*An Old Bomber's Notes*]. Moscow, State Public Historical Library Publ., 1992. 96 p. (In Russ.)
11. Kanishchev, V.V., and Iu. V. Meshcheriakov. *Anatomiia odnogo miatezha: Tambovskoe vosstanie 17–19 iunია 1918 g.* [*The Anatomy of One Mutiny: The Tambov Uprising of June 17–19, 1918*]. Tambov, Tambov State University Publ., 1995. 295 p. (In Russ.)
12. Danilov, V., and T. Shanin, editors. *Krest'ianskoe dvizhenie v Tambovskoi gubernii (1917–1918): Dokumenty i materialy* [*The Peasant Movement in Tambov Province (1917–1918): Documents and Materials*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 480 p. (In Russ.)
13. Kuchenkova, V.A. *Tambovskie gorodskie nekropoli* [*Tambov City Necropolises*]. Tambov, Knizhnaia lavka pisatelja Publ., 2001. 76 p. (In Russ.)
14. Okninskii, A.L. *Dva goda sredi krest'ian* [*Two Years among the Peasants*]. Moscow, Russkii put' Publ., 1998. 272 p. (In Russ.)
15. Sereda, V.P. "Gordo nesi svoe gor'koe bremia..." I.M. Potapov ["Bear your Bitter Burden Proudly..." I.M. Potapov]. Tambov, Michurinsk Publ., 2014. 511 p. (In Russ.)
16. Fedorchenko, S.Z. *Narod na voine* [*People at War*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 400 p. (In Russ.)

МЕМОАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Литературный факт.
2023. № 1 (27)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (27), 2023

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-56-96>
<https://elibrary.ru/SIPBMH>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Ю.Н. Верховский. Письма к Г.И. и Н.Г. Чулковым

© 2023, А.Л. Соболев

Независимый исследователь

Аннотация: Впервые публикуются в полном объеме письма Юрия Никандровича Верховского к Георгию Ивановичу и Надежде Григорьевне Чулковым. Эта переписка, продлившаяся без малого тридцать лет, представляет собой значительный источник сведений по истории русского модернизма: среди упоминаемых в ней лиц — А.А. Блок, В.И. Иванов, А.М. Ремизов, И.А. Новиков, М.А. Цявловский, М.А. Зенкевич, А.С. Долинин, Ю.Н. Тынянов, А.А. Ахматова, А.Н. Толстой и многие другие. Отдельные послания посвящены локальным эпизодам культурного процесса: несостоявшейся поэтической серии издательства Academia, знаменитому «делу об обезьяньем хвосте», вызвавшему разлад в литературном мире; работе Верховского над комментарием к собранию сочинений Е.А. Баратынского; попыткам издания прозаических опытов выдающегося археолога Б.Л. Богаевского; рецепции пропавших романов А.Д. Скалдина. Значительный интерес представляют материалы к собственному жизнеописанию автора писем: впервые выясняются обстоятельства издания, бытования и рецепции сборника его стихов «Солнце в заточении», многолетние попытки публикации перевода «Фьезоланских нимф» Д. Бокаччо, тонкости его работы для Государственной Академии Художественных наук, «Большой советской энциклопедии», преподавания на Высших Государственных литературных курсах — и сопоставимо принципиальная для его биографии череда житейских и бытовых проблем, подробно изложенных в посланиях к одному из немногих конфидентов. Письма сопровождаются подробнейшим историко-литературным комментарием.

Ключевые слова: Ю.Н. Верховский, Г.И. Чулков, эпистолярный, символизм, модернизм, «дело об обезьяньем хвосте», издательство Academia, ГАХН.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев — независимый исследователь, Москва, Россия.

E-mail: trirodov@gmail.com

Для цитирования: Ю.Н. Верховский. Письма к Г.И. и Н.Г. Чулковым / подгот. текста и коммент. А.Л. Соболева // Литературный факт. 2023. № 1 (27). С. 56–96. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-56-96>

Безапелляционно причисленные ранжирующей постсоветской филологией к второразрядным поэтам, Юрий Никандрович Верховский (1878–1956) и Георгий Иванович Чулков (1879–1939) имеют немало роднящих их черт и помимо этого незначительного обстоятельства. Они практически ровесники (Чулков на полгода моложе), оба — выпускники классических гимназий; почти одновременно дебютировали в литературе. И Верховский, и Чулков входили в ближайший дружеский круг Вячеслава Иванова. У обоих весьма представительная библиография — по десятку книг и не одной сотне публикаций в периодической печати. Оба, оставшись после большевистского переворота в России, избежали репрессий и умерли в своих постелях.

При этом замечательнейшая из параллелей их судеб лежит вне формальной стороны биографии — оба они были весьма значительными филологами, причем со смежными научными интересами. Вообще за трехвековую историю русской поэзии она никогда не была так тесно сплетена с филологической наукой как в модернистские четверть века — но даже на общем фоне ученые штудии Верховского и Чулкова не теряются: труды первого о Баратынском и второго о Тютчеве и не думают устаревать. Известно, что занятия дисциплинирующей наукой бросают отсвет и на собственные привычки ученого, что хорошо видно по публикуемой ниже переписке: историк литературы, намучившийся с датировкой письма вековой давности, инстинктивно старается облегчить участь будущего коллеги, скрупулезно снабжая исходящие послания помогающими работе публикатора пометами.

Сохранившаяся далеко не полностью переписка (писем Чулковых не осталось вовсе; в посланиях Верховского зияют очевидные лакуны) лишь отчасти позволяет восстановить хронологию их почти сорокалетнего знакомства. Краткий очерк их взаимоотношений содержится в двух мемуарных фрагментах, принадлежащих перу супругов Чулковых. Воспоминания Георгия Ивановича общеизвестны¹; отрывок из ненапечатанной книги его жены приведем полностью:

В этом <1908> году мы познакомились с Ю.Н. Верховским, он стал нашим другом до конца жизни Г.Ив. и до сих пор пребывает верен его памяти.

---

¹ Чулков Г.И. Годы странствий. М.: Федерация, 1930. С. 171–172.

В 1904 году в Петербурге вышел литературный альманах — «Зеленый сборник»². В нем Верховский впервые напечатал свои стихи. В этом же сборнике впервые поместил свой рассказ «Драматическая поэма» — Михаил Кузмин³. В бытность журнала «Новый путь» и «Вопросы жизни» мы его не знали.

Верховский стал бывать у нас, у Сологуба и Вячеслава Иванова.

Он был всегда тих, скромн, изысканно вежлив. Много писал стихов и охотно их читал. В то время он готовил труд по исследованию творчества поэта Баратынского. Коренной петербуржец, он хорошо знал Петербург и ценил его красоту.

Его любил Вячеслав Иванов. Между ними иногда возникала переписка в стихах, когда они жили в разных городах⁴.

Верховский прекрасный переводчик иностранных поэтов как современных, так и античных.

Александр Блок где-то выразился о его поэзии: «У него очень точный чертеж, но слабый нажим пера»⁵.

Первые книги Верховского были изданы в изд. «Скорпион» — «Разные стихотворения». С. П. 1908 г. и изд. «Оры» — «Идиллии и элегии» С. П. 1910 г.

Юрий Никандрович в молодости был щедр на альбомные стихи. Он воспевал женственность и женскую красоту.

Нашей приятельнице художнице Евдокии Ивановне Лосевой⁶ он посвятил целую книгу стихов и подарил ей эту книгу, переписав ее собственноручно⁷.

Он очень рассеян и медлителен. Два или три раза, при переездах из одного города в другой, он терял чемодан с рукописями, иногда это был плод многолетнего усидчивого труда. Так пропали материалы для работы о Баратынском и Дельвиге. Во время эвакуации в войну

---

² Правильнее — «Зеленый сборник стихов и прозы» (СПб.: Книгоизд-во «Щелканово», 1905). Вышел он, впрочем, действительно в декабре 1904 г.

³ М. А. Кузмин напечатал в альманахе цикл из тринадцати сонетов и «драматическую поэму» «История рыцаря д'Алессиво».

⁴ Подробнее см.: [11, с. 394–425].

⁵ Из письма Блока к Верховскому от 25 февраля 1913 г. Письмо это известно лишь в собственной копии Верховского; оригинал его не сохранился. В каталоге переписки Блока оно упомянуто в разделе «Перечень несохранившихся и неразысканных писем А. А. Блока» [2, с. 476]. Впервые оно опубликовано (по тексту мемуарного очерка Верховского) в работе: [1, с. 122–123]. Очевидно, что Н. Г. Чулкова была знакома с воспоминаниями Верховского и запомнила из них эту фразу. Полностью очерк напечатан лишь в книге: [6, с. 706–715].

⁶ См. о ней примеч. 7 к публикуемому далее письму 4.

⁷ Ныне эта рукопись находится в собрании автора настоящей публикации.

1941 года у него дорогою украли чемодан, где были все его стихи за всю жизнь — воры не ожидали найти в чемодане только испи-санную бумагу, которую они и бросили, конечно. Никакие хлопоты не помогли ему отыскать следы этой пропажи. Остались дома лишь черновики стихов в небольшом количестве и переводы Петрарки.

Я познакомилась с его женой Александрой Павловной, тоже скромной и тихой женщиной⁸. Тогда у них было двое маленьких детей: сын Никита и дочь Поликсена⁹. Мы подружились с Ю.Н., и мой муж был с ним «на ты». В первые годы нашего знакомства он посвятил мне несколько стихотворений, которые в молодости мне льстили и радовали меня¹⁰. Георгию Ивановичу он посвятил тоже несколько стихотворений, некоторые из них привожу здесь.

Г.И. Чулкову¹¹

Скажи, когда твоей встревоженной души
Коснется шепот вещей музыки,
Мгновенья вечные не вновь ли хороши
Сознанию, свергнувшему узы?

И ныне скорбною годиною тяготы
Неизживаемой, — богато.
Вот музой Тютчева любовно взыскан ты,
Я — музою его собрата.

Не потому ли так осветлены порой
Твоей печали песнопенья
И так молитвенный высок и верен строй
Души глубинного горенья?

---

⁸ «В молодости А.П. вызвала А. Блока на умиленную похвалу ее “старинной красоте и простоте”. См. дневник Блока» (*примеч. Н.Г. Чулковой*).

Имеется в виду запись из дневника Блока от 30 октября 1911 г.: «После обеда пришла Александра Павловна Верховская, которая послезавтра едет в Тифлис. Очаровательная, старинная, нежная красота, женственность, материнство, тонкий, легкий ум в каждом слове и нежное лукавство» [3, с. 79].

⁹ Никита Юрьевич (1903–1954) стал поэтом, переводчиком и исследователем эстрады. Поликсена Юрьевна была художницей. Самые поздние из известных нам документов, принадлежащих ее перу — письма марта и мая 1964 г., адресованные Д.Е. Михальчи (РГБ. Ф. 768. Карт. 31. Ед. хр. 27) и касающиеся посмертного (несостоявшегося) издания стихов ее отца.

¹⁰ Часть этих стихотворений не разыскана; о сохранившихся см. примеч. 6 к письму 16.

¹¹ «Напечатано в книге Г. Чулкова “Годы странствий”, стр. 172» (*примеч. Н.Г. Чулковой*).

На миг не оттого ль мой истомленный стих
Все радостней и неуклонней
Коснется вдруг, слепец, житейских струн своих
И вожденнейших гармоний?

Так тихая судьба в путях кремнистых нам
Таинственной и откровенней
Возносит на горе единый светлый храм
Сочувствия и благословений.
Ю. Верховский

(1921)?¹²

Юрий Никандрович почти ровесник моего мужа, и их литературная деятельность началась в один и тот же год. Когда в 1924 году исполнилось 20-летие их работы в литературе, он написал Чулкову стихотворение:

Георгию Ивановичу Чулкову¹³

*И одной пятой своею
Невредим ты, если ею
На живую веру стал.
Баратынский*

Так, милый друг вот мы и старики.
И седины друг другу мы лелеем,
Невинным простодушным юбилеем,
От суетного мира далеки.

Не знай же ни тревоги, ни тоски.
Мы о былом и впредь не пожалеем:
Ты помнишь, как рожденного Пелеем
Мечты поэта вызвали, легки.

¹² Рукопись стихотворения сохранилась, оно датировано 14/27 октября 1921 г. (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 19). Верховский помечал стихи и письма двойной датой до 1940-х гг.

¹³ «Напечатаны в книге Г. Чулкова “Годы странствий” стр. 171 изд. “Федерация” М. 1930» (примеч. Н.Г. Чулковой).

Итак, перед грядущими годами
Неуязвимой твердою пятой
На вере, как стоял, спокойно стой.

Пусть годовщины сменятся над нами
И мирною улыбкой тишины
Вновь обласкают наши седины.
18 ноября 1924 г.

Во время предсмертной болезни Г. И-ча Верховский написал ему последнее посвящение:

Другу Георгию

Береги цветы, что она посадила,
Что она возрастила в саду своем:
В них — дыханье ее, в них глубинная сила,
Этой силою мы и живем, и поем.

Семена золотые уронят — и в небо
Снова будут глядеть, небо — их обнимать.
Ты лобзай цветы — и даянье хлеба, —
Не едина ль потреба? — ответит мать.
Юр. Верховский
20–21/XI–938¹⁴.

И, наконец, стихи, посвященные памяти Георгия Ивановича.

Ю. Верховский

Памяти Г.И. Чулкова

Близится наша с тобой годовщина, друг мой далекий,
Хочется даже сказать: «Помнишь?» — Шепну и молчу.
Как же я молвил: «далекий», когда, хоть тебя и не вижу,
Теплым пожатыем руки – вот обменялся с тобой?

---

¹⁴ На рукописи этого стихотворения, отложившейся в архиве, Н.Г. Чулкова сделала помету: «Стихотворение написано, когда Георгий Иванович Чулков лежал уже в предсмертной болезни. Накануне был разговор на тему о женственном начале и могуществе в мировой жизни и после того Юрий Никандрович Верховский написал это стихотворение, очень утешившее больного» (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 25).

Милый, спасибо тебе за песни, что мне ты оставил:
 Тихие эти листы сердца вещанья таят.
 Жду, проведется оно в поминальный вечер поэтов,
 Ежели мне одному чашу поднять суждено¹⁵.

4/IV–939. Москва.

Я пишу эти строки в 1953 году. 5-го июня этого года Литфонд в Москве устраивает празднование семидесятипятителетия Юрия Никандровича. К этому юбилею Гослитиздат выпускает его перевод в стихах Джордано Бруно¹⁶.

***

Сохранившиеся письма Верховского к Чулковым распределены между тремя единицами хранения двух архивов: РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 308; РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 542; РГБ. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 70. Здесь они печатаются с сохранением авторской орфографии, пунктуации и синтаксиса, а также подчеркиваний. Расшифровки приводятся в угловых скобках. Общеизвестные имена и понятия не комментируются.

1. *Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову*
10 февраля 1911. Санкт-Петербург¹

10.П.911.

Многоуважаемый Георгий Иванович
 Мне очень жаль, что Вы и профессор Яценко не застали меня².
 Может быть Вы бы заехали ко мне сегодня же: я вечером дома.
 Завтра я рассчитываю быть дома после четырех часов — и до
 вечера.
 Буду Вас ожидать.

Преданный Вам Юрий Верховский.

P.S. К сожалению, не удалось за поздним временем отправить письмо с посылным и приходится отложить наше свидание до завтра.

¹⁵ «В этом стихотворении говорится о предстоящем юбилее их литературной деятельности» (примеч. Н.Г. Чулковой).

¹⁶ Чулкова Н.Г. Воспоминания о моей жизни с Г.И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми (РГБ. Ф. 371. Карт. 6. Ед. хр. 1. Л. 118–123).

---

¹ РГБ. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 70. Л. 1.

² Это письмо — часть легендарного «дела об обезьяньем хвосте», всколыхнувшего литературный мир обеих столиц. В настоящее время оно тщательно описано (см.: [14, с. 448–465]), благодаря чему можно ограничиться лишь кратким напоминанием контекста. На новогоднем празднике у Ф. Сологуба и А.Н. Чеботаревской 3 января 1911 г. А.М. Ремизов был в маскарадном костюме, состоявшем из обезьяньего хвоста, пришпиленного в разрезе пиджака. Чеботаревская выяснила, что этот хвост был отрезан от обезьяньей шкуры, которую она попросила взаймы у одного из своих знакомых по просьбе А.Н. Толстого, устраивавшего накануне свой собственный маскарад. Ремизов засвидетельствовал, что хвост к нему попал уже в отчужденном виде, так что гнев Сологубов пал на Толстого. Среди прочего, Сологуб отправил Чулкову и Верховскому однотипные письма, в которых в ультимативной форме сообщалось, что если адресат продолжит поддерживать отношения с Толстым, то Сологуб исключит его из числа друзей. Отреагировали они противоположным образом: Чулков ультиматум проигнорировал, а Верховский отправил Сологубу примирительное письмо, а Толстому — письмо с разрывом, которое адресат счел оскорблением, вызвав его письмом 8 февраля 1911 г. на третейский суд. На следующий день Верховский предложил Толстому прислать к нему своих доверителей, каковыми и были Чулков и юрист Александр Семенович Ященко (1877–1934). Посредниками со стороны Верховского были А. Блок и Е.В. Аничков.

*2. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
13 февраля 1911. Санкт-Петербург¹*

13.П.911.

Многоуважаемый Георгий Иванович

Спешу известить Вас, что на рассмотрение посредниками (а не третейским судом, — что выяснилось сегодня из разговора с проф<ессором> Ященком и Вами) дела, возникшего между гр. А.Н. Толстым и мною, я согласен и посредниками с своей стороны пригласил Евгения Васильевича Аничкова и Александра Александровича Блока, к которым и прошу обратиться посредников графа А.Н. Толстого².

Преданный Вам Юрий Верховский.

---

¹ РГБ. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 70. Л. 2.

² См. примеч. 2 к письму 1.

3. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
10 ноября 1921. Петроград¹

Петербург, Пет<роградская> ст<орона>,
Александровский пр., 3, кв. Каратыгиных².
Петербург.

10.XI.921. Н<овый> с<тиль>.

Дорогой Георгий Иванович

Вчерашнего числа благополучно прибыл я в здешнюю столицу после нарочито тяжкого и трудного пути. Но так как на поезд я не опоздал, то и обнаружил вскоре по выезде некоторый существенный ущерб, понесенный моим дорожным багажом, в силу той поспешности, с каковою он был уложен при сборах моих весьма кратких в столь далекий и преткновениями обильный путь.

Нет, но Вы знаете — больше всего, больше отсутствия самих забытых вещей приводит меня в уныние необходимость просить Вас привезти, когда Вы поедете сюда, что возможно из этих вещей и затем — то, что среди забытого — маленькая посылка Ольге Николаевне Названовой от ее брата³ — сверток, неизвестно что содержащий: этого не значится и в письме к ней, которое я доvez. Вы уж не привозите мне Подолинского⁴, обойдусь, возьму в библиотеке, — только привезите эту посылку и что-нибудь еще. Забыл я, по-видимому: 1) визитку⁵, недавний предмет восхищения и гордости; 3) <sic> в ее кармане два галстука; 4) рубашку чесучевую желтую; 5) рубашку полотняную; 6) полотенце мохнатое; 7) мыло желтое; 8) альмавиву или епанчу⁶ или плащ с капюшоном темно-серый; 9) указанную посылку. Я прихожу в величайшее смущение от такого списка. Но не меньшее смущение овладевает мною по следующему поводу: забывши все это, я увез с собой носовой платок, данный мне Надеждой Григорьевной. Постараюсь доставить его при первой возможности, но, к сожалению, не знаю, когда и как. А о своих вещах, говоря: привезите, я разумею и то, что, может быть представится и случай прислать что-нибудь (без доставки ко мне: я, по письму или по открытке, явился бы, конечно, за получением). — Вот что я натворил. Воображаю Вашу досаду и справедливое негодование. Но я отчасти наказан — и неловкостью перед Ольгой Николаевной, и отсутствием великолепной визитки. И здесь я нашел еще письма и новости весьма огорчительные. Первое — окончательно утратил я остававшиеся в Тифлисе мои книги, свыше 800⁷. Затем — придется, вероятно, ехать до Рождества в проклятую Пермь: иначе грозит

чуть не многомиллионный начёт⁸. Наконец — здешние дела мои довольно плохи. Подробнее — не стоит. Бегать по Петербургу начал вчера же. Сегодня был у Ходасевича, отдал Ваше письмо. Он лежал со страшной головной болью. Анна Ивановна здорова. Малый благополучен⁹. Был сегодня же у Сологуба. Его Черносвитовы хорошо устроили в прекрасных двух комнатах¹⁰. От него самого впечатление прежнее — м. б., немножко лучше. — Ну, пока всего Вам хорошего. Великая благодарность и привет Вам и Надежде Григорьевне — и великое уважение. Кланяюсь Ивану Алексеевичу Новикову¹¹.

Ваш Ю. Верховский.

¹ РГБ. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 70. Л. 3—4 об.

² Основной петербургский адрес Верховского в 1920-е гг. — квартира, в которой жила его сестра Ольга Никандровна Верховская (1880—1942), бывшая замужем за композитором и музыкальным критиком, профессором консерватории Вячеславом Гавриловичем Каратыгиным (1875—1925).

³ Камерная певица Ольга Николаевна Бутомо-Названова (1888—1960). Брат ее нам неизвестен: среди москвичей по фамилии Бутомо, зафиксированных в адресных книгах, Николаевичей нет.

⁴ Не очень понятно, какое издание А.И. Подолинского имеется в виду. В 1915 г. Верховский уже брал его сочинения у М.О. Гершензона. Прося прощения за задержку с возвратом книги, он писал: «Очень виноват перед Вами, дорогой и сердечно уважаемый Михаил Осипович: не прислал Вам Подолинского. Он все был мне нужен — для двух целей, которых однако обеих я так и не достиг» (Письмо от 16 августа 1915 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 30. Ед. хр. 15. Л. 11).

⁵ Род мужской одежды наподобие длиннополого сюртука.

⁶ Альмавива — широкий плащ без рукавов. Епанча — то же, но с капюшоном.

⁷ Верховский преподавал на Тифлиских высших женских курсах с осени 1911 г. до лета 1915 г. Уезжал он оттуда в некоторой спешке и в расстроенных чувствах: незадолго до отъезда он писал Вяч. Иванову: «Долго не извещал я тебя, дорогой Вячеслав, о делах своих, а сегодня воззвал к тебе воплем по телеграфу. Дело в том, что мне теперь не только по-прежнему важно устроиться в Москве, но и не по-прежнему невозможно оставаться здесь, т. к. невозможные нынешние материальные условия предложены хозяйственным комитетом курсов и на будущий год. Если я их приму, то год будет не только тяжелее нынешнего, но и совершенно невыносим. <...> Касательно Тифлиских дел моих и всего здешнего житья мне до сих пор — до последнего события, с коего начал письмо — нечего было сообщить тебе. Тянулась все та же серая нитка, все туже натягиваясь. Дело идет кое-как и еле-еле. Как вообще, так и в частности на курсах. Здесь все дела ползут вяло. Что до лекций моих, то сколько-нибудь слушали мой курс римской литературы, которого мне и читать-то не следовало: ты можешь себе представить, что у меня выходит. Но теперь и это слушают еле-еле, как и все. Что-нибудь мог бы я дать (по крайней мере, хотел бы) в курсе по французской литературе, а слушают его — две девицы, да к тому же дуры несносные и невежественные. Единственное утешение — семинарий или кружок по Боратынскому — неофициально, 3—4 слушательницы. Я тебе о нем говорил. Но утешение слабое, тем более, что выходит не то, что хочу. Вот и все. А помимо курсов — хоть шаром покати. Никого. И почти — ничего. Скука и хандра. Хандра такая, какая и на меня редко находит. И злота. Злота беспредметная и злота на людей, которых видишь каждый день и которым до тебя дела нет. На тупость и самодовольство их. А сам тоже тупеешь» (Письмо от 12 апреля 1915 г. // РГБ.

Ф. 109. Карт. 14. Ед. хр. 51. Л. 32, 34–34 об.). Вероятно, существенная часть его рабочей библиотеки оставалась в Тифлисе.

⁸ Верховский был избран исполняющим должность экстраординарного профессора кафедры истории русской словесности Пермского университета весной 1918 г. и проработал там до 1921 г. В августе 1921 г. он был командирован в Москву и Петроград, после чего неоднократно просил о продлении срока командировки (с чем университет безропотно соглашался). Последний раз срок был продлен в декабре 1922 г., но в Пермь Верховский так и не вернулся (см.: [23]).

⁹ Анна Ивановна Ходасевич (урожд. Чулкова; 1887–1964), жена В.Ф. Ходасевича и сестра адресата письма. Верховского связывала с ней долгая дружба, отчасти запечатленная в посвященных ей стихах (шесть из них опубликованы нами здесь: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/268230.html>). В мемуарах она упоминает его довольно кратко: «В 1920 году я переехала со своей семьей в Петроград, где вскоре на каком-то литературном вечере в “Доме литераторов” встретилась с А.А. Блоком. Конечно, он меня не узнал. Тут присутствовал мой большой друг поэт Юрий Никандрович Верховский (о нем я позже расскажу подробнее). Он подвел меня к Алекс.Алекс. и напомнил про наше давнишнее знакомство. “Бог мой”, — воскликнул А.А. — “да это не женщина, а живая хронология”» (копия в нашем собрании). *Малый* — Эдгар Евгеньевич Гренцион (1906–1957) — сын А.И. Ходасевич от первого брака.

¹⁰ Ольга Николаевна Черносвитова (урожд. Чеботаревская; 1872–1943) — сестра А.Н. Чеботаревской, жены Ф. Сологуба. После самоубийства Чеботаревской она и ее муж Николай Николаевич Черносвитов (1870–1937) переселили Сологуба в дом на Петроградской стороне (угол набережной Ждановки и Малого проспекта, д. 3/1), в квартиру Александры Николаевны Чеботаревской (кв. 22); сами они занимали в этом же доме кв. 26 (см.: [21, с. 221–260]).

¹¹ Писатель Иван Алексеевич Новиков (1877–1959) и его семья принадлежали к ближайшему дружескому кругу Верховского.

4. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову 16 сентября 1922. Петроград¹

Петербург.

Суббота. 16.IX. н<ового> с<тиля> 22.

Дорогой Георгий Иванович, пишу второпях несколько слов. Едет в Москву Александр Иванович Белецкий, харьковский профессор, словесник, — он же Анфим Ижев, поэт, драматург, романист<т>, — большой мой приятель². Хочу быть предлогом вашего знакомства. Уезжает он спешно, сейчас увидел его на бегу, но надеюсь успеть завтра на вокзал — и тогда передам ему для отвоза к Вам переписанные письма Тютчева, числом 9³. Из имеющихся налицо сейчас в Пушкинском доме остаются еще 2, которые переписываются. О том что это дело идет — послал я Вам изустное известие... не помню с кем. По поводу писем и стихов Баратынского в Муранове — я конечно и бесконечно рад, что они могут быть мною использованы, столь же тронут и предложением Вашим об устройстве списывания их для меня, — и все еще продолжаю мечтать о том, что попаду

в Москву и в Мураново, — а потому надеюсь, что сам доберусь до этих материалов, столь для меня драгоценных⁴.

Надежду Григорьевну благодарю душевно за участливое ко мне дружелюбие и слезно прошу простить мне вины мои непростительные — мне кажется, их много, а их всего одна, но такая, что стоит многих — именно безответность мою на милое письмо ее ко мне, столь долгую. Буду писать — тем более, что едва ли не безнадежна мечта о Москве. Привет мой после Надежды Григорьевны и всем меня помнящим, если достигаемы, то Николаю Александровичу и Ивану Алексеевичу⁵. Поклон Цявловскому (для него медленно, но делается, хоть с опозданием)⁶.

Поклонение — Евдокии Ивановне, приветствия Названовым⁷. Хотелось бы познакомиться с ними Белецкого. Сообщите ему адрес. Кстати, Ал.Ив. — учитель Благого и сам занимался Тютчевым⁸. У него монография о русских писательницах (хорошо бы прочесть что-ниб<уд> из нее в О<бществе> Л<юбителей> Р<оссийской> Сл<овесности> или в союзе Писателей⁹. А у Ижева прекрасные стихи, интереснейший роман и пр.¹⁰ Он — большой друг покойного Н. В. Недоброво¹¹.

Больше негде писать. Словом, познакомьтесь. До свидания.

Ваш Ю. Верховский.

---

¹ РГБ. Ф. 371. Карг. 2. Ед. хр. 70. Л. 5–6 об.

² Поэтические опыты филолога Александра Ивановича Белецкого (1884–1961) остаются практически неизвестными. В его архиве хранится тетрадь стихов, подписанная его обычным псевдонимом «Анфим Инжев» (см.: [8, с. 269]). Среди немногих публикаций — стихотворения и «стихопрозы» в харьковском журнале Творчество» (1919. № 2 и 5/6) и стихи в альманахах «Тропа» (Харьков, 1921); «единственный известный экземпляр описан: [4, с. 445]. См. также: Дерман А. Страницы лирики. Избранные стихотворения современных русских поэтов. Симферополь: Рус. кн-во в Крыму, 1920. С. 33).

³ Чулков был крупным специалистом по биографии и творчеству Тютчева и, в частности, подготовил несколько его изданий (см. по указателю: Ф.И. Тютчев. Библиографический указатель произведений и литературы о жизни и деятельности. 1818–1973 / сост. И.А. Королева, А.А. Николаев. М.: Книга, 1978. 263 с.); вероятно, с одним из них и была связана просьба Чулкова о копировании писем.

⁴ Это намерение было исполнено, см.: [13, с. 117–121].

⁵ Николай Александрович — вероятно, Бердяев, Иван Алексеевич — Новиков (см. примеч. 11 к письму 3).

⁶ Письма Верховского к Цявловскому сохранилась лишь частично, поэтому выяснить, что для него делал Верховский в Пушкинском доме, не представляется возможным.

⁷ Евдокия Ивановна Лосева (урожд. Чижова; 1881–1936) — художница, соорганизатор «музея игрушки», богатая московская дама, меценатка, чьими благодеяниями некогда пользовались и Чулковы, ср. в воспоминаниях Н.Г.: «<...> мы устроились в собственной квартире, которую любезно предоставила

нам наша знакомая домовладелица — вдова фабриканта и городского деятеля — Евдокия Ивановна Лосева. Эта дама — художница и меценатка — была богата и щедро помогала художникам в их нуждах. У нее был салон, где появлялись знаменитости Москвы и Петербурга. Тут бывали философы — Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Г.А. Рачинский, поэты Андрей Белый, Вяч. Иванов, Бальмонт, Балтрушайтис, писатели — Максим Горький, Бор. Зайцев и другие. Музыканты и живописцы и даже военные генералы. Ее портрет работы В.А. Серова находится в Третьяковской галерее. Е.Ив. Лосева сдала нам маленький флигель на ее усадьбе при ее особняке на Смоленском бульваре д. 8. Здесь мы с Г.Ив-чем, прожили 22 года, а я живу и доселе в 1949 году, спустя десять лет после смерти Г.И-ча» (*Чулкова Н.Г.* Воспоминания о моей жизни с Г.И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми // РГБ. Ф. 371. Карт. 6. Ед. хр. 1. Л. 77). О Бутомо-Названовой см. примеч. 3 к письму 3. Ее муж — инженер Михаил Кондратьевич Названов (1872–1934).

⁸ Димитрий Димитриевич Благой (1893–1984) — советский литературовед, действительно бывший учеником Белицкого. Позже Благой вспоминал о нем: «После первого же моего семинарского доклада, посвященного Баратынскому, Александр Иванович пригласил меня запросто бывать у него на дому. Долгие вечера, проведенные мною в его уютной мансардной квартирке на одной из тихих харьковских улиц, за рассмотрением редчайших книг из его библиотеки, в беседах на самые различные филологические и просто литературные темы давали мне гораздо больше, чем многие слушавшиеся в университете курсы» (*Благой Д.Д.* Мой путь в науку о литературе // Советские писатели. Автобиографии. М.: Гослитиздат, 1972. Т. 4. С. 96–97). См. также: *Айзенштот И.Я.* Из ранних лет научно-литературной деятельности А.И. Белецкого // Искусство слова. Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Димитрия Димитриевича Благого. М.: Наука, 1973. С. 395–402.

⁹ Имеется в виду магистерская диссертация Белецкого «Эпизод из истории русского романтизма. Русские писательницы 1830–1860-х гг.», защищенная в Харькове в 1918 г. и оставшаяся неопубликованной. Текст ее существовал в пяти машинописных экземплярах; один из них находится в отделе рукописных фондов и текстологии Института им. Т.Г. Шевченко НАН Украины, другой — в отделе рукописей Пушкинского дома (см.: [9, с. 139–151]).

¹⁰ Художественная проза Белецкого нам неизвестна. В архиве его сохранилось изрядное количество готовых текстов и черновики («Амкар», «Малые приманки», «Двойное бытие», «Новая Атлантида или из когтей смерти в объятия обольстительницы» и т. д.), но о каком из этих текстов пишет Верховский, мы не знаем.

¹¹ Замечательное подтверждение этих слов — рекомендация в письме Недоброво к Блоку от 1 января 1908 г.: «Я уже писал Вам на днях — в рассеянности по прошлогоднему адресу — о моем друге и примечательном поэте Александре Ивановиче Белецком. Обычно он живет в Харькове, где состоит при Университете, а теперь приехал в Петербург, желая, чтобы с его творчеством случилось по Писанию: “и слово плоть бысть”. Он будет у Вас завтра (2-го) с письмом от г-жи Менделеевой.

Мне бы хотелось, чтобы психологическим основанием Вашей встречи с ним был интерес к нему, а не досадливость. Поэтому я и предупреждаю Вас, что он заслуживает внимания.

Он чудный наблюдатель и тонкий обличитель жизни, с весьма ловкими приемами. Вы непременно заставьте его прочесть Вам рассказ “Богоборец” и обрывки поэмы “Чистилище”, которую он теперь сочиняет.

Я бы очень хотел, чтобы Ваша оценка его совпала с моею» (Письма Н.В. Недоброво к Блоку / предисл., публ. и коммент. М.М. Кралина // Литературное наследство. М.: Наука, 1981. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 294). См. также подробнейший свод данных в работе: К истории русской литературы 1910-х годов. Письма Н.В. Недоброво к Б.В. Анрепу / публ. Г.П. Струве // *Slavica Hierosolymitana*. V. V–VI / ed. by L. Fleishman, O. Ronen and D. Segal. Jerusalem: Magnes Press, Hebrew University, 1981. P. 433. Ср. комментарий к стихотворению Недоброво, посвященному Белецкому: [14, с. 280–281].

5. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
<Декабрь 1922 – январь 1923. Петроград>¹

Дорогой Георгий Иванович

Я очень хочу познакомить Вас с Борисом Леонидовичем Богавским, коллегой моим по Перми и Томску². О его необыкновенных и необыкновенно интересных литературных произведениях я Вам рассказывал в Москве. Сейчас у него готовый роман фантастический — Месть Исиенки, совершенно новый по самой концепции романа³. Муратов⁴ предлагал Б.Л. выступить в Союзе Писателей, а мое большое желание — устроить независимо от этого чтение романа в тесном кругу «взыскательных судей» и профессионалов этого дела (жаль, нет теперь у Вас Зайцева⁵!) — ради разговора (роман же и не длинен — на 2 часа). Разговор будет интереснейший. Здесь к роману с живейшим сочувствием отнесся Сологуб⁶. Моя самая общая мысль (после нескольких чтений) такова: Ключевский сказал, что мы теперь мыслим отвлеченными понятиями, а предки наши мыслили группами ассоциированных представлений⁷; это чисто художественное мышление, и оно обновляется в том устремлении беллетристики, в плане которого и выступает существенно-крупное значение Мести Исиенки. Жаль, что не могу вместе с Вами слушать и толковать. Дайте, пожалуйста, Б.Л. адрес Новикова Ивана Алексеича⁸ (я затерял) — хочется, чтобы они познакомились. Не поспевайте также на указание практических путей: издательств, редакторов и пр. Здесь дело было совсем слажено Сологубом, но — издатели претерпевают острый кризис. У вас, видимо, эти дела много крепче. Здесь у нас только прелестная вышла книжка покойной Настасьи Николаевны⁹. И Белкин — на высоте¹⁰. — Порадовался я (хотя и вчуже!) отличному изданию Вашей Марии Гамильтон¹¹. Тютчевяну (тоже отличную) получил и о том Вам отписывал благодарственно спасибо¹². А вообще говоря, не даром говорил я, что начинаю чувствовать свои седины: забывают меня. Даже Лирический Круг с моими стихами собственными только недавно в руках подержал — и отдал¹³. Могли бы уж бессовестники лирические круглые хоть экземпляр прислать, не говорю уж о гонораре¹⁴ (хоть куда не худо бы! М. б. Вы им поговорите <sic>: в отношении денежном я и окружен, и наполнен перманентной пустотой)*.

Я с своей стороны послал экземпляры Солнца в заточении¹⁵ — получили ли? — Вам, Названовым, Гречанинову, Михаилу Осиповичу, Ивану Алексеевичу¹⁶. Ни ответа, ни привета. Посылал я с оказией — направлял к Вам очень интересного и чудесного человека Алексан-

дра Ивановича Белецкого¹⁷, большого моего приятеля, харьковского профессора. Неужели он у Вас не был? А впрочем сейчас не до солнца в заточении. На самый конец, как-то так вышло, осталось самое главное. Горячее Вам спасибо, дорогой, за стихи Боратынского. Это для меня прямо солнце, вышедшее из заточения, — так и выплыло — круглое, ясное. Знаете что? Это — цельное, только не до конца отделанное стихотворение, по-моему своего рода эпилог к изданию 35-го года. Вероятно написано для кого-нибудь на книгу или и на книге <sic!>. Поговорите Вы Тютчеву, не могу ли напечатать (можно и гонорар исполу)¹⁸. Цявловскому благодарность велию от меня скажите. Я перед ним виноват, и пуще перед Надеждой Григорьевной¹⁹, о чем пишу ей особо. Еще хочу Вам сказать, что Анну Ивановну выдаю довольно часто. Она, хоть и измучилась, но ничего, крепится и, по-моему, пожалуй, даже крепнет понемногу, хоть сама и думает противное²⁰. Как Любовь Ивановна²¹? Что сын?²² Ей, пожалуйста, передайте мой поклон и привет. А Надежде Григорьевне — особенный.

Тяжел я на письма, а едва собрался кончить. Жму Вам руку дружески.

Ваш Ю. Верховский.

---

*Издали бы Вы меня в Москве! — Хоть одну из многочисленных книг стихов моих. Хотел я на всякий случай послать Вам стихов в целях журнальных и альманашных, да не переписал.

¹ РГБ. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 70. Л. 10–11 об.

В письме датировка отсутствует. Имеется помета получателя: «после 16.X.1922 м. б. до 22.3/4.1923». Этот интервал можно еще сузить благодаря упоминаемым книгам. Сборник А.Н. Чеботаревской «Женщина накануне революции 1789 г.» вышел в ноябре 1922 г. (см.: [12, с. 601–602]), поэма Чулкова «Мария Гамильтон» — в октябре–декабре того же года. Поскольку обе они упоминаются в качестве новинки, можно предположительно датировать письмо декабрем 1922 г. – январем 1923 г.

² Борис Леонидович Богаевский (1882–1942) — археолог, историк античности, магистр греческой философии. Выпускник 10-й петербургской гимназии, окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, оставлен для подготовки к профессорскому званию. Преподавал в Психоневрологическом институте и гимназии Стоюниной. В 1916 г. был откомандирован в Пермь, где исполнял должность экстраординарного профессора кафедры классической филологии, позже был деканом историко-филологического факультета. Позже переехал в Томск, где был приват-доцентом кафедры классической филологии, профессором кафедры истории античного мира и ректором Томского университета. После закрытия факультета общественных наук в 1922 г. переехал в Петроград. См. о нем: [5, с. 506; 16, с. 4–28; 10, с. 59–91].

³ Прозаические опыты Богаевского в печати (по крайней мере, под собственным именем) не появлялись. Столь интригующе аттестованный Верховским роман «Месье Исиенки» мы отыскали в личном фонде Богаевского, сохраняющемся в небанальном архивохранилище — отделе рукописей Государственного Института Материальной культуры Академии наук (СПб.). Среди его бумаг хранится немало количество художественных произведений: «Двойной человек», «Вот клюквенный морс», «Жестяная лошадь (около лужи)», «Замененные декорации», «Негритянка

с голубыми глазами», «Сумеречно стало» и др. Упомянутый роман (АРХИВ ГИМК. Ф. 49. Ед. хр. 607) заключен в рукописную обложку с пометой «Томск. 27/II–20». Он открывается посвящением: «Ракар, мужественной девушке, переплывшей Мататану среди кровожадных кайманов, посвящает свою работу автор, благодарный за многочисленные указания, которыми он, как родившийся в Европе, не мог воспользоваться в полной мере». Действие романа происходит на Мадагаскаре (описанном в фантастическом ключе), населенном необычными людьми и животными. Несмотря на живой стиль повествования («Золотая рама портрета засияла желтыми и розовыми лучами, зеленоватый жгут, на котором она висела, засверкал, как неожиданно-яркий хризопрас, огнем запыхала красная розетка тяжелого гвоздя, подерживавшего портрет») и занятный сюжет, разделить восторг первых читателей сегодня непросто.

⁴ Филолог и искусствовед Павел Павлович Муратов (1881–1950).

⁵ Б.К. Зайцев вместе с семьей уехал из России в июне 1922 г.

⁶ Никаких других сведений о знакомстве Сологуба с текстом романа у нас нет.

⁷ Ср.: «Опасение осложнялось свойством тогдашнего мышления. Тогда по непривычке к анализу, к отчетливому разделению предметов любили размышлять не отдельными идеями, а целыми группами ассоциированных идей, как бы сказать, семействами так или иначе породившихся представлений» (*Ключевский В.О.* Очерки и речи: второй сборник статей. Пг.: Тип. П.П. Рябушинского, 1918. С. 405).

⁸ См. примеч. 11 к письму 3.

⁹ Книга Анастасии Николаевны Чеботаревской «Женщина накануне революции 1789 г.» (Пг.: Былое, 1922. 151 с.).

¹⁰ Вениамин Павлович Белкин (1884–1951) — автор обложки, фронтисписа, заставок, концовок и книжных украшений к упомянутой выше книге Чеботаревской.

¹¹ Поэма Г.И. Чулкова, вышедшая отдельным изданием в петроградском «Аквилоне» с иллюстрациями того же Белкина.

¹² Имеется в виду книга: Тютчевiana. Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф.И. Тютчева / предисл. Георгия Чулкова. М.: Костры, 1922. 52 с.

¹³ В альманахе «Лирический круг. Страницы поэзии и критики. Вып. 1» (М.: Северные дни, 1922) напечатаны стихотворения Верховского «С холодной струйкой легкого золота...» и «Над светлой косой, над серпом и над плугом...».

¹⁴ «Лирический круг» — довольно аморфная московская неоклассическая группа, куда входили А. Эфрос, В. Лидин, В. Ходасевич, С. Шервинский, Л. Гроссман, Н. Бромлей, С. Парнок, К. Липскеров, С. Соловьев, А. Глоба и др.; обсуждалось вступление Ахматовой и Мандельштама.

¹⁵ «Солнце в заточении» — сборник стихов Верховского (М.: Мысль, 1922. 95 с.).

¹⁶ О Названовых см. примеч. 7 к письму 4. Далее упоминаются композитор Александр Тихонович Гречанинов (1864–1956), М.О. Гершензон и И.А. Новиков.

¹⁷ См. примеч. 2 к письму 4.

¹⁸ О каком стихотворении идет речь доподлинно неизвестно, хотя определенные предположения строить можно: стихотворений Баратынского, напечатанных после его смерти, известно всего чуть более тридцати. Исходя из характеристик, данных Верховским, больше всего среди них подходит «Вот верный список впечатлений...», впервые напечатанное в 1936 г.; оно действительно должно было открывать сборник 1835 г. (Стихотворения Евгения Баратынского. Ч. 1–2. М.: Тип. А. Семена при Имп. Мед.-хирург. акад., 1835). Тютчев — почти наверняка Николай Иванович (1876–1949), первый директор музея Тютчева в усадьбе Мураново (ранее ему же и принадлежавшей). Вероятно (если наша догадка верна), Тютчев одобрил идею публикации: в письме от 17 июля 1932 г. к В.Д. Бонч-Бруевичу Верховский, перечисляя статьи, подготавливаемые им для «Звеньев», упоминает и «Неопубликованное стихотворение Баратынского (Вот верный список впечатлений)» (РГБ. Ф. 369.

Карт. 250. Ед. хр. 18. Л. 4). В результате статья Верховского не вышла, а стихотворение было опубликовано в книге: *Баратынский Е.* Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1936. Т. 1 / ред., коммент. и биогр. ст. Е. Куприяновой, И. Медведевой; вст. ст. Д. Мирского. С. 316 с комментарием: «При жизни поэта в печати не появлялось. Впервые опубликовано Ю.Н. Верховским в редактированном им Собр<ании> соч<инений> Баратынского, изд. "Academia"» (Там же. Л.: Сов. писатель, 1936. Т. 2. С. 295). Вероятно, составители (прежде всего И. Медведева-Томашевская, с которой Верховский состоял в переписке) либо располагали корректурой так и не вышедшего тома издания *Academia*, либо были уверены в его благоприятной судьбе. Между тем, уже к осени 1935 г. над изданием стухли тучи: «Но не так давно плохо повернулось главное дело — с Боратынским. Настроение мое, разумеется, сильно упало. Суть, по-видимому, в том, что решение издательства перейти к упрощенным изданиям поэтов вошло в силу и распространилось на тома, уже находящиеся в работе. Мне не прислали корректуры в гранках, а на мой запрос из Ленинграда ответили, что велено верстать один текст и верстка будет готова через месяц» (Письмо Верховского к И.А. Новикову от 10 октября 1935 г. // РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 567. Л. 11).

¹⁹ Н.Г. Чулкова.

²⁰ А.И. Ходасевич. Верховский подразумевает ее медленное восстановление после продолжительной депрессии, вызванной изменой и отъездом Ходасевича в эмиграцию.

²¹ Любовь Ивановна Рыбакова (урожд. Чулкова; 1882–1973) — сестра Чулкова, художница и поэтесса.

²² Вероятно, имеется в виду сын Рыбаковой Вячеслав Федорович Рыбаков (1907–1931), будущий художник. Вряд ли Верховский не знал, что сын Чулковых, Володя, умер в сентябре 1921 г. от менингита.

6. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
3 апреля — 10 мая 1923. Петроград¹

22.III/3.IV.923

Петербург.

Письмо мое, дорогой Георгий Иванович, на этот раз — спешное и деловое. Спешность, верно, сделает его длинным: эпистолярный слог мне трудно дается. А дело таково. Издательство *Academia* начинает издавать художественную литературу, т. е. беллетристическую прозу и стихи. Пока — небольшими книжками в 3–4–5 листов. Я отчасти связался с этим делом. Издатель, формально — председатель некоей коллегии, состав которой смутен и мне пока даже неизвестен, просил меня снестись с Вами и предложить Вам сотрудничество, ему лично дорогое. Не по<д>берете ли Вы книгу рассказов немедленно? Она могла бы пойти в первую очередь. Чтобы начать серию, издательству нужно книг пять. Состав серии предполагается разнообразный. На 4–5 книг прозы — одна книга стихов. Не исключаются и книжки сборные, нескольких авторов, маленькие альманахи. Была речь и о большом, литературном и историко-литературном (статьи и материалы); это пока откладывается, но не отменяется. Оконча-

тельно принятых книг пока две, или три: Тихие Песни Иннокентия Анненского, 2-е издание (в виде исключения; вообще предполагаются только новые книги); Месть Исиенки Б. Огаевского (кажется, будет так); наконец — моя книга стихов². Рассказы для книги желательны не напечатанные ранее. Можно, конечно, и часть только дать новых. Можно и всю книгу заполнить одной крупной вещью. Издано будет хорошо, надеюсь даже — изящно. Материальные условия здесь, конечно, не такие как у Вас в Москве. Но расчет ведется по курсу золота. Исходная цифра гонорара 10 % с номинальной стоимости книги. Если условиться так, т. е. на проценты, то можно получать по частям вперед: при заключении условия, при сдаче рукописи, при первой корректуре или подписи к печати, — а потом, после выхода книги, сделать расчет по курсу. Мне очень, очень бы хотелось, чтобы Вы поддержали эту «библиотеку современной русской литературы», вероятно, как-нибудь в этом роде она будет названа. Этого же хочет и издатель — Александр Александрович Кроленко³. Адрес издательства Academia — Литейный, 40. Есть отделение в Москве. Вы там возьмите каталог издательства, чтобы с ним ознакомиться. Кстати, оно, по крайней мере здесь, не скупое на то, чтобы давать свои издания сотрудникам. Иногда бывают неожиданности: первый из вышедших томов Платона чуть ли не в несколько дней разошелся до конца. На днях вышел новый. А издательство шло на то, что Платон совсем в другом смысле выйдет в прок⁴.

27.IV / 10.V

Эта вторая дата, милый Георгий Иванович, иллюстрация моей спешности. Но дело в том, что спешность дела отменена была, пока я не дописал еще (дома) этого письма: у Кроленки начался роман с Институтом Истории Искусств, Academia берет на свое иждивение его труды и отвлеклась этим предприятием⁵. Теперь это успокоилось, и только обычная спешка сбивает меня с толку. Повторяю Вам изложенные выше предложения и просьбы, убеждаю отозваться скоро и положительно, а сам бегу к доброй моей знакомой — Евлалии Павловне Казанович⁶. Она сегодня едет в Москву и обещает вручить Вам эти строки. Очень буду рад Вашему знакомству. У нее к Вам и небольшое дело, альбомное, с тем же хотелось бы, чтобы увидела она Ивана Алексеевича Новикова⁷. Ему собирался также писать (уже давно), да теперь не успеть. Укорите его в молчании: он не отозвался на Солнце в Заточении⁸. А у меня к нему то же хоть и немножко проблематическое в смысле срока (я не видел Кроленко давно) — издательское предложение. Прислал бы он и стихов — хотя бы мне

лично. Вообще, поговорите с ним. Прошу Вас, покажите это письмо и передайте мою постоянную любовь дружескую. А Евлалию Павловну Вы верно не откажетесь познакомить вообще с литературными москвичами. В деле историко-литературном она — нашего толку и Вы хорошо побеседуете.

Анна Ивановна в последние наши встречи была что-то в большом унынии⁹. Все же, надеюсь, обойдется или уже обошлось, и все образуется. Она, верно, пишет Вам. Поклон мой низкий Надежде Григорьевне.

Ваш Ю. Верховский.

¹ РГБ. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 70. Л. 7–8 об.

² Практически все эти планы остались неосуществленными: серия художественной литературы издательства Academia захламлена, не успев развиваться. Из перечисленных книг вышло только второе издание «Тихих песен» Пб., 1923; всего в серии современной поэзии вышло десять авторских сборников и один альманах. Осталась неизданной и собственная книга стихов Верховского. О «Мести Исиенки» см. примеч. 3 к письму 5.

³ Александр Александрович Кроленко (1889–1970) — книговед, директор издательства Academia.

⁴ Из запланированных пятнадцати томов «Полного собрания творений» Платона вышло шесть: сперва (с 1922 г. на титульном листе) вышел пятый, следом первый, тринадцатый и четырнадцатый (все — 1923 г.). Об этом же издании Верховский писал Вяч. Иванову 8 сентября 1923 г.: «Не стал ли бы ты перевести Платона? “Academia” очень этого хочет. Главное, однако, было разобрано давно. Вышедшее переведено из рук вон плохо: Жебелёв. Ниже критики. Много, верно, можно и взять, и пере... взять в твои руки» (Римский архив Иванова). См. об этом издании: [17, с. 299–301].

⁵ В конце марта 1923 г. Academia, прежде плотно аффилированная с Петроградским философским обществом, вынуждена была после разгрома последнего вступить в договорные отношения с Институтом истории искусств и с апреля даже именовалась «Издательство Academia Института истории искусств». Устав, фиксирующий новое положение дел, был утвержден в марте (см.: [17, с. 302]).

⁶ Евлалия Павловна Казанович (1885–1942) — филолог, литературный критик.

⁷ Подробности этой поездки Казанович известны благодаря ее дневнику (выписки из него предоставлены А. Востриковым, которому приношу глубокую благодарность). Должна она была выехать из Петрограда в Москву 10 мая (накануне она записывала в дневнике: «Завтра еду в Москву. Ох, ох, пронеси!...»), но из-за неизвестных нам трудностей поездка отложилась на несколько дней, ср. запись 11 мая: «В поезд не попала». Впрочем, 14-го она уже была в Москве. В этот день она передала Чулкову это письмо (ср. запись под этим числом: «Вечером была у Чулкова и попала на журфикс. Приняли меня очень радушно и он и жена его и оставили на вечер. После 10–15 минутного разговора о деле (Тютчевские письма) в его небольшой спаленке перешли в приемную (столовая, гостиная и библиотека вместе), где была нестерпимая духота от массы народа. Публика — смешанная, и нарядные девицы, и простоватые мужчины — молодежь, и старик <Г.А.> Рачинский; конечно, он должен был быть тут; его нельзя себе представить вне спорящей и волнующейся молодежи»). *Альбомное дело* — Казанович собирала писательские автографы, для чего возила с собой альбом (ныне: ИРЛИ. Р. I. Оп. 12. Ед. хр. 282). Судя по дневнику, с И.А. Новиковым она в этот приезд не виделась.

⁸ См. примеч. 15 к письму 5.

⁹ А.И. Ходасевич.

*7. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
Между 1917 и 1924. Москва¹*

Милый друг Георгий

Скалдин в Москве до завтра и сейчас будет читать новую свою вещь у Гершензона². Я обещал известить тебя, не успел зайти. Надеюсь придешь.

Твой Ю. Верховский.

Среда.

¹ РГБ. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 70. Л. 9.

Датировка этой записки представляет собой известную трудность: конечно, она не могла быть написана ранее 1912 г. (год знакомства Скалдина и Гершензона) и позже 1925 (год смерти Гершензона). Но далеко не все московские визиты Скалдина этого времени документированы. Так, мы точно знаем про поездку середины октября 1913 г. (ср. в письме М.М. Замятниной к Скалдину от 14 октября 1913 г.: «Добро пожаловать. Ждем. Приезжайте, как только Вам будет возможно. Все шлот привет. До скорого значит, надо понимать свидания» (РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 3); ср. в письме самого Скалдина к А.Г. Архангельскому от 21 октября 1913 г.: «Получил твоё письмо, когда выходил из дому, чтобы ехать в Москву» (ИМЛИ. Ф. 9. Оп. 3. Ед. хр. 86. Л. 8 об.); письмо написано уже из Москвы). Вряд ли описанное чтение могло состояться в этот приезд, поскольку Верховский в это время был в Тифлисе. При этом формулировка «новая вещь», кажется, подразумевает прозаический текст и, следовательно, может относиться к «Странствиям и приключениям Никодима Старшего» или к более позднему произведению. Самое раннее упоминание будущего романа приходится на начало 1915 г.: «В противоположность тебе стихов я не пишу (почти); писал большую повесть, да надоела. Пока забросил» (Письмо Скалдина к А.Г. Архангельскому от 13 февраля 1915 г. // ИМЛИ. Ф. 9. Оп. 3. Ед. хр. 87. Л. 13). В конце 1910-х гг. нам известен — и то на основании весьма косвенных данных — лишь один приезд Скалдина в Москву: 7/20 июня 1917 (?) г. Ю.М. Корш, сестра М.М. Замятниной, писала ей: «Я все ждала, что Скалдин привезет Сережины <С.К. Шварсалона> деньги, кот<орые> ты просила его передать нам. До сих пор он все еще не привез, а деньги нужны, может б<ыть> позвонить ему по тел<ефону>» (РГБ. Ф. 109. Карт. 27. Ед. хр. 71. Л. 23 об.). Следующий документированный визит относится лишь к осени 1924 г.: Верховский писал ему 11 декабря: «Хорошо, что по-выдались в Москве. Я только упрекаю себя, что не проснулся утром, когда Вы уходили. А Вы не разбудили меня» (РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 2). Сам Скалдин писал Вяч. Иванову 1 декабря 1924 г.: «Был на днях в Москве, читал Гершензонам и Верховскому свою новую прозу: «Рассказ о Господине Просто», «Зоологический Лев», читал стихи. Хвалить за доброту хвалили, но больше ругали за бездушие. Никак не мог взять в толк, в чем тут дело. Верховский, впрочем, больше молчал или говорил о себе: «Я, мол, такой, не могу этого понять»» (см.: [18, с. 129]). Вероятнее всего, к этому визиту и относится письмо.

² Алексей Дмитриевич Скалдин (1889–1943) встречался с Гершензоном на «башне» Вяч. Иванова в 1912 г., ср. в его письме к жене: «К 10-ти пришли Верховский, Скалдин и еще какой-то Троцкий» [6, с. 374]. В конце того же года Скалдин включил его в список рассылки своей книги стихов. Получив ее, Гершензон писал общей знакомой Ал.Н. Чеботаревской: «Я получил от Скалдина книжку его стихов; к моей досаде забыл его имя-отчество, и оттого прошу Вас передать ему мою благодарность. Я прочитал стихи. Я не ждал от него такого высокого совершенства формы: это густо как ликер, тут порою в целом стихотворении нет лишнего слова; и ритмика, и рифмы парнасские. Особенно зная от Вас прошлое С., как недавно он вошел в круг образованности, я очень изумлен. Итак, я читал эти стихи, как будто рассматривал

какую-нибудь работу Челлини: совершенство ювелирного искусства. Но нет, или еще нет, поэзии. За этими строками совсем не чувствуется брожения новых соков, волнений сердца и мысли; это металлически и неодушевленно, а где хочет быть мысль, там только набор слов, очень сумбурный (напр. в стих. к В. Ш<варсалон> о колосе и пр.). Всего лучше удались пока описательные, экзотические пьесы, — стилизовка; но это и кажется мне опасным: стилизовка на первых шагах — дурной знак; она понятна в зрелости или старости как игра мастера. Но это я, может, и ошибаюсь» (Письмо от 21 декабря 1912 г. // ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 79. Л. 19). Чеботаревская отвечала: «Алексею Дмитриевичу Скалдину я передала то, что Вы писали мне о его книге, и это его чрезвычайно обрадовало, т. к. он считает Вас очень строгим, неумолимым. Он очень просил передать Вам его глубокую благодарность. Он все такой же хороший и глубокий малый» (Письмо от 6 февраля 1913 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 43. Ед. хр. 23. Л. 25).

8. Ю.Н. Верховский — Н. Г. Чулковой.
27 декабря 1926 / 9 января 1927. Ленинград¹

27.XII/9.I.1926/7
Петербург.

Сердечно уважаемая и дорогая Надежда Григорьевна.

Я не знаю, что мне делать с собой. Никогда я так не падал духом. Только этим объясняю себе то, что до сих пор не написал Вам. Но перед Вами это плохое извинение. Передо мной — начатое письмо к Вам, начатое полтора месяца тому назад, — где я говорю: «хоть я на днях и буду в Москве...» Я не верил себе, — но именно потому и нужно бы было письмо окончить и отослать поскорей. Я не могу здесь оставаться — и не могу выбраться отсюда. Не знаю, как развяжется этот узел — или как его разрубить. Я делал кое-какие попытки — и все они пока ни к чему не привели. А катастрофа с комнатой в Москве, конечно, очень подорвала дело — своим чередом².

Не буду, да и не смог бы, описывать Вам подробности моего положения и здешнего житья. О самочувствии и говорить нечего. Да я и высказал его — пожалуй больше, чем нужно.

Судите же сами, как я благодарен Вам за Ваше доброе и ласковое слово. Оно мне очень, очень дорого и необходимо.

Только не упрекайте меня за мое молчание — и что другим друзьям писал. Вы спросите у Цявловского, какие две даты стоят в начале и в конце письма к нему³. Я писал даже целый ряд писем — деловых. Но какого напряжения они мне стоили и по сколько раз я их переписывал! Нечто деловое хочу написать и Георгию, очень давно хочу — и надеюсь отправить вместе с этим письмом. А сколько писем необходимо нужных еще не написано! Но если я начну жаловаться, письму моему конца не будет, — а пусть уж лучше оно

будет покороче. Ничего хорошего я написать не могу — ни о себе, ни обо всем окружающем. Есть, конечно, и хорошее, да душа на него не открыта. Передайте, пожалуйста, мой привет всем, кого я люблю. А Вам кланяюсь низко.

Вам душой преданный

Ю. Верховский

Поздравляю Вас с Праздником. Вы, верно, хорошо встретили его в Москве. Очень мне жаль, что не мог прийти к Вам. А здесь и Рождество унылое.

¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 452. Л. 1–2.

² В октябре 1926 г. Верховский уехал в Ленинград, чтобы работать в комиссии по увековечению памяти В.Г. Каратыгина — своего зятя (ср. в его письме к М.А. Цявловскому от 20 октября 1926 г.: «Чем дольше сижу здесь, тем больше запутываются мои дела в Москве, а здесь подвигаются разве на волосок. Из всего, что здесь меня держит, главное — спешная и срочная трудная работа. Свалилась на меня как снег на голову. И была бы очень нужной и существенной, если бы не все убивающая спешка и не летели бы вверх тормашками все прочие намерения, все, за что я как-то цеплялся, чтобы карабкаться и не приходиться в последнее отчаяние. Эта работа — биография покойного Славочки Каратыгина. Комитет его памяти не нашел никого кому бы ее поручить кроме меня. И я, главным образом ради сестры, не мог уклониться. А между тем дело поставлено так, что в сущности немислимо что-нибудь сделать: статья должна быть готова к первым числам ноября, чтобы сборник, для которого она предназначается, вышел к годовщине смерти; материалы нужно собирать по крохам, пересматривать груды рукописные и печатные, ловить словесные указания и т. д.» (РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. Ед. хр. 410. Л. 1 об.–2)). Фоном для отъезда был его конфликт с соседями по коммунальной квартире, обстоятельства которого транслировались ему поэтессой М.П. Кудашевой (Кювилье), будущей женой Р. Роллана, чья избыточная практичность тяжело сходилась с «неотмирностью» Верховского, хорошо заметной в публикуемой переписке. 14 октября 1926 г. Верховский писал И.А. Новикову: «А подумать о Москве тяжело, — знаете из-за чего? Из-за Майи, которой нужно отдать деньги за дрова и на дрова. Перед отъездом был жесткий разговор — она завела, а я должен был смириться» (РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 566. Л. 4 об.). В соответствии с тогдашней практикой, после отъезда Верховского домовый комитет задумал посвятить на его опустевшую комнату; Кудашева писала ему 23 октября 1926 г.:

«Милый Юрий Никандрович,

Что Вы не едете и не пишете? Здесь со всех сторон Вас спрашивают. С курсов приходили раз 6. Домком меня мучает, все на Вашу комнату зарятся. От Фининспектора Вам бумаги “обязательно” явиться к нему 25 (!).

Напишите когда приедете, а то я не знаю, что говорить и делать. Требуют от меня объяснений, а я ничего не знаю сама.

Надеюсь, что приедете очень скоро. Во всяком случае, напишите сейчас» (РГБ. Ф. 218. Карт. 1262. Ед. хр. 11. Л. 3). Месяц спустя события стали развиваться стремительно:

«Милый Юрий Никандрович,

Ждала Вас 27-ого, накануне послала Вам телеграмму о том, чтобы Вы непременно приехали в субботу утром; Вас же и сегодня нет! — А вчера сломали Вашу печь, и в комнате уже вчера сидели бы минские жилицы — 2 еврейки, которые живут в комнате соответствующей моей, если бы не было в стене дыры от выпавших

кирпичей (после сломки русской печи). Я с очень большим трудом удержала комнату с 19-ого ноября, когда ее хотели взять. 25-ого ночью к маме ворвались почти (она не хотела пускать, но испугалась и конечно не могла не пустить, т. к. они грозили Вам и мне милицией и вообще невозможно было каждый день иметь скандалы и угрозы) — Жаров, Щербаков (как “понятой”) и кто-то третий. Они осмотрели Вашу комнату и сказали, что займут ее на другой день. Я вернулась сейчас же после сего визита и пошла к ним. Вначале ругались; показывала бумагу Кубу, они говорили, что она не играет роли, что все равно возьмут и т. д. Я тогда решила хитростью еще оттянуть на день, и сказала, что согласна пустить евреек, но что в пятницу мне неудобно, а в субботу. В пятницу утром отнесла телеграмму Новикову и он ее послал Вам. В субботу утром жена Жарова хотела придти мыть комнату, я снова не пустила, сказала что в воскресенье удобнее. Снова ругались. Вас же и в воскресенье нет! — Сегодня ушла с утра, мама же сидит дома, стережет. Не знаю приедете ли, если бы сегодня, м. б. еще и сумели бы удержать комнату. Новиков уверяет, что это самоуправство со стороны домоуправления. Но я ничего не могу сделать, а Вы могли бы, если бы были тут. Я в отчаянии: если бы Вы хоть вместо “приеду на днях” телеграфировали точно: “в воскресенье”, “в понедельник” и т. д. мы могли бы с мамой повесив замок уйти из дому. Не сломали бы ведь они замок! Но “на днях” туманно. В письме от 14/X Вы также писали “на днях”. — А прошло полтора месяца! — Теперь уже не знаю, что будет когда приедете. Я уже пытаюсь не буду, а Вы защищайтесь. Меня все за это время достаточно мучили, и маму тоже. Все-таки если бы Вы приехали вчера еще, я думаю, что наверняка спасли бы комнату въехав в нее еще пустую. А теперь не знаю, что будет.

И книги — требуют чтобы я вынесла. М. б. их надо оставить, а вдруг раскрадут? — Придется вынести. Но куда?» (Письмо от 29 ноября 1926 г. // Там же. Л. 4–5 об.).

В результате день спустя комната была занята. Кудашева сообщала в сделанной днем позже приписке к тому же письму:

«Книги ваши лежат в шкафу, они сказали, что трогать их не будут. — Ругала бы Вас, если бы уже не было Вам так плохо: ведь когда Вы уезжали и я говорила Вам как бы не случилось то, что случилось, Вы злились, уверяли “через 2 недели вернусь”. Надо было взять бумагу от Кубу, сказать домоуправлению, вообще думать о том, что может случиться, что задержитесь. И в крайнем случае приехать на первую же телеграмму или уже обязательно на последнюю. <...> Ну вот; если приедете, советую Вам ехать прямо к Новикову или Чулкову с вещами, ибо в’едете в квартиру, где Ваша комната занята, а мамина и моя — заперты на замок, т. ч. и вещи некуда поставить. Оставьте вещи у Нов. или Чулкова и мчитесь к Шпаро (раньше зайдя ко мне в Посольство, чтобы я все Вам сказала как было). Потом к Шпаро, в Кубу, и м. б. они и сделают что надо. — Иначе не знаю как быть» (Там же. Л. 6 об.).

29 ноября 1926 г. Верховский писал М.А. Цявловскому: «Майя <Кудашева> злодейка моя и погубительница, но Вы добейтесь у нее и возьмите в моей комнате все, что Вам нужно, хотя бы показав ей правдивые и чистосердечные эти строки» (ИРЛИ. Ф. 387. Ед. хр. 108. Л. 2).

³ Вероятно, имеется в виду процитированное выше письмо от 20 октября 1926 г., но дата на нем проставлена по обычаю Верховского в старом и новом стиле.

9. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
10 января 1927. Ленинград¹

28.XII.926 / 10.I.927.

Петербург.

Дорогой друг Георгий

Поздравляю тебя и твоих с Праздником. Мечтал встретить его в Москве. Но я тут окончательно запутался. Как пишу Надежде Григорьевне, — не могу здесь остаться и не могу отсюда выбраться. Некоторые подробности обо мне и моих делах тебе расскажет большой мой приятель Долинин Аркадий Семенович, которого я просил побывать у тебя². Между прочим, просьбу мою поговорить с Тихоновым беру обратно: на днях получил от него ответ на письмо — не утешительный: с изданием Фъезоланских Нимф, на которое он меня несколько обнадеживал, надо погодить; с изданием другого перевода под моей редакцией — то же³. Еще одна издательская попытка, совместная с Долининым, потерпела «киоско» здесь⁴. Устроили для меня тут вечер моих стихов — и он не оправдал ожиданий. Точно так же и прочие попытки достать откуда-нибудь какие-нибудь деньги. Последнее время я в полном упадке и просто сижу или, точнее, лежу сложа руки. По ночам перестал спать окончательно. Давно уже держит меня здесь не дело, а домашние и денежные затруднения, совершенно невылазные. Не раз был я близок к решению махнуть на все рукой — и ехать в Москву, занявши 10 р. (на дорогу-то дадут как-нибудь). Но теперь, когда у меня ни кола, ни двора в Москве, каково мне свалиться друзьям как снег на голову — да еще испортить им праздники. Не последнее я не решился. А теперь продолжаю блуждать в трех соснах. О добром предложении Б.А. Шпаро я просил поговорить в Москве Долинина: как его возможно реализовать?⁵ Пожить в Узком хорошо, я бы снова немножко отошел. Но, конечно, на праздниках нельзя было бы туда ехать — по многолюдству. Кроме того, туда нужно взять работу — сколько-нибудь денежную. И здесь мне необходимо заткнуть хоть некоторые дыры — например, заплатить за квартиру. К 1-му февраля 40 р.: жену притягивали к суду — и оставили в покое, вынудив подписать вексель. Ну, уеду; ну, поживу в Узком — а дальше что? Если и будет работа, да не будет комнаты? А здесь комнаты есть, да жить не вмоготу — и работы нет, да и не будет. Вот тут и действуй. Ума не приложу. Пишу «деловые» письма — и ответов не получаю. А уж ты, дорогой, отзовись. Евдокии Ивановне последнее время не пишу: нельзя на нее тоску нагонять⁶. Напиши мне о ней два слова: как она себя чувствует, как живет.

Передай ей поклон и привет. Кланяюсь низко Любви Ивановне⁷. Людмиле Михайловне нижайший поклон⁸. Как она поживает? Анне Ивановне буду писать особо.

Обнимаю тебя.

Твой Ю. Верховский.

Ленинград, Малая Посадская, д. 19, кв. 9.

¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 1–2 об.

Конверт утрачен.

² Аркадий Семенович Долинин (1880–1968) — филолог. Верховский несколько раз в письмах характеризует его как «друга» (см., например: Письмо к В.Д. Бонч-Бруевичу от 18 июня 1932 г. // РГБ. Ф. 369. Карт. 250. Ед. хр. 18. Л. 1) или одного из «друзей-приятелей» (Письмо к Л. Горнунгу от 14–23 октября 1931 г. // РГБ. Ф. 697. Карт. 1. Ед. хр. 8. Л. 7 об.).

³ В процитированном выше письме к М.А. Цявловскому от 20 октября 1926 г. Верховский, среди прочего, сообщал: «Собираюсь писать Егору <Чулкову>, не знаю когда соберусь. При свидании скажите ему, пожалуйста: не будет ли он в “Круге”? Не спросит ли Тихонова о судьбе моего перевода Бокачковских Нимф? Не напишет ли мне?» (РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. Ед. хр. 410. Л. 2 об.); Егором называл Чулкова и М.А. Цявловский. Речь идет о книге Д. Боккаччо «Фезоланские нимфы», которую Верховский начинал готовить еще для издательства Сабашниковых в 1915 г. Тогда перевод остался неизданным. Не вышел он и в упомянутом здесь московском издательстве «Круг», в работе которого принимал участие писатель Александр Николаевич Тихонов (1880–1956). Напечатан он был только в издательстве Academia. О каком втором переводе здесь идет речь, мы не знаем.

⁴ Этот проект нам неизвестен.

⁵ Борис Александрович Шпаро (1890–?) — юрист. Учился в Московском университете и Московской консерватории. В описываемое время был управделами Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). Позже стал ответственным секретарем редакции журнала «Вестник АН СССР», затем состоял референтом президента Академии наук, после возглавлял отдел Академпродснаба. Его (обсуждаемое далее) предложение состояло в том, чтобы поселить Верховского на время в санатории «Узкое», расположенном в бывшем имении Трубецких и переоборудованном для восстановления нервов работников умственного труда в 1922 г. (см.: [19, с. 14]). Вероятно, Чулков состоял со Шпаро в неплохих отношениях — по крайней мере, двумя годами раньше он хлопотал о подобной услуге для М.О. Гершензона: «Я был сегодня утром в Цекубу, но Шпаро не было в это время. Секретарша многоопытная барышня» объяснила мне, что в Узком совсем нет комнат на одно лицо. Есть только четыре комнаты на двоих. Я завтра опять зайду в Цекубу и попробую поговорить со Шпаро. Между прочим, секретарша сказала, что июль весь расписан, что свободен будто бы только август и завтра последний день подачи заявлений» (Письмо Чулкова к Гершензону от 17 июня 1924 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 43. Ед. хр. 40. Л. 6).

⁶ См. примеч. 7 к письму 4.

⁷ Любовь Ивановна Рыбакова (1882–1972) — сестра Чулкова, художница.

⁸ Людмила Михайловна Лебедева — балерина, солистка московской «Мастерской драматического балета», состоявшая с Чулковым в оживленной переписке; адресат его любовной лирики.

10. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
9 февраля 1927. Ленинград¹

27.I / 9.II.927.
Петербург.

Милый Георгий

Я виноват перед тобой в молчании. На днях я получил от Майи вопрошающее письмо, а вот и твое². Чувствую, что почва ускользает из-под ног. Но что же мне делать? Я запутался. Дома у меня очень неблагополучно. Сын болен³. Денег нет, достать не удастся. Суечусь с рядом литературных проектов — и в Прибое, и в Academia, и в Го-с<ударственном> Издат<ельств>е и пр. Судьба их решается очень медленно, а добиться хоть какой-нибудь, хоть в чем-нибудь реализации, т. е. денег — единственный выход. Здесь мне жить нельзя. В Москву необходимо приехать скоро. И я приеду. Но как? И как буду жить? Ничего не знаю.

Пишу два слова, чтобы ты знал мое положение. Молчанием своим я больше всех виноват перед И.А. Новиковым. Ему нужно написать подробности деловые. Начинать не раз, трудно. Мне ничего не пишут ни из Б<ольшой> Энциклопедии, ни с Курсов⁵, ни об Ак<адемии> Х<удожественных> Н<аук>⁶.

Привет мой душевный Надежде Григорьевне.

Твой Ю. Верховский.

¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 3–3 об.

Конверт. П. ш.: Ленинград (17.2.27); Москва (18.2.27).

² Майя — М.А. Кудашева (см. примеч. 2 к письму 8). Названные письма не сохранились или не разысканы.

³ Никита Юрьевич Верховский (1903–1954) — театральный критик и поэт.

⁴ Верховский работал над несколькими статьями для «Большой советской энциклопедии», но, по своему обыкновению, пропустил объявленные сроки. 27 октября 1926 г. он писал Л.П. Гроссману: «Меня удручает невозможность до сих пор возвратиться в Москву. Сделайте мне великое одолжение. Вы, верно, бываете в редакции Б<ольшой> Сов<етской> Энциклопедии. Не откажите узнать у С.А. Макашина и написать мне в двух словах: в каком положении печатание буквы Б? Остается ли еще за мной возможность представить порученные мне статьи, или дело погублено? Они в работе, со дня на день я надеялся закончить и выслать или привезти; думаю, что это удастся в ближайшем будущем, но все не могу освободиться. Я поглощен срочной и спешной работой, от которой не был вправе уклониться — биографией покойного В.Г. Каратыгина, моего друга и родственника. Материалы к ней можно собрать только на месте. Я погружен в разборку бумаг, в собиранье документальных, печатных и изустных сведений, установление фактов и дат, предварительные наброски и т. п. Выручите меня, сообщите также о моем положении в Ак<адемии> Х<удожественных> Н<аук> к подлежащему сведению» (РГАЛИ. Ф. 1386. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 1). Буква «Б» в первом издании энциклопедии занимает 4–8 тома. Вероятно, изначально Верховский должен был быть автором статьи «Баратынский», но в итоге она была написана Н. Пиксановым.

⁵ Преподавание на курсах Верховский упоминает в письме к И.А. Новикову от 15/25 сентября 1927 г.: «Если будете на курсах и понадобится за меня вступиться, пожалуйста, сделайте это» (РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 566. Л. 8) и еще раз годом позже, 26 сентября 1928 г.: «Опять бегу к Вам, дорогой Иван Алексеевич. Дело с издательством несколько затягивается. Между тем курсы меня беспокоят. Я просил поставить мои лекции либо на понедельник и вторник, либо на пятницу и субботу. Если решено последнее, то я бы мог остаться здесь до четверга. Будьте добры, позвоните Захарову-Мэнскому, спросите его и черкните мне открытку, м. б. в воскресенье успею получить» (Там же. Л. 10). Упоминание Н.Н. Захарова-Мэнского убеждает в том, что речь идет о Высших Государственных литературных курсах, просуществовавших с 1925 по 1929 г. Верховский преподавал там историю русской литературы XIX в.

⁶ Верховский был сотрудником Государственной академии художественных наук (его личное дело: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 100).

11. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
21 июля 1927. Ленинград¹

8/21.VII.927.
Петербург.

Милый друг Георгий

Наконец могу сказать тебе, что еду в Москву. С величайшим трудом заканчиваю последние дела и, можно сказать, на последние деньги готовлюсь выехать отсюда в ближайшее воскресенье, т. е., ежели не ошибаюсь, 24-го числа — вместе со Скалдиным Алексеем Димитричем². Один — я, м. б., еще несколько времени не нашел бы в себе энергии сдвинуться, а между тем я тут прогорел окончательно. Подробности расскажу, а сейчас дело в том, что, как я только что узнал, Цявловского нет в Москве. Между тем я уговорился остановиться у него. И вот, на случай, ежели его квартира пуста и заперта (а, м. б., там Таня?³), — я на несколько дней явлюсь к тебе, в расчете, что ты, м. б., один, о чем и хочу предупредить на всякий случай. Несколько дней — потому что планы мои сейчас — дальше Москвы. Тоже объясню при свидании. А пока что дружески тебя обнимаю, рассчитывая на доброе твое гостеприимство, кланяюсь нижайше Надежде Григорьевне и Анне Ивановне.

Твой Юрий.

¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 5–5 об.

Конверт. П. ш.: Ленинград (22.7.27); Москва (23.7.27).

² См. примеч. 2 к письму 7.

³ Таня — почти наверняка Татьяна Григорьевна (урожд. Зенгер, в первом браке Вельц, во втором Тепина; 1897–1978), будущая жена Цявловского.

12. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
7 июля 1928. Москва¹

Сижу здесь и читаю старую статью: «Новое о Пушкине»², продолжая рыться в литературе для Анны Петровны³. Пользуюсь случаем послать привет тебе, дорогой друг Георгий и сердечно уважаемой Надежде Григорьевне. Если в таком темпе буду и дальше устраивать свои дела, пожалуй и дождусь тебя в Москве. Впрочем ты, верно, и хорошо работаешь и хорошо отдыхаешь, чего от души тебе желаю. Твой Юрий.

¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 7.

Текст представляет собой приписку к открытке неизвестного нам Волкова: «Сердечноуважаемый и дорогой Георгий Иванович,

Деньги в “Огоньке” я получил в назначенный день и безо всяких задержек. Все 100 руб. у меня. Если Вам нужно сделать какие платежи из них, переслать, или отвезти куда, располагайте мною. Сделаю все охотно.

Волков.

Москва, 7.VII.28».

² Статей с таким названием довольно много. Может быть, имеется в виду работа Б. Томашевского (Литературная мысль. Альманах. Пг.: Мысль, 1922. Т. 1. С. 171–186).

³ О чем идет речь — неясно. Единственная известная нам Анна Петровна среди знакомых Верховского — художница Остроумова-Лебедева, с которой он был знаком с 1910-х гг.

13. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
27 февраля 1932. Ленинград¹

27.II.932.

Дорогой друг Георгий

Ты очень хорошо сделал, что написал мне. Я все время в очень тяжелом состоянии, и эти волнения из-за комнаты продолжали меня мучить. Не даром я их серьезно боялся. Едва собираю мысли, пишу с большим трудом, как и вообще теперь. Ты помнишь, я успел сказать тебе в моей комнате, до всех объяснений: имей в виду, я очень болен, да и ни к чему хорошему все это не поведет. Так и вышло. И вот тут-то — единственная точка, в которой у тебя могло остаться на меня чувство обиды, а я мог ли не договорить, или — переговорить. Беда в том, что и раньше, и накануне мы с тобой едва успели повидаться, и я не рассказал тебе толком о своем самочувствии. А то бы ты меня понял и понял бы, что значило мое предупреждение, я очень болен. А — коротко сказать — значило оно вот что: я в совершенном нерв-

ном расстройстве и вынужден был приехать в Москву и разговаривать с людьми, после трех месяцев сиденья взаперти и боязни выйти на люди. Вот тут и выходит со мной, между прочим, такая штука, что я начинаю путаться, все в голове перемешивается, и я иногда говорю невообразимый вздор, или обратный тому, что хочу сказать, или и вовсе не имеющий человеческого смысла. Иногда спохватываюсь, а иногда и нет: бывает, потом, уже поздно, всплывет в сознание, что неладное наговорил. Вот, м. б., и в этой каше с Опочиниными я заговорился, потому что был я и возбужден, и утомлен страшно². Только припоминаю — и не могу припомнить. Ежели я в самом деле тут чем-нибудь тебя обидел, то прости меня, дорогой, или не вмени мне в вину. А сознательно, уверяю тебя, я чист и прав. Ведь я же представляю себе всю трудность твоего положения и душой чувствую — в последнем ты, по старой дружбе, не можешь сомневаться. И уж если не сделал ничего для тебя, значит — не мог. А ты не только усомнился во мне, но и решил, что я кругом виноват, а ты кругом прав. Нет, не следовало тебе поднимать этой истории — ни разговаривать с Опочиниными, ни ставить меня в виноватые.

Мне, впрочем, понятно твое отношение, слишком чувствительное, к этому делу. Пойми же и ты меня — и не вини. А болезненное мое состояние учти всячески. Я очень болен, особенно в смысле нервов; и ослабление сердца, и общая слабость, иногда — до полного упадка сил. Опять не сплю по ночам и перехожу от подавленности к крайнему возбуждению. То совершенная путаница в голове, страшно напряженная, то жуткая пустота и бессилие мысли. Иногда мне кажется, что я с ума схожу — и ужас овладевает мной. Иногда, в спокойствии и тишине совсем справляюсь с собой. Поездка в Москву мне повредила, усилив переутомление. С другой стороны, она немножко меня сдвинула с места и показала, что кое-какие силы еще есть, — не хочу отчаиваться. Я ее перенес, и здесь продолжаю иногда выходить, впрочем после долгого отдыха. Однако спокойным (относительно) чувствую себя только сидя на месте. Особенно — за письменным столом. Сижу много, медленно занимаюсь Боратынским, пока могу дома, — собираю по книгам материал к комментарию³. Для текста у меня много уже сделано. Эти занятия, хоть и утомляют, дают мне некоторое отвлечение и спокойствие, благо пока что не требуют напряжения: я ничего еще не начал писать, кроме био- и библиографических выписок. А писать мне очень трудно. Особенно письма, как всегда. И вот это письмо стоит мне больших усилий и долгого времени, хоть я и спешил выговориться и свалить с себя это необходимое разъяснение нашего недоразумения. Оттого и вы-

шло длинно, но, надеюсь, убедительно. *Dixi et animam levavi*⁴. Устал страшно. — Надежде Григорьевне мой низкий поклон. Хотелось ей написать особо, но отлагаю до лучшего самочувствия. Anne Ивановне большой привет. Жалею, что не повидал ее. А ты в моей любви не сомневайся: не она ли и вывела меня тогда из равновесия? — Отвечай мне, пожалуйста, соберись со временем. Я, хоть и с трудом, но письма пишу. Писал, между прочим, Ивану Алексеевичу⁵, от него пока не получил. — Обнимаю тебя.

Твой Ю. Верховский.

¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 8–9 об.

Конверт. П. ш.: Ленинград (28.7.32); Москва (1.3.32).

² Речь идет о мемуарных записях писателя Евгения Николаевича Опочинина (1858–1928), прежде всего его воспоминаниях о Достоевском. Верховский скопировал их в начале 1930-х гг. 27 августа 1931 г. он писал М.А. Цявловскому: «Оставляю тебе переписанную часть воспоминаний Е.Н. Опочинина. М. б. на досуге прочтешь. Хотел передать М.В. Сабашникову, с которым говорил уже довольно давно, но м.б. лучше ему дать рукопись уже в полном виде» (ИРЛИ. Ф. 387. Ед. хр. 108. Л. 7). Этот план не удался, но летом 1932 г. возникла идея напечатать их в сборнике «Звенья». 18 июня 1932 г. Верховский писал В.Д. Бонч-Бруевичу: «Мой друг А.С. Долинин сообщил мне, что Вас заинтересовали Беседы с Достоевским Е.Н. Опочинина. С большой готовностью и радостью посылаю Вам эту замечательную рукопись <...>» (РГБ. Ф. 369. Карг. 250. Ед. хр. 18. Л. 1). Напечатаны они были в шестом выпуске «Звеньев» (М.; Л.: Феникс, Atheneum, 1936). Опочининские материалы послужили одним из источников биографического исследования Чулкова о Достоевском, не изданного при жизни автора (см.: [22, с. 419]).

³ Верховский готовил двухтомное собрание стихов Баратынского для издательства «Academia». Издание осталось неосуществленным. См. примеч. 18 к письму 5.

⁴ Сказал и на душе стало легче (лат.).

⁵ И.А. Новиков.

14. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
25 августа 1932. Покровка Московской области¹

25.VIII.932.

Покровка.

Милый друг мой Георгий, очень ты меня порадовал письмом своим, хотя и не радостным — долгожданным. Спасибо тебе. Много и о многом хотелось бы с тобой говорить. Однако начну с дела, руководясь мнением Боратынского, что «самая дружеская переписка — деловая»². О нем и дело. Ты меня взволновал известием о разговоре в редакции. Я ждал его и боялся. Как счастливо, что ты был тут — и своим вмешательством, надеюсь, хоть на время, от-

клонил грозу, висящую надо мной. Когда еще не было поздно (формально), в конце мая, начал я хлопоты об отсрочке представления в Academi-ю издания Боратынского³. Срок был 1-го июня. Раньше не начинал хлопотать, м. б. напрасно. Мне, конечно, было ясно, что запоздаю с работой; но я был до того болен и плох, что не смог себя подвигнуть на какие-нибудь твердые шаги. Писать о своих недугах и расписывать свое тяжкое положение — вообще, конечно, трудно; а говорить о достоинстве своей многолетней работы, о значительности уже сделанного, о большом труде, положенном и в последнее время, о сложности и ответственности всего дела и т. д. — это еще труднее. Поэтому я тогда не стал писать прямо. Да и не знал кому. А написал приятелю моему Борису Лопатинскому, знавшему положение и вхожему в издательство⁴. Он взялся уладить дело, т. е. сходить и поговорить — предупредив только, что в ближ<a>йшие дни занят. Я писал ему дополнительные указания; не получая ответа, писал еще и еще раз. В заключение через два месяца получил известие, что он ничего не сделал и сделать, по занятости, не может. Тогда я писал (два раза) Зенкевичу⁵, прося информировать меня о положении дела в издательстве, о всей серии поэтов и пр. До сих пор ответа не получил. Такова история «вопроса». Все это я подробно описал в письме к Ив.Ал.⁶ В итоге стало еще труднее теперь писать самому в издательство. — Настоящее положение мое таково. Работа по рукописям в Пушкинском Доме почти закончена; на днях надеюсь ее возобновить и в течение сентября закончить (насколько могут быть закончены архивные розыски). Печатный материал, относящийся к тексту I тома, можно сказать, почти проработан. Основной текст почти выработан. Материал для комментария собран в очень большом количестве. Но до точки, на которой я решил бы остановиться, еще не дошел. Вообще же, как ты знаешь, исчерпать это никогда нельзя. Но главное, что осталось, это — все это сводить, из груды выбирать существеннейшее, сжимать, писать и переписывать. Много хлопот и с механическим облаживанием представляемой рукописи текста. Мне, ведь, никто не помогает, все должен делать сам. Еще важная вещь: поневоле работа естественно идет в известной мере над обоими томами сразу. Сейчас, для I тома, это задержка; но в итоге — выигрыш; и со II томом задержка, надеюсь, будет меньше. А в нем, особенно по части писем — три четверти сделано мною (с прежними «публикациями») — будет очень много нового. Собрано же воедино все будет впервые. NB Архивно и документально работаю над Боратынским с 1908 г. (См. в Известиях Академии мои отчеты о командировках: главный рукописный «фонд» Боратынского

я и собрал)⁷. Вот тебе и «послужные» беспристрастные сведения. Все это, м. б., хорошо. А худо одно. Месяцев семь почти вовсе пропали для моей работы: был я болен и очень болен; но болен я и посейчас. Зимой — вернее, еще с осени — я совсем не мог работать; потом работал кое-как, не выходя из комнаты; с конца зимы еле-еле стал ходить в Пушкинский Дом, то и дело опять болея; наработал все-таки не мало, но 18-го июня — не то что приехал, а, вернее, меня привезли сюда; на днях возвращаюсь в город, — конечно, поправился, но все-таки не уверен, что буду куда-нибудь годиться, особенно — надолго. Вот положение мое. Отсюда вывод и виды на будущее. Мне нужна отсрочка настоящая, основанная на доверии, на признании сделанного мною и на понимании — не говорю уже сложности моего положения (NB — это основная и драгоценная для меня работа), — но ответственности, сложности и нужности всей этой работы, значения того, чтобы дать ее довести до конца как следует. Мне думается, что реально большой спешности и срочности в этом деле для издательства нет. Если только это так, то есть шансы на благополучный исход. Зачем я все это пишу тебе? А затем, что только на тебя да на Ивана Алексеевича вся моя надежда. Ты начал в добрый час разговор обо мне с Каменевым⁸, — возобнови его. Иван Алексеевич, если нужно, — верно, к тебе присоединится. Выручайте меня, друзья мои милые, а то, ведь, я пропал, совсем пропал. На этом пока прерываю письмо. И так оно задержалось. Писал его в несколько приемов. Если завтра не надо будет спешить с отправкой, м. б. вернусь к нему.

Буду писать. Обнимаю тебя, друг. Твой Ю. Верховский.

¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 11–13 об.

Конверт. П. ш.: Москва (25.8.32), Ленинград (30.8.32).

² Неточная цитата из письма Е.А. Баратынского Н.В. Путьте от середины декабря 1838 г.

³ См. примеч. 18 к письму 5.

⁴ Художник Борис Львович Лопатинский (1881 – после 1946), знакомый Верховскому по Тифлису, где он преподавал в школе живописи и скульптуры. В 1918 г. работал в Наркомпросе. В 1935 г. был репрессирован, в 1946 г. освобожден из лагеря.

⁵ Поэт Михаил Александрович Зенкевич (1886–1973).

⁶ Новикову. Это письмо (от 21 августа 1932 г.) сохранилось: РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 566. Л. 77; здесь также излагается история с ходатайством Лопатинского: «Первый срок представления I тома был 1-го июня. К этому времени я наработал правда очень много, несмотря на все препятствия, но ясно видел грозившее мне банкротство — написал приятелю моему Лопатинскому — художнику, бывающему в издательствах и имевшему возможность поговорить с Каменевым — о чем я и просил его <...>».

⁷ Имеется в виду работа: *Верховский Ю.Н.* Отчет о поездке летом 1908 года (СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1908. 10 с.; оттиск из: Известия императорской Академии наук. 1908. VI серия. № 16. С. 1202–1210). В ней он описывает несколько поездок по центральной России с целью сбора архивных материалов — две поездки в село Татёво Смоленской губернии к В.А. Рачинской (приходящейся ему родственницей), поездку в Казань к А.Н. Боратынскому, к нему же в имение Шушары под Казанью, к З.Е. Геркен в имение Юматово, к С.С. Чичериной в Тамбовскую губернию, в Симбирск к наследникам Н.М. Языкова и др. Здесь же приводится предварительная опись полученных им материалов. Представляя их Академии наук, Верховский не без основания рассчитывал, что разбор и публикация их будет доверена ему; в действительности этого не произошло.

⁸ Подробности беседы Чулкова с Л.Б. Каменевым нам неизвестны.

15. *Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову*
10 сентября 1932¹

10.IX.932.

Милый друг мой Георгий, приехал из Москвы Долинин и рассказал мне об успешном разрешении дела с отсрочкой по Боратынскому. Спасибо тебе, дорогой, я прежде всего тебе этим обязан. Камень свалился с плеч моих. Теперь ожидаю официального извещения от издательства: Аркадию Семеновичу сказано, что мне такое извещение пошлют. Это закрепит дело. Ему же определенно сказал Л.Б. Каменев, что отсрочку мне дают серьезную — на год. Это для меня имеет огромное значение: тот же Долинин, верно тебе рассказал о моем самочувствии: я все еще болен и слаб не на шутку, от всякой небольшой ходьбы утомляюсь, от 4–5 часов работы болит голова и т. д., так что напряженно и спешно ничего делать не могу. А делаю все, что могу — это не фраза. И определенно рассчитываю, если не привезти в первых числах, то вскоре по приезде моем сдать в издательство готовый к печати основной текст I тома. Таким образом у них будет в руках материал — и свидетельство произведенной работы. Но весь аппарат и все, что мне нужно писать, я не в силах поднять иначе, как очень медленно: мог бы погибнуть от одного обилия — и собранного мной, и намеченных разысканий — для II тома предстоит едва ли не больше раскопок, чем для I, хотя собрана груда. Только бы силы. Скажу тебе коротко, что два с половиной месяца в деревне, конечно, все-таки меня укрепили, и там я кое-что сделал; хотя вторая половина этого пребывания — уже одной теснотой жилья и знакомыми тягостями домашнего быта — многое отняла. А ты неужто не сдвигался из Москвы? Я никак этого не думал, представлял себе тебя на юге! — Я верен себе: эпистолофобия. Кончаю письмо уже

по получении твоей открытки. Спасибо*. Обнимаю тебя, Надежде Григорьевне низко кланяюсь. О ней слышал, что она возвратилась. А что Анна Ивановна? Передай ей дружеский мой привет.

Твой Ю. Верховский.

10.IX.

P.S. Хочется еще поговорить. Я очень мало знаю о тебе за последнее время. Давно бы написал тебе, если бы писалось легко. Ты меня расшевелил. Не оставляй же и вперед, прошу тебя, улучай минуту и пиши несколько строк о себе. Неужели ты так и не выберешься из Москвы, хотя бы осенью? Для себя-то я хотел бы, чтобы ты повременил до моего приезда: сколько времени не выдались!

Ты бодр и деятелен — не чета мне. Книжные неудачи тебя, видимо, не смущают настолько как меня (хоть мои и меньше: на корректуре застряла гражданская поэзия; давным-давно сданные — не выходят: Вазари, Эгмонт, Броневский, примечания к Пушкину; в рукописи лежат не только Фьезоланские Нимфы — набирается все-таки не мало!)². Я как-то заробел от этой тягучки, — измором берет. Да не в этом дело. Как не заробеть от больших печалей? Один за другим помирают люди-сверстники, да и младшие. Или уж мы дожили до возраста, когда приходится провожать — и дожидаться своей очереди? Но и тут ты бодришь меня: заочно разделяю радость твою молодым всходам, как Павел Васильев³. Хотел бы послушать его,дохнуть свежим воздухом поэзии. Это бы меня оживило. Давно не читывал новых поэтов. Не тут бы говорить, а скажу, что и самому еще утешно писать стихи — для себя. Если не пишешь, послушайся меня и пиши хоть иногда (времени для этого не нужно!) — да присылай мне. Пожалуйста! Я семь месяцев не писал ни строки, а теперь, летом и днем (не осенью и не ночью) написал целый том — ненужный, а, м. б., и плохой, — да не в этом дело. Однако, забастовал. А ты теперь начни, — право!

Твой Ю.В.

---

*Волнует меня все-таки словно не полная еще решенность дела!

¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 15–18 об.

Конверт. П. ш.: Ленинград (15.9.32); Москва (16.9.27).

² Перечислены работы Верховского 1930-х гг.: перевод «Жизнеописаний наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» Джорджо Вазари (М.; Л.: Academia, <1933>. Т. 1–2; совместно с А. Губером, А. Дживелеговым и А. Эфросом); перевод трагедии Гете «Эгмонт» (*Гете И.* Собр. соч.: в 13 т. М.; Л.: Гос. изд. худж. лит., 1933. Т. 3: Драммы в прозе. С. 261–352); перевод стихотворений польского поэта Владислава Броневского (1897–1962), выполненный для издания: *Броневский В.* Избранные стихи 1923–1931. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1932. 84 с.; несколько

пушкиноведческих трудов, подготавливаемых для альманаха «Звенья» (в свет они не вышли). О «Фьезоланских нимфах» см. примеч. 3 к письму 9.

³ Павел Николаевич Васильев (1909–1937; расстрелян) — поэт.

16. *Ю.Н. Верховский — Н. Г. Чулковой.*
9 марта 1940. Ленинград¹

9. III. 940

Ленинград

Дорогая и сердечно уважаемая Надежда Григорьевна, простите меня. Неспособность писать письма — исконное мое злосчастное свойство. Преодолеть его, сидя здесь, мне приходилось не раз, но все через силу по деловым поводам. Написать же от сердца что-нибудь складное и, конечно, более существенное, чем все деловое — и желаннее, и нужнее, но зато и труднее во много раз. А тут еще меня обескураживало как раз то небольшое, что я мог сообщить Вам о делах. Все ждал какого-нибудь поворота к лучшему. На опыте предполагаемого издания моих стихов я убедился, что это — дело очень трудное². Для меня оно, несмотря на предварительную подготовку, за все эти месяцы не подвинулось почти ни на шаг. Только стало очевидно, что сдвинуть что-нибудь может, в сущности, одно прямое распоряжение из Москвы, т. е. московской редакции Советского Писателя — или правления союза. Полной неопределенностью встречено было и мое дело, и вопрос об избранных стихах Георгия³. Остается, я думаю, хлопотать, начиная Союзом и уже с подготовленной книгой в руках. Этим подготовлением я и хотел бы, если позволите, заняться вместе с Вами по приезду в Москву. О библиографии много нужно поговорить. Это дело важное, и очень хорошо, что Вы сами взяли его на себя, хотя без посторонней помощи, конечно, не обойтись.

Но здешние дела мои все затягиваются и я, при всех усилиях, не могу добиться ни обещанных договоров, ни каких-нибудь денег, хотя речь идет, между прочим, об одной готовой работе и другой, здесь на две трети исполненной⁴. То же и с московскими делами, несмотря на усиленную обременительную переписку. Между тем дома у меня не очень благополучно: жена⁵ серьезно болеет, — плеврит. Она Вам сердечно кланяется. А мне позвольте дополнить письмо мое, или речи мои о себе, двумя последними моими стихотворениями⁶. Пусть они Вас несколько развлекут в людном Вашем уединении и, хочется думать, найдут себе отклик. Только не судите меня строго. Писалось тут немало, хотя и рядом с постоянной переводческой работой. Итак пишу о себе же. О других могу сообщить Вам очень мало: слишком

устаю от хождений неизбежных, выхожу из дому с трудом, вижу с немногими и преимущественно в полу-деловом плане. К Анне Андреевне⁷ никак до сих пор не могу собраться, хотя непременно хочу побывать у нее. От общих друзей знаю, что она здорова и деятельна, живет хорошо. Ждут издания ее стихов, но и тут, по-видимому, дело подвигается медленно⁸. Всего Вам хорошего. Прошу Вас, не сердиться на мое слишком долгое молчание.

Душою Вам преданный

Ю. Верховский

¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 452. Л. 2–3.

² Впервые разговор об издании избранных стихов Верховского зашел в начале 1940 г. 20 января 1940 г. он писал М.А. Цявловскому: «Упоминаемая тут вторая книга, предполагаемая в Библиотеке Поэта — сообщая доверительно, пока только для вас — том избранных моих стихотворений за 40 лет, предложенный к изданию правлением ССП» (ИРЛИ. Ф. 387. Ед. хр. 108. Л. 19). 27 января он договаривается о вступительной статье: «Становится на ноги издание Избранных моих Стихотворений и есть в этом деле одна статья, помимо стихов, очень, как вы согласитесь, для меня важная. А именно — статья вступительная. Мне предоставляется возможность предложить издательству желательного для меня автора статьи. Позвольте же просить вас взять это дело на себя» (Письмо к Д.Е. Михальчи от 27 января 1940 г. // РГБ. Ф. 768. Карт. 31. Ед. хр. 28. Л. 1). 11 февраля 1940 г. Верховский писал И.А. Новикову: «Советский писатель <...> наконец склонен издать избранные мои стихотворения» (РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 567. Л. 32; в этом же письме Верховский сообщает: «проделал огромную (оказалось) работу по перетряске, отбору и планировке сорокалетнего своего стишистого добра»). 6 марта 1940 г. он пишет Д.Е. Михальчи: «Не помню, писал ли я Вам, что главный мой советчик, близкий издательству и единственный там радатель — Ю.Н. Тынянов — дал мне такой деловой и дельный совет: начинать разговор в здешнем издательстве только тогда, когда будет у меня в руках весь материал, т.е. прежде всего готовить рукопись книги, а затем, кроме данной мне выписки из протокола заседания правления ССП, две требующиеся рецензии и личное письмо К.А. Федина к директору здешнего издательства. Ничего этого еще нет и не знаю, будет ли до моего отъезда в Москву, который еще не определен, но с каждым днем приближается: я здесь прописан до 14-го апреля и не знаю, удастся ли продлить прописку, если непременно понадобится» (РГБ. Ф. 768. Карт. 31. Ед. хр. 28. Л. 4 об.–5). В апреле того же года он сообщает Т.Г. Цявловской: «Дело с томом моих стихов почти не подвинулось, только еще заканчивается переписка (по безденежью и безбумажью); <...> без распоряжения из Москвы и это не двинется; как тут уедешь, хоть и давно пора — к новым митарствам?» (Письмо от 6 апреля 1940 г. // ИРЛИ. Ф. 387. Ед. хр. 390. Л. 1 об.). Издание не вышло: в письме Новикову от 31 декабря 1940 – 27 февраля 1941 автор сообщал: «Наконец — том моих стихов (“юбилейный”). После нескольких месяцев волокиты — совет: начинать все дело с начала — в Москве. Другой совет — связать его с собранием моих избранных переводов» (РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 567. Л. 34 об.).

³ Том избранных стихотворений Чулкова также не был напечатан.

⁴ Почти наверняка речь идет о выполненных Верховским переводах из Петрарки и Ронсара. Кроме того, «Советский писатель» заказал Верховскому подготовку текста и примечания к собранию стихов В.Г. Теплякова.

⁵ Александра Павловна Верховская (1877 или 1878 – после 1958). Установление дат ее жизни кажется не слишком простой задачей. В современном профильном справочнике о ней сказано: «Верховская Александра Павловна (1878–1942) — педагог, библиотекарь. До 1922 г. занималась преподавательской деятельностью.

В БАН работала с 1924 по 1937 г. в разных должностях, с 1 апреля 1933 г. библиотекарь при кабинете методологии. Участник расширенного заседания Ученого совета БАН 22 февраля 1933 г. по вопросу о реальных каталогах» (К истории разработки библиотечных классификаций в 1930-е годы. Сборник документов. Комментарированное издание. СПб.: БАН, 2018. С. 186). Есть надежда, что год рождения, выглядящий весьма правдоподобно, взят из ее личного дела в архиве Академии наук (Ф. 158. Оп. 7. Ед. хр. 47; нам оно осталось недоступным). При этом год смерти, вероятно, извлечен из справочника «Книга памяти. Блокада», где идет речь о другой Александре Павловне Верховской, 1890 г. р. Безусловно, в 1958 г. жена Верховского здравствовала: в нашем собрании хранится ее письмо к А. Звенигородскому от 13 декабря 1958 г. Среди прочего, там говорится: «Что же касается меня, то т. к. я 1877 г. рождения, то уже не пользуюсь транспортом, а выхожу только до угла в магазин. Иду с палкой, куплю что-нибудь и обратно. Делаю каждое утро гимнастику для ног и ползаю понемножку» (благодаря этому письмо, возможно, стоит пересмотреть утвердившийся в качестве года ее рождения 1878).

⁶ Приложены стихотворения «Даны простые чистые радости...» и «Коль хочешь плакать, плачь, но плачь один...» (опубликованы: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/268230.html>, <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/135271.html>).

⁷ А.А. Ахматова.

⁸ Речь идет о сборнике Ахматовой «Из шести книг» (Л.: Сов. писатель, 1940. 327 с.). О допечатной истории книги см.: [19, с. 91–93]. Из опубликованных здесь материалов следует, что книга была представлена в Ленинборглит в мае 1940 г. вместе с исходящей от директора «Советского писателя» просьбой поторопиться: «на одном из совещаний в Москве товарищ Сталин интересовался «почему не печатается Ахматова». Об этом тов. Фадеев сообщил писателям и литературным работникам Москвы» (С. 92).

Литература

1. «Несмотря на все, жить прекрасно...» (письма А.А. Блока к Ю.Н. Верховскому) / публ. К.Н. Суворовой // Встречи с прошлым. М.: Советская Россия, 1982. Вып. 4. С. 119–125.
2. Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог / под ред. В.Н. Орлова. М.: Ин-т рус. лит. АН СССР, 1975. Вып. 1: Письма Александра Блока. 495 с.
3. Блок А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Худож. лит., 1963. Т. 7 / подгот. текста и примеч. Вл. Орлова. 548 с.
4. Богомолов Н. Вокруг «Серебряного века». Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 720 с.
5. Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / сост., вступ. ст., коммент. и биогр. словарь-указатель И.В. Тункиной. М.: Юрайт, 2008. 371 с.
6. Верховский Ю. Струны. Собр. соч. / сост., подгот. текста, статья и коммент. В. Калмыковой. М.: Водолей, 2008. 928 с.
7. Гершензон М.О. Переписка, 1895–1924 / изд. подгот. А.Л. Соболев. М.: Трунь, 2018. 816 с.

8. *Гуреева Л., Рипенко А.* Олександр Білецький // Спадщина: Літературне джерелознавство. Текстологія. Київ: ПЦ «Фоліант», 2009. Т. 4. С. 204–361.

9. *Дорожжина М.А.* Академик А.И. Белецкий — исследователь русской женской художественной прозы XIX в. // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2016 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 139–151.

10. *Крих С.* Другая история: «периферийная» советская наука о древности. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.

11. *Лавров А.В.* Дружеские послания Вячеслава Иванова и Юрия Верховского // *Лавров А.В.* Символисты и другие. Статьи. Разыскания. Публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 394–425.

12. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Ответственный редактор А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2006. Т. 1. Ч. 2: Москва и Петроград. 1921–1922. 706 с.

13. *Муравьев В.* «Все здесь очень были бы рады вас видеть» // Памятники Отечества. <М.:НО «Редакция альманаха “Памятники Отечества”», 2003>. № 58. Музей России. Мураново. С. 117–121.

14. *Недоброво Н.В.* Милый голос. Избранные произведения / сост., примеч. и послесл. М. Кралина. Томск: Водолей, 2001. 351 с.

15. *Обатнина Е.Р.* От маскарада к третейскому суду («Судное дело об обезьяннем хвосте» в жизни и творчестве А.М. Ремизова) // Лица: Биографический альманах. СПб.: Феникс, 1993. Кн. 3 / ред.-сост. А.В. Лавров. С. 448–465.

16. Публикации и документы. Научный сборник / сост. и автор биогр. статей Н.С. Беляев. СПб.: Науч.-библиогр. архив Российской акад. художеств, 2006. Вып. 1. 62 с.

17. *Синельникова Е.Ф., Соболев В.С.* Петроградское философское общество и издательство «Academia» // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 299–301.

18. *Скалдин А.* Стихи и письма. Подготовка текста, послесловие и комментарии В. Вотрина // Новый мир. 2014. № 5. С. 120–135.

19. Цензура дает «добро» / публ. подгот. В.Ю. Волковым // Новый журнал (СПб). 1991. № 3. С. 91–93.

20. *Чельшев Е.П., Коробко М.Ю.* Усадьба Узкое и Владимир Соловьев. М.: Наука, 2012. 164 с.

21. *Черносвитова О.Н.* Материалы к биографии Федора Сологуба / вступ. ст., публ. и коммент. М.М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 221–260.

22. *Чулков Г.И.* Жизнь Достоевского / сост., подгот. текста, коммент. и вступ. ст. О.А. Богдановой. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 472 с.

23. Ю.Н. Верховский — профессор Пермского университета / публ. и коммент. С.А. Звоновой и Т.Н. Фоминых // Русская литература. 2005. № 2. С. 207–216.

Research Article and Publication of Archival Documents

Yu.N. Verkhovsky. Letters to G.I. Chulkov and N.G. Chulkov

© 2023. Alexander L. Sobolev
Independent Researcher

Abstract: It is the first time that the letters of Yury Nikandrovich Verkhovsky to Georgy Ivanovich and Nadezhda Grigorievna Chulkov are published in their entirety. This correspondence, which lasted almost 30 years, represents a significant source of knowledge about the history of Russian modernism: among those mentioned are A.A. Blok, V.I. Ivanov, A.M. Remizov, M.A. Tsiavlovsky, M.A. Zenkevich, A.S. Dolinin, Yu.N. Tynyanov, A.A. Akhmatova, A.N. Tolstoy, and many others. Particular letters are related to particular events of the cultural life: the poetry book series of the “Academia” publishing house; the famous “case of a monkey tail,” which has induced the rift in the literary world; Verkhovsky’s work on the commentary to the collected works of Y.A. Baratynsky; the attempts to publish the prose experiments of the prominent archaeologist B.L. Bogayevsky; the receptions of the lost novels of A.D. Skaldin. Especially noteworthy are materials to the letters author’s own life history: the article reveals the circumstances of the publication, existence, and reception of the collection of his poems “Sun in captivity,” the longstanding publication attempts of his D. Bocaccio’s “Ninfale fiesolano” translation, the subtleties of his work for the State Academy of Artistic Sciences and “Great Soviet Encyclopedia,” teaching at the Higher State Literary Courses — and the chain of domestic and worldly problems comparably essential to his biography, which were set out in detail in the messages to one of the rare confidants. Letters are accompanied by comprehensive historical and literary commentary.

Keywords: Yu.N. Verkhovsky, G.I. Chulkov, epistolary, symbolism, modernism, monkey tail, “Academia” publishing house, State Academy of Artistic Sciences.

Information about the author: Alexander L. Sobolev — Independent Researcher, Moscow, Russia.

E-mail: trirodov@gmail.com

For citation: “Yu.N. Verkhovsky. Letters to G.I. Chulkov and N.G. Chulkov,” notes and introd. article by A.L. Sobolev. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (27), 2023, pp. 56–96 (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-56-96>

References

1. “Nesmotria na vse, zhit’ prekrasno...’ (pis’ma A.A. Bloka k Iu.N. Verkhovskomu)” [“Despite Everything, It’s Great to Live...’ (Letters from A.A. Blok to Iu.N. Verkhovsky)”, publ. by K.N. Suvorova. *Vstrechi s proshlym [Meetings with the Past]*, issue 4. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1982, pp. 119–125. (In Russ.)
2. Orlov, V.N., editor. *Aleksandr Blok. Peregiska. Annotirovannyi katalog [Alexander Blok. Correspondence. Annotated Catalogue]*, issue 1: Pis’ma Aleksandra Bloka [Alexander Blok’s Letters]. Moscow, Institute of Russian Literature of the AS of the Soviet Union Publ., 1975. 495 p. (In Russ.)
3. Blok, A. *Sobranie sochinenii: v 8 t. [Collected Works: in 8 vols.]*, vol. 7, text prep. and notes by Vl. Orlov. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1963. 548 p. (In Russ.)
4. Bogomolov, N. *Vokrug “Serebrianaogo veka.” Stat’i i materialy [Around the Silver Age. Articles and Materials]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 720 p. (In Russ.)
5. Buzeskul, V.P. *Vseobshchaia istoriia i ee predstaviteli v Rossii v XIX i nachale XX veka [General History and Its Representatives in Russia in the 19th and Early 20th Centuries]*, comp., introd. article, comm. and biographic index dictionary by I.V. Tunkina. Moscow, Iurait Publ., 2008. 371 p. (In Russ.)
6. Verkhovskii, Iu. *Struny. Sobranie sochinenii [Strings. Collected Works]*, comp., text prep., article and comm. by V. Kalmykova. Moscow, Vodolei Publ., 2008. 928 p. (In Russ.)
7. Gershenzon, M.O. *Peregiska, 1895–1924 [Correspondence, 1895–1924]*, text prep. by A.L. Sobolev. Moscow, Truten’ Publ., 2018. 816 p. (In Russ.)
8. Gureeva L., and A. Ripenko. Oleksandr Bilec’kij. *Spadshhina: Literaturne dzhereloznavstvo. Tekstologija*, vol. 4. Kiev, PTs “Foliant” Publ., 2009, pp. 204–361. (In Ukrainian)
9. Dorozhkina, M.A. “Akademik A.I. Beletskii — issledovatel’ russkoi zhenskoi khudozhestvennoi prozy XIX v.” [“Academician A.I. Beletsky — Researcher of Russian Women’s Artistic Prose of the 19th Century”]. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 2016 god. [Yearbook of the Manuscript Department of Pushkin House for 2016]* St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2017, pp. 139–151. (In Russ.)
10. Krikh, S. *Drugaia istoriia: “periferiinaia” sovetskaia nauka o drevnosti [Other Story: “Peripheral” Soviet Antiquity Studies]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020. 320 p. (In Russ.)
11. Lavrov, A.V. “Druzheskie poslaniia Viacheslava Ivanova i Iurii Verkhovskogo” [“Friendly Epistles of Vyacheslav Ivanov and Yuri Verkhovsky”]. Lavrov, A.V. *Simvolisty i drugie. Stat’i. Razyskaniia. Publikatsii [Symbolists and Others. Articles. Searches. Publications]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, pp. 394–425. (In Russ.)
12. Galushkin, A.Iu., editor. *Literaturnaia zhizn’ Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia [Literary Life of Russia in the 1920s. Events. Reviews of Contemporaries. Bibliography]*, vol. 1, part 2: Moskva i Petrograd. 1921–1922 [Moscow and Petrograd. 1921–1922]. Moscow, IWL RAS Publ., 2006. 706 p. (In Russ.)

13. Murav'ev, V. ““Vse zdes' ochen' byli by rady vas videt'” [““Everyone Here would be Happy to See You””]. *Pamiatniki Otechestva* [*Monuments of Fatherland*], no. 58: Muzei Rossii. Muranovo [Museums of Russia. Muranovo]. <Moscow, NO “Redaktsiia Almanakha ‘Pamiatniki Otechestva’” Publ., 2003>, pp. 117–121. (In Russ.)

14. Nedobrovo, N.V. *Milyi golos. Izbrannye proizvedeniia* [*Sweet Voice. Selected Works*], comp., notes and afterword by M. Kralin. Tomsk, Vodolei Publ., 2001. 351 p. (In Russ.)

15. Obatnina, E.R. “Ot maskarada k treteiskomu sudu (‘Sudnoe delo ob obez’ian’em khvoste’ v zhizni i tvorchestve A.M. Remizova)” [“From the Masquerade to the Arbitration Court (‘The Case of a Monkey Tail’ in the Life and Work of A.M. Remizov)”]. *Litsa: Biograficheskii al'manakh* [*Faces: Biographical Almanac*], vol. 3. Moscow, St. Petersburg, Phoenix Publ., 1993, pp. 448–465. (In Russ.)

16. *Publikatsii i dokumenty. Nauchnyi sbornik* [*Publications and Documents. Scientific Collection*], issue 1, comp. and bibliographic articles by N.S. Beliaev. St. Petersburg, Nauchno-bibliograficheskii arkhiv Rossiiskoi akademii khudozhestv Publ., 2006. 62 p. (In Russ.)

17. Sinel'nikova, E.F., and V.S. Sobolev. “Petrogradskoe filosofskoe obshchestvo i izdatel'stvo ‘Academia’.” [“Petrograd Philosophical Society and ‘Academia’ Publishing House”]. *Vestnik arkhivista*, no. 1, 2020, pp. 299–301. (In Russ.)

18. Skaldin, A. “Stikhi i pis'ma” [“Poems and Letters”], text prep., afterword and comm. by V. Votrin. *Novyi mir*, no. 5, 2014, pp. 120–135. (In Russ.)

19. “Tsenzura daet ‘dobro’.” [“Censorship Gives the Go-ahead”], publ. prep. by V.Iu. Volkov. *Novyi zhurnal (SPb)*, no. 3, 1991, pp. 91–93. (In Russ.)

20. Chelyshev, E.P., and M.Iu. Korobko. *Usad'ba Uzkoie i Vladimir Solov'ev* [*Uzkoie Estate and Vladimir Solovyov*]. Moscow, Nauka Publ., 2012. 164 p. (In Russ.)

21. Chernosvitova, O.N. “Materialy k biografii Fedora Sologuba” [“Materials to the Biography of Fedor Sologub”], introd. article, publ. and comm. by M.M. Pavlova. *Neizdannyi Fedor Sologub* [*Unpublished Fedor Sologub*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1997, pp. 221–260. (In Russ.)

22. Chulkov, G.I. *Zhizn' Dostoevskogo*. [*Life of Dostoevsky*], comp., text prep., comm. and introd. article by O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 472 p. (In Russ.)

23. *Iu.N. Verkhovskii — professor Permskogo universiteta* [*Yu.N. Verkhovsky — Professor of Perm University*], publ. and comm. by S.A. Zvonova and T.N. Fominykh. *Russkaia literatura*, no. 2, 2005, pp. 207–216. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 03.07.2022
Одобрена после рецензирования: 30.09.2022
Дата публикации: 25.03.2023

The article was submitted: 03.07.2022
Approved after reviewing: 30.09.2022
Date of publication: 25.03.2023

Литературный факт.
2023. № 1 (27)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (27), 2023

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-97-111>
<https://elibrary.ru/PRYVSS>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Ищем денег всюду, где есть друзья русского искусства, русской поэзии»: В.Ф. Зеелер и Комитет по ознаменованию 50-летия литературной деятельности К.Д. Бальмонта

© 2023, В.Э. Молодяков
Университет Такусёку,
Токио, Япония

Аннотация: В 1935–1936 гг. Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942) перенес тяжелую нервную болезнь, прервавшую его творческую деятельность. Лечение, требовавшее больших расходов, лишило его средств к существованию, и в помощь больному поэту включились русские эмигранты. Особую активность в сборе средств проявил известный общественный деятель Владимир Феофилович Зеелер (1874–1954), секретарь Союза русских писателей и журналистов в Париже, движущая сила и казначей созданного в конце 1935 г. Комитета по ознаменованию 50-летия литературной деятельности К.Д. Бальмонта. История его отношений с поэтом в общем известна по опубликованным письмам и стихотворениям Бальмонта, адресованным Зеелеру, и по воспоминаниям Зеелера. Настоящая работа дополняет ее впервые публикуемым в полном объеме обращением Комитета, вероятнее всего, составленным Зеелером, и впервые публикуемыми материалами переписки Зеелера со спонсорами.

Ключевые слова: К.Д. Бальмонт, В.Ф. Зеелер, юбилей, болезнь Бальмонта, сбор средств, спонсор.

Информация об авторе: Василий Элинархович Молодяков — доктор политических наук, профессор, университет Такусёку, Оцука 1-7-1 G-210, Бункё-ку, Токио, 112-0012, Япония.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5892-0473>

E-mail: dottore68@mail.ru

Для цитирования: Молодяков В.Э. «Ищем денег всюду, где есть друзья русского искусства, русской поэзии»: В.Ф. Зеелер и Комитет по ознаменованию 50-летия литературной деятельности К.Д. Бальмонта // Литературный факт. 2023. № 1 (27). С. 97–111. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-97-111>

Поздние годы жизни Константина Дмитриевича Бальмонта (1867–1942) были омрачены лишениями. Падение интереса к нему со стороны читателей и издателей и хроническое безденежье вызвали у него затяжную депрессию и расстройство нервной системы. К весне 1935 г. это переросло в душевную болезнь с бредом, видениями и приступами буйного помешательства, опасными для самого поэта и окружающих. «Мой Солнцесветлый, мой единственный тяжело болен, — писала его жена Е.К. Цветковская 11 апреля сербскому другу, поэту и дипломату И.С. Шайковичу. — Сильное нервное расстройство, грозящее перейти в психоневроз, если не лечиться немедленно. А он не сознает грозности своей болезни, лечиться не хочет. <...> Страдает и мятется» [5, с. 167]. Друзья поместили Бальмонта в частную клинику для нервных больных Maison de Santé d'Épinau доктора Жана Таррюуса (Jean Tarrius) в Эпинеи-сюр-Сен под Парижем (основана в 1894 г. и существует по настоящее время; площадь, на которой она находится, носит имя Жана Таррюуса). Специалист по нервным болезням из русских эмигрантов¹ бесплатно наблюдал и лечил поэта, однако оплата содержания больного, жившего в отдельном флигеле в условиях изоляции даже от близких, «съела» последние средства семьи, которой для погашения долгов пришлось распродать скромную обстановку и библиотеку. Лечение оказалось относительно успешным, но душевное состояние Бальмонта оставалось нестабильным [5, с. 169–176], а финансовое положение к концу года стало критическим. Сбором средств для поэта активно занимался секретарь Союза русских писателей и журналистов в Париже, адвокат и деятель партии кадетов Владимир Феофилович Зеелер (1874–1954), обращавшийся в различные организации и к частным лицам. С конца 1920-х гг. Зеелер и его жена Варвара Михайловна (урожд. Попова; 1876–1960) дружили с Бальмонтом, который называл его «Душевин». История их отношений, в общем, известна по опубликованным письмам и стихотворениям Бальмонта, адресованным Зеелеру [3], и по воспоминаниям Зеелера [4, с. 211–215] (далее цитируется без дополнительных сносок). Настоящая публикация дополняет ее документами из фонда Зеелера в Бахметьевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского

¹ Сообщивший это в мемуарах Зеелер не назвал фамилию. Согласно его письмам, это Карп Сергеевич Агаджанян (1876–1955), «пользующий его (Бальмонта. — В.М.) как наш общий друг бесплатно» (письмо С.В. Рахманинову от 13 сентября 1935 г. [5, с. 171]).

университета (Нью-Йорк)², полученными для изучения при любезном участии Е.Б. Бурлаченко (Москва), и материалами из собрания автора.

В начале декабря 1935 г. исполнилось пятьдесят лет первой публикации стихотворений Бальмонта в журнале «Живописное обозрение» (1885, № 48, 1 декабря), с которой он сам вел отсчет своей литературной деятельности. Друзья решили использовать памятную дату как повод для того, чтобы не просто напомнить о поэте, популярность и слава которого остались в прошлом, но и собрать средства на его жизнь и лечение. Панегирическую статью о Бальмонте для «Последних новостей» написал критически относившийся к его творчеству Г.В. Адамович [1, с. 444–446]. На страницах популярного журнала «Иллюстрированная Россия» Зеелер призвал материально помочь поэту. Он стал организатором и казначеем Комитета по ознаменованию 50-летия литературной деятельности К.Д. Бальмонта (далее: Комитет). Возглавить Комитет согласился П.Н. Милюков — не просто главный редактор «Последних новостей», публиковавший произведения Бальмонта, но дуайен русской эмиграции, пользовавшийся мировой известностью. Добавлю, что 24 октября 1935 г. Милюков от своего имени обратился к читателям газеты с просьбой о сборе средств в помощь внукам Бальмонта [4, с. 176–177].

Состав Комитета перечислен в его печатном обращении, полный текст которого, составленный, очевидно, Зеелером и, насколько нам известно, никогда не воспроизводившийся, приводим по оригиналу из собрания автора статьи. Общеизвестные персоналии не аннотируются.

---

² Все использованные материалы из этого архива хранятся: Vladimir Feofilovich Zeeler Papers, 1870–1950. Series I: Correspondence. Subseries I.1: Arranged correspondence relating to K.D. Balmont (01–03.1936) / Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York. Листы в этой единице хранения не нумерованы, поэтому идентификация и дата каждого документа приводятся в тексте статьи.

Комитет по ознаменованию 50-летия литературной деятельности
К.Д. Бальмонта.

Председатель: П.Н. Милуков³.

Члены Комитета: Аитова М.Н.⁴, Алданов М.А.⁵, Бенуа А.Н.⁶, Бунина В.Н.⁷, Бунин И.А.⁸, проф. Буайэ П.⁹, Буттер О.¹⁰, Князь Волконский С.М.¹¹, Дон-Аминадо А.П.¹², Глазунов А.Н.¹³, Гречанинов А.Т.¹⁴, Добрая Л.Г.¹⁵, Зайцева В.А.¹⁶, Зайцев Б.К.¹⁷, Ельяшевич Ф.О.¹⁸, Коровин К.А.¹⁹, Кульман Н.И.²⁰, Кульман Н.К.²¹, Куприн А.И.²², Ле-

³ Милуков Павел Николаевич (1859–1943).

⁴ Аитова Маргарита Николаевна (урожд. Бернштейн; в первом браке Маргулиес; 1876–1969), врач-микробиолог, общественный деятель.

⁵ Алданов Марк Александрович (настоящая фамилия — Ландау; 1886–1957).

⁶ Бенуа Александр Николаевич (1870–1960).

⁷ Бунина Вера Николаевна (урожд. Муромцева; 1881–1961), жена И.А. Бунина.

⁸ Бунин Иван Алексеевич (1870–1953).

⁹ Буайе Поль (Paul Boyer; 1864–1949), французский славист, преподаватель русского языка в парижской Школе восточных языков (с 1891) и ее администратор (1908–1936), один из основателей журнала «Revue des Études Slaves» (с 1921 г.); давний знакомый Бальмонта.

¹⁰ Буттер Оскар (Oskar Butter; 1886–1943), чешский разведчик и дипломат (в 1930–1936 гг. генеральный консул Чехословакии в Париже), исследователь социологии прессы и пропаганды, журналист, переводчик.

¹¹ Князь Волконский Сергей Михайлович (1860–1937).

¹² Дон-Аминадо (наст. Аминад Петрович (Аминодав Пейсахович) Шполянский; 1888–1957).

¹³ Глазунов Александр Константинович (1865–1936).

¹⁴ Гречанинов Александр Тихонович (1864–1956).

¹⁵ Добрая Любовь Германовна (урожд. Барац; 1873–1955), общественный деятель, благотворитель.

¹⁶ Зайцева Вера Алексеевна (урожд. Орешникова; в первом браке Смирнова; 1878–1965), жена Б.К. Зайцева.

¹⁷ Зайцев Борис Константинович (1881–1972).

¹⁸ Ельяшевич Фаина Осиповна (1877–1941), переводчик, общественный деятель, член бюро Комитета помощи российским писателям и ученым во Франции, правления общества «Быстрая помощь» и др.

¹⁹ Коровин Константин Алексеевич (1861–1939).

²⁰ Кульман Наталья Ивановна (урожд. Боккий; 1877–1958), педагог, общественный деятель, жена Н.К. Кульмана.

²¹ Кульман Николай Карлович (1871–1940), историк литературы, критик, педагог, декан русского отделения историко-филологического факультета Парижского университета (с 1922); неоднократно писал о Бальмонте.

²² Куприн Александр Иванович (1870–1938).

бег Ф.²³, Левин С.И.²⁴, Лифарь С.М.²⁵, Львов Л.И.²⁶, Маклаков В.А.²⁷, Поляков-Литовцев С.Л.²⁸, Рахманинов С.В.²⁹, Федоров М.М.³⁰, Тэффи Н.А.³¹, Шмелев И.С.³², Шошана Авивит³³, Уни Бай У.Г.³⁴, Цетлин М.С.³⁵

Казначей: Зеелер В.Ф.

Париж 193__

Милостив __ Государ __

В декабре 1935 г. исполняется 50 лет творчества «Певца Солнца» — нашего прославленного поэта Константина Дмитриевича БАЛЬМОНТА. Вдохновенность его *песен*, богатство настроений, поразительное мастерство звучаний, единственный в поэзии *словарь* — оценены и стали вкладом в нашу изящную словесность. Его поэзия — особое течение в море русской поэзии. Мы это давно знаем. Ныне знают и европейцы. Бальмонт — член европейских Академий³⁶. Творчество его огромно: за полвека им создано свыше 50 книг. До 1920 г. издано 20 книг его поэзии. Кто из русских не знает «Будем как Солнце», «Горящие Здания», «Сонеты Солнца, Меда и Луны», Книги лирической, певучей прозы — его *перевеы* — переводы из

²³ Лебег Филеас (Philéas Lebesgue; 1869–1958), французский поэт, прозаик, критик, полиглот и переводчик; знакомый Бальмонта, который переводил его стихи и посвятил ему несколько статей.

²⁴ Левин Самуил Ильич (1893–1942), журналист.

²⁵ Лифарь Сергей Михайлович (1905–1986).

²⁶ Львов Лоллий Иванович (1888–1968), поэт, критик.

²⁷ Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957).

²⁸ Поляков-Литовцев Соломон Львович (1875–1945), журналист (в том числе сотрудник газеты «Последние новости»), прозаик, драматург, критик; много лет жил в Европе, печатался на идише, английском и французском языках; член правления и ревизионной комиссии Союза русских писателей и журналистов в Париже.

²⁹ Рахманинов Сергей Васильевич (1873–1943).

³⁰ Федоров Михаил Михайлович (1858–1949), политический и общественный деятель, публицист.

³¹ Тэффи (наст. Надежда Александровна Бучинская, урожд. Лохвицкая; 1872–1952).

³² Шмелев Иван Сергеевич (1873–1950).

³³ Авивит Шошанна (урожд. Лихтенштейн; 1901–1981), еврейская актриса из Одессы, с 1924 г. выступала в Париже, играла в театре «Комеди Франсез»; знакомая Бальмонта и адресат его стихотворений.

³⁴ Уна Бай — сценический псевдоним Уны Бабицкайте-Грайчюнене (1897–1961), литовской актрисы, режиссера и переводчицы, знакомой Бальмонта.

³⁵ Цетлин Михаил Семенович (псевд. Амари; 1882–1945); автор некролога Бальмонту в редактировавшемся им нью-йоркском «Новом журнале» (1943. № 5. С. 356–363).

³⁶ В мае 1929 г. Бальмонт был избран почетным членом Свободного университета в Софии (получил диплом 16 мая), 21 января 1930 г. — членом-корреспондентом Чешской Академии наук и искусств.

Шелли, Уитмана, Эдгара Поэ (так! — *В.М.*)... Его «Колокольчики — Колокола», вдохновившие в его перепевах прославленного всемирно Рахманинова... его великий труд — «Носящий Барсову Шкуру» — Руставелли (так! — *В.М.*)... Не здесь говорить о многогранном творчестве Поэта. 20 книг дано им уже зарубежом — избранные стихи чешского Ярослава Врхлицкого, «Книгу Смиренных» — польского Яна Каспровича, «Золотой Сноп Болгарской Поэзии»... Готовы к изданию: «Югославянские песни», «Литовские поэты», книги о России — «Ризы Единственной»³⁷.

Полвека песен — о Солнце, о Человеке, о Мире, — о Божьем Мире, — обо *всем*.

Весь долгий полувековой творческий путь свой Бальмонт праздности не знал: он был в вечном горении, в постоянной напряженной работе... И только полгода тому назад он должен был временно прервать свою работу: тяжелый недуг потребовал полного покоя, санаторного лечения. Сейчас Бальмонт на пути к выздоровлению. Есть твердая уверенность, что он вернется к своей работе, но нужно нам помочь ему, поддержать, не оставить. Нужно и долечить, и дать необходимый отдых, и иные условия жизни — облегчить тяжелое существование. К этому Комитет по ознаменованию полувекового творчества Бальмонта зовет всех, кому дорог наш большой, светлый поэт. Собрать необходимые для этого средства — наш общий долг.

Направлять средства для фонда Бальмонта Комитет прочит казначею Комитета В.Ф. Зеелер W. Zeeler, 2, rue Boucicaut, Paris 15.

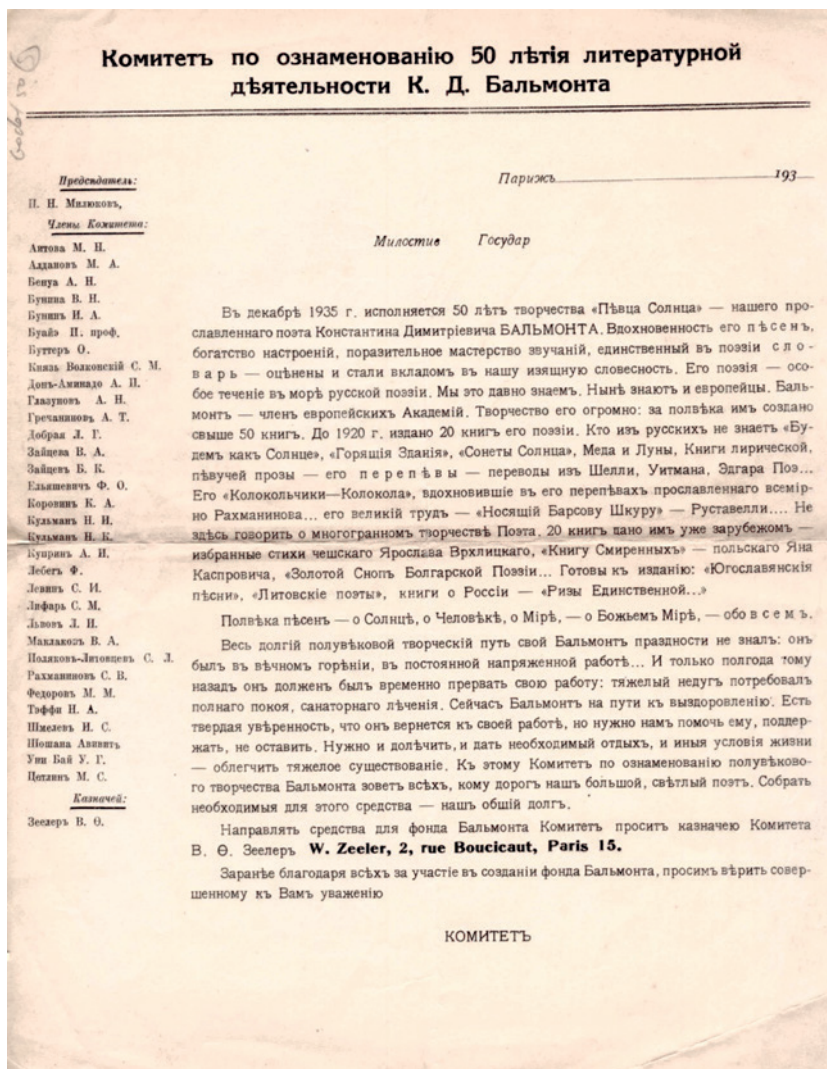
Заранее благодаря всех за участие в создании фонда Бальмонта, просим верить совершенному к Вам уважению.

КОМИТЕТ

Список членов Комитета примечателен, ибо включает прежде всего друзей Бальмонта, людей, связанных с ним творчески (например, в 1917 г. Гречанинов написал «Гимн Свободной России» на его слова) и симпатизировавших ему лично, а также «нотаблей» эмиграции, известных во Франции и в мире. Он отражает сложные политические и литературные отношения в эмигрантской среде: так, присутствие Милюкова, тем более в качестве председателя — в силу непримиримых политических разногласий и личной неприязни — исключало участие П.Б. Струве, регулярно публиковавшего произведения Бальмонта в руководимой им газете «Россия и славянство» в 1929–1933 гг.; отсутствуют сотрудники газеты «Возрождение» —

³⁷ Перечисленные книги не были изданы.

Листовка Комитета по ознаменованію 50-летия литературной деятельности К.Д. Бальмонта. Собрание В.Э. Молодякова

Leaflet of the Committee to commemorate the 50th anniversary of K.D. Balmont's literary activity. V.E. Molodiakov collection.

главного оппонента «Последних новостей» — С.К. Маковский, П.П. Муратов и В.Ф. Ходасевич, а также ведущий критик «Последних новостей» Г.В. Адамович, который скептически высказывался

о Бальмонте и в 1929 г. заслужил его стихотворную отповедь; нет никого из религиозно-философских кругов. М.С. Цетлин фигурирует как давний знакомый, а не как член редакции журнала «Современные записки», которую Бальмонт упрекал в невнимании к его творчеству (впрочем, кого он в этом не упрекал?). Не вполне понятно отсутствие З.Н. Гиппиус и особенно Д.С. Мережковского, известность которого в Европе придала бы обращению дополнительный вес.

Кульминацией публичной деятельности Комитета стал благотворительный вечер «Писатели — поэту», устроенный 24 апреля 1936 г. в зале Музея социальных наук в Париже. Кроме членов Комитета в нем приняли участие А.М. Ремизов и М.И. Цветаева. Демонстрация уважения к Бальмонту со стороны ведущих русских литераторов, художников и композиторов была психологически важной и помогла сбору средств. Адресуя призыв материально помочь Бальмонту прежде всего русской аудитории, Зеелер, однако, понимал, что эффективно сделать это скорее смогут иностранцы (парижские меценаты-эмигранты были уже задействованы) или русские американцы, располагающие долларами как наиболее стабильной валютой. Обращение Комитета со списком его членов было переведено на английский и французский языки. Английский текст, отпечатанный на машинке и размноженный на ротаторе (собрание автора статьи), датирован январем 1936 г. и немного отличается от русского: отсутствуют заглавия книг Бальмонта, но подробно перечислены англоязычные авторы, которых он переводил. «Призыв был услышан, и щедрость друзей и во Франции, и в Англии дала возможность нанять в Нуази квартиру в две комнаты и обставить ее всем необходимым», — вспоминал Зеелер. Кто были эти щедрые друзья, можно узнать из материалов его архива.

13 февраля 1936 г. председатель нью-йорского Фонда помощи литераторам и ученым России (Fund for the Relief of Men of Letters and Scientists of Russia) журналист Марк Ефимович Вильчур (1883–1940) с письмом на официальном бланке выслал Зеелеру чек на 10 долларов «на дело лечения К. Бальмонта», попросив сообщить о состоянии его здоровья. 18 марта адресат, извинившись за задержку с ответом, благодарил его и сообщил, что полученная сумма дала 149 франков 30 сантимов. Много это или мало и сколько требовалось еще, видно из содержания письма, машинописную копию которого Зеелер сохранил в своем архиве:

Деньги эти были истрачены на санитаря и перевозку К.Д. в лечебницу в Париже для постановки диагноза болезни проф[ессором]

психопатологом, для анализов и т. д. Оттуда перевезли больного в прежнюю лечебницу в Эпинеи, откуда его выписали примерно два месяца тому назад. [В] Это промежуточное время комитет помог устроить его в пансион частный³⁸ тоже под Парижем — на Марне в Варенне. Но состояние здоровья (по-моему, врачи поторопились его выписать из-за накопившегося долга — до 5000 фр[анков] при свыше 6 т[ысячах] уплоченных³⁹) понудило вновь поместить его в прежнюю лечебницу.

Когда я его посещаю — он почти совершенно покоен, а вообще очень часто возбуждается сильно и легко. И возраст сказывается, и чрезмерная работа за все эти годы.

Союз [русских писателей и журналистов в Париже] сам не смог справиться с задачей обеспечить необходимое лечение, и потому ныне образовали специальный комитет — на обороте увидите состав его. И усиленно заняты отысканием средств. ПЯТЬДЕСЯТ лет ведь стаж немалый. Дал он за жизнь свою много радости людям — нужно же и им немного отплатить ему добром.

Состояние кассы Комитета печально: задолжали всего до 6500 фр[анков], платить каждый месяц нужно опять-таки не меньше 1350 фр[анков]. Вот и ищем денег всюду, где есть друзья русского искусства, русской поэзии. И в Англии, и в Америке (написал Б.А. Бахметьеву), и во Франции, и в славянских странах. Все-таки надеемся, что осилим задачу, поставленную на разрешение. Вас очень благодарим за добрую помощь Вашу — Вашего Комитета. Очень благодарим за внимание Ваше к несчастному больному. Может быть, дадите добрый совет, к кому могли бы отсюда непосредственно обратиться с надеждой на успех. Прилагаю английские письма наши. Буду признателен за добрый совет и указания.

³⁸ Пребывание Бальмонта в пансионе Е.А. и О.М. Богдановичей с 17 января до конца февраля 1936 г., документированное неопубликованными письмами Е.К. Цветковской к Зеелеру и перепиской Зеелера с разными лицами, требует отдельного изучения.

³⁹ 17 января 1936 г. директор клиники в Эпинеи-сюр-Сен Ж. Таррье официально известил Зеелера, что «в нынешних условиях не име[ет] возможности содержать господина Бальмонта здесь». Согласно сохранным Зеелером документам, содержание поэта в клинике с 13 мая 1935 г. по 17 января 1936 г. (8 месяцев и 4 дня) стоило 11224 франков 55 сантимов: 1350 франков в месяц плюс 244 франка 55 сантимов депозита. После внесения в общей сложности 6375 франков 90 сантимов долг на 11 марта 1936 г. составлял 4848 франков 65 сантимов (в других документах: 75 сантимов; откуда взялись лишние 10 сантимов?). В состав единицы хранения, указанной в примеч. 2, входит переписка Зеелера с Comptoir Fiduciaire de Paris (контра по взысканию долгов в досудебном / внесудебном порядке) за февраль–март 1936 г. о погашении долга в виде фиксированных ежемесячных платежей ввиду невозможности уплаты всей суммы разом.

Время для письма Вильчуру было выбрано не случайно — Зеелер подводил итоги очередного «тура» сбора средств.

24 февраля он повторно (первое обращение нам неизвестно) написал бывшему российскому поверенному в делах в Лондоне Евгению Васильевичу Саблину (1875–1949), лидеру эмигрантской общины в Англии:

Ныне, как Вы усмотрите, образовался Комитет, поставивший себе целью все же долечить и облегчить тяжелое положение больного поэта. Вы писали мне в ответ на мое обращение, что возможно, быть может, обращение к английским литературным организациям. М[ожет] б[ыть], существует кружок или союз памяти Шелли. Ведь на русский язык его лучший переводчик все же остается Бальмонт. Вы, вероятно, знаете одного из деятелей по помощи детям г. Гольдена⁴⁰, он в Комитете частн[ых] орган[изаций] при Нанс[еновском] офисе участвует. Я его лично знаю по работе Земгора. Так вот он в бытность в Париже, узнав, что Бальмонт болен, сам вызвался постараться помочь ему обращением через «Таймс» и таким путем собрать деньги. Потому ему дважды по моей просьбе писал Н.Д. Авксентьев⁴¹, которому он обещал это сделать, и не получил от него ответа. М[ожет] б[ыть], Вы сочли бы возможным напомнить об его добром обещании. Есть же и клубы литературные, и Союзы писателей. Посоветуйте, к кому нам непосредственно отсюда обратиться с воззваниями на английском языке. Поляков-Литовцев говорит, что нельзя писать «посылайте деньги в Париж». Нужно указать адрес Лондона, адрес известный, для всех бесспорный, и таким адресом, конечно, мог бы быть Ваш адрес. Но можно ли Вас об этом просить. Я знаю, Вы — добрый человек, но позволить раньше должны Вы, тогда буду просить Вас об этом. Мы уже должны за его лечение больше 5000 франков, и нужно же продолжать начатое дело... Комитет очень просит не сердиться за это обращение к Вам и надеется, что Ваше доброе внимание будет нам оказано.

Оказал ли Саблин «доброе внимание» просьбе Зеелера, пока не установлено. Революционер-эмигрант Давид Владимирович Соскис (1866–1941), он же David Soskice и «Д. Сатурин», в 1898–1905 гг. и с 1917 г. живший в Англии (в 1924 г. получил британское поддан-

⁴⁰ Л.Б. Голден (L.B. Golden), вице-президент Нансеновской международной организации по делам беженцев (1931–1936), член правления Международного союза спасения детей (1925–1936).

⁴¹ Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943).

ство) прислал в Комитет чек на 50 франков. 17 марта Зеелер благодарил его письмом: сообщил, что сумма «полностью пойдет на лечение больного, находящегося сейчас уже девятый месяц в лечебнице для нервно и душевно больных в Эпинеи», и добавил, что «был бы чрезвычайно признателен Вам, ежели бы удалось кого-нибудь из Ваших друзей побудить обратить внимание на положение больного». Денег катастрофически не хватало!

29 февраля внушительное пожертвование — 25 долларов — в фонд Бальмонта сделала Беатриса Нобль (Beatrice Noble), дочь его заочных знакомых и многолетних корреспондентов из Бостона — англо-американского журналиста, философа и поэта Эдмунда Нобля (Edmund Noble; 1853–1937) и его жены, писательницы-окультистки Лидии Львовны Пименовой-Нобль (1874–1934), не раз посылавших ему книги и деньги. Другая дочь Ноблей — Лилли (Лидия), родившаяся в Санкт-Петербурге, знала несколько языков, включая русский, и писала стихи. 23 января 1926 г. она опубликовала статью о Бальмонте в газете «Boston Evening Transcript», переводила его стихи на английский язык, готовила книгу, но из-за ее внезапной смерти в декабре 1929 г. издание не состоялось. Восемь переводов из Бальмонта и очерк о нем вошли в посмертно выпущенный родителями в 1930 г. сборник Лилли Нобль. Бальмонт переписывался с Лилли, переводил ее стихи (в начале 1935 г., перед болезнью, даже думал о целой книге), посвятил ее памяти несколько статей, а в августе 1934 г. откликнулся в «Последних новостях» стихотворением «Вестник» на смерть ее матери. В последнем из известных писем к Ноблям (2 марта 1937 г.) Бальмонт выражал сочувствие Беатрисе в связи со смертью отца (подробнее см.: [2]).

17 марта Зеелер поблагодарил Беатрису Нобль и попытался привлечь ее к дальнейшему участию:

Я слышал, что Вы всегда были очень добры к нему (Бальмонту. — *В.М.*), а поэтому и хочу несколько подробнее сообщить Вам о состоянии его здоровья. <...> Он несомненно стал поправляться, и казалось, что он уже может вновь «войти в жизнь». А тут еще мы задолжали в лечебницу много (собирать деньги очень трудно становится). <...> Ныне [он] вновь на старом месте в той же лечебнице в Эпинеи. Присланные деньги целиком пойдут в уплату за лечение К.Д. в лечебницу. Хотим надеяться, что режим, уход, лечение, постоянное наблюдение дадут свои хорошие результаты.

Днем раньше Зеелер написал еще одно письмо в Бостон — знакомому и адресату посвящений Бальмонта Сергею Александровичу Кусевицкому (1874–1951), который с 1924 г. руководил тамошним симфоническим оркестром. В дополнение к обращению Комитета он изложил обстоятельства болезни и лечения поэта, лично попросил адресата о помощи и добавил:

Бальмонтов у нас русских немного. И еще одна просьба от Комитета покорная. Быть может, в Америке среди друзей Ваших есть иностранцы — добрые люди — к тому же не чуждые любви к поэзии, к литературе — передайте им нашу просьбу (английские обращения прилагаю) — м[ожет] б[ыть], и они придут нашим усилиям на помощь.

Кусевицкий и Бальмонт некогда были близко знакомы и в июне 1920 г. вместе выехали из Советской России в Эстонию, но после переезда музыканта в США в 1923 г. их дружеские отношения практически сошли на нет [5, с. 176].

10 марта известный юрист и общественный деятель Генрих Борисович (Ханох Борохович) Слиозберг (1863–1937) прислал Зеелеру чек на 300 франков, указав, что пожертвование исходит от барона П.Г. Гинцбурга⁴², представителя банкирской семьи, с которой Слиозберга связывали давние отношения (им написана биография Г.О. Гинцбурга, отца благотворителя). 16 марта Зеелер благодарил обоих, добавив:

Полагаю, что выражу желание всего Комитета, если не отказали бы нам войти в состав его, просили бы очень Вас об этом. Знаю давно, что Вы очень добрый человек и к чужому горю очень и очень отзывчивы, и знаю еще, что буде явится возможность помочь Бальмонту и впредь — Вы не откажете нам в этом.

Зеелер пригласил Слиозберга на очередное заседание Комитета 19 марта на квартире М.Н. Аитовой. Очевидно, казначей собирался отчитаться о положении дел и о своей работе и представить новые обращения от имени Комитета, датированные 17 марта, — к редактору «Последних новостей» и к обществу «Русское издательское дело в Париже», директором-распорядителем правления которого был

---

⁴² Гинцбург Петр-Бениамин Горацевич (1872–1948), парижский банкир, управляющий делами своего тестя, французского финансиста и мецената Эмиля Дейча де ля Мерга.

бывший член Государственной Думы, руководитель хозяйственной части «Последних новостей» (Милюков называл его «мой министр финансов») Николай Константинович Волков (1875–1950).

В первом документе, предназначенном для печати, говорилось:

Каждый, к кому обращено наше воззвание, знает, в каких тяжелых материальных условиях находится и больной, и вся семья его, лишенная возможности с своей стороны помочь ему чем бы то ни было, кроме забот, попечения и ухода. Нужны средства, и много средств. Собрать их становится все труднее и не потому, что люди очерствели, привыкли к нужде ближнего... нет, а только потому, что все меньше становится возможности уделять из своих средств на помощь хотя бы и близкому человеку... И тем не менее, Комитет позволяет себе обратиться еще раз к доброму сердцу товарищей тяжело больного русского большого писателя-поэта. Комитет уверен, что в этом ему не будет отказано, что помощь придет, а потому и благодарит всех заранее и глубоко.

Из второго письма мы узнаем, что в 1935 г. правление фирмы выделило на лечение Бальмонта 500 франков, которые вместе с деньгами, собранными сотрудниками «Последних новостей» позволили оплатить первый месяц пребывания в клинике:

Ныне прошло уже больше десяти месяцев, как болен наш большой писатель, а полного излечения еще нет. Нужно дальнейшее пребывание в той же лечебнице. Средств содержать его нет, вот почему образован был Комитет, который и поставил себе целью собрать необходимые средства для лечения и отдыха столь необходимого истощенному организму больного. Пятьдесят лет непрерывной литературной работы заслуживают того, чтобы придти ему на помощь еще и еще раз.

Изученные документы из архива Зеелера не отражают полностью работу Комитета по ознаменованию 50-летия литературной деятельности К.Д. Бальмонта, но показывают, в какой ситуации оказался пожилой больной поэт и что практически делалось для оказания ему помощи. Усилия увенчались успехом. К лету Бальмонт вновь «вошел в жизнь», какое-то время смог прожить в относительно достойных условиях и с августа 1936 г. по январь 1937 г. создал поэтический сборник «Светослужение», изданный в октябре 1937 г. в Харбине В.В. Обольяниновым. Позволю себе неакадемически заметить, что

это был последний взлет его лирического гения. Он продолжал писать стихи до осени 1939 г. (наиболее позднее законченное стихотворение «Изящный дом», посвященное А. Ранниту, датировано 1 сентября 1939 г.), но почти не печатался. Трагические обстоятельства самых последних лет жизни Бальмонта общеизвестны.

Литература

1. *Адамович Г.* Собр. соч. Литературные заметки / подгот. текста, сост. и примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетей, 2015. Кн. 2: «Последние новости». 1934–1935. 608 с.
2. Американские письма К.Д. Бальмонта / публ. Ж. Шерона // *Минувшее. Исторический альманах*. 13. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. С. 293–315.
3. *Бонгард-Левин Г.М.* Письма и стихотворения К.Д. Бальмонта В.Ф. Зеелеру // *Россия и проблемы европейской истории: Средневековье, Новое и Новейшее время*. Ростов: ГМЗ «Ростовский Кремль», 2003. С. 265–275.
4. Константин Бальмонт глазами современников: воспоминания, письма, дневники, поэтические посвящения, подражания, эпиграммы, пародии, шаржи / сост., подгот. текста, примеч. и комм. А.Ю. Романова, вступ. ст. Л.Н. Таганова. СПб.: Росток, 2013. 976 с.
5. Письма К.Д. Бальмонта к И.С. Шайковичу (1935–1938). Письма Е.К. Цветковской к В.П. и И.С. Шайковичам (1935) (Окончание) / вступ. ст., подгот. текста и комм. К.М. Азадовского // *Русская литература*. 2019. № 4. С. 166–190. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-166-190

Research Article and Publication of Archival Documents

“We are Looking for Money wherever there are Friends of Russian Art, Russian Poetry”: V.F. Zeeler and the Committee to Commemorate the 50th Anniversary of K.D. Balmont’s Literary Activity

© 2023. Vassili E. Molodiakov
Takushoku University,
Tokyo, Japan

Abstract: In 1935–1936 Konstantin Dmitrievich Balmont (1867–1942) suffered a serious nervous disease that interrupted his literary activity. The treatment, which required large expenses, deprived him of his livelihood, and Russian emigrants joined in helping the sick poet. A well-known public figure Vladimir Feofilovich Zeeler (1874–1954), secretary of the Union of Russian Writers and Journalists in Paris, the driving force and treasurer of the Committee to commemorate the 50th anniversary of Balmont’s literary activity (official English translation: the Committee for the

Recognition of the 50 years long literary activity of Constantin Balmont) established at the end of 1935, was particularly active in fundraising. The history of his relationship with the poet is generally known from Balmont's published letters and poems addressed to Zeeler, and from Zeeler's memoirs. This paper complements it with the text of the Committee's appeal, most likely compiled by Zeeler, re-printed in full for the first time, and with the materials of Zeeler's correspondence with sponsors published for the first time.

Keywords: Konstantin Balmont, Vladimir Zeeler, anniversary, Balmont's disease, fundraising, sponsor.

Information about the author: Vassili E. Molodiakov — Dr. Habil., Professor, Takushoku University, Otsuka 1-7-1 G-210, Bunkyo-ku, Tokyo, 112-0012, Japan.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5892-0473>

E-mail: dottore68@mail.ru

For citation: Molodiakov, V. “We are Looking for Money wherever there are Friends of Russian Art, Russian Poetry”: V.F. Zeeler and the Committee to Commemorate the 50th Anniversary of K.D. Balmont's Literary Activity.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (27), 2023, pp. 97–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-97-111>

References

1. Adamovich, G. *Sobranie sochinenii. Literaturnye zametki* [Collected Works. Literary Notes], vol. 2: “Poslednie novosti.” 1934–1935 [“Last News.” 1934–1935]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2015. 608 p. (In Russ.)

2. “Amerikanskii pis'ma K.D. Bal'monta” [“American Letters of K.D. Balmont”]. *Minuvshee. Istoricheskii al'manakh. 13* [The Past. Historical Almanac. 13.]. Moscow, St. Petersburg, Atheneum, Feniks Publ., 1993, pp. 293–315. (In Russ.)

3. Bongard-Levin, G.M. “Pis'ma i stikhotvoreniia K.D. Bal'monta V.F. Zeelera” [“Letters and Poems of K.D. Balmont to V.F. Zeeler”]. *Rossia i problemy evropeiskoi istorii: Srednevekov'e, Novoe i Noveishee vremia* [Russia and Problems of European History: Middle Age, New and Modern Times]. Rostov, Gosudarstvennyi muzei-zapovednik “Rostovskii Kreml'” Publ., 2003, pp. 265–275. (In Russ.)

4. *Konstantin Bal'mont glazami sovremennikov: vospominaniia, pis'ma, dnevniki, poeticheskie posviascheniia, podrazhaniia, epigrammy, parodii, sharzhi* [Konstantin Balmont as Seen by Contemporaries: Memoirs, Letters, Diaries, Poems, Imitations, Epigrams, Parodies, Caricatures], comp., text prep., ref. and comm. by A.Iu. Romanov, introd. article by L.N. Taganov. St. Petersburg, Rostok Publ., 2013. 976 p. (In Russ.)

5. “Pis'ma K.D. Bal'monta k I.S. Shaikovichu (1935–1938). Pis'ma E.K. Tsvetkovskoi k V.P. i I.S. Shaikovicham (1935) (Okonchanie)” [“K.D. Balmont's Letters to I.S. Šajković (1935–1938). E.K. Tsvetkovskaya's Letters to V.P. and I.S. Šajković (1935) (Final Part)”], introd. article, text prep. and comm. by K.M. Azadovskii. *Russkaia literatura*, no. 4, 2019, pp. 166–190. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-166-190 (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 13.10.2022

Одобрена после рецензирования: 12.01.2023

Дата публикации: 25.03.2023

The article was submitted: 13.10.2022

Approved after reviewing: 12.01.2023

Date of publication: 25.03.2023

Литературный факт.
2023. № 1 (27)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (27), 2023

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-112-130>
<https://elibrary.ru/PTXILS>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Лотман об Эйзенштейне: реконструкция контекста

© 2023, Т.Д. Кузовкина

Лотмановский архив Таллинского университета,
Таллин, Эстония

Аннотация: Для Ю.М. Лотмана большую роль в оценке явления искусства и личности творца играли этические вопросы. Кинорежиссера С.М. Эйзенштейна он считал гениальным авангардистом, равнодушным к вопросам морали, и осуждал режиссера за то, что тот искажал исторические факты для оправдания диктатуры Сталина. В статье рассматриваются отзывы Ю.М. Лотмана о творчестве и личности С.М. Эйзенштейна: от самого раннего — 1945 г. (Лотману не понравилась первая серия «Ивана Грозного») — до позднейших, зафиксированных в надиктованных текстах начала 1990-х гг. Возникший в 1960-х гг. интерес к структурализму в литературоведении актуализировал наследие Эйзенштейна как одного из предшественников этого научного направления. Лотман изучал наследие Эйзенштейна-теоретика, использовал его теории кадра и монтажа в монографиях о структуре художественного текста и семиотике кино. В 1970–1980-е гг. Лотман осуждал творчество Эйзенштейна только в частных письмах и разговорах с учениками (в частности, с И.З. Белобровцевой); в 1990-е гг. подобного рода высказывания попадают и в научные публикации. В статье показано также, что большое влияние на формирование отношения Лотмана к Эйзенштейну имела негативная оценка творчества режиссера, данная в повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Лотман был под сильным впечатлением от повести, поддержал ее выдвижение на Ленинскую премию в области литературы и искусства. Этические аспекты творчества могли обсуждаться и в личном разговоре с А.И. Солженицыным в июле 1963 г.

Ключевые слова: Ю.М. Лотман, С.М. Эйзенштейн, А.И. Солженицын, структурализм, этическая сторона искусства.

Информация об авторе: Татьяна Дмитриевна Кузовкина — PhD, старший научный сотрудник, Лотмановский архив Таллинского университета, ул. Уус-Садама, д. 5, 10120 г. Таллин, Эстония.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8878-6914>

E-mail: tatjana.kuzovkina@gmail.com

Для цитирования: Кузовкина Т.Д. Лотман об Эйзенштейне: реконструкция контекста // Литературный факт. 2023. № 1 (27). С. 112–130. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-112-130>

Тема «Лотман и Эйзенштейн» затрагивалась в новейших исследовательских работах неоднократно (см.: [1, 19, 20]). И.З. Белобровцева, вспоминая о времени написания кандидатской диссертации об Эйзенштейне-литературоведе под руководством Лотмана в 1968–1974 гг., привела один из записанных ею разговоров с профессором (20 октября 1972 г.):

Эйзенштейн — Сатана. Любимые книги с детства — про инквизицию. И это осталось на всю жизнь. Хотелось всегда посмотреть, как головы будут с плеч валиться. Настоящий Сатана. Но — Мастер. Человек большого таланта. Он далек от морали. Нельзя воспринимать его как философа, как моралиста. Он думает: «А дай-ка я сделаю красивый кадр!» И делает великолепный кадр в «Старом и новом»: из-под подмышки кулака — кулачка. Или — девки грабят церковь: сколько тут прекрасных кадров! А о том, для чего делает, он не думает [1, с. 71].

Ирина Захаровна считает, что Лотман воспринял тот образ Эйзенштейна, который режиссер (своими рассказами о тяге с детства к изображению жестокости) сам моделировал и распространял среди современников.

Рассмотрение отзывов Лотмана об Эйзенштейне в хронологическом порядке позволит реконструировать контекст формирования такой оценки.

Первый отзыв о фильме Эйзенштейна «Иван Грозный» находим в письме от 14 августа 1945 г. В это время Лотман, прошедший всю войну, находился еще в действующей армии на территории Германии, в советской оккупационной зоне недалеко от Берлина. В течение короткого периода культурная жизнь здесь была на подъеме: новая власть стремилась показать преимущества советского строя. В письмах этого времени сестрам и матери Лотман делился впечатлениями от увиденного, уделяя особое внимание стилистическим новациям. Он подробно описал выставку авангардных немецких художников в Берлине, свое посещение оперы и балета, поставленного Т.В. Гзовской. Постоянно сообщал он в письмах и о просмотренных фильмах. О фильме Эйзенштейна сохранилось два упоминания. Первое — в письме от 14 августа 1945 г.:

Пишу вам под свежим впечатлением английского ист<орическо-го> фильма — «Леди Гамильтон»¹ (видели ли вы или нет?) Фильм

¹ Фильм 1941 г., режиссер — Александр Корда; в главных ролях Вивьен Ли и Лоуренс Оливье.

хороший, хотя немного сентиментальный и историч<ески> неверный. В немецких кинотеатр<ах> (мы туда не ходим) сплошь идут наши кинофильмы, название кот<орых> зачастую на русск<ом> языке звучит очень смешно вроде: «Wolga-wolga» или «Iwan der Schreckliche»² [16, с. 402].

Во втором упоминании находим лаконичный отзыв:

Недавно смотрел два кино — «Без вины виноватые»³ и «Иван Грозный». «Грозный» мне не понравился. Что касается до «Без вины», то картина хорошая, хотя мне кажется, что возможности кино позволяют показать шире. «Бесприданница»⁴, по-моему, в этом смысле удачнее [16, с. 416].

Лотман не написал подробно, чем именно ему не понравилась первая серия фильма Эйзенштейна (в советской оккупационной зоне могли показать только ее); но мы можем сделать несколько предположений. Во-первых, он, безусловно, заметил искажение исторических фактов. В позднейших беседах с И.З. Белобровцевой он говорил:

А как сделан сценарий Ивана Грозного! Его просто невозможно читать. Из всех, кто писал об Иване Грозном, только Екатерина II и бездарный губернатор Павел Сумароков считали, что Новгород пал из-за шпионажа в пользу Польши. Третьим это повторил Эйзенштейн. И больше никто. Факты искажены. Эйзенштейн снова снимает так: я сделаю интересные кадры, создам полифонию, а о чем фильм, неважно [1, с. 71].

Однако фильм Александра Корды «Леди Гамильтон» назван хорошим, хотя при этом исторически неверным. Во-вторых, можно предположить, что Лотману не понравилась глубоко официальная трактовка личности и деятельности Грозного. Так, например, в письмах встречаем резко негативный отзыв об идеологически выверенном фильме А.Г. Зархи и И.Е. Хейфица «Член правительства» (1939): «...фильм — дрянь, мы (я с приятелями) ушли, не дожидаясь конца» [16, с. 60]. Но о фильмах Михаила Ромма «Ленин в октябре»

---

² Иван Грозный (нем.).

³ Фильм 1945 г., режиссер — В.М. Петров.

⁴ Фильм 1936 г., режиссер — Я.А. Протазанов.

(1937) и «Ленин в 1918 году» (1939) Лотман пишет: «...оба фильма я с удовольствием просмотрел» [16, с. 72].

Интересно, что после просмотра «Ивана Грозного» Лотман принялся за серьезное изучение исторических источников об эпохе его правления. В апреле 1946 г. Инна Михайловна Лотман, старшая сестра Юрия Михайловича, выслала ему книгу К.Ф. Валишевского «Иван Грозный», сопроводив посылку следующим замечанием: «Это немного беллетристично, но здраво и интересно. Особенно интересны главы про Ливонские войны и о земщине. Конечно, много спорного — но ведь на то голова на плечах, чтобы отметить ненужное» [16, с. 459]. 20 мая 1946 г. Лотман отвечал: «Сейчас Валишевского я прочел и свожу воедино все материалы о Грозном — Ключевского, Валишевского и ряд статей Грекова, С. Веселовского и др<угих>, печатаемых в журнале “Вопросы истории”» [16, с. 466]. В Лотмановском архиве Таллинского университета сохранились тетради с подробными конспектами перечисленных статей и книг, сделанные Лотманом в тот период.

За исключением процитированных писем, нами не обнаружено других упоминаний имени режиссера в эпистолярном и научном наследии Лотмана вплоть до 1960-х гг. Возникший в эти годы интерес к структурализму в литературоведении актуализировал наследие Эйзенштейна как одного из предшественников этого научного направления. Именно в этом качестве его упоминал А.К. Жолковский в докладе «Обзор некоторых старых работ по поэтике» в сентябре 1961 г. на совещании, посвященном применению математических методов к изучению языка художественной литературы, в Горьком. Лотман не присутствовал на этой конференции и вообще не был еще знаком с московскими структуралистами, однако, о докладе мог узнать из обзора И.И. Ревзина в сборнике «Структурно-типологические исследования», привезенном из Москвы тартуским студентом И.А. Черновым, первым познакомившимся с московскими структуралистами. Ревзин резюмировал высказывания Жолковского о В. Шкловском, Ю. Тынянове, В. Проппе и С. Эйзенштейне: «Особо важны высказывания Эйзенштейна о кадровке как своеобразном переводе с языка действительности на язык искусства» [17, с. 291]. В это время Лотман уже прочитал свой спецкурс по эстетике (1960–1961 уч. г.) и на его основе начал работу над своей первой монографией по структурной поэтике [7]. Работы Эйзенштейна-теоретика не могли не заинтересовать его.

Однако помимо этого контекста, важно учитывать и другой. В ноябре 1962 г. в «Новом мире» (Лотманы были подписаны на

журнал) была опубликована повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». В докладе на Лотмановском конгрессе 2022 г. Ю.Г. Цивьян, вспоминая о своих спорах с Лотманом об Эйзенштейне, отметил, что они ему сильно напомнили диалог между героями повести — Цезарем Марковичем («В Цезаре всех наций намешано: не то он грек, не то еврей, не то цыган — не поймёшь. Молодой ещё. Картины снимал для кино. Но и первой не доснял, как его посадили» [18, с. 19]) и стариком-заключенным X-123. Юрий Гаврилович Цивьян проиллюстрировал свои воспоминания небольшим комиксом, сделанным на основе фотографий 1980-х гг.: он «произносит» реплики Цезаря Марковича, Лотман — старика X-123:

Цезарь трубку курит, у стола своего развалился. К Шухову он спиной, не видит. А против него сидит X-123, двадцатилетник, ка-торжанин по приговору, жилистый старик. Кашу ест.

— Нет, багенька, — мягко этак, попуская, говорит Цезарь, — объективность требует признать, что Эйзенштейн гениален. «Иоанн Грозный» — разве это не гениально? Пляска опричников с личиной! Сцена в соборе!

— Кривлянье! — ложку перед ртом задержал, сердится X-123. — Так много искусства, что уже и не искусство. Перец и мак вместо хлеба насущного! И потом же гнуснейшая политическая идея — оправдание единоличной тирании. Глумление над памятью трех поколений русской интеллигенции! — (Кашу ест ртом бесчувственным, она ему не впрок).

— Но какую трактовку пропустили бы иначе?..

— Ах пропустили бы? Так не говорите, что гений! Скажите, что подхалим, заказ собачий выполнял. Гении не подгоняют трактовку под вкус тиранов!

— Гм, гм, — откашлялся Шухов, стесняясь прервать образованный разговор. Ну и тоже стоять ему тут было ни к чему.

Цезарь оборотился, руку протянул за кашей, на Шухова и не посмотрел, будто каша сама приехала по воздуху, — и за свое:

— Но слушайте, искусство — это не что, а как.

Подхватился X-123 и ребром ладони по столу, по столу:

— Нет уж, к чертовой матери ваше «как», если оно добрых чувств во мне не пробудит!

Постоял Шухов ровно сколько прилично было постоять, отдав кашу. Он ждал, не угостит ли его Цезарь покурить. Но Цезарь совсем об нем не помнил, что он тут, за спиной.

И Шухов, поворотясь, ушел тихо [18, с. 38–39].

Остроумная иллюстрация Ю.Г. Цивьяна натолкнула нас на необходимость пристальнее рассмотреть «солженицынский контекст» как один из источников лотмановской оценки Эйзенштейна. Юрий Михайлович, безусловно, читал повесть Солженицына. Более того, у нас есть его собственное свидетельство о состоявшемся разговоре с автором повести. Летом 1963 г. Солженицын, будучи в Эстонии, зашел к Лотману по поручению Е.С. Булгаковой. Повод к знакомству не располагал к началу дружеских отношений: один из студентов Зары Григорьевны Минц, который занимался Булгаковым, будучи допущенным в дом к Елене Сергеевне, похитил машинопись тогда еще не опубликованного романа «Мастер и Маргарита». Солженицын пообещал найти ее. Но накануне Юрий Михайлович, получив письмо от Е.С. Булгаковой, уже побывал у студента и потребовал вернуть похищенное. Тот сообщил, что бандероль с романом уже отправлена в Москву. В «Не-мемуарах» Лотман вспоминал:

К счастью, в первых же словах я мог успокоить Солженицына известием, что рукопись уже отправлена Елене Сергеевне и если еще не пришла, то должна прийти сегодня–завтра. Разговор сразу принял другое направление. Я не помню, о чем мы говорили, но в центре, видимо, был «Один день Ивана Денисовича»... [13, с. 44].

О том, что повесть произвела на Лотмана сильное впечатление, свидетельствует его письмо в Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства, в котором он горячо поддержал выдвижение «Одного дня...» на премию 1964 г. Письмо было отправлено 29 февраля 1964 г., т. е. после знакомства с автором и после публикации статьи В.Я. Лакшина «Иван Денисович, его друзья и недруги» в первом номере «Нового мира» за 1964 г. [5]. Текстуальные переключки со статьей Лакшина свидетельствуют о том, что Лотману этот текст был знаком. Схожим был и пафос защиты повести от критиков, которые упрекали Шухова в том, что он «многого не понимает», что «у него бедный духовный мир»:

Нельзя согласиться и с тем, что главный герой повести — «маленький человек», он трудовой человек, он *все умеет*, он человек, для которого труд составляет все содержание жизни, ее основную потребность. Эту потребность труда не могут «отбить» у него даже те страшные условия, в которые он поставлен. Эта потребность труда, *умение, доведенное до степени творчества*⁵, делает образ глубоко народным [15, с. 326–327].

⁵ Разрядка и курсивы авторские.

Лакшин первым обратил внимание на то, что в споре об искусстве Цезаря Марковича и заключенного X-123 четко выражена авторская позиция: вся сцена дана глазами Шухова, который принес Цезарю кашу и ждет благодарности, но Цезарь его не замечает: «Способ, каким Цезарь принимает от Шухова кашу, пожалуй, больше развенчивает его, чем поражение в споре об искусстве» [5, с. 242]. Показывает критик и то, как автор «разбивает условно-эстетическое восприятие» Цезарем окружающего мира, сравнивая изысканность кинематографического приема в «Броненосце Потемкине» с лагерной реальностью. Лакшин цитирует еще один разговор об Эйзенштейне — между идущими с работы Цезарем и кавторангом Буйновским. Цезарь идет из теплой конторы, Буйновский — с тяжелых работ на морозе. Цезарь дает Буйновскому покурить:

Уговаривает Цезарь кавторанга:

- Например, пенсе на корабельной снасти повисло, помните?
  - М-да... — Кавторанг табачок покуривает.
  - Или коляска по лестнице — катится, катится.
  - Да... Но морская жизнь там кукольная.
  - Видите ли, мы избалованы современной техникой съемки...
  - И черви по мясу прямо как дождевые ползают. Неужели уж такие были?
  - Но более мелких средствами кино не покажешь!
  - Думаю, это б мясо к нам в лагерь сейчас привезли вместо нашей рыбки, да не моя, не скребя, в котел бы ухнули, так мы бы...
- (цит. по: [5, с. 243]).

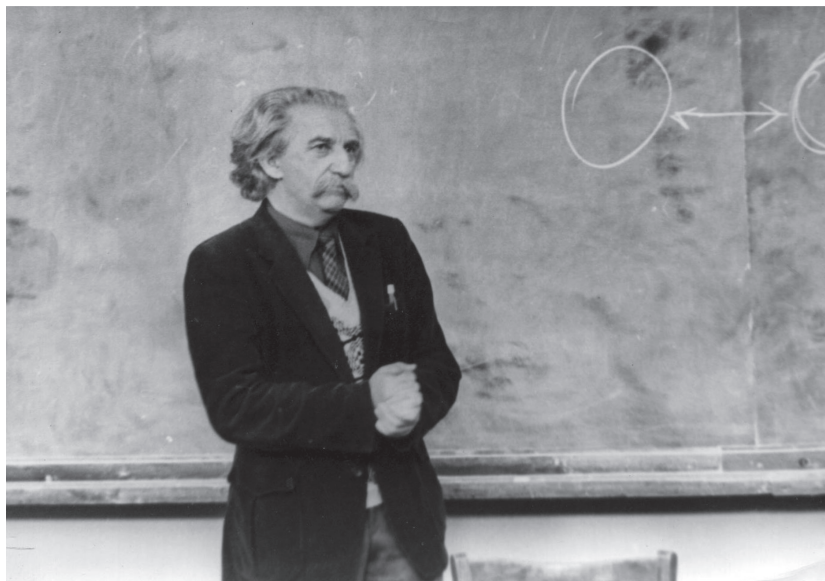
Как внимательный читатель, Лотман не мог не заметить негативного отношения Солженицына к Эйзенштейну, которое (при отсутствии прямых авторских высказываний) прочитывается в деталях изображения. Кроме того, эта тема могла возникнуть и в личном разговоре об «Одном дне...». Близкая Лотману оценка Солженицыным творчества Эйзенштейна с этических позиций известна и по его более поздним высказываниям⁶.

Диалог героев повести был важен для Лотмана в контексте его размышлений о роли и значении искусства. Отстаивая в 1960-е гг. необходимость использования точных методов в литературоведении, Лотман неоднократно подчеркивал, что новые методы выходят за рамки формализма с его исключительным вниманием к форме

⁶ См. об этом главу «Не говорите, что гений!» в монографии Ильи Кукулина: [4].

и изучают структуры в динамике и в историческом контексте. Известны эпизоды, когда Юрий Михайлович вставал на защиту Эйзенштейна с «позиции Цезаря Марковича». Использовал ту же аргументацию, например, в разговоре с Л.Н. Киселевой, которая поделилась с ним своим резко негативным впечатлением от «Ивана Грозного». Вспоминая об этом на Лотмановском конгрессе 2022 г., Киселева трактовала этот эпизод как пример лотмановской диалогичности. Для его научного метода характерно было исследовать объект с разных точек зрения. Мы не можем утверждать однозначно, что текст Солженицына повлиял на лотмановскую оценку Эйзенштейна, однако, его нельзя не учитывать, изучая размышления Лотмана о роли и ответственности художника, его взаимоотношениях с властью имущими.

Летом 1963 г. Лотман познакомился с Вяч. Вс. Ивановым и другими московскими структуралистами, показал им первый вариант своей теоретической монографии. Вяч. Вс. Иванов в эти годы много занимался Эйзенштейном, планировал публикации его работ и статей о нем в тартуских изданиях. Видимо, под влиянием московских структуралистов Лотман обратился к изучению теоретического наследия режиссера.

*Ю.М. Лотман. Вторая половина 1970-х гг.
Лотмановский архив Таллинского университета
Yu.M. Lotman. Second half of the 1970s. Lotman Archive of Tallinn University*

В вышедших в 1964 г. «Лекциях по структуральной поэтике» Лотман упоминает его имя среди предшественников постановки вопроса о структурной типологии и среди ученых, которые пытались «построить функциональные модели искусства (Ю.Н. Тынянов, И.И. Иоффе, В.Б. Шкловский, С.М. Эйзенштейн)» [7, с. 13]. Он внимательно штудировал второй том собрания сочинений Эйзенштейна, о чем свидетельствуют пометы в экземплярах из библиотеки, хранящейся в Лотмановском архиве Таллиннского университета. В статье «За кадром» подчеркнуто: «Кадр — элемент монтажа», «Итак, монтаж — это конфликт» [21, с. 283]; в статье «Монтаж атракционов» — «выдвигается новый прием — свободный монтаж произвольно выбранных <...> воздействий <...>» [21, с. 271], в статье «Бела забывает ножницы» — «*Выразительный эффект в кино — результат сопоставлений. И это специфично для кино. Понимание кино сейчас вступает во “второй литературный период”.* В фазу приближения к символике языка. Речи. Речи, придающей символический смысл (то есть не буквальный), ”образность” — совершенно конкретному материальному обозначению — через несвойственное буквальному — *контекстное сопоставление*, то есть тоже *монтажам*» [21, с. 277] и т. д.

В 1967 г. выходит третий том «Трудов по знаковым системам», в который Лотман включил статью А.К. Жолковского и Ю.К. Щеглова «Из предыстории советских работ по структурной поэтике». Авторы чрезвычайно высоко оценивали вклад режиссера в развитие структуралистического литературоведения:

У Эйзенштейна взгляд на искусство как на средство выражения мыслей и «усиления эмоций» сочетается с неуклонным прослеживанием того, как вещь построена снизу доверху и как «образ темы» рождается из свойств предметов, участвующих в построении, что, как мы полагаем, делает их высшим достижением современной поэтики [3, с. 374].

Предваряя публикацию, Лотман отметил, что «в ней не следует искать исчерпывающей оценки упоминаемых явлений» [6, с. 362], а рассуждения о месте Эйзенштейна — «интересного и оригинального мыслителя — как вершины теоретического искусствоведения

20-х–30-х гг. — не очевидный тезис, а исследовательская проблема»⁷ [6, с. 364].

В 1968 г., по рекомендации Вяч. Вс. Иванова, Лотмана пригласили участвовать в конференции, посвященной юбилею Эйзенштейна в Москве. По воспоминаниям Наума Ихильевича Клеймана, все доклады стенографировались, так как предполагалась их дальнейшая публикация. Однако из-за резко ухудшившейся в августе 1968 г. политической ситуации издание не состоялось. В материалах конференции не оказалось и стенограммы выступления Лотмана, но один из ее экземпляров сохранился в Лотмановском архиве Таллинского университета. Выступление⁸ зафиксировано не полностью, с искажениями, но стенографист подробно отмечал реакцию зала⁹. По сути выступление было анти-эйзенштейновским. Лотман начал с того, что он как историк — «враг юбилеев»¹⁰, так как «юбилеи уничтожают историю», а человечество нуждается «в уточнении истории». Он предложил рассматривать кино как «часть общего культурного процесса» «в связи с развитием советского литературоведения, теории искусства и некоторых тенденций в культуре той эпохи», показал на конкретных примерах, что литературоведение и кино взаимно влияют друг на друга. Так, например, по Лотману, идея монтажа была «глубоко свойственна культуре XX века» и зарождалась «во многих местах параллельно»: в ранних работах В.Б. Шкловского, Б.М. Эйхенбаума, Ю.Н. Тынянова, как и идеи о том, что значение возникает за счет реляции частей, «которые заключены не в отношении элемента к своему прообразу, а в отношении частей между собой».

Лотман повторил тезис, высказанный в «Лекциях по структуральной поэтике» о «необходимости перейти от синхронного понимания искусства к пониманию искусства в движении». Звучала в выступлении и тема оправдания истории, косвенно отсылающая к Эйзенштейну. Лотман говорил о том, что в 1930-е гг. утвердился «некоторый строй сознания, который рассматривает действительность, как цепь из реальностей, а историю как некую цепь, в которой каждое звено сопоставляется с предшествующим и последующим». Есть перио-

⁷ См. подробнее о лотмановском предисловии в [19, с. 97–98].

⁸ См. публикацию фрагментов в статье М.В. Трунина [19]. В настоящее время совместно с Ю.Г. Цивьяном и Н.И. Клейманом готовится полное комментированное издание текста стенограммы, обсуждение которого состоялось на онлайн-семинаре по Эйзенштейну в Amherst College (Массачусетс, октябрь 2022 г.).

⁹ См. интерпретацию лекторской манеры Лотмана и его умения общаться с аудиторией в статье Ю.Г. Цивьяна [20].

¹⁰ Здесь и далее текст цитируем по машинописи. Шифр отсутствует.

ды, «когда реальная последовательность событий представляется не только человеческой, но и в конечном счете всегда оправданной», в следствие чего «возникает возможность оправдания не только того, что реально исторически должно быть, но и что существует, не имея право на существование». Намек на сталинские репрессии усиливался и отсылкой к стихотворению Бориса Пастернака «Столетье с лишним — не вчера» (1831).

Развивая мысль А.К. Жолковского и Ю.К. Щеглова, Лотман говорил, что у Эйзенштейна «было стремление к организации текста до конца», но критически отзывался об этой особенности его творчества: «У художника должна быть в структуре текста какая-то единица, которая не истолковывается до конца — нечто, что еще достраивается»,

Рисунок Ю.М. Лотмана. Лотмановский архив Таллинского университета
The drawing of Yu.M. Lotman. Lotman Archive of Tallinn University

«должен быть некоторый структурный резерв для дальнейшего роста текста»; «Победа в искусстве — это самоликвидация искусства».

В том же 1968 г. Лотман стал научным руководителем кандидатской диссертации И.З. Белобровцевой (тогда Газер). В студенческие годы Ирина Газер занималась литературой 1920–1930-х гг. в семинаре З.Г. Минц, под ее руководством защитила в 1968 г. диплом о «Театральном романе» Михаила Булгакова. Кафедра русской литературы рекомендовала ее в аспирантуру, но в 1968 г. аспирантских мест выделено не было, и Газер стала соискателем научной степени при Тартуском университете. Лотман предложил ей свое руководство и другую тему — о литературоведческих студиях Сергея Эйзенштейна. Диссертация по Булгакову, по его мнению, в новой ситуации была бы «незащищаемой». Работа над диссертацией шла при со-руководстве З.Г. Минц.

В 1970 г. вышла «Структура художественного текста» — вторая монография Лотмана в области структурного литературоведения, которая явилась подведением итогов десятилетних исследований в новой методологической перспективе. Согласно теории Лотмана, искусство генерирует язык особого типа и помогает человеку «дешифровать и превращать в знаки» огромный поток информации [8, с. 9]. Художественный текст обладает выраженностью, ограниченностью, иерархией уровней, он есть «отношение текстовых и внетекстовых систем» [8, с. 167]. Одним из важнейших тезисов был тезис о том, что значения в тексте образуются внутренней и внешней перекодировкой [8, с. 49–50]. «Чем дальше отстоят структуры друг от друга», тем содержательнее «акт переключения» [8, с. 50]. Говоря об эффекте соположения и о переключении в другую структуру, Лотман отсылал к терминологии Эйзенштейна (монтажный эффект) и цитировал его: «два каких-либо куска, поставленные рядом, неминуемо соединяются в новое представление, возникающее из этого сопоставления как новое качество» [8, с. 249].

Эти же мысли Лотман развивал, рассматривая специфику киноискусства в монографии «Семиотика кино и проблемы киноэстетики» (1973): информативность текста порождается «внутренней неожиданностью конструкции» [9, с. 73]; кинематограф развивается в борьбе двух тенденций: «без остатка слиться с жизнью» и «выявить свою кинематографическую специфику» [9, с. 28]. Кадр как минимальную единицу киноязыка Лотман сравнивал со словом, рамку кадра — с границами художественного текста, вводил понятие ритма киноповествования, подробно останавливался на поэтике монтажа как «соположения разнородных элементов языка» [9, с. 72]. Работы

Эйзенштейна стали теоретическим фундаментом книги, примеры из его фильмов использовались в качестве иллюстраций, когда речь шла о смыслопорождающей роли монтажа.

Начало 1970-х гг. — пик интереса к Эйзенштейну. В сохранившихся письмах к И.З. Белобровцевой мы можем проследить основные методологические установки Лотмана и З.Г. Минц в области изучения творчества режиссера. Зара Григорьевна давала подробные рекомендации и конкретные замечания на протяжении всего хода работы И.З. Белобровцевой над диссертацией. Например, в письме от 9 февраля 1973 г.:

Надо показать:

1) историч<еское> движение Эйс<енштейна> как лит<ературу>веда. Когда начал, когда что писал, в какие г<оды> какие темы, методы и т. д. Как это было порождено:

a) историей лит<ературы>ведения и критики,

b) ----//----- лит<ерату>ры,

c) ----//----- кино

Надо объяснить, почему сист<ема> взглядов Эйс<енштейна>-лит<ературоведа> была такой, а не иной («рационализм», иллюстрат<ивно>сть, диалектика на грани схоластики, etc., etc.) Какие явления в лит<ературы>вед<ении> // Эйзеншт<ейну>?

2) Типологич<еская> классифик<ация> статей Эйс<енштейна> о лит<ерату>ре.

И больше материалов, сопоставлений, архивов (!) etc. — в диссертации нужны не т<олько> идеи, но и «матер<иальная> часть» [2, с. 421].

Письмо Лотмана к Белобровцевой от 20 июня 1974 г. — первое из известных нам зафиксированных свидетельств, в котором отмечен «сатанизм» Эйзенштейна:

Свой метод как литературовед он строит на синтезе — социально-классового подхода к функции искусства — агитационность, отношение к зрителю (и начальству!), убеждения, что истина постигается социологическим анализом и лишь иллюстрируется в искусстве, формального (или, вернее, предструктурального) в понимании внутренней организации текста ленты и психологического — интересе к ассоциативному, подсознательному и аномальному. Вообще, он не такой уж и рационалист: в нем жили две души — иррациональная, с тягой к аномалиям и сатанизму, и раци-

оналистическая, стремившаяся к догматическому нормированию. И одной он стремился заковать и победить другую [2, с. 438].

Спустя два года Лотман писал Вяч. Вс. Иванову (27 сентября 1976 г.) о его новой книге «Очерки по истории семиотики в СССР» (М., 1976):

Не могу не сознаться, что Эйзенштейн мне эмоционально очень чужд, да и кинематограф его мне порой тяжело смотреть. Это не отменяет того, что, на мой взгляд, Вам блестяще удалось показать его место в том общем движении научной мысли 1920-х – 1930-х гг., которое закономерно привело к созданию в России семиотической теории [14, с. 664].

Поздний период творчества Лотмана, исторически совпавший со временем перестройки, характеризуется выходом к широкой читательской аудитории, усилением автобиографизма, появлением большого количества публицистических текстов, в которых звучат профетические мотивы. В это время в предисловии к переизданию «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (1988) Лотман писал о традиции «поисков социально-прогрессивного смысла в опричнине и казнях Грозного» и со ссылкой на книгу Н.К. Черкасова «Записки советского актера» (М., 1953) указывал на Сталина как основной источник этой концепции: «Традиция эта получила одиозное продолжение в исторических и художественных трудах 1940–1950-х гг., выразившись в восклицании, которое бросал Иван Грозный с экрана в фильме Эйзенштейна: „Нет напрасно осужденных!“» [10, с. 12]. По-видимому, в период работы над этой статьей в письме к своей довоенной однокурснице (5 марта 1988 г.) он писал:

<...> что касается Эйзенштейна, то очень плохо отношусь к этому деятелю. Он был очень талантлив, но до мозга костей авангардист в худшем смысле, то есть признавал художественный прием и был совершенно равнодушен к истине и морали. Ничего не знаю чудовищнее «Бежина луга», где сюжет Павлика Морозова развернут с невероятным слащавым цинизмом. Он принял тыняновскую концепцию «утаенной любви» + щеголеватую идею: Наталья Николаевна — любовница Николая I. Обе высосаны из пальцев плюс желание сделать биографию Пушкина «е н т е р е с н ь к о й». А Эйзенштейн прямо перевел это на язык родных осин самого мещанского пошиба [14, с. 106].

В текстах, надиктованных Лотманом в последние годы жизни, однозначные отзывы о личности и творчестве Эйзенштейна окончательно переходят из частно-эпистолярного дискурса в научный. В монографии «Культура и взрыв» он пишет: «Пошлость стилизовала себя под оригинальность. Печать такой автомаскировки лежит на поздних фильмах Эйзенштейна» [11, с. 19]. В статье о своих университетских преподавателях, вспоминая предвоенную эпоху и искусство того времени, в частности, комедию Д. Аля и Л. Ракова «Опаснее врага», поставленную Н.П. Акимовым, Лотман причисляет Эйзенштейна к числу художников, «безразличных к истине»:

Само название было по тем временам дерзким: печать полна была статьями, громившими «врагов народа». <...> Этим были полны кинофильмы. Использовались при этом талантливые актеры и одаренные режиссеры, создавшие с точки зрения киноискусства (если понимать его в духе Эйзенштейна, как мастерство, совершенно безразличное к истине или лживости того, что воплощается с помощью искусного использования монтажа, света и других приемов экранной техники) впечатляющее полотно [12, с. 57].

Таким образом, мы видим, что нельзя однозначно интерпретировать каждую реплику Лотмана об Эйзенштейне по отдельности и в отрыве от контекста ее возникновения. Интерес к Эйзенштейну-теоретику и предшественнику структурализма соседствовал с напряженными размышлениями о его творчестве с этических позиций. В самых поздних текстах эти размышления перешли из частно-эпистолярного дискурса в научный. Тем самым Ю.М Лотман сформулировал свой ответ на наш вопрос, почему в 1945 г. ему не понравился «Иван Грозный».

Литература

1. *Белобровцева И.З.* Как изображать Эйзенштейна: полумемуары о Ю.М. Лотмане // Русская литература. 2012. № 4. С. 70–79.
2. Зара Григорьевна Минц: Документы, письма, воспоминания / ред.-сост. Т. Кузовкина, М. Лотман, М. Халтурина. Таллинн: Изд-во ТЛУ, 2023. 620 с. (В печати.)
3. *Жолковский А.К., Щеглов Ю.К.* Из предыстории советских работ по структурной поэтике // Труды по знаковым системам. Тарту: Teaduslik kirjandus, 1967. Т. 3. С. 367–378.
4. *Кукулин И.* Машины зашумевшего времени: Как советский монтаж стал методом неофициальной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 536 с.
5. *Лакшин В.Я.* Иван Денисович, его друзья и недруги // Новый мир. 1964. № 1. С. 223–245.
6. *Лотман Ю.М.* О задачах раздела обзоров и публикаций // Труды по знаковым системам. Тарту: Teaduslik kirjandus, 1967. Т. 3. С. 363–367.
7. *Лотман Ю.М.* Лекции по структуральной поэтике. Тарту: [Б. и.], 1964. 195 с.
8. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
9. *Лотман Ю.М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти раамат, 1973. 137 с.
10. *Лотман Ю.М.* Колумб русской истории // *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. М.: Книга, 1988. Кн. 4. С. 3–16.
11. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 273 с.
12. *Лотман Ю.М.* Двойной портрет / подгот. текста Т.Д. Кузовкиной // Лотмановский сб. / ред.-сост. Е.В. Пермяков. М.: Иц-Гарант, 1994. [Вып.] 1. С. 54–71.
13. *Лотман Ю.М.* Не-мемуары / подгот. текста Е.А. Погосян // Лотмановский сб. / ред.-сост. Е.В. Пермяков. М.: Иц-Гарант, 1994. [Вып.] 1. С. 5–53.
14. *Лотман Ю.М.* Письма 1940–1993 / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Б.Ф. Егорова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 795 с.
15. Лотман и Солженицын: Воспоминания, письма, дарственные надписи... / публ. Г.А. Тюриной // Солженицынские тетради: Материалы и исследования / гл. ред. А.С. Немзер. М.: Русский путь, 2012. С. 321–332.
16. Лотманы: Семейная переписка 1940–1946 / сост., подгот. текста, предисл. и коммент. Т.Д. Кузовкиной, Л.Э. Найдич, Н.Ю. Образцовой при уч. Г.Г. Суперфина. Таллинн: Изд-во ТЛУ, 2022. 716 с.
17. *Ревзин И.И.* Совещание в г. Горьком, посвященное применению математических методов к изучению языка художественной литературы // Структурно-семиотические исследования: Сб. ст. / отв. ред. Т.Н. Молошная. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 285–293.
18. *Солженицын А.* Один день Ивана Денисовича // Новый мир. 1964. № 11. С. 8–74.
19. *Трунин М.В.* «Очень плохо отношусь к этому деятелю»: Лотман об Эйзенштейне как предшественнике структурализма // Новое литературное обозрение. 2016. № 3. С. 97–110.
20. *Цивьян Ю.Г.* Лотман как Чаплин // Сайт «Политру». 21 марта 2022 г. URL: <https://m.polit.ru/article/2022/03/21/lotman/> (дата обращения: 01.12.2022).
21. *Эйзенштейн С.М.* Избранные произведения: в 6 т. М.: Искусство, 1964. Т. 2. 566 с.

Research Article

Lotman about Eisenstein: Context Reconstruction

© 2023. Tatyana D. Kuzovkina
Lotman Archive of Tallinn University,
Tallinn, Estonia

Abstract: Ethics played an important role for Yu.M. Lotman when he judged some phenomenon of art or the personality of the creator. He thought filmmaker S.M. Eisenstein was a brilliant avant-garde artist, though indifferent to moral issues, and therefore condemned Eisenstein for distorting of history to justify Stalin's dictatorship. The article deals with Lotman's reviews of works and personality of Eisenstein: from the earliest — 1945 (Lotman did not like the first series of "Ivan the Terrible") — to the latest, recorded in the dictated texts of the early 1990s. The literary interest of the 1960s in structuralism actualized Eisenstein's heritage as one of the predecessors of this scientific field. Lotman studied Eisenstein's theoretical heritage, used his theories of the shot and montage in monographs on the literary text structure and the cinema semiotics. In the 1970s and 1980s, we could see Lotman's condemnation of Eisenstein's work only in private correspondence and conversations with students (in particular, with I.Z. Belobrovtseva); in the 1990s — in scientific publications as well. The article also demonstrates that the negative view of Eisenstein's work given in the story by A.I. Solzhenitsyn "One Day in the Life of Ivan Denisovich" influenced Lotman. He was strongly impressed with the story and supported its nomination for the Lenin Prize in Literature and Art. Lotman and Solzhenitsyn possibly had discussed the ethical aspects of creativity in a personal conversation in July 1963.

Keywords: Yu.M. Lotman, S.M. Eisenstein, A.I. Solzhenitsyn, structuralism, ethical side of art.

Information about the author: Tatyana D. Kuzovkina — PhD in Philology, Senior Researcher, Lotman Archive of Tallinn University, Uus-Sadama 5, Tallinn 10120, Estonia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8878-6914>

E-mail: tatjana.kuzovkina@gmail.com

For citation: Kuzovkina, T.D. "Lotman about Eisenstein: Context Reconstruction." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (27), 2023, pp. 112–130. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-112-130>

References

1. Belobrov'tseva, I.Z. "Kak izobrazhat' Eizenshteina: polumemuarij o Iu.M. Lotmane" ["How to Portray Eisenstein: Semi-memoirs about Yu.M. Lotman"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2012, pp. 70–79. (In Russ.)
2. Zara Grigor'evna Mints: *Dokumenty, pis'ma, vospominaniia* [Zara Grigoryevna Mints: *Documents, Letters, Memoirs*], ed. and comp. by T. Kuzovkina, M. Lotman, M. Khalturina. Tallinn, Tallinn University Publ., 2023. 620 p. (In Russ.)
3. Zholkovskii, A.K., and Iu.K. Shcheglov. "Iz predystorii sovetskikh rabot po strukturnoi poetike" ["From the Prehistory of Soviet Works on Structural Poetics"]. *Trudy po znakovym sistemam* [Proceedings on Sign Systems], vol. 3. Tartu, Teaduslik kirjandus Publ., 1967, pp. 367–378. (In Russ.)
4. Kukul'in, I. *Mashiny zashumevshego vremeni: Kak sovetskii montazh stal metodom neofitsial'noi kul'tury* [Noisy Time Machines: How Soviet Montage Became a Method of Unofficial Culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 536 p. (In Russ.)
5. Lakshin, V.Ia. "Ivan Denisovich, ego druz'ia i nedrugi" ["Ivan Denisovich, His Friends and Foes"]. *Novyi mir*, no. 1, 1964, pp. 223–245. (In Russ.)
6. Lotman, Iu.M. "O zadachakh razdela obzorov i publikatsii" ["About the Tasks of the Section of Reviews and Publications"]. *Trudy po znakovym sistemam* [Proceedings on Sign Systems], vol. 3. Tartu, Teaduslik kirjandus Publ., 1967, pp. 363–367. (In Russ.)
7. Lotman, Iu.M. *Lektsii po struktural'noi poetike* [Lectures on Structural Poetics]. Tartu, [S. n.], 1964. 195 p. (In Russ.)
8. Lotman, Iu.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of the Artistic Text]. Moscow, Iskusstvo Publ, 1970. 384 p. (In Russ.)
9. Lotman, Iu.M. *Semiotika kino i problemy kinoestetiki* [Semiotics of Cinema and the Problems of Cinematic Aesthetics]. Tallin, Eesti raamat Publ., 1973. 137 p. (In Russ.)
10. Lotman, Iu.M. "Kolomb russkoi istorii" ["Columbus of Russian History"]. Karamzin, N.M. *Istoriia Gosudarstva Rossiiskogo* [History of the Russian State], vol. 4. Moscow, Kniga Publ., 1988, pp. 3–16. (In Russ.)
11. Lotman, Iu.M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow, Gnozis Publ., 1992. 272 p. (In Russ.)
12. Lotman, Iu.M. "Dvoinoi portret" ["Double Portrait"], text prep. by T.D. Kuzovkina. *Lotmanovskii sbornik* [Lotman's Collection], vol. 1, ed. and comp. by E.V. Permiakov. Moscow, Its-Garant Publ., 1994, pp. 54–71. (In Russ.)
13. Lotman, Iu.M. "Ne-memuarij" ["Non-memoirs"], text prep. by E.A. Pogosian. *Lotmanovskii sbornik* [Lotman's Collection], vol. 1, ed. and comp. by E.V. Permiakov. Moscow, Its-Garant Publ., 1994, pp. 5–53. (In Russ.)
14. Lotman, Iu.M. *Pis'ma 1940–1993* [Letters 1940–1993], comp., text prep., introd. and comm. by B.F. Egorov. Moscow, Shkola "Iazyki russkoi kul'tury" Publ., 1997. 795 p. (In Russ.)
15. "Lotman i Solzhenitsyn: Vospominaniia, pis'ma, darstvennye nadpisi..." ["Lotman and Solzhenitsyn: Memories, Letters, Dedicatory Inscriptions..."], publ. by G.A. Tiurina. Nemzer, A.S., editor. *Solzhenitsynskie tetradi: Materialy i issledovaniia* [Solzhenitsyn Notebooks: Materials and Research]. Moscow, Russkii put' Publ., 2012, pp. 321–332. (In Russ.)
16. *Lotmany: Semeinaia perepiska 1940–1946* [Lotmans: Family Correspondence. 1940–1946], comp., text prep., introd. and comm. by T.D. Kuzovkina, L.E. Naidich,

N.Iu. Obratsova with the participation of G.G. Superfin. Tallinn, Tallinn University Publ., 2022. 716 p. (In Russ.)

17. Revzin, I.I. “Soveshchanie v g. Gor’kom, posviashchennoe primeneniui matematicheskikh metodov k izucheniiu iazyka khudozhestvennoi literatury” [“Meeting in Gorky, Dedicated to the Application of Mathematical Methods to the Study of the Language of Fiction”]. Moloshnaia, T.N., editor. *Strukturno-semioticheskie issledovaniia: Sbornik statei* [Structural-semiotic Research: Collection of Articles]. Moscow, The Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1962, pp. 285–293. (In Russ.)

18. Solzhenitsyn, A. “Odin den’ Ivana Denisovicha” [“One Day in the Life of Ivan Denisovich”]. *Novyi mir*, no. 11, 1964, pp. 8–74. (In Russ.)

19. Trunin, M.V. “Ochen’ plokho otnoshus’ k etomu deiateliu’: Lotman ob Eizenshteine kak predshestvennike strukturalizma” [“I have Reservations to this Figure’: Lotman about Eisenstein as a Forerunner of Structuralism”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3, 2016, pp. 97–110. (In Russ.)

20. Tsiv’ian, Iu.G. “Lotman kak Chaplin” [“Lotman as Chaplin”]. *Website “Politru.”* 21.03.2022. Available at: <https://m.polit.ru/article/2022/03/21/lotman/> (Accessed 01 December 2022) (In Russ.)

21. Eizenshtein, S.M. *Izbrannye proizvedeniia: v 6 t.* [Selected Works: in 6 vols.], vol. 2. Moscow, Iskusstvo Publ., 1964. 566 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.12.2022
Одобрена после рецензирования: 12.01.2023
Дата публикации: 25.03.2023

The article was submitted: 16.12.2022
Approved after reviewing: 12.01.2023
Date of publication: 25.03.2023

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Литературный факт.
2023. № 1 (27)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (27), 2023

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-131-156>
<https://elibrary.ru/PZNZCQ>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

1817 год. Парижская повседневность в водевиле и в романе

© 2023, В.А. Мильчина

Институт высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского РГГУ,
Москва, Россия

Российская государственная академия народного хозяйства при Президенте
Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются два отражения повседневной жизни Парижа в 1817 г.: в водевилях «Живой календарь» и «Битва гор», сочиненных и поставленных именно в этом году, и в романе Виктора Гюго «Отверженные», который опубликован в 1862 г. и в котором целая глава посвящена перечислению разнородных и мелких фактов повседневной жизни Парижа в этом же 1817 году. Оказывается, что оптика непосредственных наблюдателей (полузабытых водевилистов) и знаменитого романиста, рисующего свои картины по прошествии четырех десятков лет, отличаются очень сильно. Повседневность водевилей и повседневность романа — две разные повседневности, хотя датированы они одним и тем же 1817 годом. Гюго претендует на воспроизведение бытовых мелочей 1817 года, на самом же деле рисует картину предельно субъективную и пристрастную: и потому, что нагромождает ошибки в датах и фактах, и потому, что старательно подыскивает такие мелочи, которые способны как можно сильнее скомпрометировать эпоху Реставрации. О том, какие мелочи в самом деле занимали людей 1817 года, из главы «1817 год» узнать трудно. Гораздо больше мы узнаем об этом из эфемерных водевилей, поскольку они запечатлели картину повседневности 1817 года по свежим следам. Ученый пес Мунито, открытие при театрах специальных камер хранения для тростей, появление нового социального типа — приказчиков-«коленкоров» — обо всем этом не говорится ни слова у Гюго, но об этом напоминают забытые водевили.

Ключевые слова: Виктор Гюго, «Отверженные», Париж, повседневная жизнь, водевиль, театральная жизнь, Эжен Скриб, русские горы.

Информация об авторе: Вера Аркадьевна Мильчина — ведущий научный сотрудник, Институт высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского РГГУ, Миусская пл., д. 6, 125047 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Российская государственная академия народного хозяйства при Президенте Российской Федерации, пр. Вернадского, д. 82, 119571 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3896-0085>

E-mail: vmilchina@gmail.com

Для цитирования: Мильчина В.А. 1817 год. Парижская повседневность в водевиле и в романе // Литературный факт. 2023. № 1 (27). С. 131–156. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-131-156/>

*Параллельно большому миру,
в котором живут большие люди и большие вещи,
существует маленький мир
с маленькими людьми и маленькими вещами.
В большом мире изобретен дизель-мотор,
написаны «Мертвые души»,
построена Днепровская гидростанция
и совершен перелет вокруг света.
В маленьком мире изобретен кричащий пузырь «уйди-уйди»,
написана песенка «Кирпичики»
и построены брюки фасона «полпред».*
И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок

Писатели далеко не всегда точно датируют события, которые описывают в романах или рассказах¹. Однако порой они четко обозначают год, когда происходит действие, и претендуют на историческую достоверность своих описаний. Особенный интерес представляют случаи, когда один и тот же год изображен в произведениях разных авторов и разных жанров, что дает исследователю возможность сравнить эти изображения: о чем помнят эти разные авторы, какие детали запечатлевают, что считают достойным внимания, а что опускают. Именно таких разных изображений во французской литературе удостоился 1817 год.

Год этот не занимает в истории Франции особого места. Это не 1812 год — год Бородинского сражения и переправы через Березину; это не 1814 год — год вступления союзных войск в Париж и отречения Наполеона от престола; это не 1815 год — год бегства Наполеона с Эльбы, Ста дней его нового правления и его поражения при Ватерлоо. Нет, этот год можно назвать годом, когда ничего особенного не произошло, годом «несобытия»².

¹ О том, как сильно литературная хронология отличается от реальной и как сомнительны бывают попытки точно датировать внутриманские события, см., например, в недавней статье: [3].

² Этот неологизм использовали французские исследователи, когда назвали очередной номер тулузского журнала «*Slavica Occitania*» (2020, № 50) «*Gogol avait huit ans... 1817 dans l'histoire de la littérature et des arts russes: un non-événement*» («Гоголю

Тем не менее «несобытийному» 1817 году посвящена целая глава (ч. 1, кн. 3, гл. 1) в романе Виктора Гюго «Отверженные» (замечу, что эпиграфом к номеру «*Slavica Occitania*» поставлено не что иное, как фраза из финала этой главы: «Именно из физиономии отдельных лет и слагается облик столетий»). Гюго в 1817 г. было 15 лет, т. е. в принципе он мог описывать эту эпоху как современник и очевидец; однако главу «1817 год» он начал писать в конце 1840-х гг., а доработал накануне выхода «Отверженных» из печати (1862), т. е. спустя четыре десятка лет. Гюго претендует на запечатление мелких, на первый взгляд незначачих деталей, перечисляемых вперемешку, с бессистемностью, которая должна производить эффект объективности и беспристрастности:

Вот что всплывает на поверхности 1817 года, ныне забытого. История пренебрегает почти всеми этими живописными подробностями, иначе поступить она не может: они затопили бы ее бесконечным своим потоком. А между тем эти подробности, несправедливо называемые мелкими, полезны, ибо для человечества нет мелких фактов, как для растительного мира нет мелких листьев [1, с. 145]³.

Мелких фактов у Гюго перечислено действительно очень много, но в самом ли деле он беспристрастен? Все ли он перечислил из событий 1817 года — как политических, так и мелких бытовых, несущественных для серьезных историков, но важных для современников? Каким образом это определить?

С политическими событиями проще; можно, например, сравнить картину, нарисованную Гюго, с достаточно полной хронологической таблицей, помещенной в книге «Франция и французы день за днем: Политическая, культурная и религиозная хронология» [22, с. 1395–1400].

Здесь названы серьезные политические события, которых, если присмотреться, в 1817 г. оказывается все же не так уж мало: в феврале был принят новый, сравнительно либеральный закон о выборах, так называемый закон Лене (по имени тогдашнего министра внутренних дел виконта Жозефа-Анри-Жоашена Лене); в марте останки

исполнилось восемь лет... 1817 год в истории русской литературы и искусства: несобытие»). Редакторы журнала, правда, имели в виду не французский, а русский 1817 год; таким оригинальным способом они отметили столетие октябрьского переворота 1917 г. Но и французский 1817 год событиями тоже не слишком богат.

³ Перевод Д.Г. Лившиц. Мелкие листья в растительном мире, конечно, существуют, и их отрицание у Гюго носит сугубо риторический характер.

Мольера и Лафонтена перенесли из Музея французских памятников, где они хранились со времен Революции, на кладбище Пер-Лашез; в апреле из Англии, куда он добровольно уехал на время Белого террора, возвратился герцог Луи-Филипп Орлеанский (будущий король французов, 1830–1848); в июне в Лионе вспыхнули бонапартистские волнения, подавленные с непропорциональной жестокостью; в июле был заключен новый Конкордат с Папским престолом; в сентябре состоялись выборы по февральскому закону, призванные обновить одну пятую палаты депутатов, и в результате было избрано 12 независимых (т. е. оппозиционных) депутатов, после чего их стало в палате 25 (из общего количества 262); в декабре вышла из печати первая часть книги аббата Фелисите-Робера де Ламенне «Опыт о равнодушии в области религии», прославившая имя автора.

Обо всем этом можно прочесть в серьезных историях эпохи Реставрации⁴. И ни одно из этих событий не упомянуто даже мельком у Гюго; точнее, у него упомянут Ламенне, но если верить Гюго, он в 1817 г. не был никому известен (« В узком кругу семинаристов, в безлюдном тупике Фельянтинок, аббат Карон с похвалой отзывался о неизвестном священнике Фелисите Робере, впоследствии превратившемся в Ламенне»), тогда как на самом деле именно в конце 1817 г. «Опыт о равнодушии» прозвучал очень мощно, хотя Ламенне в это время еще был убежденным традиционалистом и не «превратился» в того реформатора христианства и проповедника социальной религии, каким он стал после 1830 г.

Конечно, можно объяснить это несовпадение «списка Гюго» с тем перечнем, который дан в «Политической, культурной и религиозной хронологии», разницей оптики: в хронологии речь идет о событиях политических и религиозных, а у Гюго — о повседневных, бытовых.

Однако оказывается, что Гюго пренебрег по крайней мере двумя бытовыми происшествиями, которым современники придавали немалое значение. События эти не упомянуты ни у Гюго, ни в «Политической хронологии», но зато они фигурируют в пьесе трех авторов (Теалона, Дартуа и Леду) под названием «Живой календарь, или Год за час», которая была впервые сыграна 31 декабря 1817 г. в театре Водевиля и затем до 15 января представлена еще пять раз; тогда же, в начале 1818 г. она была издана парижским издателем Барба, специализировавшимся на издании театральных пьес [35]. Жанр этого представления определяется трудно переводимым термином «*revue-folie de l'an 1817 en un acte et en vaudevilles*»; по-видимому, наиболее

⁴ См., например: [40, p. 197–253].

точным переводом было бы: «вздорное обозрение 1817 года в одном действии с песнями». Однако такой перевод не передает многозначности слова *folie*, которое в описываемую эпоху означает не только «безумие» (первое словарное значение), но и «прихоть»; именно этим словом обозначались загородные имения, которые богатые откупщики в XVIII в. приобретали и оборудовали для себя в окрестностях Парижа, и именно это значение обыгрывается в другой, гораздо более знаменитой пьесе 1817 г. — водевиле (*folie-vaudeville*) Э. Скриба и А. Дюпена «Битва гор», где среди действующих лиц фигурирует *Folie*, а действие происходит в «бывшей прихоти [*folie*] Божона», т. е. в саду, который во второй половине XVIII в. принадлежал финансисту Никола Божону (об этой пьесе еще пойдет речь ниже). Поэтому *revue-folie* следует, вероятно, переводить как «прихотливое обозрение», а *folie-vaudeville* — как прихотливый водевиль.

Возвращаюсь к пьесе «Живой календарь». Она принадлежит к жанру «обозрений конца года», сохранявшему большую популярность во Франции в течение всего XIX в.⁵

Все подобные обозрения представлялись, как правило, 30 или 31 декабря, потом, в случае успеха, повторялись еще несколько раз в январе, а после становились достоянием истории театра. Все они строятся по одному принципу: перед неким аллегорическим существом (зачастую это старый год) проходят чередой другие аллегории, обозначающие то, что авторы обозрения причисляют к самым главным свершениям ушедшего года. Исследователь жанра описывает это так:

Наряду с современными типами, часто восходящими к карикатуре нравов, обозрение вводит целый ряд странных и даже наивных аллегорических персонажей (их, как правило, играют молодые женщины соблазнительного вида), принадлежащих, можно сказать, к сфере актуальной фантастики <...>. В самом деле, не составило бы труда создать протосюрреалистический список персонажей этих представлений, где каждое событие, тип, понятие, изобретение, явление, страна, памятник, газета, роман или пьеса получают право на воплощение и на реплики в форме песни; изобретения и товары (Крепкий клей, Каменное огниво, Железная дорога, Зубочистка, Армориканская устрица, Местный сахар и его кузен, сахар Колониальный) соседствуют здесь с абстрактными понятиями, такими как Война и Мир, Цензура и Свобода, Торговля, Промышленность

⁵ См. вступ. ст. к номеру «Журнала истории театра», целиком посвященному этому жанру: [9].

и Земледелие, Щепетильность и Остроумное Слово, а также самыми разнообразными представлениями и развлечениями, такими как Женщина-пушка, Панорама на Елисейских полях, Опера и Французская комедия, не говоря уже о парижских улицах и памятниках, мирных договорах и дипломатических победах, модных книгах и модных спектаклях [29].

Более коротко и хлестко то же самое сформулировал еще в 1846 г. Теофиль Готье: «Все эти сочинения строятся одинаково: некий ничемный гений демонстрирует еще более ничтожному болвану все глупости или чудеса прошедшего года» (*La Presse*, 14 декабря 1846).

В «Живом календаре» все происходит в точном соответствии с этой схемой. Год 1817-й в облике актрисы мадемуазель Люси (женский пол года мотивирован тем, что по-французски год — *une année* — женского рода; в ремарке при первом появлении Год 1817-й определен как «хорошенькая женщина 17–18 лет») в последний день своего правления принимает одного за другим 12 месяцев, чтобы определить лучшего; 1817 году помогают Флюгарка в исполнении актрисы мадемуазель Минетты (*une girouette* по-французски опять-таки женского рода) и Термометр-привратник. Месяцы по очереди предстают перед уходящим годом и докладывают о своих достижениях. Поскольку для обозрений конца года вообще характерна автометаописательная ориентация на театральные же события, то многие месяцы хвастают не чем иным, как поставленными в разных маленьких парижских театрах спектаклями. Но не ими одними.

«Живой календарь» сейчас совершенно неизвестен не только в России, но и во Франции (его не упоминает даже Эдмон Бире, посвятивший 1817 году одноименную четырехсотстраничную монографию [13], к которой я еще вернусь). Поэтому я кратко перечислю основные «приношения» каждого месяца.

Январь объявляет, что он «открыл и закрыл театр на улице Горы Фавор». Имеется в виду вот что: 2 января 1817 г. Луи Конт, фокусник и чревоушатель, вновь открыл залу на улице Горы Фавор, пустовавшую с 1809 г., когда ее покинул цирк братьев Франкони. Конт получил от властей разрешение играть короткие пьесы, а точнее ряд живых картин, при условии, что актеры будут отделены от публики тонкой газовой тканью [17, р. 35; 14, р. 86], что отражено в реплике Флюгарки: «А, это тот самый театр, где директор прикрыв актеров газом, как будто оберегая от мух» [35, р. 11]⁶. Впрочем, директорствовал

⁶ Предписание о газовом занавесе носило дискриминационный характер: такие условия власти ставили театрам, чью популярность по просьбам конкурентам хотели

Конт в этой зале от силы месяц. Но театр Конта — не единственное и не главное достижение января; в оптике водевиля гораздо важнее, что январь «создал славу несравненному Мунито» — ученому псу, который умел играть в лото и был настоящей «звездой»; ему даже посвящена специальная брошюра «Историческая заметка о жизни и талантах ученого пса Мунито, сочинение друга животных», предваряемая гравюрой, изображающей артиста за работой⁷. Забегая вперед, скажу, что Гюго в своей главе о 1817 годе, аттестованной как повествование о забытых мелочах, ученого пса Мунито не упоминает, очевидно, как слишком мелкого даже среди мелочей.

Февраль экипирован очень богато. Он представляет уходящему году, во-первых, безумные прихоти (*folies*) Карнавала, а во-вторых, однотомных Вольтера («Философия») и Руссо («Новая Элоиза»), «компактные издания», предназначенные «для всех классов общества». Впрочем, это не знаменитые общедоступные издания полковника Туке, которые упоминает Гюго, хотя в реальности они начали выходить не в 1817-м, а только в 1820 г. Судя по определению «компактное издание», имеется в виду один из томов двенадцатитомного Полного собрания сочинений Вольтера в издании Дезоэра (*Desoër*; 1788–1823), где тома ин-октаво были такие толстые, что переплетали их нередко, разделив пополам, так что 12 томов превращались в 24 [31, р. 104]. Что касается Руссо, то его «компактное издание» в 8 томах выпустил в 1817 г. издатель Огюст Белен (1786–1851)⁸. Выйдя на сцену, Вольтер и Руссо сообщают, что они приехали из Версаля на транспорте, который по-французски называется *célérifère* и для которого французские словари указывают два значения: либо предок велосипеда, но без педалей (человек садился на деревянную доску, поставленную на два колеса и украшенную спереди головой коня или льва, и двигался, отталкиваясь ногами от земли), либо просто экипаж общественного транспорта, ездивший с повышенной скоростью. Из реплик следует, что экипаж, в котором приехали классики, был «набит, как Ноев ковчег», а по дороге обоих путешественников уронили с императора в реку. Каждый из них винит в этом другого (слишком плотно набитого текстом и оттого слишком тяжелого), причем, что

ограничить; в самом деле, публике такие преграды, воздвигаемые между актерами и сценой, не нравились [14, р. 64].

⁷ Мунито — или его преемник и тезка — гастролировал и в России; в Петербурге он выступал в октябре 1827 г., а в ноябре 1828 г. Пушкин писал из деревни Дельвигу: «Здесь мне очень весело. Соседи ездят смотреть на меня, как на собаку Мунито» [6, с. 34]).

⁸ Цифры тиражей и изданий, свидетельствующие об огромной популярности Вольтера и Руссо во второй половине 1810-х гг., см. в: [37, р. 22–23].

особенно занимательно в перспективе сравнения с «Отверженными», классики исполняют куплеты с припевом «И это по вине Вольтера... И это по вине Руссо» — тем самым, который Гюго вложил в уста Гавроша. Разумеется, нет оснований утверждать, что Гюго заимствовал строки про вину Вольтера и Руссо именно из водевиля 1817 г.; куплеты с таким припевом сочинил — причем именно в 1817 г. — швейцарский песенник Жан-Франсуа Шапоньер (1769–1856) в качестве пародийного ответа на пастьерское послание парижских викариев (февраль 1817 г.), где в рамках католической «реконкисты» эпохи Реставрации обличалось пагубное воздействие «нечестивых» Вольтера и Руссо на их читателей⁹. Но наибольшую известность до Гюго припев этот приобрел благодаря перенявшему его у Шапоньера Пьеру-Жану де Беранже, который обыграл его в песне «Пастьерское послание парижских генеральных викариев», датируемой мартом 1817 г. [32, р. 58; 39; 37, р. 24]. Характерно, однако, что Гюго в своей главе о 1817 г. об этом — для него немаловажном — произведении, созданном именно в 1817 г., не упоминает¹⁰.

Эпизод с появлением **Марта** очень короткий: в качестве своего достижения Март предьявляет «открытие при входе в партер больших театров помещения для тростей», на что Флюгарка добавляет: «Хорошо бы туда сдавать и свистки» [35, р. 20]. Эпизод короткий, но нуждается в пространным комментарии. Зрителям 1817 года не было нужды пояснять, на что намекает Март, сейчас же этот намек совершенно непонятен, между тем за ним скрывается очень важный и скандальный эпизод театральной и политической жизни 1817 года, положивший начало существенной бытовой традиции — необходимости сдавать трости перед входом в театральную залу. Эпизод этот, между прочим, настолько знаменит, что попал даже в вышеупомянутую «Хронологию» (хотя там упоминается лишь сам скандал, а не введение в обиход камер хранения для тростей — это для многовековой истории Франции «от Хлодвига до 2000 года» деталь слишком мелкая).

---

⁹ Образец стиля, каким написано послание: «Прислушайтесь к голосам тысячи несчастных душ, душ ваших отцов, ваших друзей, учеников и подражателей, которые со дна пропасти, куда ввергло их это нечестивое чтение, взывают к вам и умоляют отринуть эти адские сочинения, вырвать их из рук ваших детей, бросить в огонь и, самое главное, не позволить втянуть себя в новейший и отвратительный заговор новых изданий, изготовители которых все вместе ответят на Страшном суде за бедствия, ими причиненные, и за души, ими обреченные на вечные муки» [25, р. 34].

¹⁰ Замечу, что авторы «Живого календаря» вслед за Беранже и Шапоньером используют форму «C'est la faute de Voltaire», а Гюго вложил в уста Гавроша более разговорную «C'est la faute à Voltaire».

Скандал разгорелся 22 марта 1817 г., когда в «Комеди Франсез» была представлена трагедии Антуана-Венсана Арно «Германик»¹¹. Арно при Империи ревностно служил Наполеону, после его свержения в 1814 г. стал активно поддерживать Бурбонов, при Ста днях опять взял сторону Наполеона, за это после окончательного свержения императора был приговорен к высылке из Франции и уехал в Бельгию. Друзья рассчитывали, что постановка трагедии умилостивит короля и он позволит поэту вернуться на родину. Тем не менее, поскольку Арно считался неблагонадежным, «Германик» был поставлен анонимно. Во время представления, как нередко случалось в то время, драматические конфликты произошли не только на сцене, но и в зале. Друзья Арно наняли клакеров — отставных офицеров, которым было поручено рукоплескать пьесе. Со своей стороны роялисты, противники Арно, призвали в театр королевских гвардейцев, которым было поручено пьесу освистать. Об этом стало известно заранее, и король во избежание беспорядков запретил гвардейцам отправиться на представление, но многие ослушались приказа. Поскольку слухи о возможном скандале распространились по всему Парижу, зал был полон, причем на представлении присутствовали такие крупные фигуры, как глава кабинета министров герцог де Ришелье, министры внутренних дел и полиции и даже племянник короля герцог Беррийский. По окончании спектакля сторонники драматурга потребовали огласить имя автора, в ответ на что противники начали кричать и свистеть. Те и другие, не ограничившись словесными оскорблениями, пустили в ход трости со свинцовыми наконечниками (в результате французы, любители каламбуров, впоследствии нарекли это театральное сражение «Каннской битвой», по созвучию французского названия трости — *canne* — и соответствующего города). Относительный покой воцарился только после вмешательства солдат и объявления о том, что автор сам желает сохранить анонимность; об этом зрителей известил исполнитель заглавной роли, прославленный актер Тальма. На следующий день вместо «Германика» Арно труппа сыграла «Федру» Расина, и в тот же день 23 марта был издан ордонанс, запрещающий вход в партер в больших театрах с оружием и тростями; для них при театрах завели специальные камеры хранения. Именно открытие этих камер хранения (*bureau des cannes*) и ставит себе в заслугу водевильный Март.

¹¹ Об Арно см.: [36]. Об этом эпизоде см. подробнее: [4, с. 717–719].

Обо всем этом эпизоде, прогремевшем довольно громко, у Гюго в главе о 1817 годе не сказано ни слова.

Апрель предьявляет в качестве своего «патента на благородство» открытие Салона (ежегодной выставки современных французских художников в квадратном салоне Лувра), где представлены «портреты мертвых людей», т. е. полотна исторической живописи, в том числе картина Франсуа Жерара «Вступление Генриха Четвертого в Париж», в свете недавнего возвращения в Париж из эмиграции короля Людовика XVIII приобретшая особенно актуальный смысл (не случайно король, посетивший Салон, перед лицом прославленного предка назначил Жерара своим первым художником [24, р. 104]).

Забегая вперед, скажу, что в финале именно Апрель получит от Года 1817-го главный приз — венок из иммортелей — за открытие выставки, которая подарила Франции столько национальных сокровищ. Гюго, впрочем, и о Салоне не упоминает.

Достижения **Мая** носят внутритеатральный характер и для нас почти невняты: Кориолан и Ветурия едут в Англию, а Рокселана оттуда возвращается. Можно только осторожно предположить, что речь идет о прославленном английском актере и антрепренере Джоне Филипе Кембле (1757–1823), который 23 июня 1817 г. в Лондоне последний раз выступил на сцене — как раз в роли шекспировского Кориолана [27, р. 505], и о героине пьесы «Три султанши», которая шла в Лондоне в маленьком французском театре (см. заметку в «Journal des Débats» за 5 мая 1817 г.). Но вообще этот эпизод для нас темен.

Напротив, **Июнь**, приглашающий в Монморанси поесть вишен, предельно ясен и прост, хотя никак не приурочен специально к 1817 году: поедание вишен и катание на ослах в парижском пригороде Монморанси было любимейшим развлечением небогатых парижан, приказчиков и гризеток; оно многократно упоминается в нравоописательных очерках первой половины XIX в.

Июль вновь возвращает нас к событиям театральной жизни 1817 года, однако на сей раз событие, во-первых, в отличие от майских, может быть достаточно полно откомментировано, а во-вторых, его роль не исчерпывается 1817 годом, поскольку оно обогатило французский словарь новым значением старого слова, а французскую литературу новым типом.

В июльском эпизоде на сцене появляется персонаж по имени Croisé, который именует себя Коленкором (Calicot; на мотив «Да, я солдат» он поет: «Да, коленкор я»); о нем сказано, что у него есть шпоры, хотя и нет усов; сопровождает его мадемуазель Перкаль. Все эти имена собственные обыгрывают названия тканей: Коленкор,

как и Перкаль — разновидности плотной хлопчатобумажной ткани, а Croisé — это односторонняя саржа, т. е. тоже ткань определенного плетения, но то же самое слово обозначает и Крестоносца. Саржевому Крестоносцу-Коленкору задают вопрос: «Это вы послужили образцом для знаменитого Коленкора из “Гор”»? Он отвечает: «Я не так глуп; спросите у мадемуазель Перкаль», а та возражает: «Господин Крестоносец никому не служил образцом». На сходный вопрос Годе 1817-го: «Г-н Крестоносец наверняка участвовал в битве гор?» — Крестоносец отвечает: «Ни в коем случае, в этот вечер мадемуазель Перкаль завладела моей персоной», но чуть позже признает некоторую свою причастность к этой самой битве: «Мы, кажется, проиграли, так как назавтра все карикатуры были против нас» [35, р. 31–32].

Без комментария все это выглядит просто набором слов, однако в Париже 1817 года нашлось бы, вероятно, мало людей, которые ничего не слышали о «Битве гор» и сопряженном с ней скандале.

«Битва гор», которую я уже упомянула выше, была поставлена 27 июля 1817 г. на сцене парижского театра «Варьете». По конструкции это такое же обозрение, как и «Живой календарь», только не приуроченное к концу года (по классификации Анри Жиделя [18, р. 44–45] такой водевиль принадлежит к «анекдотическим», т. е. реагирующим на злободневные новости). В пьесе обыгрывается увлечение, охватившее парижан начиная с 1816 г.: в это время в Париже в разных развлекательных садах были воздвигнуты катальные горы: первые из них получили название русских, поскольку развлечение это было заимствовано из России, но затем появились горы самых разных национальностей: швейцарские, египетские и проч. Держатели этих разных гор являются к Безумной прихоти (Folie) и настаивают (вплоть до драки-битвы) каждый на своем превосходстве, а Прихоть решает открыть собственную развлекательную гору — Олимп. Среди прочих посетителей Безумной прихоти фигурирует некто Коленкор. Выйдя на сцену, он рассказывает, как своим кабриолетом задел фэзтон некоего полковника (а собственный кабриолет в Париже был показателем исключительного богатства)... Сам Коленкор носит усы и обут в сапоги, и потому Прихоть говорит, что из-за сапог и усов приняла его за храброго воина. Кроме того, подруга Коленкора, оперная актриса Гортензия, сообщает, что он бывает в самых светских местах: в Английском кафе, на Гентском бульваре, на всех променадах, на Бирже (где он рассуждает о музыке) и в Опере (там он беседует о торговле). Однако при всем этом он не военный и не аристократ, а всего лишь приказчик модного магазина.

Авторы «Битвы гор» высмеяли реально существовавшее явление: во время Второй Реставрации в модных магазинах появились приказчики, которые были людьми сугубо штатскими и вдобавок очень юными, но одевались и держали себя, как военные (отсюда такие атрибуты, как шпоры, сапоги и усы, причем зачастую поддельные, так как из-за молодости настоящие усы у многих еще не росли) — и это вызывало негодование у настоящих участников наполеоновских битв.

Эпизод с Коленкором совсем маленький, но он имел немалые последствия; авторы обидели «социальную группу» приказчиков — и те решили отстоять свою поруганную честь. После «Битвы гор» разгорелась «битва коленкоров». Приказчики толпой повалили в театр, чтобы освистывать представление; их задерживала полиция, а популярность спектакля от этого только возрастала. О «Битве гор» и обиде «коленкоров» говорил весь Париж, приказчики в усах и сапогах стали героями многочисленных карикатур, вышла даже анонимная поэма «Les calicots», начинавшаяся словами «Я коленкоров бедствия пою» [16]. Напряжение оказалось так велико, что Скрибу и Дюпену пришлось месяцем позже принести приказчикам нечто вроде извинения. 5 августа 1817 г. на сцене того же театра «Варьете» была сыграна пьеса тех же авторов «Кафе театра “Варьете”», доказывающая, что обижаться приказчикам не на что; более того, в пьесе фигурирует парикмахер, который не только не противится своему появлению на сцене, но, наоборот, просит, чтобы его вывели в пьесе — для рекламы! Мир с приказчиками был заключен, но у слова *calicot* появилось второе значение, которое вошло в словари: отныне коленкором называли не только материю, но и смешного и заносчивого приказчика.

Авторы 1860-х гг. не всегда помнили происхождение этого второго значения: так, Шарль Дюме в брошюре «Долой коленкоров!» (1861) выступает против феминизированных приказчиков, которые называются *calicots* и выполняют женскую работу, тогда как следовало бы вернуть в торговлю девушек, а «коленкоров» отправить заниматься военным делом и сельским хозяйством. Для Дюме *calicot* — название случайное; по его мнению, приказчики могли бы с тем же успехом называться *boutons*, *galons*, *rubans* (пуговицы, галуны, ленты); о пьесе Скриба и Дюпена Дюме не помнит, как и возразивший ему в том же 1861 г. Эдмон Сангам, в брошюре «По поводу коленкоров!» вставший на защиту приказчиков. Напротив, Поль Авенель в романе 1866 г. «Коленкоры» о происхождении термина прекрасно помнит и излагает всю историю с «Битвой гор»

и «битвой коленкоров». Как бы там ни было, история с коленкорами, начавшаяся в 1817 году одним водевилем-обозрением и упомянутая в другом («Живом календаре»), надолго сохранилась в памяти французов — но Гюго и о ней не говорит ни слова.

Август, месяц жатвы, представлен в «Живом календаре» землепашцем, бывшим солдатом¹².

Сентябрь появляется с табличкой, на которой написано «Труды сентября. Прирост: “Нормандские письма”. Итого: ноль» [35, р. 36]. Это один из редких случаев, когда авторы водевиля упоминают, хотя и по-водевильному ёрнически, событие, фигурирующее в «Хронологии», т. е. в той или иной степени принадлежащее к «большой истории». «Нормандские письма, или Малая моральная, политическая и литературная картина» — сатирическая либеральная газета, выпуск которой начал 18 сентября журналист и литератор Леон Тьессе (1793–1854).

Гюго «Нормандские письма» опять-таки не упоминает, хотя газета была на протяжении трех лет (1817–1820) активной участницей литературно-публицистической жизни.

Октябрь, ноябрь и декабрь предьявляют Году 1817-му разные новые спектакли в парижских театрах и Олимпийском цирке братьев Франкони (опускаю их перечисление, поскольку все они поставлены по пьесам третьего и четвертого ряда, хотя одна из них, «Переход через Красное море, акватическая пьеса», сыгранная впервые 15 ноября в театре «Гэте», считается возможным источником «Моисея» Россини [34]).

Кончается же спектакль, как я уже сказала, тем, что венок из иммортелей вручается **Апрелю** за выставку картин, а уходящий год получает визитную карточку от года наступающего, который уже вот-вот явится.

Таким образом, в «Живом календаре» упомянуты, наряду с событиями и спектаклями незначительными и принадлежащими исключительно своему времени, несколько таких событий, отзвуки которых сохранились во французской жизни и литературе довольно долго. Конечно, камера хранения для тростей и новое значение слова *calicot* — события не вселенского масштаба, однако это те самые мелкие факты повседневной жизни, на изображение которых претендовал в своей главе «1817 год» Виктор Гюго. Главу эту он кончает декларацией, которую я уже цитировала в начале статьи, но для ясности повторю здесь еще раз:

¹² О важности этой фигуры для театра посленаполеоновской эпохи см.: [7].

Вот что всплывает на поверхности 1817 года, ныне забытого. История пренебрегает почти всеми этими живописными подробностями, иначе поступить она не может: они затопили бы ее бесконечным своим потоком. А между тем эти подробности, несправедливо называемые мелкими, полезны, ибо для человечества нет мелких фактов, как для растительного мира нет мелких листьев.

Ни одного из событий, какие считали заслуживающими упоминания люди 1817 года, авторы новогоднего обозрения «Живой календарь», в весьма пространной главе «Отверженных» нет (единственное исключение — фигура драматурга Арно, но у Гюго он упомянут не в связи со скандальной премьерой «Германика», а как жертва «бесчестных журналистов, которые оскорбляли в продажных газетах изгнанников 1815 года» и отказывали Арно в уме [1, с. 142]). А что же там есть?

Приведу некоторые характерные фрагменты из главы «1817 год», чтобы показать, как и из чего Гюго складывает свою картину этого года:

1817 год был годом, который Людовик XVIII с истинно королевским апломбом, не лишенным некоторой надменности, называл двадцать вторым годом своего царствования. То был год славы для г-на Брюгьера де Сорсума. <...>

Делавшая погоду критика отдавала предпочтение Лафону перед Тальма. <...> Развод был упразднен. Лицеи назывались теперь коллежами. Ученики коллежей, с золотой лилией на воротничках, тузили друг друга из-за римского короля. <...>

Герцогиня де Дюра в своем небесно-голубом будуаре, обставленном табуретами с крестообразными ножками, читала кое-кому из своих друзей еще не изданную Урику. В Лувре соскабливали отовсюду букву «N». <...>

Книгопродавец Пелисье издавал Вольтера под заглавием: «Сочинения Вольтера, члена Французской академии». «Это привлечет покупателей», — говорил наивный издатель [1, с. 139–143].

Действительно, мелких фактов перечислено очень много. Но складывалась ли именно из них жизнь Парижа в 1817 году? Или это какой-то специальный 1817 год Виктора Гюго?

На второй вопрос можно ответить без колебаний. Да, картина 1817 года у Гюго носит глубоко специфический характер. Особенно поражает зашкаливающее число фактических неточностей.

Неточности эти в большинстве своем были отмечены уже давно: адвокат и литературный критик Эдмон Бире (1829–1907) еще при жизни Гюго, в 1869 г., выпустил книгу «Виктор Гюго и эпоха Реставрации», где не только нарисовал собственную картину 1817 года, но и отметил многочисленные отступления от исторической истины у Гюго; ту же критику он повторил в более поздней (1895) монографии «Год 1817-й».

Разумеется, современные комментаторы тоже — хотя с весьма специфической интонацией, как бы скрепя сердце — фиксируют эти ошибки, но интерпретируют их весьма своеобразно, предшественника же своего Бире обвиняют в том, что он критиковал либерала Гюго исключительно по причине своих монархических убеждений [28]. К мнению современных комментаторов я еще вернусь, что же касается Бире, то каковы бы ни были его мотивы, его замечания относительно сделанных Гюго ошибок в датах и фактах опровергнуть невозможно. Добавлю, что Бире, хотя и не упоминает о «Живом календаре», прекрасно помнит об основных «свершениях» 1817 года, изображенных в водевиле-обзрении: и об ученом псе Мунито, и о Салоне 1817 года, и о премьере «Германика», и о «Битве гор», и о «коленкорах».

При чтении главы «1817 год» бросаются в глаза две вещи: во-первых, вопиющий характер ошибок (Гюго ошибается в фактах и датах не только полузабытых, но и общеизвестных), а во-вторых, неприязненное отношение к эпохе Реставрации (все факты клонятся к тому, чтобы показать, что все по-настоящему хорошее в это время оставалось недооцененным или еще не родилось, а все, что считалось хорошим и прославленным, на самом деле было ничтожным).

Назову только самые знаменитые факты и даты, в описании которых Гюго допустил, мягко говоря, неточности.

У Гюго г-жа де Сталь умерла «в прошлом году», хотя на самом деле она умерла как раз в 1817-м.

У Гюго «герцогиня Дюра в своем небесно-голубом будуаре, обставленном табуретами с крестообразными ножками, читала кое-кому из своих друзей еще не изданную Урику» [1, с. 140–141] — между тем в 1817 г. герцогиня де Дюра не только не читала никому свой маленький роман «Урика», но еще и не начинала его писать.

У Гюго в 1817 году «Давид д'Анже делал попытки вдохнуть жизнь в мрамор» [1, с. 144]¹³, между тем знаменитый скульптор

¹³ По-французски сказано проще и пренебрежительнее, чем в русском переводе: *s'essayait à pétrir le marbre*, т. е. «еще только пробовал ваять из мрамора»; никакого вдыхания жизни в оригинале нет.

к этому времени уже пять лет учился в Италии и приобрел немалую известность; в Салоне 1817 года (о котором Гюго, как я уже говорила, не упоминает вовсе) он выставил скульптуру «Людовик, Великий Конде» (об этом можно, в частности, прочесть в книге Бире).

У Гюго «В Лувре соскабливали отовсюду буквы “N». <...> На площадке Нового моста, на пьедестале, ожидавшем статую Генриха IV, вырезали слово *Redivivus* [воскресший]» [1, с. 142] — меж тем на самом деле буквы «N» (инициал Наполеона) были стерты задолго до 1817 г., а прилагательное *redivivus* возникло на пьедестале памятника Генриху IV на Новом мосту еще в 1814 г. — когда там срочно, в ожидании въезда Людовика XVIII в Париж, была водружена гипсовая копия памятника, разрушенного во время Революции [11, р. 44–45; 8, с. 209–210].

Это все неточности более или менее нейтральные. Но иногда Гюго искажает факты с явным желанием принизить эпоху. Такова уже деталь, с которой он начинает рассказ: «То был год славы для г-на Брюгьера де Сорсума». Объективный современный комментатор четко удостоверяет, что Антуан Брюгьер де Сорсюм (*Bruguière de Sorsum*; 1773–1823), малоизвестный литератор, филолог и чиновник при дворе Вестфальского короля, никогда не был знаменит. Но Гюго нужно назвать его славным, чтобы читатель сделал вывод: какова знаменитость, таков и год; оба равно ничтожны¹⁴.

А нередко искажения продиктованы желанием личной мести.

Например, вышеприведенный фрагмент по поводу издания Вольтера, которое якобы выпустил книгопродавец Пелисье. Между тем Пелисье не издавал Вольтера, но зато он издал «Оды» Гюго, а впоследствии Гюго с ним рассорился [21, р. 924].

И тут же рядом: «Общее мнение гласило, что Шарль Луазон будет гением века» [1, с. 143]. Между тем поэт Луазона, который очень скоро, в 1820 г., умер от чахотки в возрасте 29 лет, никто гением не называл, но у Гюго к нему имелся свой счет: в 1817 г. на поэтическом конкурсе Академии «Счастье, приносимое учеными занятиями» Луазон занял первое место среди не получивших премии (получил так называемый *accessit*), а Гюго — лишь девятое, хотя и удостоился почетного отзыва (*mention*) [21, р. 924].

---

¹⁴ Впрочем, справедливости ради следует уточнить, что Брюгьер де Сорсюм, переводчик «Сакунталы», Байрона и Шекспира, предмет восхищенного внимания Альфреда де Виньи [38, р. 510–511], не был и совсем ничтожен, так что и унижать его таким упоминанием не совсем честно; и в довершение всего следует сказать, что конкретно в 1817 г. он не выпустил ни одной книги.

Еще один пассаж, в котором Гюго искажает реальность по субъективным причинам: «Франсуа де Нёфшато, достойный почитатель памяти Пармантье, хлопотал о том, чтобы слово “картофель” производилось как “пармантофель”, что отнюдь не возымело успеха».

Антуан-Огюстен Пармантье (1737–1813), фармацевт и агроном, в самом деле активно способствовал внедрению картофеля в рацион французов, а член Французской академии Франсуа де Нёфшато в самом деле назвал картофель в его честь *parmentière* вместо *potome de terre* (*пармантофель* в русском переводе), но слово вовсе не кануло в Лету, а сохранилось в литературе XIX в. и в словарях вплоть до наших дней, хотя и с пометой «устар.»¹⁵. Упомянул же Гюго старого академика Нёфшато в таком комическом контексте по причинам сугубо личного свойства. Юный Гюго в благодарность за почетный отзыв, полученный им на конкурсе Академии в 1817 г., написал всем академикам послания в стихах. Франсуа де Нёфшато в ответном стихотворении назвал его «другом нежным девяти сестер» (муз). Через несколько месяцев Нёфшато позвал Гюго на обед; академик писал предисловие к роману Лесажа «История Жиль Бласа из Сантьяны» и хотел защитить Лесажа от упреков в плагиате; для этого он нуждался в помощнике, знающем испанский, а Гюго знал этот язык, поскольку учился в коллеже в Мадриде. Гюго внес некоторый вклад в труд Нёфшато. Тот прочел свою статью на публичном заседании Академии 7 июля 1818 г., но поблагодарил там только «нескольких ревностных помощников, знающих кастильский», а имени Гюго не назвал; Гюго затаил обиду и отомстил в «Отверженных», причем дважды. В другом месте (Ч. 3, кн. 6, гл. 4) от лица Мариуса он прямо обвиняет старого академика в краже своего сочинения: «А она [Козетта], конечно, прониклась бы ко мне уважением и почтением, — думал он [Мариус], — если бы узнала, что не кто иной, как я, подлинный автор рассуждения о Маркосе Обрегоне де ла Ронда, которое Франсуа де Нёфшато выдал за свое и поместил в качестве предисловия к своему изданию Жиль Бласа!» [2, с. 157; пер. Н.Д. Эфрос] — обвинение, которое Гюго повторил несколько раз в своих монологах, запечатленных мемуаристами, и которое, как неоднократно было показано, не имело под собой никаких оснований [12, р. 106–114; 26, р. 414].

Своего рода мстостью можно назвать и пассаж о Шатобриане. Гюго, по его собственному позднему признанию, в 14 лет (в 1816 г.) записал в дневник, что хочет стать «либо Шатобрианом, либо ничем» [20, р. 142]. Однако с тех пор его политические пристрастия

¹⁵ См.: [23, р. 307–308].

изменились, из роялиста, каким он был в 1820-е гг., Гюго сделался противником монархизма, и бывшего кумира, одного из главных консервативных деятелей эпохи Реставрации, он изображает как самовлюбленного лицемера:

Шатобриан стоял каждое утро у своего окна в доме № 27 по улице Сен-Доминик, в панталонах со штрипками, в домашних туфлях, с шелковым платком на седой голове. Разложив перед собой целый набор инструментов дантиста, он, не отводя глаз от зеркала и заботливо осматривая свои прекрасные зубы, за которыми тщательно ухаживал, одновременно диктовал секретарю Пилоржу различные варианты *Монархии согласно хартии* [1, с. 142].

Того, что на улицу Сен-Доминик чета Шатобриан переехала ровно годом позже [15, р. 23], Гюго, конечно, мог не знать, но вот что брошюра Шатобриана «Монархия согласно Хартии» была напечатана еще в сентябре 1816 г., и поэтому в 1817 г. автору не было никакой необходимости диктовать секретарю ее варианты, он, напротив, не мог не знать, поскольку об этом рассказано в мемуарной книге Шатобриана «Замогильные записки» (изд. 1848), где этой брошюре посвящена особая глава. Но Гюго не преминул внести эту информацию в свой текст, причем прибавил ее на последнем этапе, в 1860 г., когда перерабатывал главу, начатую еще в 1848 г., — как утверждает исследователь его рабочей тетради, «заботясь о точности и <...> полноте описания» [10, р. 561]. Точность, впрочем, сомнительная, на что указал еще Бире [13, р. 265–269].

Итак, ошибок и неточностей в картине 1817 года, нарисованной Гюго, слишком много, чтобы на них можно было просто закрыть глаза. Они требуют не только уточнений и исправлений, но и ответа на вопрос: зачем Гюго обошелся с фактами настолько вольно?

Уточнения и исправления комментаторы «Отверженных», разумеется, приводят, но очень неохотно, с явным нежеланием признать, что великий писатель ошибся там и тут. Это же нежелание сквозит и в их ответах на вопрос, почему Гюго поступил так, а не иначе.

Ив Гоэн, автор комментариев к «Отверженным» в издании Folio Gallimard (1995) лаконично отмечает неточности, а потом пытается их объяснить: это личные воспоминания Гюго — ученика коллеги, а также общий взгляд на всю эпоху Реставрации, а 1817 год выбран исключительно потому, что это год участия Гюго в академическом конкурсе, т. е. год, когда началась его литературная карьера. Т. е. все дело в автобиографизме, на который упирают и другие «гюговеды».

Многоопытный исследователь творчества Гюго Ги Роза в свирепой, уничтожающей рецензии на новейшее издание романа в «Библиотеке Плеяды» обрушивается с критикой на комментаторов, дерзнувших сделать следующий, на мой скромный взгляд вполне разумный, вывод:

Эта глава <...> вовсе не является сжатой хроникой одного года, но скорее сближается с составленным по воле фантазии и остранным альманахом, в котором мелкими мазками и скоплением «деталей» создается «историческая» картина, по поводу которой Гюго — в ироническом пылу не слишком заботящийся о точности дат — высказывается откровенно только в самом конце главы.

Нет, гневно возражает Ги Роза, комментаторы не заметили главного:

Это просто намеренная концентрация в одном году фактов из разных лет, чтобы получилась картина эпохи, когда верх взяли предатели и дезертиры. <...> В то же самое время это скрытый автопортрет, о чем не подозревают комментаторы: потасовки между лицеистами-бонапартистами и лицеистами-роялистами, вступление в литературную жизнь благодаря конкурсу Академии, встречи с Франсуа де Нёфшато и — в будущем — с Шатобрианом и Ламенне, отмена развода¹⁶, личный и политический конфликт между родителями, имевший тяжелые последствия... Как не различить во всем этом вибрации памяти, воскрешающей — не столько с улыбкой, сколько с досадой — один лишь раздробленный образ собственного я? [33].

Это автобиографизм, так сказать, «ранний», а есть еще и «поздний», проанализированный в статье П. Поповича [30]. По мнению исследователя, Гюго описал таким образом 1817 год, потому что, издеваясь над косностью и недалекостью эпохи Реставрации, он на самом деле метил не столько в эпоху своей юности, сколько в ту эпоху, когда он заканчивал «Отверженных», — ненавистную ему эпоху Второй Империи: «Реставрация относится к Революции, как Вторая империя к Первой — это не более чем, “забавная шутка”, переходом к которой кончается глава “1817 год”» [30, р. 161]. Попович считает, что Гюго «предлагает читателю нечто вроде голограммы социального образного фонда <imaginaire social> 1817 года или, точнее, того,

¹⁶ Узаконенная, кстати, не в 1817 г., а годом раньше, в мае 1816 г.

что от него осталось». От вопроса же о том, почему социальный образный фонд должен кишеть неточными датами и искаженными фактами, Попович просто отмахивается: не в этом дело; Гюго «так видел».

Кстати, Гюго весьма вольно обращался с фактами и датами, искажая их «в свою пользу», отнюдь не только в главе «1817 год». Он, например, утверждает в другой главе «Отверженных», что некогда первым (в повести 1834 г. «Клод Гё») ввел в литературу слово *gamin* (гамен, парижский мальчишка). Бире одним из первых указал, что это, мягко говоря, неточно, поскольку слово *gamin* встречается в нескольких словарях 1820-х гг. [11, с. 233–235]. Это чистая правда, более того, после Бире исследователи нашли еще десяток употреблений этого слова в литературе 1820-х – начала 1830-х гг.¹⁷ Но Попович обливает Бире презрением за подобные мелочные придирки, заодно вослед своему герою искажая даты, приведенные Бире: подумавшись, Гюго пишет, что первым употребил слово *gamin* в 1834 г., а «Бире нашел слово *gamin* “где-то в 1832 году”» [30, р. 12, note 19].

Конечно, победителей не судят и задним числом ловить Гюго на ошибках — дело неблагоприятное, но и полностью закрывать на них глаза, не пытаясь понять их причину, тоже было бы неверно. Ведь и лирическая картина собственной юности, и памфлет против эпохи собственной зрелости совершенно не обязательно должны сопровождаться ошибками в датах. И лирическая картина, и памфлет были бы ничуть не менее выразительны, если бы госпожа де Сталь умерла тогда, когда умерла в реальности (на год позже, чем пишет Гюго), а герцогиня де Дюра сочинила «Урику» тогда, когда сочинила в реальности (на четыре года позже, чем пишет Гюго).

Напрашивающееся объяснение состоит в том, что Гюго своими искажениями дат и фактов (которые, пожалуй, слишком многочисленны, чтобы быть бессознательными) дает читателю понять: он рисует не исторический 1817 год, а свой собственный, субъективный. Но подает-то Гюго свое описание именно как картину именно 1817 года, а не набросок быта второй половины 1810-х гг. в целом (каковым она по сути является).

А сопоставление его обширной и богатой деталями картины 1817 года с забытыми водевилями, сочиненными в этом самом году, показывает: Гюго вставил в свою картину события, которые происходили в другие годы, но не упомянул по меньшей мере двух мелких,

¹⁷ См. сводку литературы: [5, с. 496–498].

но важных для современников бытовых происшествий, о которых напоминают старые водевили.

Отсюда вывод: если мы хотим узнать, каково было субъективное видение эпохи Реставрации в целом Виктором Гюго в начале 1860-х гг., глава «1817 год», будет нам служить верой и правдой. Но если мы хотим узнать, что запомнили из 1817 года некоторые современники (люди искусства), то нам лучше обратиться не к великим «Отверженным», а к посредственным водевилям: «Живому календарю» и «Битве гор».

Понятно, что исследователи Гюго, исходящие из того, что их кумир прав всегда, даже когда допускает ошибки, негодуют на старого монархиста Бире, которые дерзнул написать о куплетах в начале водевиля «Битва гор», рисующих картину парижских развлечений (в том числе и упомянутых в «Живом календаре»), что «эти неприятельские стишки Скриба, быть может, сообщают нам о театрах и развлечениях парижской столицы в 1817 года больше, чем проза г-на Гюго» [11, р. 337; 13, р. 358–359]. Бире, конечно, замшелый монархист и архаический позитивист, не знающий термина *imaginaire* (образный фонд) и пребывающий во власти своих политических пристрастий, но в том, что из водевилей-обзрений можно почерпнуть некоторые более достоверные сведения о парижской повседневности 1817 года, чем из одноименной главы «Отверженных», с ним, пожалуй, можно согласиться.

Литература

1. Гюго В. Собр. соч.: в 15 т. М.: ГИХЛ, 1954. Т. 6: Отверженные. Ч. 1–2. 672 с.
2. Гюго В. Собр. соч.: в 15 т. М.: ГИХЛ, 1954. Т. 7: Отверженные. Ч. 3–4. 685 с.
3. Долинин А.А. Время в художественных текстах и комментариях к ним // *Slavica Revaliensia*. 2022. Vol. IX. С. 9–38.
4. Мильчина В.А. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 944 с.
5. Мильчина В.А. Парижане о себе и о своем городе: «Париж, или Книга Ста и одного». М.: Дело, 2019. 696 с.
6. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 14: Переписка, 1828–1831. 547 с.
7. *Поимеж Ж. де*. Шовен, солдат-землепашец / пер. В.А. Мильчиной. М.: Языки русской культуры, 1999. 400 с.
8. *Фюркс Э*. Оскорбленный взор. Политическое иконоборчество после Французской революции / вступ. ст. и пер. В.А. Мильчиной. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 624 с.

9. *Bara O., Piana R., Yon J.-C.* La Revue de fin d'année // Revue d'histoire du Théâtre. 2015. № 2 (266). URL: <https://sht.asso.fr/introduction-5/> (дата обращения: 10.10.2022).
10. *Barrère J.-B.* La révision des "Misérables" d'après un carnet inédit de Victor Hugo // Revue d'Histoire littéraire de la France. 1962. № 62–4, octobre–décembre. P. 555–564.
11. *Biré E.* Victor Hugo et la Restauration. Paris: Lecoffre fils, 1869. 478 p.
12. *Biré E.* Victor Hugo avant 1830. Paris: Jules Gervais; Émile Grimaud, 1883. 534 p.
13. *Biré E.* L'année 1817. Paris: Champion, 1895. 436 p.
14. *Brazier N.* Histoire des petits théâtres de Paris. Paris: Allardin, 1838. T. 1. 304 p.
15. *Chateaubriand F.-R. de.* Correspondance générale. Paris: Gallimard, 1982. T. 3. 554 p.
16. *Davis P.* Entre la physiognomonie et les Physiologies: le Calicot, figure du panorama parisien sous la Restauration // Études françaises. 2013. T. 49. № 3. P. 63–85. <https://doi.org/10.7202/1021203ar>
17. Dictionnaire de la conversation et de la lecture. Paris: Belin-Mandar, 1834. T. 6. 512 p.
18. *Gidel H.* Le Vaudeville. Paris: PUF, 1986. 128 p.
19. *Gohin Y.* Une histoire qui date // Lire les Misérables / sous la dir. de G. Rosa et A. Ubersfeld. Paris: José Corti, 1985. 272 p.
20. *Hovasse J.-M.* Victor Hugo. Paris: Fayard, 2001. T. 1. 1366 p.
21. *Hugo V.* Les Misérables / édition de Yves Gohin. Paris: Gallimard, 1995. 955 p.
22. Journal de la France et des Français. Chronologie politique, culturelle et religieuse. Paris: Gallimard, 2001. T. 1. 2406 p.
23. *Julien P.* Notes autour de Parmentier // Revue d'histoire de la pharmacie, 1987. 75e année. № 275. P. 307–318. DOI: <https://doi.org/10.3406/pharm.1987.2897>
24. *Landon Ch.-P.* Salon de 1817: recueil de morceaux choisis parmi les ouvrages de peinture et de sculpture exposés au Louvre, le 24 avril 1817, et autres nouvelles productions de l'art, gravés au trait, avec l'explication des sujets et quelques observations. Paris: Au bureau des Annales du Musée, 1817. 120 p.
25. Mandement de Messieurs les vicaires généraux du chapitre métropolitain de Paris, le siège vacant, pour le Saint temps de Carême. Paris: Adrien Le Clerc, 1817. 48 p.
26. *Margairaz D.* François de Neufchâteau: biographie intellectuelle. Paris: Publications de la Sorbonne, 2005. 560 p.
27. *Michaud L.-G.* Biographie des hommes vivants. Paris: Michaud, 1817. T. 3. 336 p.
28. *Michon P.* Le grand homme, "le gros cochon" et le roi mitoyen. Représentations de la Restauration et de la monarchie de Juillet dans "Les Misérables". URL: <http://groupugo.div.jussieu.fr/Groupugo/doc/13-05-18michon.pdf> (дата обращения: 10.10.2022).
29. *Piana R.* L'imaginaire de la presse dans la revue théâtrale // Presse et scène au 19e siècle / sous la dir. de O. Bara et M.-È. Thérenty. URL: www.medias19.org/index.php?id=3005 (дата обращения: 10.10.2022).
30. *Popovic P.* 1817, un état de l'imaginaire social. Hugo sociocriticien? // Romantisme. 2017. № 175. P. 8–16.
31. *Quérard J.-M.* Bibliographie voltairienne. Paris: Firmin Didot, 1842. 184 p.
32. *Roman M.* Victor Hugo et le roman philosophique: du drame dans les faits au drame dans les idées. Paris: Champion, 1999. 826 p.

33. Rosa G. Kekceçça ? (IV, 6, 2) ou Éditer “Les Misérables” — À propos de la nouvelle édition de la Pléiade (établie par Henri Scepi, avec la collaboration de Dominique Moncond’huy, Gallimard, 2018) URL: http://www.groupugo.univ-paris-diderot.fr/groupugo/Textes_et_documents/Rosa_CR_Mis_2018.htm (дата обращения: 10.10.2022).

34. Sala E. Le surnaturel biblique dans le mélodrame et dans l’opéra: autour du *Passage de la Mer Rouge* // Opéra et fantastique [en ligne]. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2011 (généré le 09 juillet 2021). URL: <http://books.openedition.org/pur/80154> (дата обращения: 10.10.2022).

35. *T[héaulon] de Lambert M.-E., Dartois A., Ledoux P.* Calendrier vivant, ou Une année dans une heure. Paris: Barba, 1818. 46 p.

36. Trousson R. Antoine-Vincent Arnault (1766–1834). Un homme de lettres entre classicisme et romantisme. Paris: Champion, 2004. 349 p.

37. Trousson R. Balzac, disciple et juge de Jean-Jacques Rousseau. Genève: Droz, 1983. 279 p.

38. *Vigny A. de.* Correspondance. Paris: Classiques Garnier, 2012. T. I. 1816 – juillet 1830. 566 p.

39. *Vercruysee J.* C’est la faute à Rousseau // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. 1963. T. XXIII. P. 61–76.

40. *Waresquiel E. de, Yvert B.* Histoire de la Restauration, 1814–1830. Paris: Perrin, 1996. 512 p.

Research Article

1817: Parisian Everyday Life in Vaudeville and in the Novel

© 2023. Vera A. Milchina

Institute for Advanced Studies in Humanities of the Russian State University for Humanities, Moscow, Russia
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract: The article deals with two reflections of the everyday life of Paris in 1817: in the vaudevilles “Living Calendar” and “Battle of the Mountains,” composed and staged exactly in this year, and in Victor Hugo’s novel *Les Misérables*, which was published in 1862. The whole chapter of the novel is devoted to listing the heterogeneous and petty facts of the daily life of Paris in 1817. It turns out that the optics of direct observers (half-forgotten vaudeville artists) and the famous novelist, who described events after four decades, differ very much. The everyday life of vaudeville and the everyday life of the novel present two different images, although they are dated by the same 1817. Hugo tries to simulate everyday trivia of 1817, but in fact he paints an extremely subjective and biased picture by increasing dates and facts blunders and diligently looking for such details that can compromise the Bourbon Restoration era as much as possible. We can hardly judge what trivia really interested the people of 1817 from the chapter “1817.” We could learn much more about it from the ephemeral vaudevilles, since they had captured a picture of everyday life in 1817

on fresh tracks. Hugo does not say a word about the clever dog Munito, the opening of the special storage chambers for canes in theatres, the appearing of new social type clerks–“calicos” etc., but forgotten vaudevilles remind of that.

Keywords: Victor Hugo, *Les Misérables*, Paris, everyday life, vaudeville, theatrical life, Scribe, Russian mountains.

Information about the author: Vera A. Milchina — Leading Research Fellow, Institute for Advanced Studies in Humanities of the Russian State University for Humanities, Miusskaya Sq., 6, 125047 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vernadsky Ave., 82, 119571 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3896-0085>

E-mail: vmilchina@gmail.com

For citation: Milchina, V.A. “1817: Parisian Everyday Life in Vaudeville and in the Novel.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (27), 2023, pp. 131–156. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-131-156>

References

1. Giugo, Victor. *Sobranie sochinenii: v 15 t. [Collected Works: in 15 vols.]*, vol. 6: Otverzhennye [Les Misérables], pt. 1–2. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1954. 672 p. (In Russ.)
2. Giugo, Victor. *Sobranie sochinenii: v 15 t. [Collected Works: in 15 vols.]*, vol. 7: Otverzhennye [Les Misérables], pt. 3–4. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1954. 685 p. (In Russ.)
3. Dolinin, A.A. “Vremia v khudozhestvennykh tekstakh i kommentariiakh k nim” [“Time in Literary Texts and Comments to Them”]. *Slavica Revaliensia*, vol. 9, 2022, pp. 9–38. (In Russ.)
4. Mil'china, V.A. *Parizh v 1814–1848 godakh: povsednevnaia zhizn' [Paris in 1814–1848: Daily Life]*. 2nd ed. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 944 p. (In Russ.)
5. Mil'china, V.A. *Parizhane o sebe i o svoem gorode: “Parizh, ili Kniga Sta i odnogo” [Parisians about Themselves and Their City: “Paris, or the Book of a Hundred and One”]*. Moscow, Delo Publ., 2019. 696 p. (In Russ.)
6. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]*, vol. 14: Perepiska, 1828–1831 [Correspondence, 1828–1831]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1941. 547 p. (In Russ.)
7. Piuimezh, Zherar de. *Shoven, soldat-zemlepushets [Chauvin, Farmer Soldier]*, trans. by V.A. Mil'china. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 400 p. (In Russ.)
8. Fiureks, Emmanuel'. *Oskorblennyi vzor. Politicheskoe ikonoborcestvo posle Frantsuzskoi revoliutsii [Offended Look. Political Iconoclasm after the French Revolution]*, introd. and trans. by V.A. Mil'china. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022. 624 p. (In Russ.)
9. Bara, Olivier, and Romain Piana, and Jean-Claude Yon. “La Revue de fin d'année.” *Revue d'histoire du Théâtre*, no. 2 (266), 2015. Available at: <https://sht.asso.fr/introduction-5/> (Accessed 10 October 2022). (In French)

10. Barrère, Jean-Bertrand. “La révision des ‘Misérables’ d’après un carnet inédit de Victor Hugo.” *Revue d’Histoire littéraire de la France*, no. 62–4, octobre–décembre, 1962, pp. 555–564. (In French)
11. Biré, Edmond. *Victor Hugo et la Restauration*. Paris, Lecoffre fils, 1869. 478 p. (In French)
12. Biré, Edmond. *Victor Hugo avant 1830*. Paris, Jules Gervais, Émile Grimaud, 1883. 534 p. (In French)
13. Biré, Edmond. *L’année 1817*. Paris, Champion, 1895. 436 p. (In French)
14. Brazier, Nicolas. *Histoire des petits théâtres de Paris*, vol. 1. Paris, Allardin, 1838. 304 p. (In French)
15. Chateaubriand, François-René de. *Correspondance générale*, vol. 3. Paris, Gallimard, 1982. 554 p. (In French)
16. Davis, Peggy. “Entre la physiognomonie et les Physiologies: le Calicot, figure du panorama parisien sous la Restauration.” *Études françaises*, vol. 49, no. 3, 2013, pp. 63–85. <https://doi.org/10.7202/1021203ar> (In French)
17. *Dictionnaire de la conversation et de la lecture*, vol. 6. Paris, Belin-Mandar, 1834. 512 p. (In French)
18. Gidel, Henry. *Le Vaudeville*. Paris, PUF, 1986. 128 p. (In French)
19. Gohin, Yves. “Une histoire qui date.” Rosa, Guy, et Anne Ubersfeld, directeurs. *Lire Les Misérables*. Paris, José Corti, 1985. 272 p. (In French)
20. Hovasse, Jean-Marc. *Victor Hugo*, vol. 1. Paris, Fayard, 2001. 1366 p. (In French)
21. Hugo, Victor. *Les Misérables*, édition de Yves Gohin. Paris, Gallimard, 1995. 955 p. (In French)
22. *Journal de la France et des Français. Chronologie politique, culturelle et religieuse*, vol. 1. Paris, Gallimard, 2001. 2406 p. (In French)
23. Julien, Pierre. “Notes autour de Parmentier.” *Revue d’histoire de la pharmacie*, 75e année, no. 275, 1987, pp. 307–318. DOI: <https://doi.org/10.3406/pharm.1987.2897> (In French)
24. Landon, Charles-Paul. *Salon de 1817: recueil de morceaux choisis parmi les ouvrages de peinture et de sculpture exposés au Louvre, le 24 avril 1817, et autres nouvelles productions de l’art, gravés au trait, avec l’explication des sujets et quelques observations*. Paris, Au bureau des Annales du Musée, 1817. 120 p. (In French)
25. *Mandement de Messieurs les vicaires généraux du chapitre métropolitain de Paris, le siège vacant, pour le Saint temps de Carême*. Paris, Adrien Le Clerc, 1817. 48 p. (In French)
26. Margairaz, Dominique. *François de Neufchâteau: biographie intellectuelle*. Paris, Publications de la Sorbonne, 2005. 560 p. (In French)
27. Michaud, Louis-Gabriel. *Biographie des hommes vivants*, vol. 3. Paris, Michaud, 1817. 336 p. (In French)
28. Michon, Pierre. “Le grand homme, le ‘gros cochon’ et le roi mitoyen. Représentations de la Restauration et de la monarchie de Juillet dans ‘Les Misérables’.” Available at: <http://groupugo.div.jussieu.fr/Groupugo/doc/13-05-18michon.pdf> (Accessed 10 October 2022). (In French)
29. Piana, Romain. “L’imaginaire de la presse dans la revue théâtrale.” Bara, Olivier et Marie-Ève Thérénty, directeurs. *Presse et scène au 19e siècle*. Available at: www.medias19.org/index.php?id=3005 (Accessed 10 October 2022). (In French)

30. Popovic, Pierre. “1817, un état de l’imaginaire social. Hugo sociocriticien?” *Romantisme*, no. 175, 2017, pp. 8–16. (In French)
31. Quérard, Joseph-Marie. *Bibliographie voltairienne*. Paris, Firmin Didot, 1842. 184 p. (In French)
32. Roman, Myriam. *Victor Hugo et le roman philosophique: du drame dans les faits au drame dans les idées*. Paris, Champion, 1999. 826 p. (In French)
33. Rosa, Guy. *Kekcekeça ? (IV, 6, 2) ou Éditer “Les Misérables” — À propos de la nouvelle édition de la Pléiade (établie par Henri Scepi, avec la collaboration de Dominique Moncond’huy, Gallimard, 2018)*. Available at: http://www.groupugo.univ-paris-diderot.fr/groupugo/Textes_et_documents/Rosa_CR_Mis_2018.htm (Accessed 10 October 2022). (In French)
34. Sala, Emilio. “Le surnaturel biblique dans le mélodrame et dans l’opéra: autour du Passage de la Mer Rouge.” *Opéra et fantastique [en ligne]*. Rennes, Presses universitaires de Rennes, 2011 (généré le 09 juillet 2021). Available at: <http://books.openedition.org/pur/80154> (Accessed 10 October 2022). (In French)
35. T[héaulon] de Lambert, Marie.-Emmanuel, et Armand Dartois, et Paul Ledoux. *Calendrier vivant, ou Une année dans une heure*. Paris, Barba, 1818. 46 p. (In French)
36. Trousson, Raymond. *Antoine-Vincent Arnault (1766–1834). Un homme de lettres entre classicisme et romantisme*. Paris, Champion, 2004. 349 p. (In French)
37. Trousson, Raymond. *Balzac, disciple et juge de Jean-Jacques Rousseau*. Genève, Droz, 1983. 279 p. (In French)
38. Vigny, Alfred de. *Correspondance*, vol. 1: 1816 – juillet 1830. Paris, Classiques Garnier, 2012. 566 p. (In French)
39. Vercruyse, Jean. “C’est la faute à Rousseau.” *Studies on Voltaire and the Eighteenth Century*, vol. 23, 1963, pp. 61–76. (In French)
40. Waresquiel, Emmanuel de, et Benoît Yvert. *Histoire de la Restauration, 1814–1830*. Paris, Perrin, 1996. 512 p. (In French)

Статья поступила в редакцию: 06.12.2022
Одобрена после рецензирования: 19.01.2023
Дата публикации: 25.03.2023

The article was submitted: 06.12.2022
Approved after reviewing: 19.01.2023
Date of publication: 25.03.2023

Как сделано «Заколдованное место» Н.В. Гоголя

© 2023, В.Г. Щукин
Ягеллонский университет,
Краков, Польша

Аннотация: Материалом статьи послужила последняя новелла Н.В. Гоголя «Заколдованное место», завершающая вторую часть сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1829–1832). В статье прослеживаются как заимствованные у других писателей, так и оригинальные писательские приемы, составляющие строго продуманную систему, цель которой — привлечь внимание читателя, заинтриговать его «странным» характером повествования, «странными» событиями, составляющими сюжет, а также остраненными образами пространства и времени. На стилистическом уровне структуры произведения читатель имеет дело не только с языковыми экзотизмами, но и со странными для русского уха оборотами речи. Тот же эффект наблюдается на фонетическом и предметно-образном уровне. Таким образом, прием художественного остранения, описанный в трудах В.Б. Шкловского и других представителей формальной школы, находит в лице Гоголя одного из ярчайших его выразителей. Автор статьи прослеживает также аномалии, преднамеренно внедренные Гоголем в структуру художественного пространства и художественного времени, с образами которых сталкивается читатель новеллы. Речь идет в первую очередь об эффекте пересечения двух параллельных пространств — «реального» и «волшебного», что было впервые замечено и описано Ю.М. Лотманом в работе «Проблема художественного пространства в прозе Гоголя» (1968). В настоящей статье особо подчеркивается значение мотива невидимой границы, существующей между этими мирами. Чтобы вновь попасть в заколдованное пространство, герой должен вернуться домой и вновь пересечь ту черту, попав за которую человек попадает в кромешный, гротескно обрисованный мир, становясь игрушкой в руках нечистой силы.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, «Заколдованное место», нарративная техника, сюжетосложение, мифопоэтический ландшафт, волшебная сказка, остранение.

Информация об авторе: Василий Георгиевич Щукин — доктор гуманитарных наук в области истории русской литературы, профессор, кафедра русского литературоведения, Институт восточнославянской филологии, филологический факультет, Ягеллонский университет, ул. Романа Ингардена, д. 3, 30–060 г. Краков, Польша.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9083-6730>

E-mail: wszczukin@yandex.com

Для цитирования: *Щукин В.Г.* Как сделано «Заколдованное место» Н.В. Гоголя // Литературный факт. 2023. № 1 (27). С. 157–172. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-157-172>

«Заколдованное место», заключительная новелла цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки», была написана Гоголем в 1829 или в 1830 г. Впервые опубликована она в первом издании «Вечеров» в 1832 г. в Петербурге [8, с. 323].

Как и в других рассмотренных ранее произведениях, вошедших в этот сборник, самый важный для автора и читателя сюжетный узел связан с чудесными, невозможными в реальной действительности событиями, в которых участвует нечистая сила. Эта сила — плод коллективной фантазии, нашедший отражение в фольклоре и переделанный Гоголем по-своему, а также по правилам художественного произведения Нового времени, в данном случае романтической новеллы.

Чтобы заинтриговать читателя, автор обращается к фольклорным сюжетам о вмешательстве нечистой силы не сразу, не с первых строк своего рассказа. Напомним еще раз, что мы имеем дело с вымышленным повествователем. В данном случае это «дьячок ***ской церкви», который знает самые страшные истории о вмешательстве нечистой силы — «Вечер накануне Ивана Купала», «Пропавшая грамота» и «Заколдованное место». Мало того: рассказ дьячка передается в изложении фиктивного издателя — «пасичника Рудого Панька», человека из народа, который пересказывает страшные и нестрашные истории очень красочно, балагуря «по-народному», «по-малороссийски», с многочисленными вкраплениями непонятных русскому читателю регионализмов. Гоголь строит его рассказ так, чтобы в начале повествования читатель, желающий услышать что-то страшное, отвлекся, рассеялся и на некоторое время забыл о том, что наводящая ужас история с участием нечистой силы вот-вот прозвучит.

Ей-Богу, уже надоело рассказывать! Да что вы думаете? Право, скучно: рассказывай, да и рассказывай, и отвязаться нельзя! Ну, извольте, я расскажу, только, ей-ей, в последний раз. Да, вот вы говорили насчет того, что человек может совладать, как говорят, с нечистым духом. Оно конечно, то есть, если хорошенько подумать, бывают на свете всякие случаи... Однако ж не говорите этого. Захочет обморочить дьявольская сила, то обморочит. Ей-Богу, обморочит!..

Вот извольте видеть: нас всех у отца было четверо. Я тогда был еще дурень. Всего мне было лет одиннадцать; так нет же, не одиннадцать: я помню как теперь, когда раз побежал было я на четвереньках и стал лаять по-собачьи, батько закричал на меня, покачав головою: «Эй, Фома, Фома! тебя женить пора, а ты дуреешь, как молодой лошак!» Дед был еще тогда жив и на ноги, — путь ему легко икнется на том свете, — довольно крепок. Бывало вздумает... Да что ж эдак рассказывать? Один выгребает из печки целый час уголь для своей трубки, другой зачем-то побежал за комору. Что, в самом деле!.. Добро бы поневоле, а то ведь сами же напросились. Слушать, так слушать! Батько еще в начале весны повез в Крым на продажу табак. Не помню только, два или три воза снарядил он. Табак был тогда в цене [2, с. 206].

Как видно из этого отрывка, представляющего собой первые строки «Заколдованного места», тактика рассказчика (и Гоголя) состоит в том, чтобы отвлечь читателя, запутать, заговорить его и оттянуть начало повествования о страшных чудесах и проделках адских сил как можно больше. Как только речь заходит о дьявольской силе, которая может «заморочить» человека, и должен начаться главный рассказ, повествование уводит читателя в сторону и обращает его внимание на второстепенные и даже лишние с точки зрения страшной истории детали: у отца было четверо детей, рассказчик в детстве лаял по-собачьи, а табак был в цене. Вот уже и главное действующее лицо рассказа — дед — появляется на сцене, но рассказ внезапно прерывается, потому что «пасичник Рудый Панько» сердится на то, что его не слушают, а выгребают уголь из печки, чтобы раскурить трубку...

Зачем же все это делается?

Это делается затем, чтобы страшное появилось в повествовании внезапно захватило читателя врасплох, как в английском готическом романе, сказках Э.Т.А. Гофмана, которые так любил Гоголь (см., напр.: [3, с. 167–169]), или как в приключенческом фильме-триллере. Ведь именно так построенный рассказ будет иметь наибольший успех и читателя, как правило, любящего сенсации и ждущего, чтобы какая-нибудь страшная история нарушила монотонное и скучное течение его жизни и ту однообразную литературную рутину, которая ему давно надоела. Элементы фольклора в данном случае используются не только для создания локально-национально-социального колорита, но и для того, чтобы психологически «встряхнуть», «огорошить» читателя. Эту «встряску» Виктор Шкловский назы-

вал *остранением*, то есть сотворением чего-то странного, нового, неожиданного в литературной форме, чтобы «освежить» эту форму и понравиться читателю, который ждет от литературы эмоционального потрясения и новизны [9, с. 11–17]. Свыкшись с бестолковым балагурством повествователя, читатель оказывается застигнутым врасплох, когда в самом неожиданном месте — во время танца, когда дед хочет продемонстрировать чумакам, как надо по-настоящему плясать гопака — нечистая сила внезапно врывается в весело-беззаботный мир баштана с его дынями и арбузами. Отныне читатель будет иметь дело со странной, страшной, потусторонней загадкой, которая, чтобы еще страшнее было, до конца новеллы так и остается неразгаданной.

Потустороннее появляется в тот момент, когда дед попадает ногами в точку или небольшой пяточок плоского пространства, где проходит невидимая граница между человеческим и «нечистым», заколдованным миром:

Мы посторонились, и пошел хрен вывертывать ногами **по всему гладкому месту**, которое было возле грядки с огурцами. Только он дошел, однако ж, **до половины** и хотел разгуляться и выметнуть ногами на вихорь какую-то свою штуку, не поднимаются ноги, да и только! что за пропасть! разогнался снова, дошел **до середины** — не берет! что хочь делай — не берет, да и не берет! ноги как деревянные стали. «Вишь дьявольское место! вишь сатанинское наваждение! Впутается же Ирод, враг рода человеческого!» Ну, как наделать страму перед чумаками? Пустился снова и начал чесать дробно, мелко, любо глядеть; до середины — нет! не вытанцовывается, да и полно! «А, шельмовский сатана! чтоб ты подавился гнилою дынею! чтоб еще маленьким издохнул, собачий сын! вот на старость наделал стыда какого!» и в самом деле сзади **кто-то** засмеялся [2, с. 208]¹.

«Нечистое» или «обманное» место — фрагмент натурального или культурного ландшафта, который достаточно часто используется в народной мифологии и в фольклоре, становясь тем самым частью мифопоэтического ландшафта. В процессе семантизации и мифологизации местности, окружающей человеческое поселение, естественным образом выделяются места сакральные (например, жертвенник, храм, святой источник), просто благоприятные (берег реки, поляна, пригорок), нейтральные (поле, огород), профанные

¹ Жирный шрифт мой. — В.Щ.

(хлев, отхожее место) и нечистые. В последних, как утверждает миф или легенда, властвует не человек, а потусторонний враг рода человеческого. В народе он именуется *нежитью* — чем-то неживым, но способным действовать, принося зло; иначе говоря, нечистой силой, чертом, дьяволом, ведьмой и т. п. Нечистые места принципиально не могут быть поняты, разгаданы, а тем более освоены человеком: их следует избегать, обходить стороной, так как пересечение невидимой границы, отделяющей живой человеческий мир от мертвого, а точнее, антивитального мира всегда приносит человеку несчастье, большое или малое.

В новелле Гоголя невидимая граница двух миров проходит, вопреки народным поверьям, **посередине** абсолютно нейтрального, «невинного» микропространства — «гладкого места, которое было возле грядки с огурцами». Герой не в состоянии определить, какая травинка растет на «неподконтрольной» дьявольской силе части «гладкого места», а какая растет на небольшом пятачке, который принадлежит дьяволу. Тем самым подчеркивается по крайней мере три важных обстоятельства: **неожиданность** появления «заколдованности» бок о бок с живыми, танцующими людьми, **коварство** нечистой силы, которая лишает человека жизненной энергии и умения в самый неподходящий момент (намекая на это, Гоголь вставляет в текст замечательный неологизм — «не вытанцовывается»), и **бессилие** человека перед лицом бесовской мощи².

Обращает также на себя внимание то, что «заколдованное место» в сюжете новеллы впервые появляется в сцене танца. Двойственная роль мотива танца в поэтике Гоголя была впервые замечена и проанализирована Ю.В. Манном. Повторю ранее сказанное: танец — одно из древнейших видов искусств, тесно связанных с устным народным творчеством. В танце появляются элементы изобразительности (*mimesis*), но в целом это искусство экспрессивное, которое, подобно музыке и лирике, является эманацией жизненной силы (т. е. платоновского *эроса*), радости и веселости. И если танец не выходит за границы народного творческого веселья, он в подавляющем большинстве случаев не может быть печальным, отягощенным глубоким раздумьем над сложностью и превратностью жизни, которое свойственно интеллектуально развитому индивиду.

Но у Гоголя даже самый беззаботный предсвадебный танец может незаметно превратиться в нечто странное, наводящее на грустные мысли об экзистенциальном одиночестве, неприкаянности человека,

² В других новеллах, например, в «Пропавшей грамоте» или в «Ночи перед Рождеством» герой способен одержать победу над нечистой силой.

оторвавшегося от народного коллектива, бессознательно добродушного или бессознательно жестокого. Именно такой является заключительная сцена танца в «Сорочинской ярмарке» [5, с. 15–20]. Но в «Заколдованном месте» все несколько иначе, хотя амбивалентность радостного и грустно-страшного также присутствует.

В приведенном отрывке обращает на себя внимание выделенное нами слово «кто-то». Не чудище, не черт с рогами и хвостом, а именно *кто-то*. Так страшнее. Невидимость, неопределенность и загадочность субъекта речи особым образом подчеркивает бессилие человека перед миром запредельных сил, в существование которого верит коллективное «я» народной фантазии. С чертом, укравшим месяц, легко справляется кузнец Вакула из «Ночи перед Рождеством». А как тут справиться с *кем-то*, кого не видно, но слышно? Но все же этот *кто-то* или это *оно* существует, да еще смеется над тобой, над твоим бессилием.

Сразу после того, как «кто-то засмеялся», начинаются непонятные метаморфозы, связанные с пространством. Дед внезапно оказывается не там, где он плясал: его перенесла нечистая сила, этот *кто-то*, кто смеялся над ним. Волшебная сказка хорошо знакома с чудесными перенесениями: В. Пропп определяет эту функцию ее действующего лица, как «герой переносится» и обозначает ее буквой русского алфавита — К [6, с. 45]. Но Гоголь не просто использует прием фольклорной поэтики — он придает ему оригинальный характер. Дед внезапно оказывается в незнакомом месте, но не волшебном царстве, а на земле, а к тому же это место «кажись, не совсем незнакомое»:

Оглянулся: ни баштану, ни чумаков, ничего; назад, впереди, по сторонам гладкое поле. «Э! ссс... вот тебе на!» начал прищуривать глаза — место, кажись, не совсем незнакомое! Сбоку лес, из-за леса торчал какой-то шест и виделся прочь-далеко в небе. Что за пропасть: да это голубятня, что у попа в огороде! с другой стороны тоже что-то сереет; вгляделся: гумно волостного писаря. Вот куда затащила нечистая сила! [2, с. 208]

Ничего подобного в фольклоре быть не может. Волшебное пространство вполне чуждо. И коллективному автору, и слушателю сказки хорошо известно, что запредельная страна, где обитают фантастические существа и силы, принципиально не может быть ни знакомой, ни «кажись, не совсем незнакомой» герою: она всегда только незнакомая. Но Гоголь играет с читателем не в меньшей степени,

чем нечистая сила играет с героем: и герой, и читатель несомненно ощутили надежду на добрый исход, узнав, что голубятня и гумно деду хорошо знакомы. А тут и дорожку он быстро нашел: вроде, все уладится.

Но рассказ еще не закончился. Автор вновь нагнетает чувство напряженности и тревоги. Он рисует пейзаж, который напоминает не фольклорные сказки, а скорее готические романы или страшные повести Гофмана. Это таинственный, зловещий пейзаж, роль которого состоит в том, чтобы напомнить: герой находится в нереальном мире. Он еще не пересек невидимую черту, отделяющую фантастическое пространство от земного и вполне реального, которое находится тут же рядом, но до которого требуется еще дойти, преодолевая страх и разного рода искушения, которые подставляет человеку нечистая сила.

Месяца не было; белое пятно мелькало вместо него сквозь тучу³. «Завтра быть большому ветру!» — подумал дед. Глядь, в стороне от дорожки на могилке вспыхнула свечка. Виши! стал дед и руками подперся в боки и глядит: свечка потухла вдали, и немного подальше загорелась другая. «Клад!» — закричал дед. — Я ставлю Бог знает что, если не клад!» — и уже поплевал было в руки, чтобы копать, да спохватился, что нет при нем ни заступа, ни лопаты. <...> «Нечего делать, назначить, по крайней мере, место, чтобы не позабыть после!»

Вот, перетянувши сломленную, видно, вихрем, порядочную ветку дерева, навалил он ее на ту могилку, где горела свечка, и пошел по дорожке. Молодой дубовый лес стал редеть; мелькнул плетень. «Ну, так! не говорил ли я, — подумал дед, — что это попова левада. Вот и плетень его! теперь и версты нет до баштана» [2, с. 209].

Идя по дорожке, обманутый нечистой силой дед незаметно пересек границу между заколдованным местом и обыденным миром; теперь все становится нормальным и привычным — до следующего пересечения границы.

---

³ На мой взгляд, здесь мы имеем дело с пушкинской реминисценцией. В стихотворении Пушкина «Зимнее утро» (1829) читаем: «Вечор, ты помнишь, буря злилась, / На мутном небе мгла носилась; / Луна, как бледное пятно, / Сквозь тучи мрачные желтела...» [7, с. 127]. «Заколдованное место» было впервые опубликовано в 1830 г., тогда же, когда и «Зимнее утро». Гоголь мог прочитать его при встрече с Пушкиным в Петербурге, еще до публикации. Впрочем, мутное небо и желтое пятно луны могло быть распространенным в то время топосом предромантической поэзии.

В статье «Проблема художественного пространства в прозе Гоголя» (1968) Ю.М. Лотман высказывает интересную мысль: в «Заколдованном месте» природа «нечистого» места состоит в том, что внутри него волшебный и обыденный миры «как бы пересекаются». Это на первый взгляд противоречит моему утверждению, что эти два мира не накладываются один на другой, а расположены рядом друг с другом и разделены невидимой границей. Однако уточняя свою мысль, исследователь замечает, что слово «пересекаются» нужно понимать семантически: они просто так похожи друг на друга, что их можно перепутать. Сказочный мир «как бы притворяется обыденным, надевает его маску» [4, с. 420]. Но, продолжает Лотман,

То, что это не подлинное сходство, а обманчивая похожесть, выражается прежде всего в их пространственной несовместимости. Сказочный мир «надевает на себя» пространство обыденного. Но оно явно не по его мерке: разрывается, морщится и закручивается. Попав через двери «заколдованного места» в волшебный мир, дед и не почувствовал разницы — все предметы и их расположение ему знакомы [4, с. 420].

На другой день дед снова направился в это «знакомое» ему место, чтобы выкопать клад. Как только он незаметно для себя пересекает границу (или, согласно Лотману, прошел через двери «заколдованного места»), «начались странные несоответствия пространства» [4, с. 420]:

Промеж деревьев вьется дорожка и выходит в поле. Кажись, та самая!⁴ Вышел и на поле: место точь-в-точь вчерашнее: вон и голубятня торчит; но гумна не видно. «Нет, это не то место. То, стало быть, подальее; нужно, видно, поворотить к гумну!» Поворотил назад, стал идти другою дорогою — гумно видно, а голубятни нет! Опять поворотил поближе к голубятне — гумно спряталось. В поле, как нарочно, стал накрапывать дождик. Побежал снова к гумну — голубятня пропала; к голубятне — гумно пропало [2, с. 209–210].

Вторая попытка вырыть клад окончилась неудачей. По всей видимости, в реальной действительности не существовало такой точки, стоя на которой можно было увидеть и голубятню, и гумно одновременно. Чтобы это совершить, нужно было вновь пересечь

---

⁴ Тут-то он и переходит границу миров.

границу между реальностью и сказочным миром, чего дед на этот раз не сделал.

Как в настоящей народной сказке, в полном соответствии с фольклорным принципом магической троичности: там, где должно произойти чудо, нужно любое действие повторить три раза. Во время третьей попытки чудо произошло, и даже не одно, но оно оказалось не добрым и счастливым, а злым и опасным чудом. Старик «додумался» еще раз использовать чародейский характер того места, где «не вытанцовывалось». На следующий день, когда стало смеркаться (нечистая сила не любит солнечного света и обожает ночной мрак) он стал на ту самую «точку», на тот травяной пяточок, откуда нечистая сила перебросила его к голубятне, гумну и могилке со свечкой, и изо всех сил ударил по этому месту заступом. Он понял, что это место — заколдованное. Стоило ему «пройти через “волшебную дверь”, вернуться в фантастическое пространство, как территориальное пятно снова съезжилось в точку» [4, с. 420], откуда видно и гумно, и голубятню: «Глядь, вокруг него опять то же самое поле: с одной стороны торчит голубятня, а с другой гумно. “Ну, хорошо, что догадался взять с собою заступ. Вон и дорожка! вон и могилка стоит! Вон и ветка навалена! вон-вон горит и свечка! Как бы только не ошибиться”» [2, с. 210].

Итак, герой попал в бесовское, потустороннее пространство, в котором царят законы фантастического мира. В данном случае авторская фантастика явно использует целый ряд образов, порожденных фантастикой народной, не знающей понятия автора. Сначала гаснет свечка, которая символизирует живую душу, а значит в изображаемом мире воцарились нежить и нечисть. Затем появляется камень, заросший травой, который нужно поднять с могилы, чтобы добраться до места, где якобы лежит клад. После того, как камень удалось сбросить с могилы, дед хочет понюхать табак — дело-то житейское, но тут кто-то громко чихает над его головой, так что «покачнулись деревья и деду забрызгало все лицо» [2, с. 211]. Но никого вокруг нет — кроме, конечно, черта или другого какого чудовища, символизирующего смертельную опасность или саму смерть, неведомую и непонятную, как черт; недаром невидимый *кто-то* стоит над могилой.

Земля на могиле оказывается подозрительно мягкой, как будто *кто-то* нарочно все подстроил. Вскоре старик натывается на котел, и с этого момента страшные явления и действия античеловеческих сил ужесточаются с каждой минутой. Слова деда, обращенные к котлу: «А, голубчик, вот где ты!» — повторяются многократно,

как эхо. Их произносят не просто говорящие звери и птицы, а части их тел — птичий нос, баранья голова с верхушки дерева, рыло медведя, высунувшееся из-за дерева. Следует напомнить, что согласно древним языческим представлениям, отголоски которых сохранились в волшебных сказках и быличках — рассказах о встречах с нечистой силой, части живых тел означают несчастье, невинно пролитую кровь или душу умершего человека, которая не нашла покоя в мире мертвых. В художественной литературе эти мотивы превращаются в прием, который служит нагнетанию напряженности действия и наведению вящего страха на читателя, жаждущего сильных эмоций.

Тем временем повествование приближается к кульминационному моменту, который совпадает с извлечением мнимого, как впоследствии окажется, клада, из земли — сферы, семантика которой в народных верованиях совмещает в себе сакральность и профанность. Согласно древним мифам, человек когда-то, в начале бытия, вырос из мокрой и темной земли, как дерево. Материнское чрево тоже подобно земле: оно и святое, созидающее жизнь, оно же и нечистое. Герой, крадущий клад из земли, как бы нарушает тайну того, кто этот клад зарыл, совершает запретное действие и разрывает договор человека с землей, а это очень опасно. В «Заколдованном месте» коллизия выглядит еще страшнее, так как настоящего, человеческого клада нет, а есть клад обманной, подложенный нечистой силой с целью погубить простодушного искателя сокровищ. Единственное средство, которое человек может противопоставить черту — это нюхательный табак, которого черт не любит. Но в данном случае и понюшка табака может обернуться катастрофой, так как невидимый *кто-то* оплывает человека с ног до головы.

В целом кульминационная сцена новеллы выглядит, как тяжелый кошмарный сон. Недаром Гоголь именно в этом фрагменте, как ранее в «Вечере накануне Ивана Купала» или позднее в «Вии», прибегает к изображению гротескных образов inferнального характера, фольклорное происхождение которых трудно отделить от литературного, по-видимому, восходящего к немецкому романтизму:

Со страхом оборотился он: Боже ты мой, какая ночь! ни звезд, ни месяца; вокруг провалы; под ногами круча без дна; над головою свесилась гора, и вот-вот, кажись, так и хочет оборваться на него! и чудится деду, что из-за нее мигает какая-то харя: у! у! нос как мех в кузнице; ноздри — хоть по ведру воды влей в каждую! губы, ей-Богу, как две колоды! красные очи выкатились наверх, еще и язык

высунула и дразнит! «Черт с тобою!» — сказал дед, бросив котел. «На тебе и клад твой! Экая мерзостная рожа!» и уже ударился было бежать, да огляделся и стал, увидевши, что все было по-прежнему. «Это только пугает нечистая сила!» Принялся снова за котел — нет, тяжел. Что делать? Тут же не оставить! Вот, собравши все силы, ухватился он за него руками: «ну, разом, разом! еще, еще!» — и вытащил! «Ух, теперь понюхать табаку!» Достал рожок; прежде, однако ж, чем стал насыпать, осмотрелся хорошенько, нет ли кого. Кажись, что нет; но вот чудится ему, что пень дерева пыхтит и дуется, показываются уши, наливаются красные глаза; ноздри раздулись, нос поморщился, и вот, так и собирается чихнуть. «Нет, не понюхаю табаку!» подумал дед, спрятавши рожок: «опять заплюет сатана очи!» Схватил скорее котел и давай бежать, сколько доставало духу; только слышит, что сзади кто-то так и чешет прутьями по ногам... «Ай, ай, ай!» — покрикивал только дед, ударив во всю мочь. И как добежал до попава огорода, тогда только перевел немного дух [2, с. 211–212].

Страшно? Да, очень страшно, но и забавно тоже. Ведь в крошечном мире, где обитают черты, ведьмы и другие страшилища, много причудливого для человеческого глаза, а причудливое амбивалентно: оно может показаться и страшным, и смешным одновременно. Такова же и природа гротеска и в фольклоре, и в литературе. Он амбивалентен, то есть и страшен, и смешон. Народный смех, как как утверждает М. Бахтин, всегда преувеличенно, гиперболизированно весел: он не считается ни с какими правилами приличия, бесстыдно демонстрируя, например, нижние части голого тела, помои, экскременты. Но тем самым народный смех заигрывает с силами ада, с нечистой силой, утверждая жизнь такой, какая она есть, со всей «нечистой» физиологией и преодолевая страх перед нею при помощи смеха [1, с. 157–172].

Самая страшная сцена «Заколдованного места» может вызвать и страх, и смех одновременно благодаря великолепной организации нарративной структуры этого фрагмента. Повествуя о вакханалии нечистой силы, Гоголь употребляет множество просторечных слов и выражений, обладающих комической экспрессией. Такие словосочетания, как «мигает какая-то харя», «нос как мех в кузнице», «ноздри — хоть по ведру воды влей в каждую», «язык высунула и дразнит», «экая мерзостная рожа» сами по себе, вне той зловещей ситуации, в которую попал герой, весьма забавны и вызывают смех. Тот же прием применяет автор и на предметно-образном уровне. Разве не смешон пыхтящий пень, у которого вырастают уши, нали-

ваются красным глаза и раздуваются ноздри, потому что от дедова табака пень захотел чихнуть?

Подобное смешение страшного и смешного в польской традиции иногда обозначается амбивалентным словосочетанием — *czerep rubaszny*⁵. Образ развеселого черепа характерен для культуры барокко. Подобного рода юмор с инфернально-кладбищенским подтекстом крайне редко встречается в русском фольклоре, а в письменность проникает в результате польского влияния, во второй половине XVII в., к середине же XVIII в. совсем исчезает. Зато на Украине, где барокко пустило глубокие корни, такая образность была достаточно широко распространенной, о чем свидетельствует хотя бы знаменитая ироикомиическая поэта «Енеїда» Ивана Котляревского. Не удивительно, что Гоголь сызмала привык к такого рода языковой и образной экспрессии.

В конце приведенного фрагмента активное вмешательство нечистой силы в жизнь героя прекращается. Дед добегает до поповского огорода, незаметно пересекая границу волшебного и обыденного мира. Ни о чем страшном читатель больше не услышит. Но о проказах нечистой силы, которой удалось наказать деда за то, что он вторгся в пределы нечеловеческого мира, речь еще впереди.

Дед возвращается домой поздним вечером, когда родня уже поужинала, его не дождавшись. Появляется он самым странным образом, сидя в бочке, куда он, вероятно, попал благодаря на этот раз уже не грозным и пугающим, а веселым козням нечистой силы. Впрочем, то, как он попал в бочку, никак не объясняется: захотелось черту посмеяться над ним и осрамить его, и все тут.

Дело было так. Дедова сноха увидела, что по огороду прямо на нее движется *кухва*, то есть бочка, расширяющаяся кверху. Она несла помой и, увидев кухву, вылила их туда — прямо на голову деду. Сцена получилась комичной: «Признаюсь, хоть оно и грешно немного, — замечает рассказчик, — а, право, смешно показалось, когда седая голова деда вся была окунута в помой и обвешана корками с арбузов и дыней» [2, с. 212]. Тот даже не обиделся и даже добродушно сравнил себя со свиньей перед Рождеством, так как он несказанно рад, что держал в руках котел с кладом, который, как он думал, позволит им всей семье жить богато, как настоящие паны. И что же было в этом котле?

⁵ Выражение *czerep rubaszny* дословно переводится как «распоясавшийся, развеселый череп».

Что ж бы вы думали, такое там было? Ну, по малой мере, подумавши хорошенько, а? золото? вот то-то, что не золото: сор, дряг... стыдно сказать, что такое. Плюнул дед, кинул котел и руки после этого вымыл [2, с. 212].

Любопытно, что такая профанная субстанция, как сор и помои, появляются в этой сцене дважды, словно арбузные и дынные корки, высыпанные на почтенную голову деда матерью рассказчика, предстают перед обманутым дедом снова в еще более отвратительном и смешном виде, но на сей раз подброшенные нечистой силой вместо клада. Напрашивается мысль, что нечистая сила все-таки победила человека. Но согласно логике народной сказочной фантазии истинной победой черта может быть только человеческая смерть и овладение душой несчастной жертвы. Затащить душу деда в пекло черту так и не удалось.

Но чтобы происшедшее с ним не повторилось, дед должен совершить ряд магических действий. Магическому заклятью нечистой силы посвящен финальный абзац новеллы. В нем сказано, что отныне, как только дед услышит, что в каком-либо месте «неспокойно», то велит внукам идти туда, чтобы все вместе клали знак креста на это место.

А то проклятое место, где не вытанцовывалось, загородил плетнем, велел кидать все, что есть непотребного, весь бурьян и сор, который выгрabal из баштана. И вот как морочит нечистая сила человека! Я знаю хорошо эту землю: после того нанимали ее у батька под баштан соседние казаки. Земля славная! и урожай всегда бывал на диво; но на заколдованном месте никогда не было ничего доброго. Засеют, как следует, а взойдет такое, что и разобрать нельзя: арбуз не арбуз, тыква не тыква, огурец — не огурец... черт знает что такое! [2, с. 212–213]

Можно сказать, что противостояние человека и нечистой силы завершилось ничьей. С дедом ничего страшного в конце концов не случилось, если не считать помои на голове и помои в котле, но это скорее смешно, чем страшно. Одоление черта с помощью смеха оказалось весьма действенным средством [5, с. 22–27], и это роднит сюжет Гоголя с поздними народными сказками о том, как простому мужику или солдату удастся перехитрить черта (например, в русской сказке «Солдат и черт»). Однако победа над чертом не является окончательной, коль скоро на заколдованном месте растет «черт знает что такое».

Многочисленные исследователи творчества Гоголя склоняются к выводу, что писатель искренне желал верить в окончательную победу над мировым злом, но в то же время его всю жизнь одолевали сомнения в том, что от нечистой силы можно будет избавиться навеки. В мире фольклорной сказки или литературно-художественного произведения победы над чертом можно было достичь, используя поэтические средства — сказовую наррацию, юмор или гротеск. Но ведь черт в сознании Гоголя — это не только страшно-смешной персонаж из народной сказки, легенды или былички, но и серая посредственность, отсутствие характерности, пошлость, нечестность и меркантильность, которые стали болезнью XIX в. Эта проблема выходит, однако, далеко за пределы настоящего исследования.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1965. 528 с.
2. *Гоголь Н.В.* Заколдованное место // *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1950. Т. 1. С. 206–213.
3. *Иваницкий А.И.* Гоголь и Гофман: гротеск и его преодоление // Вторые гоголевские чтения. Н.В. Гоголь и мировая культура: Сб. докладов. М.: Изд. дом КДУ, 2003. С. 167–180.
4. *Лотман Ю.М.* Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // *Лотман Ю.М.* Избр. ст.: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 413–447.
5. *Мани Ю.В.* Поэтика Гоголя // *Мани Ю.В.* Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. С. 7–352.
6. *Пропт В.Я.* Морфология сказки / 2-е изд. М.: Наука, 1969. 168 с.
7. *Пушкин А.С.* Зимнее утро // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 3. С. 127–128.
8. *Степанов Н.Л.* <Примечания к рассказу Н.В. Гоголя «Заколдованное место»> // *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1950. Т. 1. С. 323–324.
9. *Шкловский В.Б.* Искусство как прием // *Шкловский В.Б.* О теории прозы. М.: Сов. писатель, 1983. С. 9–25.

Research article

How Nikolai Gogol's "Enchanted Place" was Made

© 2023. Wasilij G. Szczukin

The Jagiellonian University,
Cracow, Poland

Abstract: The article is devoted to the last short story by Nikolai Gogol — “Enchanted Place” — which concludes the second part of the collection “Evenings on a Farm near Dikanka” (1829–1832). The article traces both borrowed from folklore or from the works of other writers, and original narrative techniques that make up a strictly thought-out system. These techniques aim to attract the reader’s attention, to intrigue him with the “strange” nature of the narrative, the “strange” events that make up the plot, as well as the defamiliarized images of space and time. It manifests not only at the stylistic level of the story, but also at the phonetic and figurative ones. Thus, the device of artistic *ostranenie* (the term described in the works of Viktor Shklovsky and other representatives of the formal school, usually translated as “defamiliarization” or “estrangement”) serves as one of the brightest exponents of Gogol’s work. The effects of strangeness and surprise help the author to influence the reader’s imagination in such a way that he believes in the reality of the described supernatural events, objects, creatures, as well as in the reality of the transformations of the landscape on different sides of the invisible border between “real” and “magic” worlds.

Keywords: Nikolai Gogol, “Enchanted Place,” narrative technique, plot construction, mythopoetic landscape, fairy tale, estrangement.

Information about the author: Wasilij G. Szczukin — PhD in Humanities, Professor, Department of East Slavic Philology, Faculty of Philology, The Jagiellonian University, Roman Ingarden St. 3, 30–060 Cracow, Poland.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9083-6730>

E-mail: wszczukin@yandex.com

For citation: Szczukin, W.G. “How Nikolai Gogol’s ‘Enchanted Place’ was Made.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (27), 2023, pp. 157–172. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-157-172>

References

1. Bakhtin, M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Rennansa* [The Creativity of Francois Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaia Literatura Publ., 1965. 528 p. (In Russ.)
2. Gogol', N.V. “Zakoldovannoe mesto” [“Enchanted Place”]. Gogol, N.V. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.], vol. 1. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1950, pp. 206–213. (In Russ.)
3. Ivanitskii, A.I. “Gogol' i Gofman: grotesk i ego preodolenie” [“Gogol and Hoffmann: the Grotesque and its Overcoming”]. *Vtorye gogolevskie chteniia. N.V. Gogol' i mirovaia*

kul'tura: Sbornik dokladov [Second Gogol Readings: Gogol and World Culture. Collection of Reports]. Moscow, Knizhnyi dom Universitet Publ., 2003, pp. 167–180. (In Russ.)

4. Lotman, Iu.M. “Problema khudozhestvennogo prostranstva v proze Gogolia” [“The Problem of Artistic Space in Gogol’s Prose”]. Lotman, Iu.M. *Izbrannye stat’i: v 3 t.* [Selected Articles: in 3 vols.], vol. 1. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992, pp. 413–447. (In Russ.)

5. Mann, Iu.V. “Poetika Gogolia” [“Gogol’s Poetics”]. Mann, Iu.V. *Tvorchestvo Gogolia: smysl i forma* [Gogol’s Work: Meaning and Form]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2007, pp. 7–352. (In Russ.)

6. Propp, V.Ia. *Morfologiia skazki* [Morphology of the Fairy Tale]. 2nd ed. Moscow, Nauka Publ., 1969. 168 p. (In Russ.)

7. Pushkin, A.S. “Zimnee utro” [“Winter Morning”]. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t.* [Complete Works: in 10 vols.], vol. 3. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1949, pp. 127–128. (In Russ.)

8. Stepanov, N.L. <“Primechaniia k rasskazu N.V. Gogolia ‘Zakoldovannoe mesto’.”> [“Notes on N.V. Gogol’s Story ‘The Enchanted Place’.”>]. Gogol’, N.V. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.], vol. 1. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1950, pp. 323–324. (In Russ.)

9. Shklovskii, V.B. “Iskusstvo kak priem” [“Art as Technique”]. Shklovskii, V.B. *O teorii prozy* [On the Theory of Prose]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1983, pp. 9–25. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.12.2022
Одобрена после рецензирования: 12.01.2023
Дата публикации: 25.03.2023

The article was submitted: 16.12.2022
Approved after reviewing: 12.01.2023
Date of publication: 25.03.2023

«...Быть пусту»: «проклятие Евдокии» и его рецепция в русской культуре XIX – начала XX вв.

© 2023, К.В. Душенко

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН)
Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация: С начала XX в. лейтмотивом темы конца Петербурга служит т. н. «проклятие Евдокии»: «Петербургу быть пусту». Это контаминация двух цитат Петровской эпохи. Обе они при своем появлении не имели сколько-нибудь отчетливого эсхатологического звучания и обе не были известны в эпоху романтизма. С 1860-х гг. до начала XX в. пророчество «Быть ему пусту» цитировалось как формула ретроградов Петровской эпохи, причем в качестве предсказания или угрозы, но не заклęcia или проклятия. Актуальное эсхатологическое звучание придал ему Мережковский в романах «Петр и Алексей» (1904–1905), «Александр I» (1911–1912) и статье «Петербургу быть пусту» (1908). В политическую повестку дня формула «Петербургу быть пусту» вошла накануне и после Февральской революции, в связи со слухами о сдаче Петрограда немцам и переезде правительства в Москву. В дальнейшем пророчества XVIII–XIX вв. воспринимались уже глазами творцов Серебряного века. Результатом такой искаженной оптики стало представление о формуле «...быть пусту» как изначальном проклятии, тяготеющем над Петербургом, и отождествление этой формулы с эсхатологией старообрядцев.

Ключевые слова: Петербургский текст, петербургский миф, эсхатология, пророчества, русские символисты, царевна Евдокия, Петр I, Д.Л. Мордовцев, Д.С. Мережковский, В.Н. Топоров.

Информация об авторе: Константин Васильевич Душенко — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Нахимовский пр-т, д. 27, 51/21, 117997 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7708-1505>

E-mail: kdushenko@nl.n.ru

Для цитирования: Душенко К.В. «...Быть пусту»: «проклятие Евдокии» и его рецепция в русской культуре XIX – начала XX вв. // Литературный факт. 2023. № 1 (27). С. 173–194. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-173-194>

Тема грозящего Петербургу запустения и гибели — неотъемлемая часть «петербургского мифа», включающего в себя миф о начале города и миф о его конце. Согласно Владимиру Топорову, автору термина «петербургский текст», «...идея конца стала сутью города, вошла в его сознание». «Знамения будущего, судьбы положены в Петербурге плотнее, гуще, явственнее, чем в каком-либо ином месте России»; в сущности, это «дивинации и пророчества на тему русской истории, рассматриваемой *sub specie* Петербурга» [16, с. 51–52, 56].

С начала XX в. лейтмотивом темы конца Петербурга служит т. н. «проклятие (или: заклятие) Евдокии». Обычно «проклятие» цитируется в форме «Петербургу быть пусту», хотя эта формула принадлежит новейшему времени. Она появилась в результате контаминации двух цитат Петровской эпохи: «Быть ему пусту» и «Питербурх пустеть будет».

Ранние пророчества о запустении Петербурга

Речение «Быть ему пусту» взято из показаний царевича Алексея на следствии в феврале 1718 г. Его мать, царица Евдокия (Авдотья) Лопухина, первая жена Петра I, в 1699 г. была пострижена в монахини в Суздальско-Покровском монастыре, где и оставалась до 1727 г. Сестра Петра Марья постоянно общалась с Евдокией, разделяла ее неприятие петровских реформ и передавала бывшей царице письма сына. В начале октября 1716 г., во время бегства за границу, Алексей, подъезжая к Либаве, встретил тетку, возвращавшуюся из Карлсбада после лечения. Среди прочего Марья рассказывала:

...И было-де откровение ей самой [Евдокии] и иным <...>, что отец твой будет болен и во время болезни его будет некое смятение, и приедет-де отец в Троицкий монастырь на Сергиеву память, и тут мать твоя будет же, и отец исцелет от болезни, и возьмет ее к себе и смятение утишится. <...> Еще-де сказывала, что Питербурх не устоит за нами: «Быть-де ему пусту; многие-де о сем говорят»¹.

«Откровение», вероятно, посетило Евдокию в начале 1716 г., когда до Суздаля дошли вести о резком ухудшении здоровья Петра и его смерть казалась вполне вероятной. Стоит заметить, что слова Евдокии «Быть ему пусту» относятся к модусу прорицаний («будет пуст»), но не к модусу заклятий или проклятий («чтоб ему быть

¹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1859. Т. 6: Царевич Алексей. С. 457.

(всегда) пусту»). Тем не менее с начала XX в. формула «Быть ему пусту» обычно цитируется как заклятие или проклятие.

Уточнение «ей <...> и иным» следует отнести к ростовскому епископу Досифею (Глебову), который, собственно, и внушил Евдокии мысли, содержащиеся в «откровении». В ходе т. н. суздальского розыска (март 1718 г.) певчий Евдокии с двух пыток показал, что Досифей сказывал ей о своих видениях и пророчествах, в частности, что «государь возмет бывшую царицу, и будут у нее два детища», а сам Досифей признался, что неоднократно пророчествовал, «чтоб быть царевичу Алексею Петровичу на царстве, и было б народу легче, и *строение Петербурга умалилось и престало*» (курсив наш. — К.Д.)². На архиерейском соборе 10 марта 1718 г., который изверг Досифея из духовного сана, он фактически подтвердил показания, данные под пыткой: «Только я один в сем деле попался. Посмотрите и у всех что на сердцах? Извольте пустить уши в народ, что в народе говорят»³.

Следующее пророчество о запустении новой столицы относится к декабрю 1722 г. В Петровской церкви Святой Троицы (первом кафедральном соборе Петербурга) по ночам стали слышать странные звуки: «великий стук с жестоким страхом, подобием бегания». Поп Герасим Титов решил, что в храме завелась кикимора. Дьякон Федосеев возразил: не кикимора, а черт, и увидел в этом знамение: «Санкт-Питербурху пустеть будет».

«Дело получает огласку», — сообщает М.И. Семевский в историческом очерке «Тайная канцелярия при Петре Великом»:

— Что у вас за черти возятся? — спрашивает протопоп Симеонов попа Титова.

<...> Следуют затем подробности о таинственном явлении.

— Пожалуй, что и впрямь кикимора, — замечает протопоп.

— Питербурху, Питербурху пустеть будет, — вмешивается отец дьякон. <...>

Болтовня иереев вызвала в черни «непристойные разговоры»⁴.

Сам Федосеев на распросе объяснял, явно лукавя:

² См.: [10, с. 157].

³ Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 215.

⁴ Семевский М.И. Очерки и рассказы из русской истории XVIII в.: Слово и дело! 1700–1725 / 2-е изд., пересм. и испр. СПб.: Тип. В.С. Балашева; Изд-во ред. журн. «Русская старина», 1884. С. 87–89.

А толковал с простоты своея, в такой силе: понеже императорского величества при С.-Питербурге не обретається, и прочие выезжают, так Питербурх и пустеет.

Следствие ему не поверило, и толкователь был осужден на три года каторги⁵.

Оборот «(городу, месту) быть пусту», по-видимому, не встречается ни в древнерусской, ни в позднейшей литературе до публикации «заключения» Евдокии (1859), однако имеет ряд параллелей в Ветхом Завете. В Книге Иеремии многократно говорится о запустении как каре Господней. В гл. 22 речь идет о Иерусалиме накануне Вавилонского пленения:

3 Так говорит Господь: производите суд и правду и спасайте обижаемого от руки притеснителя, не обижайте и не тесните пришельца, сироты и вдовы, и невинной крови не проливайте *на месте сем* (курсив здесь и далее наш. — К.Д.) <...>.

5 А если не послушаете слов сих, то <...> *дом сей сделается пустым* (ц.-сл. в пустыню будет).

В гл. 51 речь идет уже о Вавилонском царстве (ц.-сл. пер.):

29 ...Воста на Вавилон умышление Господне, еже положити *землю* Вавилонску *пусту* и ненаселену <...>.

37 И *будет* Вавилон *в запустение* <...>.

42 Взыде на Вавилон море в шуме волн своих, и покрыся (синод. пер.: Устремилось на Вавилон море; он покрыт множеством волн его).

43 *Быша* гради его *в запустение* <...>.

В сходных выражениях говорит псалмопевец (Пс. 68:26) о своих врагах-беззаконниках, т.е. преступающих закон Божий: «*Да будет двор их пуст*».

Ближе всего к «заключению» Евдокии оборот из гл. 22 Иеремии «в пустыню будет», относящийся к «граду великому» (Иерусалиму). Вариант «Месту сему быть пусту», созданный Мережковским, по-видимому, восходит к стихам Иер. 22:3, 5.

К.А. Кумпан и А.М. Конечный однозначно возводят «откровение» Евдокии к стихам Иер. 51:42–43, усматривая в нем аллюзию

⁵ Там же. С. 95.

на гибель Петербурга от воды [12, с. 58]. Однако такой выбор совершенно произволен; единственное его обоснование — представление о древности «петербургской легенды о наводнении». Между тем в ранних «петербургских пророчествах» мотива наводнения вовсе нет⁶.

Несмотря на свое родство с ветхозаветными пророчествами, «заклятие» при своем появлении не имело сколько-нибудь отчетливого эсхатологического звучания. Эсхатологические ожидания господствовали в старообрядческой среде, с которой Евдокия, Досифей и, как можно полагать, дьякон Федосеев ничего общего не имели. Досифей был видным иерархом государственной, «никоновской» церкви, верность которой хранила и Евдокия, а Федосеев служил в столичном кафедральном соборе. Для Евдокии и Досифея запустение Петербурга было не концом русского царства, и уж тем более не концом света, а символом и условием *возвращения к норме*, как они ее понимали, — т. е. к совсем еще недавним допетровским (но не дониконовским) порядкам. В «пророчествах» Досифея, по сути, излагалась вполне конкретная политическая программа.

Есть все основания полагать, что царевич Алексей был еще менее подвержен эсхатологическим настроениям, нежели Евдокия и ее круг. За границей он покупал и читал (на полях сохранились пометки) польские католические катехизисы и лютеранские немецкие руководства к благочестивой жизни. «Это благочестие Европы позднего барокко, но не традиционного московского православия» [3, с. 99].

Связь «пророчества» 1722 г. с эсхатологическими ожиданиями также крайне сомнительна, зато несомненна его связь с народными суевериями. Для тогдашнего церковного сознания все персонажи народной демонологии были бесами; тем легче было отождествить с чертом кикимору — единственный домашний дух, наделенный только «вредительскими» чертами. Появление кикиморы в доме предвещало какое-либо неблагополучие. С.В. Максимов приводит быличку, записанную в XIX в. в Вятской губернии: «Никого не видно, а человеческий голос стонет. <...> Так и выжила кикимора хозяев из дому»⁷.

Почти точный аналог эпизода в Троицкой церкви («великий стук с жестоким страхом») мы находим в быличке о кикиморе, записанной в Восточной Сибири в XX в. В новопостроенном доме «ночью

⁶ Об этом подробнее см. нашу статью: [9, с. 34–54].

⁷ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Р. Голике и А. Вильборг, 1903. С. 188.

уж такой тарарам подымается, будто ведра друг о дружку стучаются, переворачиваются. <...> И так повторялось каждую ночь. <...> Жуть стала брать всех. Продали дом и уехали»⁸.

Появление кикиморы в храме можно было счесть знаменем его запустения; поскольку же храм был главным собором столицы, знамение отнесли к городу в целом. В древнерусской эсхатологической литературе указано множество признаков наступления «последних времен», но о кикиморе там речи нет. «Толкование» Федосеева было не пророчеством в ветхозаветном смысле, а проявлением суеверного страха: в отличие от суздальских противников Петра, дьякон и его сотоварищи из церковного причта не имели особых причин желать запустения Петербурга. Этот страх на некоторое (едва ли на долгое) время охватил также часть горожан.

Что же касается старообрядцев, то для них царство Антихриста началось в правление Алексея Михайловича, вместе с реформами Никона. Как писал митрополит Димитрий Ростовский в 1709 г.,

...скажут, аки бы уже давно воцарился антихрист мысленне (духовно, не во плоти. — *К.Д.*), от того времени, в неже наста в Москве книжное исправление; и аки бы Москва есть Вавилон и антихристова царства престол; и аки бы уже настоят время втораго страшнаго Христова пришествия и дне суднаго <...>.

...Глаголют <...>, акибы антихрист царствует на Москве, и нарицают царствующих град Вавилоном, безчестно того укоряюще⁹.

Вскоре «царствующих градом» стал Петербург, однако — это следует подчеркнуть — в сознании староверов он не занял место Москвы как нового Вавилона. Хотя сторонники учения о «чувственном Антихристе» (Антихристе во плоти) объявляли таковым Петра, о новой столице при этом не упоминалось. Это положение не изменилось и в XIX в. Для Ивана Ипатова, автора «Разглагольствования тюменского странника» (1838–1842), центром антихристова царства по-прежнему остается «Москва» — не как город, а как метонимия русского государства [7, с. 9].

⁸ *Зиновьев В.П.* Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. С. 86.

⁹ *Димитрий, митрополит Ростовский.* Розыск о раскольнической брынской вере: О учении их, о делах их и изъявление, яко вера их неправа, учение их душевредно и дела их не богоугодна / 5-е изд. М.: Синодальная тип., 1745. С. 101, 111.

Р. Николози, выражая господствующую точку зрения, утверждает, что из отождествления Петра I с Антихристом «происходит, по закону простого силлогизма, и отождествление города Петра с городом Антихриста, то есть с проклятым Богом Вавилоном (курсив наш. — К.Д.)» [13, с. 48].

В качестве единственного подтверждения этого тезиса приводится наименование Петра «царем вавилонским». Но, как мы видели выше, отсюда вовсе не вытекало отождествление «града Петрова» с градом антихристовым; «простой силлогизм» оказывается умозрительным построением.

В. Топоров, ссылаясь на духовные песни XIX в., считал возможным говорить о бытовавшей у старообрядцев особой версии Петербурга — «некогда райского праведного места, а теперь несчастного города, расставшегося с “живым Богом”» [16, с. 69]. Между тем под видом старообрядческих он цитировал скопческие песни¹⁰.

Процитируем Топорова еще раз:

Все помнят того несчастного дьяка (т. е. дьякона. — К.Д.), который, как обезумев (этого из документов вовсе не следует. — К.Д.), твердил свое «Петербургу быть пусто» (т. е. «Питербурху пустеть будет». — К.Д.), когда закладывались первые камни в основание будущего города (на самом деле два десятка лет спустя. — К.Д.). Это пророчество, по временам уходящее в скрывающую его тьму, всегда жило, в нужный момент выходило наружу <...> [16, с. 51].

Другого мнения — как мы полагаем, гораздо более верного, — держался Владимир Вейдле: «...Пророчества и предчувствия [Петровской эпохи] сперва подремали под спудом добрый век. О них почти не помнили при Екатерине, при Александре I» [4, с. 207].

Еще менее помнили о них при Николае I, в эпоху расцвета романтических образов гибели Петербурга.

Рецепция ранних пророчеств в XIX в.

В ноябре 1824 г. Пушкин писал брату Льву из Михайловского о недавнем наводнении Санкт-Петербурга: «Что это у вас? потоп! *ничто проклятому Петербургу! voilà une belle occasion à vos dames de faire bidet*»¹¹ (курсив наш. — К.Д.).

¹⁰ См.: [15, с. 508–513].

¹¹ Вот прекрасный случай вашим дамам подмыться (*фр.*).

А.Л. Осповат заключил отсюда, что Пушкину «сразу же пришло на память старинное предсказание: “Санкт-Петербурху пустеет (так в тексте. — *К.Д.*) будет!”» [14, с. 6]. Так же считала американка Моника Гринлиф:

Пушкин начинает письмо с библейского проклятия, тяготеющего над Петербургом, из которого он, зловещий пророк, был изгнан <...>. Дополнительный оттенок иронии возникает вследствие того, что переиначивает он проклятие *женщины*, отвергнутой и сосланной жены Петра I, Евдокии: «Петербургу быть пусту!» [6, с. 44].

Но тут мы имеем дело с аберрацией читательского восприятия. «Заклятие» Евдокии дремало под спудом почти полтора века и «вышло наружу» лишь в 1859 г., когда Н.Г. Устрялов опубликовал документы следственного дела царевича Алексея. Слова дьякона Федосеева появились в печати и того позже — в 1884 г. До этого оба пророчества были неизвестны в русском образованном обществе. Нам вообще неизвестны случаи употребления в литературе архаического оборота «(городу, месту) пустеть будет» до публикации «пророчества» дьякона Федосеева (1884). Предсказания девятнадцатого века о запустении и гибели Петербурга возникли *независимо* от ранних пророчеств и имели существенно иную мотивировку¹².

С конца 1850-х гг. и до начала XX в. пророчество «Быть ему пусту» прозябало на обочине русской культуры. Косвенно оно упомянуто в замечаниях Достоевского на статью М.И. Семевского о царевиче Алексее (1860; опубл. посмертно): «...Сношения с матерью, <...> *видения, предсказания*, бегство к Цесарю <...> показывают, что если б только была хоть малейшая возможность, он восстал бы на отца»¹³ (*курсив наш. — К.Д.*).

К «заклятию» Достоевский специального интереса не проявил: для него это не более чем одно из многих свидетельств намерения Алексея покончить с делом отца.

Хотя в романах и повестях Достоевского «призрачность» — сущностное свойство Петербурга, однако она лишена политического измерения и не связана с апокалиптическими представлениями о «новом Вавилоне». В роли ветхозаветного пророка, вещающего о гибели великой столицы, Достоевский выступил в одной из бесед

¹² Подробнее об этом см.: [9, с. 34–54].

¹³ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1978. Т. 18. С. 106.

с французским критиком Эженом де Вогюэ, но тут речь шла отнюдь не о Петербурге:

Он говорил о Париже с жаром библейского негодования, как Иона, вероятно, говорил о Ниневии. Я записал его слова: «Однажды ночью в “Английском кафе” появится пророк и начертает на стене три пламенных слова. Это станет знаком конца старого мира, и Париж рухнет в крови и пожарах со всем, что составляет его гордость, с его театрами и его “Английским кафе”...»¹⁴.

Свидетельство де Вогюэ вполне согласуется с многочисленными печатными высказываниями Достоевского о Западной Европе, начиная с «Зимних заметок о летних впечатлениях» (1863), где речь шла о Лондоне: «Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалипсиса <...>»¹⁵.

Так же смотрели на «заклятие» современники Достоевского, притом что книга Устрялова вызвала множество откликов и стала предметом бурной полемики о личности Петра. С 1860-х гг. «заклятие» появляется в публицистике и беллетристике, нередко без ссылки на Евдокию. Слова «Быть ему пусту» цитировались как формула ретроградов Петровской эпохи, как «чужое слово», причем в качестве предсказания или угрозы, но не проклятия или заклęcia. В романах Г.П. Данилевского они дважды приведены как слова царевича Алексея — оба раза как угроза и непреложное намерение оставить Петербург, но не как пророчество¹⁶.

В очерке Л.К. Панютинна «Зеленая зима» (1872) возникает извечный мотив запустения Петербурга, утратившего статус столицы:

...Петербург, превращенный в провинциальный город, — что он будет такое? «Быть ему пусту!» — предсказывали ретрограды времен Петра Великого, «не в авантаже обретавшиеся» в его про-

---

¹⁴ *Vogüé E.-M. de. Le roman russe. Paris: Plon, 1886. P. 271.* Согласно Л. Гроссману, эта беседа велась «на террасе Английского кафе» в Париже [*Гроссман Л.П. Собр. соч.: в 5 т. М.: Соврем. проблемы, 1928. Т. 2: Творчество Достоевского. С. 162*]. В действительности она происходила в Петербурге в последние годы жизни Достоевского.

¹⁵ *Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. С. 73.*

¹⁶ *Данилевский Г.П. На Индию. Историческая повесть из времен Петра Великого // Вестник Европы. СПб.: Д.Н. Овсяннико-Куликовский, 1880. № 12. С. 582; Данилевский Г.П. Царевич Алексей: Окончание // Русская мысль. М.: Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1892. Кн. 2. С. 17 (1-я pag.).*

грессивное царствование, и это зловещее предсказание исполнилось бы до некоторой степени с переводом столицы в другой город¹⁷.

Особняком в тогдашней литературе об эпохе Петра стоит роман Даниила Мордовцева «Идеалисты и реалисты» (1876). Здесь впервые в ткань повествования введены раскольничьи легенды о царе-Антихристе, а кроме того, широко используется прием монтажа фольклорных преданий и песен с историческими документами. То и другое заметно повлияло на роман Мережковского «Петр и Алексей», где есть и прямые заимствования из романа Мордовцева. Так же, как позднее у Мережковского, царевич Алексей выведен у Мордовцева невинной жертвой и народным заступником, а мироощущение противников Петра окрашено в эсхатологические тона: «И везде только и слышно: бес да Антихрист, да во образе змия, да во образе зверя, последние дни да Страшный суд...»¹⁸

В том же ключе дана тема запустения Петербурга:

...Русские люди строят постылый для них Питер.

<...> Что-то выйдет, — думают русские люди, — из этого нового Вавилона?.. Не запустеет ли он со смертью царя, как запустел старый Вавилон?.. <...> «Се мимо иде — и се не бе...»¹⁹.

Закавыченная цитата — стих из Книги Псалмов, 36:36, *ц.-сл.* «И мимо идох, и се не бе». Это не просто сентенция о бренности всего сущего, но часть пророчества, относящегося к нечестивому владыке; в синодальном переводе: «Видел я нечестивца грозного, расширявшегося, подобно укоренившемуся многоветвистому дереву; / но он прошел, и вот нет его; ищу его и не нахожу».

Здесь Мордовцев, как прежде Мицкевич в цикле «Отрывок» (1832) и М.А. Дмитриев в стихотворении «Подводный город» (1847), близко подходит к идее изначального проклятия Петербурга, которую возвел в канон Мережковский почти тридцать лет спустя.

Однако до начала XX в. миф об изначальном проклятии Петербурга еще не был принят культурным сознанием. Симптоматично, что в следующих четырех романах Мордовцева о Петровской эпохе образ Петра менялся в лучшую сторону; в последнем из этих рома-

¹⁷ *Панютин Л.К.* Рассказы Нила Адмирари. СПб.: Тип. А. Краевского, 1872. Т. 1. С. 97.

¹⁸ *Мордовцев Д.Л.* Идеалисты и реалисты: Ист. роман. СПб.: А.С. Суворин и В.И. Лихачев, 1878. С. 289.

¹⁹ Там же. С. 90–91.

нов («Державный плотник», 1899) царь изображен уже «гением», «исполином», «титаном».

Рождение символистского мифа о гибели Петербурга

Актуальное эсхатологическое звучание ранним пророчествам о судьбе Петербурга придал именно Мережковский — религиозный мыслитель, которому в высшей степени было свойственно апокалиптическое «чувство конца». В романе «Петр и Алексей» (1904–1905) он связал мотив обреченности града и мира с «заклятием» Евдокии, истолкованным в духе эсхатологии старообрядцев; начало города он связал с его концом. Тогда-то и родилась символистская «петербургская легенда».

Роман был задуман словно бы по цитировавшейся выше формуле В. Топорова: «дивинации и пророчества на тему русской истории, рассматриваемой *sub specie* Петербурга». Начинается он словами: «Антихрист хочет быть. <...> При дверях уже — скоро будет!», а заканчивается возгласом: «Осанна! Антихриста победит Христос»²⁰. Между этими возгласами рассыпано огромное множество видений, знамений, мистических снов, проклятий и прорицаний.

Пророчество-проклятие «Быть ему пусту» дважды произносит царица Марья, а потом повторяет Алексей. Марья еще добавляет: «Быть пусту, быть пусту! К черту в болото провалится!»²¹ Это «болото» восходит к Достоевскому: в видении героя «Подростка» Петербург исчезает как дым, и остается лишь «прежнее финское болото»²².

Наводнение 1715 г. описано, вопреки фактам, как библейский потоп: «...Кое-где над водою торчавшие башни, шпицы, купола, кровли потопленных зданий»; город «погибал между двумя стихиями — горел и тонул вместе. Исполнялось пророчество: “Питербурху быть пусту”»²³.

Рассказав историю с кикиморой в Троицкой церкви, Мережковский добавляет к ней еще семь зловещих знамений в стиле римских историков, а заканчивает пророчеством о конце света:

Где-то явился пастух о пяти ногах. На Ладоге выпал кровавый дождь; земля тряслась и ревела, как вол; на небе было три солнца.
— Быть худу, быть худу, — повторяли все.

²⁰ Мережковский Д.С. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 319, 759.

²¹ Там же. С. 385.

²² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 14. С. 113.

²³ Мережковский Д.С. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 472.

- Питербурху пустеть будет!
— Не одному Питербурху — всему миру конец! Светопреставление! Антихрист!²⁴

Мироощущение едва ли не всех противников Петра сближается, а то и прямо отождествляется с мироощущением старообрядцев. Богоискатель Тихон, своего рода попаданец из начала двадцатого века в начало восемнадцатого, слушает старообрядческую легенду «о невидимом Китеже-граде»²⁵ в версии Мельникова-Печерского («В лесах», ч. 4, 1873). Царевне Марфе видится, что ее почивший супруг царь Феодор «вернется в свою землю с грозною ратью, в силе и славе <...> и низринут будет Антихрист со всеми своими немцами. Тогда скоро и миру конец и второе страшное пришествие Христово»²⁶.

Дневник царевича Алексея пестрит упоминаниями об Антихристе и «последних временах»; его самого влечет к «последним сих времен мученикам»²⁷. Царевич к тому же свято верит в то, что «Церковь больше царства земного», «Священство выше царства»²⁸; между тем при его деде Алексее Михайловиче патриарх Никон именно за это был извержен из сана и именно в этом пункте он сходиллся со старообрядцами.

Тот же эсхатологический миф представлен в романе Мережковского «Александр I» (1911–1912), в котором наводнение 1824 г. символизирует неизбежную гибель столицы.

В промежутке между романами о Петре I и Александре I увидела свет статья Мережковского «Петербургу быть пусто» («Речь», 21 декабря 1908 г.²⁹). Эта формула, насколько нам известно, здесь появилась впервые, хотя К.А. Кумпан и А.М. Конечный, разделяя общее мнение, указывают: «...Предсказание, отлившееся в XIX в. в устойчивую формулу “Петербургу быть пусто”» [12, с. 58].

За «заклятием» Евдокии в статье рефреном следуют другие пророчества в том же роде:

²⁴ Там же. С. 612.

²⁵ Там же. С. 370.

²⁶ Там же. С. 383.

²⁷ Там же. С. 456.

²⁸ Там же. С. 452, 483.

²⁹ В сборнике Мережковского «Большая Россия» (СПб.: Книгоизд-во «Общественная польза», 1910. 276 с.) статья получила название «Зимние радуги».

...Злое пророчество, то самое, за которое в 1703 году, при основании города, били кнутом, ссылали на галеры, рвали ноздри и резали языки: «Петербургу быть пусту» (курсив наш. — К.Д.);

...Русские люди, насильно загнанные в «Парадиз», говорили, что здесь жить нельзя, что город будет снесен водою или провалится в трясины <...>.

Сведущие люди уверяют, будто бы холера никогда не кончится и устье Невы делается необитаемым, как устье Ганга: «Петербургу быть пусту»;

...Что-то <...> заставляет меня испытывать вновь знакомое «чувство конца», видеть в лице Петербурга то, что врачи называют *facies Hippocratica*, «лицо смерти»³⁰.

Искусственно созданному Петербургу Мережковский, по устоявшейся традиции, противопоставляет естественно выросшую Москву, которая именно поэтому «ближе к подлинной святой Европе»³¹. Он предвидит конец «Петербургского периода русской истории», но этот конец станет началом новой эпохи: «Смерть России — жизнь Петербурга; может быть, и наоборот, смерть Петербурга — жизнь России?»³²

Неделю спустя после публикации статьи Мережковского Тэффи иронизировала:

Слышали мы лозунг: «Быть Петербургу пусту».

Le grand mot est lancé!³³ Засыпано зерно. Заработала вся мельница. <...> Полетела мякина и прах зерновой: статьи, статейки, стихи, фельетоны. «Пусту! пусту! пусту — ру-ту-ту!» (Чающие от юродивого // Речь. 1908. 29 декабря)³⁴.

Однако после 1917 г. в статье Мережковского увидели сбывшееся пророчество, постепенно предав забвению ее основной посыл: «Смерть Петербурга — жизнь России». Позднейшие авторы черпали

³⁰ Мережковский Д.С. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 113, 114, 115.

³¹ Там же. С. 117.

³² Там же. С. 121.

³³ Брошено великое слово! (фр.)

³⁴ Тэффи. Собр. соч.: в 3 т. СПб.: РХГИ, 1999. Т. 1. С. 421.

высказывания, связанные с петербургскими мифами, прежде всего у Мережковского и воспринимали их сквозь призму его сочинений.

Мережковский утвердил в культурном сознании представление о формуле «Петербургу быть пусто» как изначальном проклятии, тяготеющем над новой столицей; поэтому очень часто ранние «петербургские пророчества» относят к моменту основания города. Примером может служить приводившаяся выше цитата из В. Топорова: «...твердил <...> “Петербургу быть пусто”, когда закладывались первые камни...»; также: «...“Креативный” и эсхатологический мифы <...> возникли в одно и то же время (при самом начале города)» [16, с. 23].

Ретроспективно представление об изначальном проклятии было распространено на культурное сознание предшествующих эпох; так появился фантом «фольклорной петербургской легенды» о предвещенной гибели Петербурга от наводнения.

Год спустя после статьи Мережковского в журнале «Весы» (1909, № 10/11) было опубликовано стихотворение Зинаиды Гиппиус «Петербург». Заканчивалось оно строфами, вытканными по канве Мережковского:

Как прежде, вьется змей твой медный,
Над змеем стынет медный конь...
И не сожрет тебя победный,
Всеочищающий огонь.

Нет, ты утонешь в тине черной,
Проклятый город, Божий враг.
И червь болотный, червь упорный
Изъест твой каменный костяк³⁵.

Стихотворение, замечает Н. Анциферов, «написано с той силой ненависти, которую знали исповедники древнего благочестия, предсказавшие граду Антихриста гибель: Петербургу быть пусто» [1, с. 163]. Этот комментарий любопытен как пример влияния Мережковского на исследователей «петербургского мифа»: Анциферов явно имел в виду старообрядцев, хотя прорицание «Быть ему [Петербургу] пусто» принадлежало не им и до Мережковского не связывалось с идеей «града Антихриста». В современной литературе «заклятие» очень часто приписывают староверам, например:

³⁵ Гиппиус З. Сочинения: Стихотворения; Проза. Л.: Худож. лит., 1991. С. 118.

«...старообрядческие пророчества о Петербурге: “не устоит”, “быть пусту”» [2, с. 110]; «Петербургу быть пусту» — «староверческий лозунг» [11, с. 71].

Пророчество из романа Мережковского «Александр I»: «...Санкт-Петербургу конец, и месту сему быть пусту»³⁶ — принадлежит самому Мережковскому и, вероятно, восходит к Книге Иеремии, 22:3, 5 (см. выше).

Формула «Месту сему быть пусту» сразу же обрела популярность среди литераторов. На заседании Общества поэтов 7 мая 1913 г. предполагалось чтение стихотворений, «относящихся до красоты Петербурга», причем в извещении руководителя Общества Николая Недоборова содержалась крайне симптоматичная оговорка: «...Стихи о Петербурге на тему “месту сему быть пусту” едва ли соответствовали бы духу предполагаемого заседания»³⁷.

С перестановкой слов («Быть пусту месту сему...») эта формула стала одним из эпиграфов к эпилогу третьей части «Поэмы без героя» Анны Ахматовой (1940–1962). В первой части «Поэмы...» о Петербурге сказано: «царицей Авдотьей заклятый»³⁸. К этой строке, по-видимому, и восходит оборот «заклятие Евдокии».

В романе Андрея Белого «Петербург» (1913) заметны мотивы эсхатологии Владимира Соловьева, Мережковского и самого Андрея Белого:

Раз взлетев на дыбы и глазами меряя воздух, медный конь копыт не опустит: прыжок над историей — будет; великое будет волнение; рассечется земля; самые горы обрушатся от великого труса; а родные равнины от труса изойдут повсюду горбом. На горбах окажется Нижний, Владимир и Углич.

Петербург же опустится³⁹.

Другие авторы (Лесков, Мережковский, Потапенко) в том же контексте использовали слово «провалится». Фраза «Петербург же опустится», как мы полагаем, содержит в себе «спрятанную» отсылку к формуле «Петербургу быть пусту»; такого рода звуковые ассоциации обычны у Белого.

³⁶ Мережковский Д.С. Большая Россия: Избранное. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. Т. 3. С. 336.

³⁷ Блок А.А. Письма Александра Блока / вступ. ст. и примеч. С.М. Соловьева и др. Л.: Колос, 1925. С. 212.

³⁸ Ахматова А. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1984. С. 604.

³⁹ Белый А. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2: Проза. С. 71.

Критик Александр Гидони в рецензии на роман счел себя обязанным выступить в защиту родного города:

Всякие же вариации «призрачности» Петербурга как индивидуального ощущения и модные нынче пророчества в духе Мережковского на тему «Петербургу быть пусто» суть не более как литературные упражнения <...>. Ибо страна наша знает Петербург как реальность, как факт, засвидетельствованный двумя веками русской истории. <...> Если и впрямь «Петербургу быть пусто», — он продолжит свою жизнь в Тамбове, Рязани, Твери, Томске и, скажем наконец, в Москве⁴⁰.

В 1915 г. петербургский библиограф А.С. Поляков писал московскому издателю Л.Э. Бухгейму: «...Москва, действительно, сердце России, а Петроград <...> геморроидальная шишка коллежского асессора, который Петроград принимает за Россию “Быть ему пусто”, — *недаром говорили старообрядцы* (курсив наш. — К.Д.)» (цит. по: [8, с. 175]).

Рюрик Ивнев в воспоминаниях дважды датировал статью Мережковского «Петербургу быть пусто» 1916 годом⁴¹. Этот хронологический сдвиг не случаен: формула Мережковского вошла в политическую повестку дня накануне и после Февральской революции, в связи со слухами о сдаче Петрограда немцам и переезде правительства в Москву. Собственно, только тогда, на самом исходе Петербургского периода, «идея конца» действительно стала, говоря словами Топорова, «сутью города, вошла в его сознание», — хотя позже стало казаться, будто так было всегда.

По воспоминаниям Георгия Иванова, летом 1917 г. «Троцкий и Борис Савинков <...> нередко сидели за одним и тем же “артистическим” столом в “Привале комедиантов”. <...> Савинков охотно читал нараспев только что сочиненные стихи, где говорилось, что все идет к черту и Петербургу “быть пусто”»⁴².

Статья «Страшное пророчество», помещенная в эмигрантской газете «Свободная Россия» (Чикаго) от 19 февраля 1918 г., начиналась со слов: «“Петербургу быть пусто”. Еще немного, и угроза,

⁴⁰ Гидони А. Омраченный Петроград // Андрей Белый: pro et contra: личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников. СПб.: РХГИ, 2004. С. 445 (1-я публ.: Аполлон. 1916. № 9/10).

⁴¹ Ивнев Р. Встречи с М.А. Кузминым // Звезда. М., 1982. № 5. С. 164; Ивнев Р. О Сергее Есенине // Ивнев Р. У подножия Мтацминды: Мемуары. Новеллы разных лет. Повесть. М.: Сов. писатель, 1973. С. 52.

⁴² Иванов Г. Закат над Петербургом // Возрождение. Париж, 1953. № 27. С. 435.

казавшаяся нелепой, написанное ненавистью пророчество может стать действительностью, превратиться в событие, нестерпимое для сознания» (цит. по: [12, с. 111]).

В романе Марка Алданова «Бегство» (1930) повествователь вспоминает о зиме 1917–1918 гг. в Петербурге: «...предмет, единственно всех тогда занимавший: говорили о том, что надо уезжать, что “быть Петербургу пусту” (кто-то разыскал и пустил это старинное предсказание)»⁴³.

Не приходится сомневаться, что сам Алданов прекрасно знал, кто и когда «пустил предсказание».

27 февраля 1918 г. Максимилиан Волошин писал из Коктебеля:

Немецкое завоевание [Петрограда] неизбежно, но оно ужаснее всего. Оно слишком многих должно соблазнять иллюзией и обещанием какого-то порядка... но это будет порядок похоронной процессии. «Петербургу — быть пусту». Помните это пророчество Петровских времен? Сейчас совершается трагедия не России, а Петербурга. Жду с напряженным вниманием и ужасом момента, когда он будет взят немцами: в этот миг, представляется мне, вдруг и сразу осветится его судьба, та историческая ошибка, которая породила проклятие, на нем лежащее⁴⁴.

12 марта 1918 г. правительство покинуло Петроград. Видный кадет Николай Устрялов увидел в этом предвестие распада государства:

...Русская литература, и публицистика русская словно чурались его [Петербурга], подходили к нему боязливо, точно к наваждению... А некоторые, возбужденные экстатической враждою, даже творили заклинания: «Петербургу быть пусту»...

...Опрокинута Империя, исчезло то злое, что в последние годы или, быть может, десятки лет она с собою несла. Но вместе со злом уничтожено и великое дело ее, разрушен великий подвиг собирания государства, созидания державы⁴⁵. Вновь торжествует на Руси древний русский хаос, разбит невский гранит, празднуют праздник центробежные силы, бунтует русская вольница, и одинок Медный

⁴³ Алданов М. Собр. соч.: в 6 т. М.: Пресса, 1991. Т. 3. С. 258.

⁴⁴ Волошин М.А. Из литературного наследия. СПб.: Алетейя, 1999. Т. 2. С. 201.

⁴⁵ Три года спустя, став идеологом сменовеховства, Устрялов переменял свое мнение.

Всадник на Сенатской площади. Словно исполнились неистовые интеллигентские заклатья — «Петербургу быть пусту»...⁴⁶

Как видим, для Устрялова, в отличие от большинства его современников, формула «быть пусту» не что иное как интеллигентское заклатье.

Безнадежной попыткой преодолеть «заклатье Евдокии» стало опубликованное в апреле 1918 г. контр-заклинание петербургского поэта и критика Владимира Гиппиуса: «Новгород — Киев — Москва — Петербург, или Новгород, придвинутый к морю! А четвертому не быти! Или — не быть — России!»⁴⁷.

В декабре 1918 г. Игорь Северянин пишет «Отходную Петрограду», повторяя мотив изначального проклятия городу:

Ты проклят. Над тобой проклятыя.
Ты точно шхуна без руля.
Раскрой же топкие объятя,
Держащая тебя земля⁴⁸.

В 1919–1920 гг. запустение Петрограда стало почти реальностью; образ вымершего города неизменно возникает в воспоминаниях об этой поре. В ночь на 14 мая 1919 г. Рюрик Ивнев записал в своем дневнике: «Приехал (в Киев. — К.Д.) пианист Дубянский из Петербурга. Рассказывает всякие ужасы: холод, голод, мертвенность улиц. “Петербургу быть пусту”. Сбылось это ужасное пророчество»⁴⁹.

***

В дальнейшем писатели и поэты воспринимали пророчества XVIII–XIX вв. глазами творцов Серебряного века. (Аналогичный вывод, сделанный на другом материале: «Появление мифа, определившего “genius loci” города, <...> более уместно датировать аван-

⁴⁶ Устрялов Н.В. Судьба Петербурга // Москва — Петербург: pro et contra: Диалог культур в истории национального самосознания. Антология. СПб.: РХГИ, 2000. С. 396, 399–400. (1-я публ.: Накануне. 1918. 7 апреля.)

⁴⁷ Гиппиус В.В. Сон в пустыне // Москва — Петербург: pro et contra: Диалог культур в истории национального самосознания. Антология. СПб.: РХГИ, 2000. С. 384, 386. (Впервые опубли. в сборнике «Петербург и Москва», вышедшем в Петрограде в апреле 1918 г.)

⁴⁸ Петербург в поэзии русской эмиграции: первая и вторая волна / сост., вступ. ст., подгот. текста и примеч. Р. Тищенко, В. Хазана. СПб.: Акад. проект, 2006. С. 420.

⁴⁹ Ивнев Р. Жар прожитых лет: воспоминания, дневники, письма. СПб.: Искусство-СПБ, 2007. С. 221.

гардистской эпохой — “мирискуснической” и символистской <...>. Именно тогда сформировался петербургский миф в результате вторичного чтения русской классики авангардистским сознанием» [5].) То же в огромной степени относится к работам о «петербургском мифе» и «петербургском тексте». Результатом такой искаженной оптики стало представление о формуле «...быть пусто» как изначально проклятии, тяготеющем над Петербургом и сближение и даже отождествление этой формулы с эсхатологией старообрядцев.

Литература

1. *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга; Петербург Достоевского; Быль и миф Петербурга. М.: Книга, 1991. 84, [5] с.
2. *Бернадский С.В.* Образ Петербурга в «Отрывке» III части «Дядюв» А. Мицкевича и его роль в формировании литературной традиции города // Анциферовские чтения: Материалы и тез. конф. (20–22 декабря 1989 г.). Л.: Ленингр. отделение Сов. фонда культуры, 1989. С. 107–110.
3. *Бушкович П.* Историк и власть: дело царевича Алексея (1716–1718) и Н.Г. Устрялов (1845–1859) // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара: Самар. ун-т, 2000. С. 80–120.
4. *Вейдле В.В.* Задача России. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. 230, [1] с.
5. *Голынкин-Вольфсон Д.* Петербург: крах мифа и кризис иллюзий // На дне. СПб., 1998. Вып. 4. URL: http://www.pressa.spb.ru/newspapers/na_dne/arts/na_dne-37-art-8.html (дата обращения: 09.08.2019).
6. *Гринлиф М.* Пушкин и романтическая мода: Фрагмент. Элегия. Ориентализм. Ирония. СПб.: Акад. проект, 2006. 381 с.
7. *Гурьянова Н.С.* Эсхатологическое учение староверов и мессианское царство // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 6–11.
8. *Долгополов Л.К.* Миф о Петербурге и его преобразование в начале века // *Долгополов Л.К.* На рубеже веков: О русской литературе конца XIX – начала XX века. Л.: Сов. писатель, 1977. С. 150–194.
9. *Душенко К.В.* Петербургская легенда о наводнении и миф о «конце Петербурга» // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5, № 2. С. 34–54. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-2-34-54>
10. *Ефимов С.В.* Евдокия Лопухина — последняя русская царица XVII века // Средневековая Русь: Сб. научных статей к 65-летию со дня рождения профессора Р.Г. Скрынникова. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1995. С. 136–163.
11. *Исупов К.Г.* Историческая мистика Петербурга // Метафизика Петербурга. СПб.: Эйдос, 1993. Вып. 1. С. 63–73.
12. *Краснова Т.И.* Типы эмигрантских газет 1918 г. по содержательно-идеологическим признакам (опыт изучения содержания и формы) // Вестник С.-Петерб. ун-та: История, языковедение, литературоведение. 1995. № 3. С. 107–109.

13. *Лихачев Д.С.* Николай Павлович Анциферов; *Кумпан К.А., Конечный А.М.* Комментарии к факсимильной части; Список переименованных топонимов Петербурга. М.: Книга, 1991. 101 с.

14. *Николози Р.* Петербургский панегирик XVIII века: Миф — идеология — риторика. М.: Языки славянской культуры, 2009. 215 с.

15. *Осват А.Л., Тименчик Р.Д.* «Печальну повесть сохранить...»: Об авторе и читателях «Медного всадника». М.: Книга, 1987. 350 с.

16. *Панченко А.А.* Петербург как столица скопцов // Отечественные записки. 2004. № 2. С. 158–169.

17. *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: Избр. труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. С. 7–118.

Research Article

“Let it be Empty”: “The Curse of Eudokia” and its Reception in Russian Culture of the 19th – Early 20th Centuries

© 2023. Konstantin V. Dushenko

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: Since the beginning of the 20th century, the leitmotif of the theme of the end of St. Petersburg is the so-called “curse of Eudokia”: “Petersburg to be empty.” This is a contamination of two quotes from the Petrine era. Both of them, when they appeared, did not have any distinct eschatological sound, and both were not known in the era of romanticism. From the 1860s to the beginning of the 20th century the prophecy “Let it be empty” was cited as a formula of the retrograde of the reign of Peter the Great, moreover as a prediction or threat, but not a curse. Actual eschatological sound was given to him by Merezhkovsky in the novels “Peter and Alexei” (1904–1905), “Alexander I” (1911–1912) and the article “Petersburg to be empty” (1908). The formula “St. Petersburg to be empty” entered the political agenda on the eve and after the February Revolution, in connection with rumors about the surrender of Petrograd to the Germans and the government moving to Moscow. Afterwards the 19th centuries prophecies were perceived by the eyes of the creators of the Russian symbolism. The result of such distorted optics was the idea of the formula “Let it be empty” as the original curse that gravitates over St. Petersburg, as well as identification of this formula with the eschatology of the Old Believers.

Keywords: Petersburg text, St. Petersburg myth, eschatology, prophecies, Russian Symbolists, Tsarina Eudokia, Peter I, D.L. Mordovtsev, D.S. Merezhkovsky, V.N. Toporov.

Information about the author: Konstantin V. Dushenko — DSc in History, Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the

Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky Prospekt 27, 51/21, 117997 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7708-1505>

E-mail: kdushenko@nl.n.ru

For citation: Dushenko, K.V. “‘Let it be Empty’: ‘The Curse of Eudokia’ and its Reception in Russian Culture of the 19th–Early 20th Centuries.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (27), 2023, pp. 173–194. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-173-194>

References

1. Antsiferov, N.P. *Dusha Peterburga; Peterburg Dostoevskogo; Byl' i mif Peterburga* [*Soul of Petersburg; Petersburg of Dostoevsky; Reality and Myth of Petersburg*]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 84, [5] p. (In Russ.)
2. Bernadskii, S.V. “Obraz Peterburga v ‘Otryvke’ III chasti ‘Dziadov’ A. Mitsukevicha i ego rol’ v formirovanii literaturnoi traditsii goroda” [“The Image of St. Petersburg in the ‘Fragment’ of the III Part of ‘Dziady’ by A. Mickiewicz and its Role in the Formation of the Literary Tradition of the City”]. *Antsiferovskie chteniia: Materialy i tezisy konferentsii (20–22 dekabria 1989 g.)* [*Antsiferov Readings: Materials and Abstracts of the Conference (December 20–22, 1989)*]. Leningrad, Leningradskoe otdelenie Sovetskogo fonda kul'tury Publ., 1989, pp. 107–110. (In Russ.)
3. Bushkovich, P. “Istorik i vlast’: delo tsarevicha Alekseia (1716–1718) i N.G. Ustrialov (1845–1859)” [“Historian and Power: The Case of Tsarevich Alexei (1716–1718) and N.G. Ustryalov (1845–1859)”]. *Amerikanskaia rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskii period: Antologiya* [*American Russian Studies: Milestones of Historiography in Recent Years. Imperial Period: An Anthology*]. Samara, Samara University Publ., 2000, pp. 80–120. (In Russ.)
4. Veidle, V.V. *Zadacha Rossii* [*Russia's Challenge*]. New York, Izdatel'stvo imeni Chekhova Publ., 1956. 230, [1] p. (In Russ.)
5. Golyenko-Vol'fson, D. “Peterburg: krakh mifa i krizis illiuzii” [“Petersburg: the Collapse of the Myth and the Crisis of Illusions”]. *Na dne*, issue 4, 1998. Available at: http://www.pressa.spb.ru/newspapers/na_dne/arts/na_dne-37-art-8.html (Accessed 08 September 2019). (In Russ.)
6. Grinlif, M. *Pushkin i romanticheskaia moda: Fragment. Elegiia. Orientalizm. Ironiia* [*Pushkin and Romantic Fashion: Fragment. Elegy. Orientalism. Irony*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2006. 381 p. (In Russ.)
7. Gur'ianova, N.S. “Eschatologicheskoe uchenie staroverov i messianskoe tsarstvo” [“The Eschatological Doctrine of the Old Believers and the Messianic Kingdom”]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 2, 2000, pp. 6–11. (In Russ.)
8. Dolgopолоv, L.K. “Mif o Peterburge i ego preobrazovanie v nachale veka” [“The Myth of St. Petersburg and Its Transformation at the Beginning of the Century”]. Dolgopолоv, L.K. *Na rubezhe vekov: O russkoi literature kontsa XIX – nachala XX veka* [*At the Turn of the Century: On Russian Literature of the Late 19th – Early 20th Century*]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1977, pp. 150–194. (In Russ.)
9. Dushenko, K.V. “Peterburgskaia legenda o navodnenii i mif o ‘kontse Peterburga’.” [“The St. Petersburg Flood Legend and the Myth of the ‘End of St. Petersburg’.”]. *Filosofia*.

Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki, vol. 5, no. 2, 2021, pp. 34–54. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-2-34-54> (In Russ.)

10. Efimov, S.V. “Evdokiia Lopukhina — posledniaia rusaskaia tsaritsa XVII veka” [“Evdokia Lopukhina — the Last Russian Tsarina of the 17th Century”]. *Srednevekovaia Rus’: Sbornik nauchnykh statei k 65-letiiu so dnia rozhdeniia professora R.G. Skrynnikova* [Medieval Rus’: Collection of Scientific Articles Dedicated to the 65th Anniversary of the Birth of Professor R.G. Skrynnikov]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 1995, pp. 136–163. (In Russ.)

11. Isupov, K.G. “Istoricheskaia mistika Peterburga” [“Historical Mysticism of St. Petersburg”]. *Metafizika Peterburga* [Metaphysics of St. Petersburg], issue 1. St. Petersburg, Eidos Publ., 1993, pp. 63–73. (In Russ.)

12. Krasnova, T.I. “Tipy emigrantskikh gazet 1918 g. po sodержatel’no-ideologicheskim priznakam (opyt izucheniia sodержaniia i formy)” [“Types of Emigre Newspapers in 1918 According to its Content and Ideological Features (The Experience of Studying the Content and Form)”]. *Vestnik S.-Peterburgskogo universitetata: Istoriia, iazykoznanie, literaturovedenie*, no. 3, 1995, pp. 107–109. (In Russ.)

13. Likhachev, D.S. *Nikolai Pavlovich Antsiferov* [Nikolai Pavlovich Antsiferov]; Kumpun, K.A., and A.M. Konechnyi. *Kommentarii k faksimil’noi chasti; Spisok pereimenovannykh toponimov Peterburga* [Comments to the Facsimile Part; List of Renamed Toponyms of St. Petersburg]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 101 p. (In Russ.)

14. Nikolozii, R. *Peterburgskii panegirik XVIII veka: Mif — ideologiia — ritorika* [St. Petersburg Panegyric of the 18th Century: Myth — Ideology — Rhetoric]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul’tury Publ., 2009. 215 p. (In Russ.)

15. Ospovat, A.L., and R.D. Timenichik. “Pechal’nu povest’ sokhranit’...”: *Ob avtore i chitateliakh “Mednogo vsadnika”* [“To Save the Sad Story...”: About the Author and Readers of “The Bronze Horseman”]. Moscow, Kniga Publ., 1987. 350 p. (In Russ.)

16. Panchenko, A.A. “Peterburg kak stolitsa skoptsov” [“St. Petersburg as the Capital of Eunuchs”]. *Otechestvennye zapiski*, no. 2, 2004, pp. 158–169. (In Russ.)

17. Toporov, V.N. “Peterburg i ‘Peterburgskii tekst russkoi literatury’ (Vvedenie v temu)” [“St. Petersburg and ‘St. Petersburg Text of Russian Literature’ (Introduction to the Topic)”]. Toporov, V.N. *Peterburgskii tekst russkoi literatury: Izbrannye trudy* [Peterburg Text of Russian Literature: Selected Works]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2003, pp. 7–118. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 07.11.2022
Одобрена после рецензирования: 11.01.2023
Дата публикации: 25.03.2023

The article was submitted: 07.11.2022
Approved after reviewing: 11.01.2023
Date of publication: 25.03.2023

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Литературный факт.
2023. № 1 (27)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (27), 2023

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-195-216>
<https://elibrary.ru/QZPERT>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

М. Горький и серия «Библиотека поэта»: трансформация замысла

© 2023, А.Г. Плотникова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассказывается о роли М. Горького в создании книжной серии «Библиотека поэта». Писатель был организатором и вдохновителем проекта, однако его отношение к нему менялось на протяжении 1931–1936 гг. Первичный замысел Горького, изложенный в его статье «О “Библиотеке поэта”», существенно отличался от книг серии, выпускаемых в «Издательстве писателей в Ленинграде», что обусловило его конфликт с редакцией и поставило под вопрос существование серии в 1934 г. На развитие книжной серии влияли различные творческие, научные, организационные и политические факторы. Новаторский подход к подготовке художественных текстов и историко-культурного комментария позволил «Библиотеке поэта» выходить на протяжении более 90 лет. Книги этой серии стали образцом научно-массового издания, а ее редакция — школой советской текстологии. Статья построена на основе переписки Горького с писателями и издательскими работниками, материалов Архива А.М. Горького в Москве, газетных и журнальных публикаций 1920–1930-х гг., а также большого корпуса исследований, опубликованных по этой теме в XX–XXI вв.

Ключевые слова: М. Горький, «Библиотека поэта», «Издательство писателей в Ленинграде», «Советский писатель», русская поэзия, книжная серия, текстология.

Информация об авторе: Анастасия Геннадьевна Плотникова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1866-0608>

E-mail: aplotnikovaimli@gmail.com

Для цитирования: Плотникова А.Г. М. Горький и серия «Библиотека поэта»: трансформация замысла // Литературный факт. 2023. № 1 (27). С. 195–216. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-195-216>

Издательская серия «Библиотека поэта» стала одним из тех начинаний М. Горького, которые не только оставили значительный след в истории книгопечатания, но и спустя много десятилетий хорошо знакомы читающим людям и остаются фактом литературы, пройдя через разрушительное время репрессий 1930-х гг., Великой Отечественной войны, слома общественно-политической парадигмы в 1990-х гг. На протяжении более 90 лет с разной степенью регулярности выходят книги, и почти в каждой рецензии упоминается, что идея этой серии принадлежит Горькому. Так, редакторы «Библиотеки поэта» Г.П. Макогоненко и В.Н. Орлов в 1955 г. писали: «Замечательная идея Горького воплотилась в большое общекультурное дело, снискавшее признание и любовь многомиллионного советского писателя»¹. В.М. Саянов назвал статью, посвященную 25-летию юбилею серии, «Детище Горького»². Значительно позднее, в 1983 г., К.Я. Ваншенкин восклицал: «И как тут еще раз не восхититься Горьким, основателем, или, как сейчас принято говорить, фундаментом этой уникальной “Библиотеки”, инициатором многих и многих начинаний и затей в национальной культурной жизни»³.

В настоящей статье мы рассмотрим участие Горького в рождении и становлении книжной серии «Библиотека поэта», охарактеризуем его отношения с единомышленниками и сотрудниками в этом деле, обозначим основные проблемы, с которыми приходилось сталкиваться издательскому коллективу. Также обратим внимание на те издания серии, которые вышли при жизни Горького, проследим реакцию советской и эмигрантской литературной общественности на эти книги. Мы постараемся ответить на вопрос: насколько «Библиотека поэта», — та, которая получилась в 1930-е гг., и та, которую мы знаем сегодня, — соответствуют изначальному замыслу Горького?

В данной статье мы опираемся на работы А.А. Беловицкой, И.Э. Кабановой, Т.А. Кукушкиной, М.К. Свиченской, Т.Б. Семеновой, Л.А. Спиридоновой и др. [5; 10; 15; 16; 17].

Рождение замысла «Библиотеки поэта» относится к 1931 г., когда в соррентийском доме Горького состоялась серия совещаний с советскими писателями и издательскими работниками. 6 декабря 1931 г.

---

¹ *Макогоненко Г.П., Орлов В.Н.* Задачи и нужды «Библиотеки поэта» // Литературная газета. 1955. № 57. 14 мая.

² *Саянов В.М.* Детище Горького // Литературная газета. 1958. № 61. 22 мая.

³ *Ваншенкин К.* Уникальное издание // Литературная газета. 1983. № 40. 5 октября.

статья «О “Библиотеке поэта”» была опубликована одновременно в газетах «Правда» и «Известия». Она начиналась словами:

«Издательство писателей в Ленинграде» в 1932 г. начинает издавать «Библиотеку поэта». В состав библиотеки будут включены наиболее значительные произведения русской поэзии — от Ломоносова до наших дней. Почему признано необходимым издание «Библиотеки поэта»?⁴

Во всех последующих публикациях статьи (в журнале «Литературная учеба», в предисловии к первому тому издания, в собраниях сочинений Горького) этот абзац был снят, и текст начинался с утверждения: «Наша молодежь должна иметь ясное представление о месте и значении поэзии в истории культуры, о том, какую роль играла поэзия в истории роста, упадка и разложения буржуазного общества» [8, т. 26, с. 176]. Горький утверждал, что русская поэзия нуждается в обновлении в соответствии с требованиями нового советского времени. В связи с этим необходимо «вооружить» молодых поэтов — познакомить с историей русской поэзией и самое главное — дать представление о технике поэтического творчества. «Знание техники дела — это и есть знание дела», — утверждал он [8, т. 26, с. 176]. В качестве примера неудачной поэзии, свидетельствующего о «печальном бессилии техники, отсутствии поэтической культуры», он привел в статье стихотворение М.А. Тарловского «(Техника) × (Чутье)», напечатанное в журнале «Красная новь»⁵.

Стихотворение занимает почти две страницы, приведем первую строфу:

По свидетельству «Капитала»
(В первом томе, в пятой главе),
Новый дом возникает сначала
В человеческой голове [8, т. 26, с. 178].

Горький похвалил саму идею стихотворения, связанную с пред-
посланным ему эпитафией из «Капитала» К. Маркса:

Пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых
людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей

⁴ Горький М. О «Библиотеке поэта» // Правда. 1931. № 335. 6 декабря. С. 3.

⁵ Тарловский М.А. (Техника) × (Чутье) // Красная новь. 1931. Кн. 7. Июль. С. 95–96.

пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове [8, т. 26, с. 178].

Писатель утверждал: «Разработана эта идея — плохо, да. Но все-таки автор стихов заговорил о том, о чем до него не говорили, и это нужно записать в его актив» [8, т. 26, с. 178]. Именно таким людям, молодым поэтам, чувствующим ритм и потребности эпохи («философы объясняли мир, мы перестраиваем его» [8, т. 26, с. 181]), но не умеющим в силу недостатка образования их выразить, Горький и предназначал «Библиотеку поэта».

Далее в статье Горький анализировал, как должны измениться «вечные темы» поэзии: природа, любовь, смерть. Во-первых, пафос любования природой и преклонения перед ней должен смениться пафосом преобразования окружающего мира:

Поэты прошлых времен восхищались красотами и дарами природы как земледельцы и землевладельцы, как «дети природы», в сущности же — как рабы ее <...> поэты никогда еще не звали человека на борьбу с природой, за власть над ней. Мы соединяем каналами Белое море с Балтийским, Каспийское с Черным, Сибирь получит выход в Средиземное море. Все это — титанические задачи <...> Если вся текущая работа создания социалистического общества, впервые совершающаяся в нашей стране, остается вне круга внимания поэтов, — то неужели это значит, что человеческий труд, основной рычаг культуры, не достоин поэтизации? [8, т. 26, с. 181–182].

Изменяя природу, человек изменяет и себя: «...все более смело подчиняя ее стихийные силы силам нашего разума и воли, становимся владыками ее, создаем свою, “вторую природу”» [8, т. 26, с. 180]. Во-вторых, тема любви должна уйти от «романтизации»:

Молодая наша поэзия плохо замечает быстрый процесс духовного роста женщины, роста ее внутренней свободы; это плохой признак, ибо это признак старинного, мещанского консерватизма. Новая женщина, существуя в жизни, отсутствует в поэзии, а поэзия могла бы очень помочь воспитанию среди молодежи новой оценки женщины, нового и более достойного отношения к ней. Любовь как тема поэта явно требует иной расцветки; и здесь, как всюду, молодая наша поэзия отстает от действительности [8, т. 26, с. 184].

Наконец, тема смерти также должна подвергнуться пересмотру. В старой поэзии, утверждает Горький, неизбежность смерти часто была своего рода утешением. Но в новом мире сама смерть может быть побеждена:

Наука не ставила к разрешению вопроса о продлении жизни человека с той серьезностью и решительностью, с какой вопрос этот должен быть поставлен в обществе социалистическом <...> Наука, ее открытия и завоевания, ее работники и герои — все это должно бы явиться достоянием поэзии [8, т. 26, с. 184].

Таким образом, Горький призывает переосмыслить все главные, «вечные» поэтические темы. Тем, кто готов это сделать, он и адресует серию «Библиотека поэта», в которой предстанет

...история роста, развития русской поэзии XIX века, начиная, скажем, от Державина до Некрасова, причины ее снижения и упадка от Некрасова до Надсона, причины формального возрождения стиха в самом конце XIX века и в начале XX века, резкого разноречия поэзии с действительностью до 1905–6 годов и вся последующая линия развития поэзии [8, т. 26, с. 185].

«“Библиотека поэта”, — резюмировал Горький, — ставит целью своей познакомить молодежь с историей русской поэзии и дать начинающим поэтам материал для технической учебы» [8, т. 26, с. 185].

Таким образом, Горький, во-первых, видел назначение новой книжной серии сугубо утилитарным, а во-вторых, важным считал тематическое единство и хронологический принцип издания. Главное — Горький планировал библиотеку *для* поэтов, а не просто свод поэзии. Это представление, как мы увидим позднее, не всегда совпадало с позицией редколлегии, непосредственно работавшей над изданием.

Принцип серийности при выпуске книжных изданий был Горькому хорошо знаком и близок. Основой этого принципа он полагал тематическое единство и хронологическую последовательность изданий. Похожие тезисы выдвигал Горький в плане «Библиотеки русских классиков» для издательства «Всемирная литература» в 1919 г., так же предполагал организовать «Дешевую библиотеку Госиздата» в 1929 г., о том же говорил, редактируя планы издательства «Academia» в начале 1930-х гг.

Статья «О “Библиотеке поэта”» вызвала множество откликов. Во-первых, на статью отреагировал молодой поэт М.А. Тарловский, чьи стихи были в ней процитированы. Горький не называл имени автора, но тот, конечно, узнал свои строки и написал знаменитому писателю:

Я был бы чрезвычайно признателен Вам или тому человеку, который объяснил бы мне, почему упомянутое стихотворение слабо в техническом отношении, почему оно свидетельствует об отсутствии у меня поэтической культуры, почему я не понимаю целей современной поэзии (как пишете Вы в своей статье), и как я должен эти цели понимать [7, т. 21, с. 552].

Горький ответил в примирительном тоне:

Уважаемый Марк Аркадьевич, кажется, Вы немножко обиделись на меня? Если это так — искренно сожалею. Из письма Вашего вижу, что Вы понимаете технику стихосложения — как будто — несколько узко, а именно: только как ритмику. Я — не считаю себя знатоком этой области работы над стихом, да и вообще плохой знаток поэзии. Мое требование к ней — созвучность эпохе и предельная точность языка, ясность слов. Именно с этой точки зрения «Техника × чутье» и не удовлетворила меня [7, т. 21, с. 131–132].

Горький подробно проанализировал книгу стихов Тарловского «Бумеранг», которую поэт выслал ему вместе с письмом, похвалил некоторые удачные выражения, но сохранил общий критический тон. Переписка на этом прервалась, в дальнейшем Тарловский занимался поэтическими переводами в ГИХЛе⁶.

Во-вторых, критика Горьким классических поэтов возмутила биолога Н.К. Кольцова, который был знаком с писателем с середины 1920-х гг.: «Я глубоко обиделся за Пушкина, <...> неужели можно рассчитывать, что до какого-нибудь коренного преобразования русского языка найдется поэт, который даст более яркую картину наводнения, чем дал он?» [7, т. 21, с. 400]. Кроме поэмы «Медный всадник», он сослался также на произведения А.С. Пушкина «Анчар» и «Пир во время чумы», стихотворения М.Ю. Лермонтова «Три пальмы», Ф.И. Тютчева «Malarin» как свидетельства чуткости русской поэзии к грозным силам природы. «Победы над чумой и над

⁶ Государственном издательстве художественной литературы.

вошью, — продолжал Кольцов, — Пушкин за 50 лет до Пастера предвидеть не мог, но он не содрогнулся перед чумой от ужаса, а сумел даже пропеть гимн чуме: это ведь тоже победа!» [7, т. 21, с. 400]. Горький ответил примирительно: «Уважаемый Николай Константинович, мне кажется, что Вы напрасно обиделись за любимых поэтов Ваших и напрасно защищаете их против меня» [7, т. 21, с. 23]. Далее он повторил тезисы статьи и подытожил: «Молодой, интеллектуально еще не работавший класс должен внести в жизнь новое мироощущение и настроение, для этого он должен внимательно просмотреть, продумать все, что предшествовало его появлению в истории» [7, т. 21, с. 23].

Наконец, в секретариат Горького пришло множество писем от простых читателей с откликом на статью. Биографические данные этих корреспондентов разыскать не удалось, но эти мнения представляют интересный срез того, как по-разному восприняли эту статью люди. Л.В. Сулинова из села Каменный Яр Нижне-Волжского края разделяла мнение Горького о низком качестве современной литературы, заинтересовал ее и «женский вопрос»:

Мы живем в новой эпохе, в эпохе стройки, а поэтому нам нужно создать и вывести в литературе новый тип женщины, показать ее в стройке, создать новый взгляд на любовь. Нужно поднять женщину на должную высоту <...> Буду следить за листками беллетристики, хочу узнать, как статья Ваша подхватится молодыми писателями⁷.

Федор Афанасьев из Каширы утверждал, что современная литература «недоступна не с точки зрения содержания, а с точки зрения художества»⁸. Он приводил в пример роман Ф. Панферова «Бруски», который был для него сложен из-за «недостатка художества», и сравнивал советскую литературу с прозой XIX в., последняя, по его словам, казалась значительно проще для восприятия. Я. Чумаченко из г. Черкаска и вовсе был категоричен: «Наша пятнадцатилетняя революционная действительность похожа на лабораторный эксперимент некоего ученого»⁹. Он утверждал, что Горький не понимает людей: «...о жизни страны нельзя судить по нашим центрам и большим стройкам»¹⁰. Несоввершенство советской литературы он напрямую связывал с идеологическим давлением: «Отсутствие элементарней-

⁷ Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН). ОПГ-8-21-1.

⁸ Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН). ОПГ-1-40-1.

⁹ Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН). ОПГ-9-86-1.

¹⁰ Там же.

ших свобод давит всякую оригинальную мысль»¹¹. Как видим, читатели в первую очередь восприняли публицистический пафос статьи Горького, а не сообщение о готовящейся книжной серии. Статья «О “Библиотеке поэта”» стала для них поводом порассуждать не только о литературе, но и о других сторонах советской действительности, и поделиться этими мыслями с писателем.

Первые выпуски «Библиотеки поэта» увидели свет весной 1933 г. Однако их появление предвляла титаническая подготовительная работа, организованная в «Издательстве писателей в Ленинграде». Административно, как сообщает А.А. Беловицкая, «Библиотека поэта» была устроена как отдельная редакция с двумя штатными сотрудниками: заведующим редакцией был Г.Э. Сорокин, а секретарем (или редактором-организатором) — А.Г. Островский [5, с. 141]. Научно-исследовательской частью руководил Юрий Николаевич Тынянов. Задача эта была действительно масштабной, требующей дополнительных научных сил, и к работе были привлечены филологи, сотрудники Пушкинского Дома Б.М. Эйхенбаум, Ю.Г. Оксман, А.С. Орлов, Б.В. Томашевский, В.А. Десницкий, И.А. Виноградов и др.

Путь первой книги серии «Библиотека поэта», посвященной творчеству Г.Р. Державина [9], был тернист. Судя по информации на обороте титула, книга была сдана в набор 17 июля 1932 г., а подписана в печать через полгода, 20 января 1933 г. Книгу открывали статья Горького «О “Библиотеке поэта”», замечания «От редакции», где характеризовалась структура книги и ее особенности, и вступительная статья И.А. Виноградова «О творчестве Державина». В этой статье Виноградов кратко рассказывал о жизненном пути поэта, объяснял его отношения с властью, характеризовал тематику и проблематику его лирики и поэм и подробно останавливался на изобразительно-выразительных приемах. В финале статьи Виноградов задавался вопросом: «...для чего же нужна поэзия Державина современному советскому читателю, советскому поэту?» [6, с. 42] Оговаривая, что Державин может показаться пролетарскому поэту совершенно чуждым и непонятным, исследователь давал такой ответ:

...пролетарский писатель должен разобратся в том, как передает художник другого класса свое понимание действительности, свое отношение к ней, какими художественными средствами он пользуется. Не механическое перенесение идей и приемов, а «снятие» их,

---

¹¹ Там же.

переплавка в горниле своего мировоззрения, своего творчества — вот в чем состоит задача. И с этой точки зрения Державин такой противник, преодоление которого может обогатить творческую практику нашей поэзии [6, с. 42–43].

В книге было помещено более 200 стихотворений Г.Р. Державина, разделенных на четыре блока по жанровому принципу. Около 40 из них печатались впервые. В отдельном приложении были помещены ранние стихотворения, каждое произведение — снабжено подробным текстологическим, историко-культурным и реальным комментарием. Помимо этого, в конце тома были напечатаны указатели мифологических и других имен, устаревших слов, имен деятелей русской истории и литературы. Не претендуя на абсолютную полноту (что было заявлено составителями в заметке «От редакции»), авторы составили действительно уникальное научное издание. Рассказывая о концепции и особенностях подготовки серии, А.Г. Островский, заведующий редакцией, писал в журнале «Звезда»:

Везде, где это представляется возможным, производится проверка текстов по первоисточникам: подлинным рукописям, прижизненным изданиям. В результате большой исследовательской и архивной работы сделан уже ряд историко-литературных открытий: находок новых текстов, существенно меняющих представление об облике отдельных поэтов¹².

Отзывы на первый том «Библиотеки поэта» были не единодушными. И. Сергиевский, поместивший в «Литературной газете» объемную рецензию на книги 1933 г., в целом положительно оценивал сборник «Державин». Он писал: «В издании представлено действительно все наиболее характерное, наиболее полно рисующее творческий профиль Державина»¹³ [37]. Однако он критиковал пояснительный аппарат к корпусу текстов, утверждая, что словари устаревших слов должны быть существенно расширены. Основные претензии у критика возникли к вступительной статье:

Виноградов <...> определенно переоценивает удельный вес реакционных феодально-крепостнических элементов в творчестве Державина и недостаточно четко оттеняет в ней те черты полити-

¹² Островский А. О «Библиотеке поэта» // Звезда. 1933. № 7. С. 139.

¹³ Сергиевский И. Библиотека поэта // Литературная газета. 1934. № 124. 16 сентября. С. 2.

ческого вольномыслия, которые в некоторых отклонениях роднят ее с политической лирикой раннего декабризма¹⁴.

В основном это были замечания не филологического, а политического характера. Также Сергиевский упрекал «Библиотеку» в излишнем академизме и рекомендовал пересмотреть план комментария в сторону его сокращения и упрощения.

В этом контексте интересна рецензия В.Ф. Ходасевича «Научный камуфляж. Советский Державин. Горький о поэзии», опубликованная в парижской эмигрантской газете «Возрождение»¹⁵. Близко знакомый с Горьким в 1920-е гг., Ходасевич пристально наблюдал за деятельностью писателя в СССР, к тому же он был автором жизнеописания поэта XVIII в., и не мог не отреагировать на появление такой книги. Изучив план «Библиотеки поэта», он увидел в нем политические и пропагандистские цели организаторов:

Державины и Денисы Давыдовы им не нужны, отчасти даже противны. Но если к Державину и Денису Давыдову присоединить всевозможную стихотворную заваль, если извлечь из забвения давно похороненную революционную и подпольную литературу, если придать, таким образом, минувшей русской поэзии такой колорит, каким она в действительности не обладала, но какой ее хотели бы видеть большевики, то получится затея, в достаточной мере агитационная и в достаточной степени «грандиозная» [18, с. 275–276].

Ходасевич критиковал состав сборника, утверждая, что И.Г. Ямпольский, воспользовавшись пятитомным собранием, подготовленным Я.К. Гротом в начале XIX в., напрасно включил в том «Библиотеки поэта» неизданные ранее тексты: «Ранние стихи Державина совсем слабы» [18, с. 277]. Позиция Ходасевича относительно научного комментария радикально расходится с мнением советского критика И. Сергиевского, поэт убежден в недостаточности этой части: «Что касается примечаний, то они составлены толково, но слишком кратко: современному рядовому читателю, на которого рассчитано издание, надо бы объяснить гораздо больше, чем объяснил Ямпольский» [18, с. 278]. Коснулся Ходасевич и предисловия И.А. Виноградова:

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ходасевич В.Ф. Научный камуфляж. Советский Державин. Горький о поэзии // Возрождение. 1933. № 3040. 28 сентября. С. 4.

...вступительная статья дает лишь бледную тень Державина, сходную с тенями многих его современников. <...> однако Виноградов не виноват: в поэтах важно и интересно как раз только то, что выходит за пределы марксистского понимания; оставаясь в этих пределах, по существу сказать о поэте нельзя ничего [18, с. 278].

В этом ощущается некоторое сочувствие к ученому, Ходасевич несколько раз говорит о «трудном положении», в котором тот оказался, решившись писать о Державине в СССР. Заканчивает поэт статью рассуждениями о самой концепции Горького, подвергая резкой критике его стремление поставить поэзию на службу агитации.

К Горькому книга «Державин» попала только в конце весны 1933 г. 19 мая сотрудник издательства А. Дмитриев послал ее Горькому и сообщил: «Вышел первый том Библиотеки поэта — Державин. Его Вам посылаем. Сверстан еще ряд томов. Задерживаются потому, что нет у нас бумаги хорошего качества»¹⁶. Горький обычно быстро отвечал на такие письма или высказывался в печати. Как правило, в подобных случаях он писал подробный аналитический отзыв. Однако по какой-то причине мы не имеем его отзыва о первой книге «Библиотеки поэта». Это выглядит тем более странным, что ему посылали верстку «державинского» тома, — в Архиве А.М. Горького (ИМЛИ РАН) хранится письмо В.М. Саянова П.П. Крючкову, где об этом сообщается¹⁷. Возможно, эти отзывы были даны при личных встречах, однако на вопрос руководителя «Издательства писателей в Ленинграде» К.А. Федина в письме от 31 августа 1933 г.: «Что вы скажете о “Библиотеке поэта”? Она рождалась мучительно, но — как будто — недаром» [13, с. 547], — Горький не ответил. Неизвестен и ответ на просьбу сотрудника издательства и биографа Горького И.А. Груздева, высказанную почти через год, в начале июня 1934 г.: «На днях у нас прошло очень оживленно и деловито собрание всех сотрудников “Библиотеки поэта”. Думаем повторять это дело. Хорошо бы иметь Ваши указания по поводу вышедших книг» [3, с. 336]. Горький, как мы увидим позднее, разразился большим критическим письмом в декабре 1934 г., а пока словно охладел к своему детищу.

Косвенно эту перемену отношения подтверждают материалы Личной библиотеки Горького в московском Мемориальном музее на Малой Никитской улице, где хранятся 19 сборников серии «Библиотеки поэта». Большинство не имеют следов горьковского про-

¹⁶ Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН). КГ-п-26-1-1.

¹⁷ Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН). КК-рл-13-41-4.

чтения: помет, надписей и т. д. Исключение составляют только две книги, относящиеся к Малой серии — «Крестьянская лирика» (общ. ред. М. Азадовского, 1935) и стихотворения В.К. Третьяковского, М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова (ред. и примеч. П.Н. Беркова и Г.А. Гуковского, 1935). Исследователь А.А. Беловицкой посчастливилось в начале 1970-х гг. лично общаться с З.А. Никитиной и А.Г. Островским, которые в 1930-е гг. были членами редколлекции «Библиотеки». Ссылаясь на частные беседы с ними, она пишет:

Горький в 1934 г. написал официальное письмо в редакцию, выразив несогласие со складывающимся типом серии, с излишней «академичностью», огромным объемом комментариев и с содержанием вступительных статей. Из первых книг он одобрил «Стихотворения» Д. Давыдова и «Поэтов “Искры”» [5, с. 189].

Письмо Горького не разыскано до сих пор, и эта лакуна, безусловно, ощущается очень явственно.

Первые книги «Библиотеки поэта» несколько отличались друг от друга по структуре и издательским принципам. Очевидно, что в 1933–1935 гг. редакционный коллектив находится в поисках единого звучания, что было непросто, учитывая масштабность задачи, которую они перед собой ставили, меняющиеся требования времени и индивидуальности выдающихся ученых-текстологов. Не имея возможности в данной статье характеризовать каждое издание в отдельности, перечислим здесь те книги Большой серии, которые были изданы при жизни Горького и хранятся в его Личной библиотеке в Москве.

В 1933 г., кроме книги «Державин», вышли: «Ирои-комическая поэма» (ред. и примеч. Б.В. Томашевского, вступ. ст. В.А. Десницкого), полное собрание стихотворений Дениса Давыдова (ред. и примеч. В.Н. Орлова; вступ. статьи В.М. Саянова и Б.М. Эйхенбаума), сборник «Поэты “Искры”» (ред. и примеч. И.Г. Ямпольского; вступ. слово А.П. Селивановского). На следующий год читатели получили еще два монографических сборника — стихотворения К.Ф. Рылеева (ред., предисл. и примеч. Ю.Г. Оксмана, вступ. ст. В.А. Гофмана) и А.А. Дельвига (ред. и примеч. Б.В. Томашевского; вступ. статьи И.А. Виноградова и Б.В. Томашевского).

В 1935 г. в серии вышло восемь книг. Это были собрания стихотворений В.К. Третьяковского (под ред. А.С. Орлова при участии А.И. Малеина, П.Н. Беркова и Г.А. Гуковского, вступ. ст. С.М. Бонди), М.В. Ломоносова (под ред. А.С. Орлова, при участии А.И. Малеина,

П.Н. Беркова и Г.А. Гуковского), А.П. Сумарокова (под ред. А.С. Орлова, при участии А.И. Малеина, П.Н. Беркова и Г.А. Гуковского), Я.П. Полонского (ред. и примеч. Б.М. Эйхенбаума), А.Х. Востокова (ред., вступ. ст. и примеч. В.Н. Орлова). Также появились первый том басен И.А. Крылова (ред. и коммент. Б.И. Коплана; статьи Г.А. Гуковского, Б.И. Коплана и В.А. Гофмана), сборники «Поэты-радищевцы» (ред. и коммент. В.Н. Орлова, вступ. статьи В.А. Десницкого и В.Н. Орлова) и «Пролетарские поэты» (Т. 1 / ред., вступ. ст. и коммент. А.Л. Дымшица, общ. ред. и предисл. А. Горелова).

Отсутствие отзывов Горького о томах «Библиотеки поэта» в 1934 г. было связано и с напряженной борьбой, которая велась К.А. Фединым, М.Л. Слонимским и др. за сохранение «Издательства писателей в Ленинграде», которому угрожало полное уничтожение. Эта драматичная история подробно описана в статьях Т.А. Кукушкиной, И.Э. Кабановой и др. [10; 11], отметим, что само существование «Библиотеки поэта» при «Издательстве писателей в Ленинграде» рассматривалось как шанс на его спасение. Тем не менее осенью 1934 г. вопрос был решен: издательство было упразднено, превратилось в несамостоятельное ленинградское отделение «Советского писателя», а книжную серию передали в издательство «Academia».

В отчаянной попытке спасти серию и свое собственное положение редколлегия бывшего «Издательства писателей» поместила 26 ноября 1934 г. заметку в газете «Литературный Ленинград» «Сохранить “Библиотеку поэта”!»¹⁸, где призывала общественность объединиться и не допустить уничтожения серии, а также выражала протест против передачи серии «Библиотека поэта» издательству «Academia». Результатом этой заметки стало коллективное письмо от ленинградских библиотек, присланное Горькому¹⁹. Библиотекари писали о «широком значении» серии и о своей обеспокоенности передачей ее в издательство «Academia». Скорее всего, это письмо было организовано редколлекцией «Библиотеки», что впоследствии возмутило Горького и дало противоположный задуманному результат.

К.А. Федин на следующий день, 27 ноября, переслал вырезанную из газеты заметку Горькому и написал письмо с просьбой оставить серию при ленинградском отделении издательства «Советский писатель», в который вошло упраздненное «ИПЛ», или, наоборот, ввести редколлекцию «Библиотеки» в «Academia» как подразделение.

¹⁸ Сохранить «Библиотеку поэта»! // Литературный Ленинград. 1934. № 59. 26 ноября. С. 4.

¹⁹ Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН). КГ-коу-6-28-1.

Формальные условия выхода «Библиотеки» не играют роли: она может выходить под любой советской маркой. Но она должна остаться библиотекой, как представляли себе ее Вы, какой она выработывалась в руках Ваших весьма опытных, знающих литературно-научных сотрудников <...> ясный и действительно важный вопрос о том — существовать «Библиотеке поэта» или погибнуть. А именно так стоит этот вопрос [13, с. 552–553].

Горький ответил в начале декабря неожиданным для Федина письмом, в котором резко критиковал книги серии «Библиотека поэта», указывая на расхождение с его изначальным замыслом:

Возвратимся к «началу начал». «Библиотека поэта» была задумана как история русской поэзии XVIII–XX века в образцах, биографиях, очерках эпох — именно так, а не иначе.

История всякого процесса имеет свое начало. Я неоднократно говорил и писал о том, что «Библиотеку поэта» следует начать с народной песни, с были, с Тредьяковского, т. е. — именно «научно» и строго хронологически. <...> От этого порядка и плана работы молча отказались. Работа сразу же приняла характер работы «по линии наименьшего сопротивления», по силе симпатии каждого «единоличника», по принципу «Всяк молодец на свой образец». Одному приятен Рылеев, другому — Державин, третьему — Бенедиктов. Получился хаос, который мне приходится наблюдать не только по линии этой работы [8, т. 30, с. 368].

Он ставил под сомнение и научные достижения ленинградцев:

...утверждается, что уже есть «твердые достижения». А я не верю в это, ибо таковые достижения могли бы явиться лишь в том случае, если работе была бы придана историческая последовательность в изображении процесса развития поэзии [8, т. 30, с. 368].

Горький утверждал, что совершенно не важно, где будет издаваться «Библиотека» — «в Ленинграде, Конотопе, Москве, Обдорске и других местах» [8, т. 30, с. 369] — имеют значение лишь сами принципы издания. Так, он писал:

...было бы крайне важно и очень полезно, если б обе группы, отказавшись от смешного, старенького, традиционного «партикуляризма», попытались объединиться и придать работе своей по

истории русской поэзии хотя бы и не очень «научный», но серьезный, стройный характер. Работа, по идее своей, заслуживает иного отношения, чем то, кое проявлено [8, т. 30, с. 369].

Написав письмо Федину, он отправил его в Москву вместе с предыдущими письмами от редколлегии «Библиотеки». Секретарь И.П. Ладыжников, получив соответствующее распоряжение Горького, перепечатал письмо и отправил его Федину, приписав: «На черновике письма подпись “М. Горький”. Письмо посылается Вам без подписи Алекс<ея> Макс<имовича>, так как посылка его в Крым для подписи заняла бы еще неделю времени»²⁰. В тот же день Горький писал П.П. Крючкову: «Письма ленинградцев по поводу “Библиотеки поэта” направлены Л.Б. Каменеву. Можно бы не посылать его мне, — что я могу сделать отсюда?» [4, с. 505]. Таким образом, он окончательно прекратил разговор с ленинградцами о «Библиотеке поэта».

Получив такое резкое письмо от Горького, Федин не сразу решился ответить. В конце декабря он написал:

...не думал, что вы так невысоко расцениваете «Библиотеку» и что редакция ее настолько отдалилась от вашего замысла <...> ее редактора никогда не излагали ее плана так, как он вырастает из вашего письма. Лично я представлял себе «Библиотеку» пособием для современного поэта. Вероятно, этим моим недоразумением порожден был излишне «воинственный» тон последнего моего письма, который — возможно — был вам неприятен [13, с. 554].

Итак, к концу 1934 г. Горький оказался совершенно недоволен серией. Отсутствие хронологического порядка в выпуске сборников, слишком долгая и кропотливая текстологическая и комментаторская работа, недостатки вступительных статей, а главное — изменение назначения издания, — все это противоречило изначальному замыслу писателя, высказанному в статье «О “Библиотеке поэта”». Осознавая ценность текстологической и комментаторской работы редколлегии, Горький находил стремление к такому высокому научному уровню неуместным для данного типа издания. Писатель не учитывал личного научного интереса филологов, их специализации, предполагая, что этим следовало пренебречь в пользу задачи книжной серии. В свою очередь, ученые не были готовы жертвовать качеством научной

²⁰ Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН). ПГ-рл-47-5-38.

работы ради требований Горького. Осмысля эту ситуацию в 1989 г., главный редактор «Библиотеки поэта» Ю.А. Андреев, писал:

Такая сложилась конфликтная ситуация: прав был Максим Горький, желая по возможности быстро передать ценности культуры молодым советским литераторам, которые настоятельно нуждались в литературной учебе, но правы были и ученые-филологи, которые в силу своей научной добросовестности не могли давать широким массам научно недостоверные тексты [1, с. 7].

Таким образом, в декабре 1934 г. «Библиотека поэта» как серия оказалась в сложном положении. Однако несмотря на всю неблагоприятность ситуации для ленинградского коллектива, в 1935 г. выпуск серии «Библиотека поэта» продолжился в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель», куда перешел почти весь коллектив «Издательства писателей». А.А. Беловицкая в 1971 г. объясняла это так:

Четкость и определенность общего замысла серии, ясность и огромность ее задачи, энергия и энтузиазм ее сотрудников, популярность изданий ее среди читателей — все это помогло отстоять «Библиотеку поэта», и она была оставлена самостоятельной редакцией в издательстве «Советский писатель» [5, с. 196].

Однако сейчас мы знаем, что в первую очередь сыграли роль вне-литературные и внеиздательские, сугубо политические обстоятельства. 16 декабря 1934 г. директор издательства «Academia» и давний политический оппонент И.В. Сталина Л.Б. Каменев был арестован по делу так называемого «Московского центра» и впоследствии расстрелян (реабилитирован по всем обвинениям в 1988 г.). Его арест был одним из первых, начавших волну репрессий после убийства С.М. Кирова. После этого само издательство «Academia» оказалось в крайне уязвимом положении, и единственным возможным решением было оставить «Библиотеку поэта» в «Советском писателе», в прежнем редакционном коллективе, достигнув компромисса между замыслом Горького и стремлениями ученых благодаря открытию Малой серии.

В «Литературной газете» 5 июля 1935 г. (№ 37) появилась заметка «Малая серия “Библиотеки поэта”», где указывалось, что планируется за два года издать 70 выпусков, охватывающих только русскую поэзию. Подчеркивалось, что книги будут выходить в по-

следовательно-хронологическом порядке. «В этом году, — сообщал корреспондент, — будет издано 8 выпусков. Первые два выпуска посвящаются памятникам русского фольклора. Тираж каждого выпуска — 20.000»²¹. Несмотря на то, что планы «Библиотеки поэта» менялись, Горький продолжал видеть серию как герметичное единство.

Книги Малой серии выпускались на основе тех материалов, которые были разработаны для изданий Большой серии, но принципы публикации были иными. Так, «Державин» изначально имел жанровый принцип отбора текстов, но в Малой серии стихотворения поэта были расположены в хронологическом порядке. Издания Малой серии были адресованы массовому читателю, в них значительно сократился объем комментариев и вступительных статей, изменился принцип отбора текстов — теперь это были избранные тексты, широко известные и художественно совершенные. Иным стал и характер примечаний — историко-литературные находки уступили место реальному комментарию. Кроме того, книги начали выходить последовательно, в соответствии с естественной историей поэзии, и были нумерованы. Однако осуществление подобного издания стало возможным только на базе той огромной научно-исследовательской, историко-литературной и текстологической работы, которая реализовалась в выпусках Большой серии «Библиотеки поэта».

Стремлением авторского коллектива наверстать упущенное, большим объемом готового материала и большей простотой подготовки «малых» сборников можно объяснить количество выпускаемых книг обеих серий. В год рождения Малой серии, 1935, было издано всего четыре сборника. В то время как нараставшая темпы и объемы Большая серия представила читателю восемь книг. Однако уже в 1936 г. количество маленьких томиков избранных стихотворений значительно увеличилось — 17 против пяти в Большой серии. Обратим внимание и на тиражи. Книги Большой серии в первом издании выходили в количестве 3,5–5,5 тыс. экземпляров. Сборники Малой серии были не только более компактными, но и более массовыми — 10–20 тыс. экземпляров.

Коллектив «Библиотеки поэта», продолжив работу на базе Ленинградского отделения «Советского писателя», тяжело переживал потерю собственного издательства, перемену отношения Горького и пошатнувшиеся позиции серии. А.Г. Островский вспоминал, что

---

²¹ Малая серия «Библиотеки поэта» // Литературная газета. 1935. № 37. 5 июля. С. 6.

Ю.Н. Тынянов на некоторое время отстранился от работы над Малой серией:

В первые год-два он отделялся стереотипной фразой: «Вы сами с ней справляетесь». Но вскоре выяснилось, что и здесь встает проблема «серийности»: однотипности статей и примечаний, выработки единых принципов отбора текстов и т. п. — словом, те же вопросы, которые вставали при начале издания Большой серии, только с учетом иного уровня читателя, требующего большей ясности изложения и четкости формулировок <...> Постепенно Юрий Николаевич привык к мысли, что Малая серия, так же как Большая, требует его постоянного внимания, и признал ее законным детищем «Библиотеки» [14, с. 184].

Горький успел увидеть первые книги Малой серии. Сотрудник редакции З.А. Никитина сообщила А.А. Беловицкой в частной беседе, что весной 1936 г. она передала несколько первых выпусков Малой серии писателю в Крым [5, с. 197]. В его Личной библиотеке хранятся следующие издания: два упомянутых тома «Русский фольклор», книга «Вирши. Силлабическая поэзия XVII–XVIII веков» (общ. ред. П. Беркова; ред. и примеч. Я. Барскова, П. Беркова и А. Докусова; вступ. ст. И. Розанова), сборник стихотворений В.К. Третьяковского, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова (ред. и примеч. П.Н. Беркова и Г.А. Гуковского; вступ. ст. П.Н. Беркова), поэзия Г.Р. Державина (статья, ред. и примеч. Г.А. Гуковского) [12, № 7561, 2541, 7560, 2777, 7559]. Мы не располагаем отзывом Горького об этих изданиях, однако учитывая, что Малая серия возвращала «Библиотеку поэта» к его изначальному замыслу, можно предположить, что писатель их одобрил.

В «Аннотированной библиографии “Библиотеки поэта”», изданной в 1960 г., о начале выпуска Малой серии было сказано: «С течением времени замечательный горьковский замысел расширялся и углублялся» [2, с. 5]. Однако очевидно, что этот формат значительно больше соответствовал тем установкам, которые были провозглашены в горьковской статье «О “Библиотеке поэта”», то есть Малую серию можно считать возвращением к изначальному замыслу Горького, а не его развитием. Первое издание Малой серии закончилось в 1947 г. книгой стихотворений М. Горького, что было своеобразной данью памяти основателю «Библиотеки поэта», хоть в итоге серия и переросла его изначальный замысел.

Книжная серия «Библиотека поэта», задуманная Горьким, но быстро преодолевшая границы замысла, стала не только масштаб-

ным сводом русской поэзии. Правила и стандарты текстологической и комментаторской работы, вырабатываемые в «Библиотеке поэта», существенно повлияли на все советское и российское научное книгоиздание, давая образец новым и новым поколениям специалистов. А.Г. Островский утверждал: «Для многих молодых литературоведов “Библиотека поэта” явилась школой исследовательской работы и выработки текстологических навыков» [4, с. 179]. Ученые, работавшие над книгами серии, высоко оценивали этот опыт. Л.А. Спиридонова, подготовившая несколько выпусков в 1960–1970-х гг., писала:

В «Библиотеке поэта» издание поэтических текстов было поставлено на очень высокий текстологический уровень. В частности, строго соблюдался принцип публикации созданных автором стихотворных циклов, сохранялись индивидуальные особенности стиля автора, была разработана система атрибуции поэтических текстов и принципы комментирования [17, с. 18].

«Библиотека поэта» стала настоящей литературоведческой и текстологической школой, повлияла на филологию, книгоиздание, редакторское дело, библиографию и преподавание литературы в СССР и современной России.

Литература

1. *Андреев Ю.А.* Прошлое, настоящее и будущее «Библиотеки поэта» // Библиотека поэта: Аннотированный библиографический указатель: 1933–1986 / сост. Т.С. Харьковина. Л.: Сов. писатель, 1987. С. 5–17.
2. Аннотированная библиография «Библиотеки поэта» / под ред. В.Н. Орлова. Л.: Сов. писатель, 1960. 236 с.
3. Архив А.М. Горького. М.: Наука, 1966. Т. 11: Переписка А.М. Горького с И.А. Груздевым. 384 с.
4. Архив А.М. Горького. М.: Наука, 1976. Т. 14: М. Горький. Неизданная переписка. 532 с.
5. *Беловицкая А.А.* Типология серийного издания художественной литературы. «Библиотека поэта» как серия: дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 409 с.
6. *Виноградов И.А.* О творчестве Державина // *Державин Г.Р.* Стихотворения. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. С. 19–43.
7. *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 1–22. М.: Наука, 1997–2022.
8. *Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1949–1955.
9. *Державин Г.Р.* Стихотворения. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. 563 с.

10. *Касович А.С., Познякова Е.В., Кабанова И.Э.* Константин Федин. Портрет издателя // Вопросы литературы. 2018. № 2. С. 92–126. DOI: 10.31425/0042-8795-2018-2-92-126
11. *Кукушкина Т.А.* К истории «Издательства писателей в Ленинграде» (1927–1934): Неизвестные эпизоды // Русская литература. 2020. № 2. С. 170–182. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-170-182
12. Личная библиотека А.М. Горького в Москве: Описание: в 2 кн. М.: Наука, 1981.
13. Литературное наследство. М.: АН СССР, 1963. Т. 70: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. 736 с.
14. *Островский А.* У истоков «Библиотеки поэта» // Воспоминания о Ю.Н. Тынянове: портреты и встречи. М.: Сов. писатель, 1983. С. 173–187.
15. *Свиченская М.К.* Кооперативные издательства Петрограда-Ленинграда (1917–1930 гг.): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. 386 с.
16. *Семенова Т.Б.* К истории «Издательства писателей в Ленинграде» // Константин Федин и его современники. Фединские чтения. Саратов: ИЦ «Наука», 2013. Вып. 5. С. 150–164.
17. *Спиридонова Л.А.* Текстология: теория и практика. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 256 с.
18. *Ходасевич В.Ф.* Научный камуфляж. Советский Державин. Горький о поэзии // *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2. С. 274–282.

Research Article and Publication of Archival Documents

M. Gorky and “The Poet’s Library” Book Series: Transformation of the Idea

© 2023. Anastasia G. Plotnikova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Abstract: The article describes Maxim Gorky’s role in the creation of “The Poet’s Library” series. The writer was the organizer and inspirational figure behind the project, but his attitude towards it changed from 1931 to 1936. Various creative, scientific, organizational and political factors influenced the development of the series. Gorky’s personal relationships with the following Leningrad writers — Konstantin Fedin, Ilya Gruzdev, Vissarion Sayanov, Mikhail Slonimsky and Yury Tynyanov — significantly influenced the destiny of the series. In a similar way, Gorky’s relationship with Lev Kamenev, the director of the Academia publishing house, also influenced the series development. Gorky expounded the initial concept of the series in his article “On the Poet’s Library,” which differed significantly from the books of the series published by the Publishing House of Leningrad Writers. In 1934, this created a conflict with the editorial office, which put into question the existence of the series. The innovative approach to the preparation of literary texts and historical and cultural commentary allowed “The Poet’s Library” series to be

published throughout the period of over 90 years. The books of the series became the exemplar of mass-scientific publication, and its editorial office became the school of Soviet textual criticism. The article is based on the huge corpus of research on this topic from the 20th and 21st centuries. Furthermore, the article uses materials from the correspondence between Gorky and staff of the publishing house, the Maxim Gorky Archives in Moscow, the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI) and the Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg (TsGALI).

Keywords: M. Gorky, “The Poet’s Library” series, Publishing House of Leningrad Writers, “Soviet writer” Publishing House, Russian poetry, book series, textology.

Information about the author: Anastasia G. Plotnikova — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1866-0608>

E-mail: aplotnikovaimli@gmail.com

For citation: Plotnikova, A.G. “M. Gorky and ‘The Poet’s Library’ Book Series: Transformation of the Idea.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (27), 2023, pp. 195–216. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-195-216>

References

1. Andreev, Iu.A. “Proshloe, nastoiashchee i budushchee ‘Biblioteki poeta’.” [“Past, Present and Future of ‘Poet’s Library’.”] *“Biblioteka poeta”: Annotirovannyi bibliograficheskii ukazatel’: 1933–1986* [“Poet’s Library”: Annotated Bibliographic Index: 1933–1986]. Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1987, pp. 5–17. (In Russ.)
2. Orlov, V.N., editor. *Annotirovannaia bibliografiia “Biblioteki poeta”* [Annotated Bibliography of “Poet’s Library”]. Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1960. 236 p. (In Russ.)
3. *Arkhiv A.M. Gor’kogo* [A.M. Gorky Archive], vol. 11: Peregiska A.M. Gor’kogo s I.A. Gruzdevym [Correspondence of A.M. Gorky and I.A. Gruzdev]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 384 p. (In Russ.)
4. *Arkhiv A.M. Gor’kogo* [A.M. Gorky Archive], vol. 14: M. Gor’kii. Neizdannaiia perepiska [M. Gorky. Unpublished Correspondence]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 532 p. (In Russ.)
5. Belovitskaia, A.A. “*Tipologiia seriinogo izdaniia khudozhestvennoi literatury. ‘Biblioteka poeta’ kak seriia*” [“Typology of the Serial Publication of Fiction. ‘Poet’s Library’ as a Series: PhD Dissertation]. Moscow, 1971. 409 p. (In Russ.)
6. Vinogradov, I.A. “O tvorchestve Derzhavina” [“On the Work of Derzhavin”]. Derzhavin, G.R. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Leningrad, Izdatel’stvo pisatelei v Leningrade Publ., 1933, pp. 19–43. (In Russ.)
7. Gor’kii, M. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis’ma: v 24 t.* [Complete Works. Letters: in 24 vols.], vols. 1–22. Moscow, Nauka, 1997–2022. (In Russ.)
8. Gor’kii, M. *Sobranie sochinenii: v 30 t.* [Collected Works: in 30 vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe Izdatel’stvo Khudozhestvennoi Literatury Publ., 1949–1955. (In Russ.)
9. Derzhavin, G.R. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Leningrad, Izdatel’stvo pisatelei v Leningrade Publ., 1933. 563 p. (In Russ.)

10. Kasovich, A.S., and E.V. Pozniakova, and I.E. Kabanova. “Konstantin Fedin. Portret izdatelia” [“Konstantin Fedin. Publisher’s Portrait”]. *Voprosy literatury*, no. 2, 2018, pp. 92–126. DOI: 10.31425/0042-8795-2018-2-92-126 (In Russ.)
11. Kukushkina, T.A. “K istorii ‘Izdatel’stva pisatelei v Leningrade’ (1927–1934): Neizvestnye epizody” [“On the History of the Publishing House of Writers in Leningrad (1927–1934): Unknown Episodes”]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2020, pp. 170–182. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-170-182 (In Russ.)
12. *Lichnaia biblioteka A.M. Gor’kogo v Moskve: Opisanie: v 2 kn. [Personal Library of A.M. Gorky in Moscow: Description: in 2 vols.]*. Moscow, Nauka Publ., 1981. (In Russ.)
13. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 70: Gor’kii i sovetskie pisateli. Neizdannaiia perepiska [Gorky and Soviet Writers. Unpublished Correspondence]. Moscow, Nauka Publ., 1963. 736 p. (In Russ.)
14. Ostrovskii, A. “U istokov ‘Biblioteki poeta’.” [“At the Origins of the ‘Poet’s Library’.”] *Vospominaniia o Iu.N. Tynianove: portrety i vstrechi [Memories of Yu.N. Tynyanov: Portraits and Meetings]*. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1983, pp. 173–187. (In Russ.)
15. Svichenskaia, M.K. *Kooperativnye izdatel’stva Petrograda–Leningrada (1917–1930 gg.) [Cooperative Publishing Houses of Petrograd-Leningrad (1917–1930): PhD Dissertation]*. St. Petersburg, 1995. 386 p. (In Russ.)
16. Semenova, T.B. “K istorii ‘Izdatel’stva pisatelei v Leningrade’.” [“On the History of the Publishing House of Writers in Leningrad”]. *Konstantin Fedin i ego sovremenniki. Fedinskie chteniia [Konstantin Fedin and His Contemporaries. Fedinsky Readings]*, issue 5. Saratov, Nauka Publ., 2013, pp. 150–164. (In Russ.)
17. Spiridonova, L.A. *Tekstologiya: teoriia i praktika [Textology: Theory and Practice]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 256 p. (In Russ.)
18. Khodasevich, V.F. “Nauchnyi kamufliazh. Sovetskii Derzhavin. Gor’kii o poezii” [“Scientific Camouflage. Soviet Derzhavin. Gorky on Poetry”]. Khodasevich, V.F. *Sobranie sochinenii: v 4 t. [Collected Works: in 4 vols.]*, vol. 2. Moscow, Soglasie Publ., 1996, pp. 274–282. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.12.2022
Одобрена после рецензирования: 12.01.2023
Дата публикации: 25.03.2023

The article was submitted: 01.12.2022
Approved after reviewing: 12.01.2023
Date of publication: 25.03.2023

Марризм и советская фольклористика (по материалам архива М.К. Азадовского)*

© 2023, К.М. Азадовский

Германская Академия языка и литературы, Дармштадт, Германия;
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Лингвистическое учение академика Н.Я. Марра, захватившее в 1930-е гг. советскую гуманитарную науку, в том числе литературоведение и фольклористику, знает несколько периодов: от безудержной апологии, достигшей наивысшего подъема в конце 1940-х, до полного разгрома в 1950 г. (после выступления Сталина на страницах «Правды»). Споры вокруг «палеонтологического метода» возобновились в эпоху Перестройки, причем большинство ученых в настоящее время признает его несостоятельным. Ниже публикуется свидетельство М.К. Азадовского (1888–1954), возглавлявшего в 1930-е гг. фольклорные исследования в Ленинграде (в Академии наук и Университете), причастного к основным событиям фольклористической жизни того времени и хорошо знакомого с ее участниками. Его письмо к московской фольклористке В.Ю. Крупнянской (1897–1985), написанное в мае 1952 г., представляет собой ретроспективную оценку марровского направления в фольклористике и содержит, кроме того, ответ на вопрос: кого из советских фольклористов можно причислить (и в какой степени) к школе Марра. Ошельмованный в 1949 г. и отовсюду уволенный, М.К. Азадовский не имел в ту пору возможности высказаться по этим вопросам публично. Тем не менее, ему удалось косвенным образом повлиять на содержание одной из «антимарровских» статей того времени («О порочных взглядах Н.Я. Марра и его последователей в области фольклористики»; автор — В.И. Чичеров). История этой статьи в журнале «Советская этнография» образует «интригу» со своими увлекательными подробностями.

Ключевые слова: Н.Я. Марр, марризм, яфетическая теория, фольклористика, Ю.М. Соколов, В.Ю. Крупнянская, «Советская этнография», В.М. Жирмунский, В.И. Чичеров.

Информация об авторе: Константин Маркович Азадовский — кандидат филологических наук, действительный член Германской Академии языка и литературы, Alexandraweg 28, 64287 Дармштадт, Германия; г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: azadovski@mail.ru

* Выражаю благодарность Т.Г. Ивановой за ценные советы и замечания. — *К.А.*

Для цитирования: *Азадовский К.М.* Марризм и советская фольклористика (по материалам архива М.К. Азадовского) // Литературный факт. 2023. № 1 (27). С. 217–245. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-217-245>

Личность и деятельность академика Н.Я. Марра (1864–1934), споры вокруг его имени и созданного им «нового учения о языке», «яфетическая теория», «палеонтологический метод», а также ситуация в гуманитарных науках (прежде всего — языкознании) после бурной «лингвистической дискуссии» 1949–1950 гг. и выступления Сталина в «Правде» — этим и другим близким темам посвящено в настоящее время немало исследований. Восприятие Марра и его трудов за последнее столетие неоднократно менялось: культ ученого, сложившийся в 1930-е гг. и достигший апогея к концу 1940-х, сменился (благодаря вмешательству «сверху») развенчанием ученого и оголтелой антимарристской кампанией начала 1950-х гг. И лишь в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в России начинается период вдумчивого (в целом критического) отношения и к самому ученому, и к его научному наследию¹.

Оставляя в стороне ряд аспектов, связанных с историей и теорией марризма, мы публикуем ниже документальное свидетельство одного из участников и очевидцев научной жизни 1930–1940-х гг., посвященное исключительно фольклористике.

Автор публикуемого текста — Марк Константинович Азадовский (1888–1954), советский фольклорист, руководивший в 1930–1940-е гг. работой по собиранию и исследованию фольклора в ленинградских научно-исследовательских институтах и возглавивший в 1934 г. кафедру фольклора, созданную по его инициативе при Ленинградском университете. К сожалению, научная и общественная деятельность Азадовского была искусственно прервана весной 1949 г. — в результате сталинских идеологических кампаний той эпохи. Ученый был подвергнут публичному шельмованию, изгнан из Пушкинского Дома, где заведовал Сектором фольклора, и лишен университетской кафедры (вскоре закрытой)².

¹ См.: [6, с. 222–231, 278–279]. На с. 278–279 данного издания имеется русская и зарубежная библиография (вплоть до начала 2000-х гг.). 1-е изд. книги вышло в 1991 г. Дополнительно см.: [19, с. 48–82; 13]; рец. на книгу Илизарова [13] см.: [9, с. 340–348; 11, с. 349–357; 18, с. 330–339].

² См. об этом подробно: [10, т. 2].

В 1930–1934 гг. М.К. Азадовскому (далее сокращенно — М.К.) не раз приходилось встречаться с Марром. Они были лично знакомы; их сближало общее участие в научной жизни того времени³. Не удивительно: создатель и директор Института языка и мышления (ранее — Яфетический институт), получившего в 1934 г. его имя, Марр занимал тогда одно из ведущих мест в советском академическом мире, а «яфетическая теория» господствовала во многих научных областях (мифология, археология, этнография, кавказоведение, востоковедение и др.); ее влияние распространялось также на литературоведение и фольклористику.

Не будучи учеником или последователем Марра, М.К. внимательно изучал его труды; более того: высоко их ценил. Судя по его выступлениям 1930-х гг., он воспринимал Марра как выдающегося ученого и не ставил под сомнение научность его палеонтологических изысканий. При этом немаловажную роль играло, конечно, признание Марра со стороны С.Ф. Ольденбурга и Л.Я. Штернберга, учителей и наставников Марка Азадовского еще в 1910-е гг.

Что привлекало ученого-фольклориста в марризме? В первую очередь, его новизна, «революционность». «Гениальный ученый и революционер в науке», — напишет в одной из своих статей М.К. [1, с. 119]. Это суждение о Марре объясняется отчасти тем, что М.К. в 1930-е гг. выступал как реформатор собственной науки (разумеется, в русле советской идеологии). Переломная эпоха требовала новых подходов во всех областях знания, и фольклористика не была исключением. Изучение языковых явлений на основе «социологического метода» и постоянное обращение к понятию «классовой сущности» заметно сближало марризм с марксизмом. Пытаясь в 1930-е гг. утвердить «новую фольклористику», отличную как от русской дореволюционной науки, так и от западноевропейских школ, М.К. с интересом следил за работой своих коллег из окружения Марра. При этом ему явно импонировали определенные стороны марризма, прежде всего — историзм, толкование языка как социально-исторического процесса. «Основное значение работ Н.Я. Марра, — повторял М.К., — в их историзме, в глубоком понимании единства исторического развития...» [4, с. 41, 45].

Конечно, М.К. было чуждо понимание фольклора как «реликта», возникшего в доисторическую эпоху. Признавая его архаическую природу, он в то же время содействовал собиранию и пропаганде

³ Например, работа над подготовкой юбилейного сборника в честь С.Ф. Ольденбурга, изданного в начале 1934 г. и открывающегося статьей Марра (М.К. был инициатором и составителем этого тома).

современного фольклора (городского, Гражданской войны, партизанского, Отечественной войны и т. д.), а в 1930-е гг. пытался обосновать роль и значение «нового», «советского» фольклора. Этот взгляд М.К. на фольклор («живая старина!») не мешал ему проявлять интерес к таким сторонам Маррова учения, как новая концепция индоевропейского этногенеза или модная вплоть до конца 1940-х гг. «теория стадильности». Плодотворным казалось также сближение фольклористических изучений с лингвистическими. И, наконец, М.К. поддерживал, разумеется, тезис об единстве фольклора и литературы, утвердившийся в 1920–1930-е гг. и подхваченный школой Марра. В первой из своих обзорных статей, посвященных истории советской фольклористики, М.К. сочувственно цитировал слова Марра о том, что «фольклор это литература доклассового общества» [25, с. 58].

В том же свете выделялся Марр и другим современникам. Как союзника воспринимал его, например, Ю.М. Соколов, возглавлявший в 1930-е гг. московскую фольклористику. «...Я дважды по фольклорным делам беседовал с Н.Я. Марром, — писал Соколов Азадовскому 2 марта 1932 г., — и встретил с его стороны полное сочувствие фольклористике и резкое осуждение тенденций т. Мишулина, директора МОГАИМК⁴, к сужению задач, к сведению широких вопросов по происхождению культуры к узкому техницизму»⁵. И далее (в том же письме): «В Институте Народов Советского Востока⁶ взял тему: “Учения Бюхера⁷, Веселовского, Плеханова и Марра о происхождении поэзии и искусства”. Это сопоставление теорий и выяснение их взаимоотношений меня давно интересует»⁸.

В 1932 г. М.К. подготовил — по заданию Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) — обзорную статью «Фольклористика в СССР за 15 лет 1918–1933»⁹. Последний раздел

⁴ Александр Васильевич Мишулин (1901–1948) — историк-антиковед, профессор МГУ, представлял в середине 1930-х гг. Московское отделение Государственной академии истории материальной культуры, созданной в 1919 г. и впоследствии неоднократно менявшей свое название (ныне — Институт археологии РАН).

⁵ Отдел рукописных фондов Государственного музея истории русской литературы им. В.И. Даля (далее — ГЛИМ). Ф. 50. № 363. Л. 31.

⁶ Научно-исследовательский институт народов советского Востока при ЦИК СССР (1930–1932).

⁷ Карл Бюхер (1847–1930) — немецкий экономист, историк народного хозяйства и статистик.

⁸ ГЛИМ. Ф. 50. № 363. Л. 31. См. также примеч. 28.

⁹ Статья появилась в сборнике ВОКС’а «Этнография, фольклор и археология в СССР», изданного на трех языках: английском, немецком и французском. В настоящей статье приводится по французскому изданию: [25, с. 40–61].

этой статьи, посвященный в основном яфетической теории Марра, содержал несколько критических реплик в отношении известного марристского сборника «Тристан и Исольда»¹⁰ — одного из наиболее известных коллективных трудов ленинградских «марристов».

В октябре 1933 г. академическая общественность отмечала 45-летие научной деятельности Марра. В связи с этим в ленинградском Институте антропологии, археологии и этнографии¹¹ был подготовлен юбилейный сборник, в нем принял участие и Азадовский. Иначе и не могло быть — М.К. был сотрудником этого института, во главе которого стоял с 1934 г. И.И. Мещанинов, ученик и приверженец Марра (одно время его секретарь). Однако 20 декабря 1934 г. Марр умер, и сборник из юбилейного превратился в посмертный. М.К. поместил в нем небольшую статью [2, с. 583–591], которая подтверждала, казалось, один из тезисов Марра и его школы: тождество литературных сюжетов, имеющих различное происхождение.

Темой своей статьи (М.К. называл ее то «заметкой», то «этюдом») ученый взял концовку романа Оммулевского¹² «Шаг за шагом» (1870), сопоставив ее с финалом незаконченного романа Ипполита Тэна «Этьен Мэйран»¹³. Оба писателя изображают, независимо друг от друга, один и тот же сюжет — «смерть атеиста». Герой Оммулевского, как и герой Тэна, умирает, отказавшись принять святое причастие. Это «замечательное совпадение» двух разных произведений у совершенно непохожих авторов, русского и французского, М.К. пытается толковать как закономерность, обусловленную содержанием конкретной эпохи, в которой соединились «религиозное вольнодумство французской буржуазии первой половины XIX в. и воинствующий материализм русского разночинства» [2, с. 588].

Является ли такое толкование «марристским»? Противник компаративизма¹⁴, Марр действительно предлагал анализировать сходные сюжеты «вне путей влияния и заимствования» [2, с. 591].

---

¹⁰ Тристан и Исольда. От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Афреврозии. Коллективный труд Сектора семантики мифа и фольклора / под ред. акад. Н.Я. Марра. Л.: Изд-во и тип. изд-ва АН СССР, 1932. 286, [2] с.

¹¹ Ныне Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера).

¹² Настоящие имя и фамилия: Иннокентий Васильевич Федоров (1836–1883) — поэт и прозаик; сибиряк.

¹³ В России отрывки из роман публиковались в журнале «Русская мысль» (1911. № 1. С. 103–128; № 2. С. 97–121; пер. Б. Рунт), а также в журнале «Вестник Европы» (1911. № 1. С. 158–219; пер. Ф.С.).

¹⁴ Имеется в виду сравнительный метод, сложившийся в западноевропейской науке XIX в. (труды Т. Бенфея, «финская школа» и др.); сводился, как правило, к сопоставлению «мигрирующих» сюжетов.

Именно это общее положение и побудило М.К. взяться за сюжет, по сути своей, вполне «компаративистский». Не говоря уже о том, что любой подход (и даже марристский) не может исключить случайных совпадений тех или иных мотивов у писателей-современников, принадлежащих к разным культурам. Это, конечно, понимал и М.К. Думается, что свой историко-литературный этюд, предназначенный для юбилейного сборника, он вынужден был все же «подтягивать» к теории Марра.

Статья, датированная февралем 1934 г.¹⁵, была завершена осенью 1933 г. (дата сдачи тома в набор 19 сентября), и Марр, по утверждению автора, успел ее просмотреть (и, видимо, одобрил)¹⁶.

После смерти ученого М.К. посвятил его памяти очерк-некролог, представляющий собой, в частности, попытку ответить на вопросы: в какой степени марровский метод приложим к изучению фольклора? Можно ли говорить об яфетической фольклористике? Полагая, что труды Марра в целом это выход из «компаративистского тупика»¹⁷, М.К. подчеркивал значение яфетической теории, якобы подводящей «прочную базу под проблему странствования и заимствования сюжетов» [3, с. 13], и при этом акцентировал связь Марра с русской дореволюционной наукой, писал о влиянии на Марра «Исторической поэтики» А.Н. Веселовского и т. д.

Содержащая ряд весомых обобщений, статья «Памяти Марра» не свободна от официозной стилистики 1930-х гг. — разного рода «клише» и «штампов», без которых не могла обойтись в то время ни одна научная публикация. «...Марру, — читаем, например, в некрологе, написанном М.К., — удалось работать в великую эпоху создания новых идеалов и новых культурных ценностей. Реализовать свои великие возможности позволила Марру наша эпоха, вновь поставившая перед человечеством грандиозные задачи» и т. п. [3, с. 13].

¹⁵ См.: [2, с. 591].

¹⁶ Об этом упоминает М.К., отвечая этнографу Н.Н. Волкову, обвинившему его в 1936 г. в ненаучности доводов и пропаганде И. Тэна как одного из провозвестников современного фашизма и «злейшего реакционера». Николай Николаевич Волков (1904–1953), этнограф; учился в аспирантуре ЛГУ; в 1931–1935 гг. — сотрудник НКВД. В 1935–1941 гг. — научный сотрудник Института археологии и этнографии (Ленинград). В 1947 г. арестован и осужден, позднее реабилитирован. См.: [17, с. 153].

¹⁷ «Сходство каких-либо легенд или преданий или сказок никогда не заставляет Марра делать вывода о заимствовании одного сюжета тем или иным народом у другого, — подчеркивал М.К. <...> — Задача <исследователя> — вскрыть “древнюю подпочву” этих легенд, палеонтологическим анализом прошупать ее пути и таким образом определить ее начало в глубине яфетической стадии» [3, с. 13].

К вопросу о влиянии Марра на советскую фольклористику М.К. вернется в своей второй обзорной статье (1937), открывающейся со ссылки на одно из высказываний ученого; его роли в современной науке здесь также посвящен отдельный раздел. Констатируя воздействие марристских идей на работу советских фольклористов (правда, лишь «в некоторых участках» [4, с. 43]) и вспоминая о разработанном в трудах Марра «принципе стадияльных схем в развитии языка и мышления» [4, с. 46], М.К. делал вывод:

Эти воззрения Марра уже успели оказать глубочайшее влияние на фольклористику и литературоведение. Мы имеем уже ряд работ как теоретических, так и конкретных исследований, пытающихся применить эту точку зрения к анализу тех или иных фольклорных историко-литературных явлений. Таковы работы В. Петрова, новейшие работы В.М. Жирмунского и др. [4, с. 46]¹⁸.

Высоко оценивая научные заслуги Марра, Азадовской отводит ему в истории русской фольклористики почетное место: рядом с С.Ф. Ольденбургом и А.Н. Веселовским: «Я совершенно сознательно ставлю его <А.Н. Веселовского> имя вслед за именем Н.Я. Марра. Они тесно связаны между собою» [4, с. 47].

В обзорной статье 1937 г., как и в предыдущей, не затрагивался, однако, принципиально важный вопрос: отразилась ли (и в какой степени) «яфетическая теория» в трудах советских фольклористов? Этот вопрос поднимется со всей остротой спустя полтора десятилетия — в период развенчания Марра, и М.К. даст на него подробный ответ, изложив его в специальном приложении к письму, адресованному В.Ю. Крупянской¹⁹ (дата — 24 мая 1952 г.).

Этот не предназначенный для печати текст возник в связи с тем, что весной 1952 г., когда «антимарристская» кампания уже, казалось, утратила свою остроту — фольклорист В.И. Чичеров (1907–1957), заведующий Сектором славяно-русской этнографии и фольклора в Институте этнографии Академии наук СССР и член редколлегии журнала «Советская этнография», написал (видимо, заказную) статью о марризме в советской фольклористике. «Драматургия» сюжета заключалась в том, что в недавнем прошлом именно Чичеров принадлежал к тем советским фольклористам, которые пропагандирова-

¹⁸ О «марризме» В.П. Петрова и В.М. Жирмунского см. далее (примеч. 31 и 70–72).

¹⁹ Вера Юрьевна Крупянская (1897–1985) — фольклорист, этнограф; научный сотрудник Института этнографии РАН. Близкий друг М.К. и Л.В. Азадовских.

ли учение Марра, охотно ссылались на его труды и причисляли себя к его последователям. Теперь же — после низвержения Марра — ему, как и другим ученым, оказавшимся в аналогичном положении, пришлось принять участие в развенчании «лже-науки».

О том, что такая статья готовится, М.К. узнал еще в начале 1952 г. и ждал ее появления с некоторой тревогой, опасаясь, что Чичеров, воспользовавшись ситуацией, изобразит его адептом Марра в советской фольклористике:

Сам он <В.И. Чичеров> пишет, как я слышал от Левы²⁰, статью: «Марр и фольклористика» или что-то еще в этом роде. Неужели опять начнется с моей статьи, которая, к тому же, никогда не была марристской, а содержала только объективное изложение его учения и констатировала, что пока это учение ничего не дало науке о фольклоре, — хотя последней и нужно было бы опереться в некоторой части на него²¹. Но в этой же статье впервые была дана решительная критика марристского сборника «Тристан и Изольда»²².

Очевидно, что статья Чичерова, написанная весной 1952 г., содержала в первоначальной редакции хлесткие, даже оскорбительные выпады против крупных ученых (в частности, Азадовского) — настолько, что вызвала сомнения у дирекции Института этнографии. Отправленная в печать и уже набранная статья была остановлена и передана на отзыв В.Ю. Крупянской, научному сотруднику того же института.

Статья произвела на Крупянскую удручающее впечатление, и, готовясь написать отзыв, она обратилась к М.К. и просила помочь ей разобраться в вопросе о влиянии Марра на советскую фольклористику. «...Ничего более бесстыдного я давно не видела», — писала Вера Юрьевна 25 мая 1952 г., сообщая о порученной ей рецензии:

Есть вещи, которые нельзя спускать. Такое же впечатление эта статья произвела на Вирсаладзе²³, которая сегодня была у нас

²⁰ Имеется в виду историк и фольклорист Л.Н. Пушкарев (1918–2019), в то время — научный сотрудник Института истории АН СССР.

²¹ Вероятно, М.К. имеет в виду свою статью в сборнике ВОКСа (см. примеч. 9), в которой упоминалось о «поспешных и поверхностных обобщениях» в отдельных статьях сборника «Тристан и Иольда» [25, с. 59].

²² Письмо М.К. к В.Ю. Крупянской от 20 февраля 1952 г.

²³ Елена Багратовна Вирсаладзе (1911–1977) — грузинская фольклористка, аспирантка М.К. Азадовского в середине 1930-х гг., научный сотрудник Института грузинской литературы имени Руставели (с 1936 г.).

в Институте, и В<ладимир> И<ванович>²⁴ давал ей прочесть эту статью. <...> Силлогизм В<ладимира> И<вановича> таков. Марр испытал сильное влияние Веселовского, в своих основах по вопросам происхождения исходного источника творчества они сходятся. Непомерно раздутый авторитет Марра, его мнимый марксизм поддерживал учение Веселовского²⁵ и таких ученых, как Миллер, Аничков и др.<угие>, давая им <путевку в жизнь>. Таково косвенное воздействие Марра, опиравшегося на Веселовского, след<овательно> и Марра на советскую фольклористику. Апологеты Веселовского тем самым апологеты и Марра²⁶. А затем идет раскрытие самих взглядов Марра на фольклор как на реликт, ограничивающийся рамками доклассового общества разобщенность фольклорно-литературного процесса, положение о стадияльно-исторических сменах, взгляд на религиозный миф как на исток народно-поэтического творчества и т. д. Причем все это в намеках и передержках в отношении фольклористики и ее представителей. Получается впечатление, что в ней царило полное засилье Марра, но ведь на самом деле этого не было. Весь пафос советской фольклористики совсем в ином. Ужасно эта статья подло написана. Я жду Ваших соображений. Боюсь, что у меня не хватит эрудиции как следует обосновать свою позицию²⁷.

М.К. ответил обстоятельным письмом, щедро поделившись своими «соображениями». Полный текст письма (два экземпляра машинописи с авторской правкой) хранится в семейном архиве Азадовских (Санкт-Петербург); все материалы этого архива приводятся без отсылок.

Имена известных русских ученых-фольклористов (Н.П. Андреев, Е.В. Аничков, А.М. Астахова, Д.К. Зеленин, В.Ф. Миллер, В.Я. Пропп, Ю.М. Соколов) не комментируются.

---

²⁴ В.И. Чичеров.

²⁵ Марр действительно испытал в юности влияние трудов А.Н. Веселовского и позднее сам свидетельствовал об этом (см.: [24, с. 321–343]). Это подчеркивал и М.К. (см. выше).

²⁶ Тезис о близости к Веселовскому использовался в те годы как дополнительное доказательство научной несостоятельности Марра. Выдающийся филолог, академик и профессор Санкт-Петербургского университета, основоположник русской компаративистики, Веселовский был подвергнут в 1947 г. ожесточенной критике, а ученые, пропагандировавшие его наследие (среди них — профессора ЛГУ: М.К. Азадовский, М.П. Алексеев, В.М. Жирмунский и др.), заклеены как идейные и политические отщепенцы. См.: [5, с. 89–98; 10, т. 2, с. 345–364, (глава «Школа А.Н. Веселовского: формализм, компаративизм, космополитизм»)].

²⁷ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 542. Карт. 64. Ед. хр. 12. Л. 48.

***

Отвечаю на Ваши вопросы. Можно ли говорить о марристской фольклористике? Нужно различать две или даже три группы работ, статей и высказываний. С одной стороны, статьи по поводу теории Марра, об ее общем значении и возможности и необходимости учесть ее в работах по фольклору; вторая — статьи, пытающиеся обосновать теорию Марра на фольклорном материале; и третья — работы, освещающие отдельные вопросы фольклора с помощью марровской методологии. К первой группе относятся статьи Азадовского и Соколова²⁸); ранее их — Лозанова²⁹ (Советская этнография, 1932, № 2). Ей, в сущности, и принадлежит приоритет в этом вопросе³⁰. Ко второй — статьи Петрова³¹, к третьей, наиболее многочисленной, — книга Проппа³², сб<орник> «Язык и литература», т. VIII,

²⁸ См.: [20, с. 112–115]. На указанных страницах говорится о палеонтологическом методе Марра, «великого ученого», раскрывшего процесс образования мифов, о влиянии его идей на фольклорные изучения устной поэзии на «первоначальных стадиях» и т. д. «...Весь характер научно-творческой деятельности Н.Я. Марра, — подытоживал Ю.М. Соколов, — показывает, что перед советской фольклористикой раскрыты очень широкие горизонты при дальнейшем и углубленном освоении методологии Марра» [20, с. 114].

²⁹ Александра Николаевна Лозанова (1896–1968) — фольклорист, в 1934–1939 гг. — научный сотрудник Института антропологии и этнографии (см. примеч. 11), позднее — Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

³⁰ В этом номере «Советской этнографии» опубликована статья А.Н. Лозановой «К ближайшим задачам советской фольклористики» (с. 1–23), написанная с целью привлечь внимание к «яфетической теории»: «...Фольклористика должна поставить вопрос об использовании всего того, что дает яфетидология как в области материала, так и в области его обработки, в области нового, свежего, революционного подхода к нему» (с. 19) и т. п.

³¹ Виктор Платонович Петров (1894–1965) — украинский филолог и культуролог, фольклорист, писатель. Незадолго до войны занимал пост директора Института украинского фольклора (ныне — Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии имени М.Ф. Рильского). Согласно некоторым современным источникам, в 1930–1940-е гг. был агентом НКВД.

М.К. Азадовскому наверняка были известны следующие статьи Петрова: «К вопросу о генетическом изучении охотничьих игр» (Советская этнография. 1935. № 6. С. 140–177); «Буржуазная фольклористика и проблема стадильности» (Советский фольклор. 1936. № 2–3. С. 31–49); «Заговоры» (статья, написанная для несостоявшегося трехтомника «Русский фольклор»; впервые опубликована в 1981 г.), а также — статьи в журнале «Етнографічний вісник» (Петров редактировал это издание). Список научных работ В.П. Петрова см. в изд.: *Петров В.П.* Язык. Этнос. Фольклор: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1966. С. 54–60.

³² Современная исследовательница полагает, что стадильный подход к исследованию фольклора Пропп впервые применил в статье «К вопросу о происхождении волшебной сказки. Волшебное дерево на могиле» (Советская этнография. 1934. № 1–2. С. 125–151), а позднее — в книге «Исторические корни волшебной сказки» (Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. 341 с.). См.: [22, с. 107–108] (раздел «Пропп и Марр»).

под ред.<акцией> Н.П. Андреева³³ (не все статьи в нем, а некоторые); работы О.М. Фрейденберг³⁴, И.Г. Франк-Каменецкого³⁵, особенно и главным образом, статьи Н.С. Державина³⁶; некоторые работы Д.К. Зеленина («О религиозно-магической функции сказок» и «О магической функции слов и словесных произведений»)³⁷ — впрочем, у Зеленина теория Марра использована чисто механически и даже, скорее, мимикрически; во все эти три раздела включается и имя... Чичерова.

Азадовский писал о Марре два раза. Как будто, более уже он нигде не говорил и не упоминал о Марре³⁸.

Второй раз — в статье «Советская фольклористика за 20 лет».

Но к каждому вопросу нужно подходить исторически. Языковая теория Марра не только не была разгромлена в то время, но даже и не критиковалась. На ней был ореол передовой теории — естественно, что фольклористика в лице ее ведущих работников должна была поставить вопрос о значении этой теории и в науке о фольклоре

---

³³ Язык и литература. Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1932. Т. VIII. 272 с. В сборнике статьи 13-ти авторов, среди них — М.К. Азадовский, В.М. Жирмунский, А.Н. Лозанова, С.Я. Лурье, И.И. Толстой, Иос. М. Троцкий (Тронский), И.Г. Франк-Каменецкий, О.М. Фрейденберг и др.

³⁴ Ольга Михайловна Фрейденберг (1890–1955) — филолог-классик, культуролог, мемуарист. Двоюродная сестра Бориса Пастернака. Последовательница Марра (в 1920–1930-е гг.), автор ярких и «личностных» воспоминаний о нем (см.: [23, с. 178–204]). М.К. был знаком и переписывался с О.М. Фрейденберг.

³⁵ Израиль Григорьевич Франк-Каменецкий (1880–1937) — филолог, египтолог и гебраист. Возглавлял Сектор семантики, мифа и фольклора в Институте языка и мышления. Погиб в дорожной катастрофе. В статье «Советская фольклористика за 20 лет» М.К. упоминает о нем как о «трагически погибшем талантливым ученом» [4, с. 43].

³⁶ Возглавлявший с 1925 г. кафедру славянской филологии в Ленинградском университете, Н.С. Державин был сторонником Марра и пользовался его поддержкой. При активном содействии Марра был избран в 1931 г. действительным членом Академии наук. См. составленные Марром «Записки об ученых трудах действительных членов АН СССР по Отделению общественных наук, избранных в 1931 и 1932 годах» (Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 47 с.). В этой «Записке», сообщает биограф Державина, «особо отмечалось значение его работ по яфетидологии, по новому учению о языке» (*Берков П.Н.* Краткая характеристика научной, педагогической и общественной деятельности [Н.С. Державина] // Николай Севастьянович Державин / вступ. ст. П.Н. Беркова, сост. Н.М. Асафова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 14–15). См. также: [8, с. 76–82] и примеч. 58.

³⁷ Статья Д.К. Зеленина «Религиозно-магическая функция фольклорных сказок» опубликована в сб.: С.Ф. Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности (1882—1932). Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 215–240; статья «Магическая функция слов и словесных произведений» в кн.: Академику Н.Я. Марру. XLV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 507–516.

³⁸ В действительности, чаще, если учитывать обзорную статью «Советская фольклористика за пятнадцать лет» (см. примеч. 9) и статью «Об одном сюжетном совпадении» [2, 583–591], не говоря уже о многократных упоминаниях о Марре в лекциях и публичных выступлениях М.К.

и, во всяком случае, уяснить те возможности, какие она открывала (если открывала) для этой науки. Они не могли этого не сделать; не остановиться на проблемах, выдвинутых школой Марра, значило бы отгородиться от современного движения в науке. Подвергнуть же резкой критике и «разоблачить» эту теорию *своими силами* фольклористы, конечно, не смогли бы. Для этого нужно было предварительно раскрыть порочность лингвистической теории Марра. А это было сделано только в 1950 г.³⁹ Азадовский, Соколов, Андреев и другие, ставившие вопрос о теории Марра и пытавшиеся выяснить те возможности, какие она дает фольклористической науке, останавливались на следующих моментах: их привлекали те заявления, те задачи, какие формулировала школа Марра, вернее, сам Марр.

Азадовский указывал на стремление Марра к историчности, на его стремление мыслить процессы развития языка и литературы исключительно на основе марксистской теории, на объединение языковых и фольклорных изучений, наконец, на его решительную борьбу с компаративизмом. И ему, и Соколову, и Андрееву казалось, что Марру удастся реализовать на специфическом материале основной принцип марксистского понимания исторического процесса. На эту сторону обращал внимание и В.И. Чичеров (см.: Русск<ое> нар<одное> творч<ество>, 1949, стр. 9)⁴⁰.

Юрий Матвеевич⁴¹ также подчеркивал удар, нанесенный Марром индоевропейской компаративистике и, вообще, формалистическому компаративизму; наконец, Соколов подчеркивал значение семантического момента в языковых исследованиях⁴².

---

³⁹ Имеется в виду «порочность» с точки зрения Сталина, автора статьи «Относительно марксизма в языкознании» (Правда. 1950. № 171. 20 июня. С. 3–4). Издана (вместе с ответами Сталина на письма в «Правду») массовой брошюрой под названием «Марксизм и вопросы языкознания» (1950). Появление этой статьи М.К. воспринял в 1950 г. одобрительно, считая ее полезной и своевременной.

⁴⁰ У Чичерова сказано: «Многие произведения фольклора во всей их глубине можно понять, только сопоставив их с данными истории культуры и с фактами истории народа» (Чичеров В.И. Русское народное творчество (фольклор). Конспект курса для студентов-заочников педагогических институтов. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1949. С. 9). При этом Чичеров ссылается на известную работу Марра «Иштарь» (см.: Марр Н.Я. Иштарь (от богини матриархальной Афреварзии до героини любви феодальной Европы) // Яфетический сборник. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Т. 5. С. 109–178).

⁴¹ Ю.М. Соколов.

⁴² «Сосредоточивая свое главное внимание на семантической (смысловой) стороне слова, Н.Я. Марр прослеживал возникновение и развитие слов в теснейшей связи с возникновением понятий и представлений» [20, с. 113]. М.К., со своей стороны, называл «семантику» основным элементом марризма (наряду с «палеонтологией» и «стадиальностью») — тем «материалом», из которого строится марризм как теория [3, с. 13].

Т<аким> о<бразом>, эти фольклористы очень внимательно прислушивались к заявлениям Марра, т. е. к тем задачам, которые он ставил, но они же очень решительно *отвергли* практические опыты решения этих проблем. На практике оказалось, что марристы очень узко понимают проблему фольклора, что они сводят все «к реликтам», что они, наконец, абсолютно игнорируют общественное, социальное значение произведений народного творчества и совершенно игнорируют их художественную сторону. Палеонтологический же анализ оказался лишь реставрацией архаических методов старой фольклористики. На дискуссии, которая была организована в Ленинграде⁴³, ленинградские фольклористы (Азадовский, Андреев, Астахова, Никифоров⁴⁴ и нек<оторые> др<угие>) выступали с энергичным протестом против концепций марристов («Сов<етская> этнография», 1932, № 3)⁴⁵; об этом упоминает и Ю.М. Соколов в своем учебнике (стр. 115)⁴⁶.

⁴³ Имеется в виду дискуссия о сущности и задачах фольклора в ленинградском Институте речевой культуры 11 июня 1931 г. В основу заседания были положены два доклада: В.М. Жирмунского и О.М. Фрейденберг. В прениях участвовали М.К. Азадовский, Н.П. Андреев, В.А. Десницкий, С.Ф. Ольденбург, И.Г. Франк-Каменецкий. Жирмунский трактовал фольклор как совокупность реликтовых явлений, бытующих в отсталых группах населения; Фрейденберг же в своем «содокладе» трактовала фольклор как идеологический продукт бесклассового общества. Такая точка зрения была не приемлема для Азадовского, воспринимавшего фольклор как голос не только прошлого, но и настоящего. Его выступление, «затронув ряд существеннейших вопросов, явилось как бы третьим содокладом» (Астахова А.М. Дискуссия о сущности и задачах фольклора в Ленинградском Институте речевой культуры (ИРК) 11 июня 1931 г. // Советская этнография. 1931. № 3–4. С. 240). Подчеркнув, что доклад Жирмунского и «контр-доклад» Фрейденберг во многом сближаются, М.К. высказал сомнение в оправданности термина «реликт», который, на его взгляд, совершенно снимает проблему современного фольклора «в его социальной заостренности и глубокой связи со средой и текущим политическим днем» и не объясняет также происхождение фольклора (Там же. С. 241).

Этот острый фольклорный диспут в Институте речевой культуры (ИРКе) Т.Г. Иванова назвала «одним из последних проявлений свободы фольклористической мысли» [12, с. 518]. Идеологический диктат, сполна проявивший себя в последующие годы во всех областях гуманитарной науки, требовал единства по принципиальным вопросам, и подобное расхождение позиций (в публичной дискуссии) станет вскоре фактически невозможным.

⁴⁴ Александр Исаакович Никифоров (1893–1942) — фольклорист, этнограф. Профессор Ленинградского педагогического института.

⁴⁵ Видимо, ошибка М.К. Имеется в виду статья А.М. Астаховой в № 3–4 «Советской этнографии» за 1931 г., представляющая собой подробный отчет о дискуссии в ИРКе (см. примеч. 43). Другой отчет (на основании статьи Астаховой), подписанный П.Г. Богатыревым, появился на немецком языке (*P. <Bogatyrev>. Was ist Folklore? // Slavische Rundschau. 1933. Jg. V. Nr. 3. S. 183–186.*)

⁴⁶ «На дискуссии, организованной в Ленинграде в 1932 г., положения, защищаемые проф. И.Г. Франк-Каменецким, проф. О.М. Фрейденберг и частично проф. В.М. Жирмунским, встретили отпор со стороны проф. М.К. Азадовского, проф. Н.П. Андреева, А.М. Астаховой и др.» [20, с. 115].

Азадовский первый (и, кажется, единственный?) выступил печатно (в тех же статьях) против центрального сборника марристов «Тристан и Изольда»⁴⁷, а также — против других работ основных участников этого сборника (О.М. Фрейденберг, И.Г. Франк-Каменецкого). И Азадовский, и другие указывали (главным образом первый), что об «яфетической фольклористике» говорить еще преждевременно, что основные фольклорные работы, вышедшие из этой школы, имеют дискуссионный характер и порочны по своей сущности⁴⁸.

Но самое важное, что в конкретных исследованиях Ю.М. Соколова, Азадовского, Андреева ни в какой, хотя бы самой минимальной степени *не отразилось учение Марра*, — он нигде даже просто не упоминается и не цитируется.

Прямое влияние методологии Марра можно отметить лишь в работах Проппа, В.П. Петрова и Чичерова. Остальные, находившиеся под влиянием Марра фольклористы, в сущности, были «чужие» люди в фольклоре; к проблемам фольклора они подходили со стороны: это были античники — Лурье⁴⁹, Толстой⁵⁰, Фрейденберг, египтологи — Францев⁵¹, Лившиц⁵², И.Г. Франк-Каменецкий⁵³ и т. д. Под сильным влиянием Марра находились кавказоведы, но опять-таки, прямые ученики Азадовского и Соколова все оказались чуждыми этому влиянию, и из их рядов не вышло ни одной марристовской работы; даже кавказоведы, учившиеся у них, оказались не зараженными марризмом, как, напр<имер>, Е.Б. Вирсаладзе, значительно отличающиеся

⁴⁷ См. примеч. 10.

⁴⁸ Это утверждение М.К. требует уточнений. Действительно, в своих обзорных статьях, посвященных советской фольклористике (1933, 1939), он уделяет особое внимание сборнику «Тристан и Изольда», однако дает ему в целом высокую оценку.

⁴⁹ Соломон Яковлевич Лурье (1890–1964) — филолог-эллинист, историк античности. «Палеонтологическая» основа усматривается в его статье «Дом в лесу» (см.: Язык и литература. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. Т. 8. С. 159–194).

⁵⁰ Иван Иванович Толстой (1880–1954) — филолог-классик, профессор ЛГУ (1937–1954); академик (1946). См.: *Толстой И.И.* Статьи о фольклоре / вступ. ст. В.Я. Проппа. М.; Л.: Наука, 1966. 249 с.

⁵¹ Георгий (Юрий) Павлович Францев (Францов; 1903–1969) — египтолог, автор работ по истории религий.

⁵² Исаак Григорьевич Лившиц (1896–1970) — египтолог, историк, лингвист.

⁵³ Современная фольклористика вполне признает научное значение работ, созданных «чужими людьми». Приведем мнение одного из наиболее авторитетных ученых-фольклористов новейшего времени: «Некоторые весьма спорные, но богатые интересными мыслями опыты типологического изучения фольклора предпринимались и с позиций марризма (И.Г. Франк-Каменецкий, О.А. Фрейденберг). Методологическая ценность этих работ заключалась в стремлении включить в историческую типологию жанров и сюжетов (пусть преобразованную в довольно фантастическую марровскую “палеонтологию”) изучение мифологической семантики и понять в связи с этой семантикой метафорическую природу архаических фольклорных сюжетов...» [16, с. 386].

этим от остальных своих товарищей⁵⁴. Единственным исключением из этого ряда является В.И. Чичеров, *выступивший* в 193 (2<-м> или 3<-м>) году с докладом об отголосках мифа об Иштари в русском былевом эпосе. Этот доклад представлял собою развитие основных положений сборника «Тристан и Изольда»⁵⁵; при обсуждении этого доклада в Москве он подвергся резкой критике со стороны Ю.М. Соколова; доклад этот был позже передан в редакцию «Сов<етского> Фольклора» для печати, но последнею был отвергнут и возвращен автору (к сожалению, не напечатано!! и автор его спасен)⁵⁶, но факт остается фактом: о чтении этого доклада были заметки в печати, не помню точно, где именно. В конспективном изложении вошло в его «методичку» — см. далее⁵⁷.

Т<аким> о<бразом>, только разве Н.П. Андрееву можно поставить некоторый упрек по этой линии, ибо он явился редактором сборника «Язык и литература», кн<ига> VIII (1932), который был, действительно, наполовину пронизан и пропитан марризмом: статьи Фрейденберг, Каменецкого и др. — но сам Н.П. Андреев никаких статей в марристском духе не печатал.

⁵⁴ «Впрочем, не знаю: не был ли учеником Ю<рия> М<атвееви>ча *Талпа*, автор статьи “Марр и фольклор” в “Лит<ературно>м критике”. Талпа — составитель сборника “Кабардинский фольклор?”» (примеч. М.К. Азадовского).

Михаил Евгеньевич Талпа (1894–1937, расстрелян) — фольклорист, переводчик; собиратель и исследователь кабардинского фольклора. Упоминается его статья «Учение Н.Я. Марра и фольклористика» (Литературный критик. 1937. № 3. С. 130–160).

⁵⁵ См. примеч. 10.

⁵⁶ Для какого именно номера «Советского фольклора» предполагался доклад Чичерова, установить не удалось. (В 1934–1941 гг. вышло семь сборников; восьмой, уже подготовленный к печати, не состоялся. Ответственным редактором всех выпусков был М.К.) Данная работа В.И. Чичерова осталась, по всей видимости, неопубликованной.

«У меня хранится и по сей час, — писал М.К. 20 февраля 1952 г. В.Ю. Крупянской, сообщая об этой статье Чичерова, — папка с написанным его рукой заглавием статьи. Хранится где-то (надо поискать) и *конспект* этой статьи, к<ото>рый я составил, — кажется, для доклада дирекции о присланных статьях. Статью эту я вернул ему и посоветовал в письме оставить эту тематику. Вот о чем надо сейчас пожалеть. Помнит ли он об этой услуге моей, оказанной ему?! Можно сказать, услуге исторической!!»

⁵⁷ Имеется в виду составленное В.И. Чичеровым пособие «Программа и конспект курса с методическими указаниями для заочников педагогических институтов. Факультет литературы и языка. Фольклор» (М.: Наркомпрос РСФСР, 1940. 112 с.); о Марре и его работе «Иштар» — см. на с. 12, 24, 30–31, 41. Сохранился экземпляр «Программы...» с дарственной надписью: «Дорогому Марку Константиновичу — первый экземпляр — с любовью и уважением. В. Чичеров». Ниже — приписка (той же рукой): «Раздел “Триммы” был написан Юрием Матвеевичем». См. также примеч. 69.

Энергичным проводником идей марризма в фольклоре (вне основной группы марристов) был *Державин Н.С.* с циклом нелепых статей его о славянском фольклоре, Илье-Громовике и пр. и пр.⁵⁸. Эти статьи пропагандировались и в «Сов<етской> Этнографии» под ред<акцией> С.П. Толстова⁵⁹.

Работу Н. Марра «Иштарь» Чичеров включал в число основных теоретических работ, рекомендуя ее наравне с работами Лафарга, Горького и др. См.: Рус<ское> нар<одное> творчество: конспект курса для заочников 1939⁶⁰, стр. 9; см. также: *В. Чичеров*. Программа и конспект курса с методологическими указаниями для заочников университетов. Фольклор. Наркомпрос, 1943, стр. 12 (рекомендация в качестве пособия для вопросов о связи фольклора и истории статьи <в статье?> Марра «Иштарь»⁶¹). Анализ образов свадебной поэзии дается в этом пособии *исключительно* на основе работ Н.Я. Марра (там же, стр. 26). Как основоположные для фольклориста в данном случае упоминаются статьи: «Язык и мышление», «Средства передвижения...»⁶².

С позиций школы Марра объясняет Чичеров в данном пособии (для заочников!) и происхождение сказочных мотивов (наз<ванное> соч<инение>⁶³, стр. 35; опять та же пресловутая «Иштарь»). Эта же работа приводится как основная при анализе русских былин,

⁵⁸ Имеются в виду «марристские» работы Н.С. Державина на рубеже 1920–1930-х гг.: Яфетические переживания в протемеидской славянской традиции (Язык и литература. Л.: [Б. и.], 1929. Т. 3. С. 1–58); Яфетическая теория академика Н.Я. Марра (Научное слово. 1930. № 1. С. 3–39; № 2. С. 3–37); Перун в славянском фольклоре (доклад на Международном съезде славянских филологов в Праге в 1929 г., опубликованный в Сборнике трудов Съезда (Прага, 1929)). См. также: Кралевиц Марко и Илья Муромец. Палеонтологический очерк // Списание на Българската Академия на наукитъ и изкуствата. София, 1945. Кн. 70. Клон историко-филологичен. 33. С. 213–223; то же: Советская этнография. Сб. ст. М.; Л.: Наука, 1947. Вып. VI–VII. С. 106–116 (опираясь на метод Марра и применяя его к анализу былин, Державин пытался доказать в этой статье, что Илья Муромец был первоначально воплощением речного божества).

⁵⁹ Сергей Павлович Толстов (1907–1976) — этнограф, археолог; член-корреспондент Академии наук СССР (1953). Директор Института этнографии (1943–1965) и Института востоковедения (1950–1953). Главный редактор журнала «Советская этнография» (1946–1966).

⁶⁰ Ошибка М.К. (следует: 1949).

⁶¹ Имеется в виду: *Марр Н.Я.* Иштарь (от богини матриархальной Афреварзии до героини любви феодальной Европы) // Яфетический сборник. Л.: Изд-во АН СССР. 1927. Т. 5. С. 109–178.

⁶² Имеются в виду следующие работы Марра: Язык и мышление. М.; Л.: Огиз, 1931. 64 с.; Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории. (К увязке языковедения с историей материальной культуры). Л.: Гос. акад. тип., 1926. 48 с.

⁶³ Т. е. «Программа и конспект курса с методическими указаниями для заочников университетов и педагогических институтов...» (1943).

в частности, для объяснения мотивов былины о Добрыне и Змее (там же, стр. 45). Эта страница есть, в сущности, краткий конспект отвергнутой редакцией «Советского» Фольклора» статьи об «Иштарь в русском эпосе»⁶⁴. Особенно характерна в плане пропаганды марризма — стр. 23⁶⁵.

Таким образом, из учеников Соколова и Азадовского единственным настойчивым пропагандистом теории Марра был В.И. Чичеров; Фрейденберг, Франк-Каменецкий, Францов⁶⁶, Дрягин⁶⁷ и другие русским фольклором не занимались; внедрение же идей Марра в область анализа русского фольклора связано главным образом с именами Н.С. Державина и В.И. Чичерова (не упоминаю совсем уже нелепых слышанных мною докладов Турчанинова⁶⁸; кажется, они и не напечатаны).

Чичеров же пытался найти в русском эпосе пресловутый семантический пучок: рука — вода — змея — женщина (см. «Методички» 1940 и 1943 г.⁶⁹).

Итак, Азадовский и Соколов, относясь сочувственно к некоторым задачам, поставленным Марром, тем не менее неизменно вы-

⁶⁴ См. примеч. 56.

⁶⁵ Видимо, к этому месту относится подстрочное авторское примечание: «В издании 1940 г. (Программа и конспект курса с методическими указаниями) — стр. 12, 21, 24, 30, 41. Это вполне идентично изданию 1943 г. и свидетельствует только об устойчивости воззрений Чичерова. То же и в издании 1938 г.».

На стр. 23 «Программы...» 1943 г. сказано: «Советская фольклористика продолжает и детализирует работы Маркса и Энгельса в области фольклора. <...> Она использует новейшие работы крупных ученых (напр., выводы палеонтологического анализа языка и сюжета акад. Марра)...». То же — в «Программе...» 1940 г. на с. 21.

⁶⁶ Юрий (Георгий) Павлович Францов (Францев; 1903–1969) — философ, историк; общественный деятель. В 1920-е гг. работал в Научно-исследовательском институте сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском университете.

⁶⁷ Николай Михайлович Дрягин, аспирант Яфетического института в конце 1920-х гг.

⁶⁸ Георгий Федорович Турчанинов (1902–1989) — лингвист, ученик Н.Я. Марра.

⁶⁹ Здесь и далее имеются в виду «программы» по фольклору, составленные В.И. Чичеровым и напечатанные под грифом Управления высшей школы Народного комиссариата просвещения РСФСР: 1) Фольклор. Программа и методические указания для заочников. Для факультетов литературы и языка пединститутов. М.: Наркомпрос РСФСР, 1938. Вып. 66; 2) Программа и конспект курса с методическими указаниями для заочников педагогических институтов. Факультет литературы и языка. Фольклор. М.: Наркомпрос РСФСР, 1940; 3) Программа и конспект курса с методическими указаниями для заочников университетов и педагогических институтов. Факультет литературы и языка. Фольклор. М.: Наркомпрос РСФСР, 1943. Все издания сохранились в семейной библиотеке Азадовских. Дарственная надпись на первой «программе»: «Дорогому Марку Константиновичу "... суд был скорый и правый..." В. Чичеров. 15/XI–38»; на второй «программе»: «Дорогому Марку Константиновичу новое издание старой работы как отчет о робких попытках переосмыслить некоторые истины автор 19/XII–44. (день Николы — Марка)».

ступали с резкой критикой конкретных фольклористических работ этой школы, — Чичеров же упорно, настойчиво и длительно внедрял идеи марризма в практический анализ русского фольклора и рекомендовал для этой цели работы Марра студентам. Можно добавить, что эта сторона его «пособия» все время «совершенствовалась», так, например, в издании 1938 г. элементов марризма чуть-чуть поменьше (отсутствуют ссылки на Марра при анализе мотивов свадебной поэзии и сказок).

Другими словами, он единственный из всех фольклористов-русистов упорно внедрял в течение десяти лет (а, может быть, и пятнадцати) в сознание молодежи идеи Марра, подходя к ним без всякой критики и апологетически рекомендуя его работы как авторитетное и бесспорное руководство. Об этом, конечно, знала и Астахова (не настолько же она невежественна в историографии: Чичеров посылал ей в дар свои методички, но она боится тронуть Чичерова, ибо он сейчас в силе).

Еще один вопрос: о Жирмунском. Не помню его специальных работ по фольклору, в которых отразились бы марровские идеи; но в статье «Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний» (Известия Отделения общественных наук, 1936, № 3)⁷⁰ он настаивал на необходимости применения марровской методологии к истории литературы; «в основу анализа должна быть положена мысль о единстве историко-литературного процесса»⁷¹. В этой же статье он принимал и пропагандировал метод стадийного анализа⁷².

Каков же итог? Конечно, М. Азадовский, Ю.М. Соколов, Н.П. Андреев совершили крупную историческую ошибку, включившись, хотя бы в незначительной степени, в число ученых, призывавших к изучению и усвоению теории Марра. Они, действительно, полагали, что сумеют найти в этом учении такие элементы, которые помогли бы дальнейшему развитию фольклористики.

Но вместе с тем, Азадовский и Соколов выступили печатно с критикой фольклористических работ, вышедших из школы Марра. Кроме того, отсутствие в их конкретных работах каких-нибудь

---

⁷⁰ См.: Жирмунский В. Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1936. № 3. С. 383–403.

⁷¹ В статье Жирмунского действительно утверждается мысль об единстве историко-литературного процесса (с. 384, 403 и др.). Однако М.А. ставит в кавычки не текст Жирмунского, а свои собственные слова о его марризме (см.: [4, с. 46]).

⁷² Об отношении В.М. Жирмунского к марризму и эволюции его взглядов см.: [14, с. 679–692].

отзвуков (хотя бы в самой минимальной степени) влияния теории Марра сводило на-нет их выступления о необходимости для фольклористики обращаться к теории Марра.

Единственным ученым, кто пытался применить марровский анализ в свои конкретные исследования был *В.И. Чичеров*. Нельзя не обратить внимания и не подчеркнуть, что пропаганда статьи «Иштарь» (из которой исходили как из основоположной участники сборника «Тристан и Изольда») делалась им и тогда, когда этот сборник был уже подвергнут критике в статьях Азадовского и Соколова⁷³: см. «методички» 1940 и 1943 гг.⁷⁴ Более того, эти методички более широко обращаются к марровскому наследию, чем методички 1938 года. Изучение свадебной поэзии с помощью теории Марра ведется и в его курсе «Русское народное творчество» (Учпедгиз, 1949) — см. стр. 32; там же — о волшебных сказках (стр. 46). На Марра ссылается он в этой книге и для выяснения природы сущности <так! — *К.А.*> фольклора (стр. 9)⁷⁵.

Не сомневаюсь, что марризмом пропитана и его диссертация⁷⁶, — но об этом только могу догадываться.

Вот к каким выводам приводит внимательное изучение марризма в фольклористических трудах советских исследователей. Вот о чем должен говорить автор статьи о марризме в фольклористике, если

⁷³ В обзорной статье 1932 г. М.К. писал о сборнике «Тристан и Изольда», что «исследовательский метод и главные положения яфетической школы нашли здесь свое ясное и точное оформление», упомянув при этом, что научное значение статей, в нем помещенных, различно, а некоторые из них носят «весьма поспешный и поверхностный характер» [25, р. 59]. В 1937 г., касаясь того же сборника, ученый отметил, что у некоторых авторов встречаются тенденции к «упрощенному и вульгарному пониманию идей Н.Я. Марра» [4, с. 45]. О «крупных ошибках» сборника «Тристан и Изольда» М.А. высказался в обобщающей (несостоявшейся) работе по истории советской фольклористики. Одна из ошибок: «Снятие проблемы фольклорной специфики и полное элиминирование вопросов художественно-эстетического порядка, что особенно характерно для работ О.М. Фрейденберг и И.Г. Франк-Каменецкого» (ОР РГБ. Ф. 542. Карт. 17. Ед. хр. 1. Л. 77).

Ю.М. Соколов упоминает о сборнике «Тристан и Изольда» в кн. «Русский фольклор» [20, с. 114–115]; его отзыв трудно назвать «критическим»; он, скорее, информативен.

⁷⁴ В «методичке» 1940 г. Чичеров, упоминая о статье «Иштарь», обращает внимание на описанный Марром «семантический пучок: рука — вода — змея — женщина» (с. 41). А в «методичке» 1943 г., ссылаясь на ту же статью, пишет, что «чудесные или волшебные сказки по своим мотивам <...> восходят к творчеству доклассового общества (см. бой со змеем, опускание в преисподнюю-подземелье и т. д.)» (с. 35).

⁷⁵ На указанных страницах, действительно, имеются ссылки на работы Марра.

⁷⁶ В.И. Чичеров защитил докторскую диссертацию «Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX вв.» в 1948 г. Работа опубликована в 1957 г. (М.: Изд-во АН СССР. 236 с.).

хочет быть добросовестным и честным и быть действительно полезным советскому исследователю и советской учащейся молодежи.

Отправляя этот текст В.Ю. Крупянской в Москву, М.К. сопроводил его следующей припиской:

...вот Вам довольно неожиданный результат Вашего вопроса. Что Вы из этого сделаете, не ведаю, — но делайте, что хотите.

Каков же «kurzer Sinn der langen Rede», т. е. краткий смысл длинного писания?

Во-первых, не следует делать из А<задовско>го центральную фигуру марровской фольклористики (как намекнула на это уже Астахова⁷⁷): его ответственность в полной мере разделяют другие ведущие и неведущие, вежественные и невежественные фольклористы: Соколов, Андреев, Лозанова, Чичеров.

Во-вторых, А<задовск>ий, Соколов, действительно, в попытках построения сов<етско>й ф<ольклористи>ки пытались найти в учении Марра опору для дальнейшего развития науки, — но быстро убедившись в невозможности этого, т. е. вследствие архаичности сущности учения Марра, отошли от этих своих попыток и никогда нигде в своих работах после 1937 г. к ней не возвращались. Но и в то время они выступали с критикой отд<ельных> работ школы Марра⁷⁸. В их же конкретных исследованиях нет и следа марровской методологии.

3) Конкретно марровская методология сказала в исследованиях *Державина*, *Протта* (не говоря о непосредственной школе Марра: Фрейденберг и пр.) и *Чичерова*.

4) Из фольклористов-русистов Чичеров наиболее упорно и последовательно пропагандировал теорию Марра, настаивая на необходимости для науки о нар<одно>м творчестве обращаться к ней и предлагая опыты ее практического применения. Именно он активно внедрял ее в преподавание.

5) Из этого вытекает необходимость критической статьи о роли марровской теории в сов<етско>й фольклористике.

Все: больше ничего не знаю.

⁷⁷ Какой конкретно (устный или печатный) «намеки» Астаховой имеется здесь в виду, неясно.

⁷⁸ Далее зачеркнуто: «Выступать с критикой Марра в целом они бы не могли уже и потому».

На основании этого текста Крупянская начала готовить рецензию на статью В.И. Чичерова в «Советской этнографии». М.К. с любопытством ждал результата. «Очень интересует меня Ваша рецензия», — пишет он Крупянской 10 июня 1952 г. И добавляет далее:

Мы беседовали на эти темы с Виктором Максимовичем⁷⁹, — и очень жаль, что это было тогда, когда я уже отправил Вам письмо. Он правильно говорит, что влияние Марра на фольклористику было и очень большое, но только не там, где его ищет Чичеров, или, вернее, куда он хочет это влияние влить. Простите за плохой каламбур. В «русской фольклористике», вернее, в русистской, то есть в науке о русском фольклоре оно почти целиком отсутствует, кроме тех фактов, к<отор>ые мы с Вами установили, — но в фольклористике общесоветской, «национальной», в трудах по изучению фольклора народов Союза оно очень велико. Марризм насаждался в каждой республике. И главный насадитель и пропагандист... С.П. Толстов. Между прочим, о роли Толстова в этом плане Жирмунский говорил и на одной из сессий, посвященных вопросам языка⁸⁰.

Действительно, посмотрите его «Хорезм»⁸¹ — это сплошной марризм плюс скрытый компаративизм. И, конечно, это нужно было бы в рецензии отметить. Но теперь уже поздно.

***

Это наиболее полное (и, в сущности, единственное) ретроспективное высказывание М.К. относительно места и роли Марра в советской фольклористике. И одновременно — красноречивое подтверждение тому, что он сам, хотя и работал в период почти безраздельного господства Марра в советской гуманитарной науке, никоим образом не принадлежал к его приверженцам. Впрочем, этот факт не требует дополнительных доказательств. Понимание Азадовским фольклора, как уже говорилось, было, по сути своей, антимарристским.

Можно, конечно, заподозрить М.К., отстраненного тогда от занятий фольклором, в желании отмежеваться от развенчанного академика. Но стал бы он это делать в частном письме, воссоздавая целый раздел советской фольклористики! Тем более в середине

---

⁷⁹ В.М. Жирмунский.

⁸⁰ Какое именно выступление В.М. Жирмунского имеется в виду, неясно.

⁸¹ Имеется в виду: *Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования*. М.: Полиграфкнига, 1948. 352 с. Книга была удостоена Сталинской премии (1949). О С.П. Толстове см.: [7, с. 7–36].

1952 г., когда полоса обличений Марра была уже в основном позади. Да и сам М.К. к тому времени частично оправился от удара, нанесенного ему в 1949 г.: публиковался в советской печати, активно сотрудничал в «Литературном наследстве», выпустил «Воспоминания Бестужевых» в академической серии «Литературные памятники» и т. д. К оценке Марра и своей причастности к марризму он подошел, как нам представляется, вполне объективно.

Можно ли, с другой стороны, признать достоверной характеристику В.И. Чичерова, предстающего в изображении М.К. главным «марристом» среди советских фольклористов? Не объясняется ли эта позиция крайним раздражением, которое в те годы ученый испытывал по отношению к младшему коллеге, писавшему ему некогда почтительные и даже лестные письма, но быстро отдалившемуся от «главы советских фольклористов» в период погромной кампании 1949 г.⁸² Научная и общественная карьера Чичерова, весьма преуспевавшего в эпоху «позднего сталинизма», допускает такое предположение. Тем не менее, читая и перечитывая «методички» Чичерова 1930–1940-х гг., на которые ссылается Азадовский, нельзя не видеть, что имя Марра упоминается в них, скорее, «попутно», в библиографических указаниях; в плане методологическом оно не акцентируется. Более того: в «программе» 1938 г., говоря о «школе Марра», Чичеров упоминает и об отрицательных ее сторонах. К последним он относит «ошибочное сведение фольклора к реликтам, схематизм и натянутость палеонтологического анализа поэзии в работах учеников Марра — сборник “Тристан и Исольда”»⁸³ — М.К. охотно подписался бы под этими словами.

Внимательно ознакомившись с посланием М.К., В.Ю. Крупянская доработала свой внутренний отзыв и передала его в редакцию «Советской этнографии». «Не знаю, что-то Вы скажете? — писала она Азадовскому 6 июня 1952 г. — Можно было написать еще резче и убийственнее для Вл<адимира> Ив<ановича>. Я написала очень решительно, очень определенно, не раскрыв до конца всей его подлости; все же гнусность его статьи становится, как мне кажется, абсолютно очевидной»⁸⁴.

⁸² В письмах и личных беседах начала 1950-х гг. М.К. нередко именовал Чичерова «Иудушкой» (см., например, его письмо к Н.К. Гудзию от 26 октября 1949 г.: [21, с. 76] или письмо к Ю.Г. Оксману от 17 апреля 1953 г.: [15, с. 318]).

⁸³ Фольклор. Программа и методические указания для заочников. Для факультетов литературы и языка пединститутов. М.: Наркомпрос РСФСР, 1938. Вып. 66. С. 4.

⁸⁴ ОР РГБ. Ф. 542. Карт.64. Ед. хр. 13. Л. 1–1 об.

После этого Чичеров — следует отдать ему должное! — перерабатывает свою статью, устраняя в ней, насколько можно судить, наиболее резкие оценки. Номер журнала с его статьей вышел в начале октября⁸⁵. «Мне там посвящено всего несколько строк, — сообщает М.К. жене (из подмосковного писательского санатория, где он отдыхал осенью 1952 г.) — и, в сущности, в довольно приемлемой форме. Видимо, рецензия В<еры> Ю<рьев>ны подействовала, и он смягчил первоначальную формулировку. Впрочем, сам я еще не читал»⁸⁶.

Действительно, говоря о последователях Марра, Чичеров упоминает в первую очередь В.М. Жирмунского и И.И. Мещанинова. Об Азадовском же сказано, что в его статье 1934 г. отразились «характерные для исследований 30–40-х годов возвеличивание А.Н. Веселовского и Н.Я. Марра, превознесение их мнимых заслуг»⁸⁷.

С рецензией В.Ю. Крупянской М.К. ознакомился в ноябре 1952 г., вернувшись в Ленинград. «Может быть, если б я читал ее месяца три–четыре тому назад, я остался бы ею недоволен и был бы неправ», — писал он Крупянской 5 ноября. И далее:

А теперь я должен Вас похвалить за такт, с к<ото>рым Вы выполнили поручение. И, конечно, меня Вы спасли от дополнительного заушательства, за что низко кланяюсь и целую ручки. Правда, родная! Очень хорошо, что именно *так* написали. Вы не раскрыли всех своих карт, не назвали всех источников, и бедный Володинька (которого я по-христиански очень жалею) не почувствовал, *что* таится за скромным и на вид неброским упоминанием о его печатных работах. Он, очевидно, думал, что Вы имеете в виду лишь издание 1949 г., почему — к великому удовольствию его друзей — и не сделал из этого соответственных выводов.

Очень хорошо и умно, что Вы указали на необходимость написать данную статью *более самокритично*. Если вдруг поднимется шум вокруг сей статьи, редакция будет, конечно, искать виновных; может, обрушиться и на Вас: мол, своевременно не предупредили. А Вы им вежливоенько и легонько предъявите написанные Вами строки. В рецензии имеются два предупреждения, сделаны два указания, а ежели редакция не обратила внимания на них, — это уже дело ее совести.

---

⁸⁵ Чичеров В.И. О порочных взглядах Н.Я. Марра и его последователей в области фольклористики // Советская этнография. 1952. № 3. С. 3–15.

⁸⁶ Письмо от 9 октября 1952 г.

⁸⁷ Чичеров В.И. О порочных взглядах Н.Я. Марра и его последователей в области фольклористики. С. 9.

«Шум» вокруг статьи Чичерова все же поднялся — видимо, на волне злободневных в то время требований о необходимости «критики» и «самокритики», прозвучавших на прошедшем в октябре 1952 г. XIX Съезде ВКП (б). В конце 1952 г., отвечая на просьбу Л.П. Потапова (в то время — зам. директора Института этнографии и члена редколлегии журнала «Советская этнография») поделиться впечатлениями относительно работы фольклорного отдела журнала, М.К., в частности, писал:

Большое возмущение и негодование вызвала в фольклористических кругах статья зав. Отделом фольклора в журнале В.И. Чичерова «О порочных взглядах Н.Я. Марра и его последователей в области фольклористики». Статья эта поразила всех абсолютным отсутствием честной самокритики. Отмечая ошибки отдельных исследователей, В.И. Чичеров ни одним словом, никаким хотя бы беглым упоминанием не касается своих работ и ошибок. Между тем, каждому известно, что в среде фольклористов-русистов Чичеров был чуть ли не единственным, кто настойчиво и упорно внедрял учение Марра в преподавание фольклора. Об этом красноречиво свидетельствуют его методические пособия, изданные Наркомпросом и неоднократно переиздававшиеся: последнее было в 1949 году. В данном случае приходится говорить не только о личных свойствах автора, но и о позиции всей редакции журнала <...>.

Вопрос о Чичерове уже стал предметом обсуждения научной общественности, напр<имер>, в заседаниях Ученого совета Института литературы, посвященного обсуждению итогов 19-го Партийного Съезда, данная статья приводилась как пример вопиющего нарушения требований, которые предъявляет Партия в вопросах научной самокритики⁸⁸.

«Статья Владимира Ивановича производит шум, — сообщал М.К. в письме к В.Ю. Крупянской от 30 октября – 2 ноября 1952 г. — Питаю робкие надежды, что ему придется пожалеть, что он не прислушался к Вашей рецензии»⁸⁹. Далее М.К. упоминает о готовящейся в Ленинграде «конференции», на которой предполагается выступление В.М. Жирмунского с «подробной критикой» статьи

⁸⁸ ОР РГБ. Ф. 542. Карт. 6. Ед. хр. 6. Л. 3–4. Документ не датирован.

⁸⁹ Т. е. не признался публично в «марризме».

Чичерова («устное выступление, конечно, не то, что письменное, но все же...»).

О чем идет речь, неясно: М.К. мог в то время питаться недостоверными сведениями, непроверенными слухами и т. д.

Справедливости ради следует отметить, что В.И. Чичеров, при всей своей незавидной позиции в начале 1950-х гг. (маррист, скрывающий свою принадлежность к марризму и при этом обличающий других коллег-фольклористов), не принадлежал к числу невежественных чиновников от науки. Озабоченный своим общественным положением и карьерным ростом, он, тем не менее, хорошо понимал значение и место Азадовского в современной фольклористике. После 1949 г. он старался сохранить связи с М.К.: передавал ему «поклон», посылал свои последние труды с надписью «Многоуважаемому...» и, главное, не препятствовал появлению его работ (рецензий) в «Советской этнографии»⁹⁰. М.К., со своей стороны, воспринимал эти «знаки внимания» с иронической усмешкой.

После смерти М.К. — в эпоху постепенного «потепления» — Чичеров еще более изменился: пытался содействовать усилиям Л.В. Азадовской и других фольклористов, направленным на восстановление научного имени М.К. и способствовал публикации его главного труда «История русской фольклористики» (первый том вышел в 1958 г., второй — в 1963-м)⁹¹. Видимо, Владимир Иванович все же заботился о своей репутации...

Литература

⁹⁰ Первая из таких рецензий появилась в № 3 за 1951 г. (на книгу: *Китайник М.* Библиография уральского фольклора. Свердловск: Свердловгиз, 1949. 48 с.); вторая — в № 2 за 1953 г. (на книгу: *Славянский фольклор: материалы и исследования по истории народной поэзии славян* / ред. В.И. Чичеров и В.К. Соколова. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 363 с.).

⁹¹ Весной 1955 г. В.И. Чичеров написал (для Бюро Отделения литературы и языка) отзыв на рукопись «Истории русской фольклористики», в котором высоко — хотя и не безоговорочно — оценил работу М.К. «Этот труд многих лет покойного ученого, — говорилось в отзыве, — восстанавливает историю науки на основании огромного, заново пересмотренного материала» (ОР РГБ. Ф. 542. Карт. 97. Ед. хр. 27. Л. 3). Отправляя свой отзыв вдове ученого, Чичеров сопроводил его следующими словами в письме от 10 апреля 1955 г.: «Не поймите мои критические замечания как неуважение к Марку Константиновичу, Они продиктованы стремлением утвердить память о Марке Константиновиче, какой она должна быть, — памятью о талантливом советском ученом <...> Талантливость М.К. Азадовского сказалась в разработке многих вопросов; она очевидна и тогда, когда выдвигаемые положения вызывают сомнение или даже прямое возражение» (Там же. Л. 1).

1. *Азадовский М.К.* А.Н. Веселовский как исследователь фольклора // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1938. № 4. С. 85–119.
2. *Азадовский М.К.* Об одном сюжетном совпадении («Смерть атеиста» в романе Оммулевского и у Ипполита Тэна) // Академику Н.Я. Марру. XLV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 583–591.
3. *Азадовский М.К.* Памяти Н.Я. Марра (1864–1934) // Советский фольклор. Сб. ст. и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. № 2–3. С. 5–20.
4. *Азадовский М.* Советская фольклористика за 20 лет // Советский фольклор. Сб. ст. и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. № 6. С. 3–53.
5. *Азадовский К.М., Егоров Б.Ф.* «Космополиты» // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 89–98.
6. *Алпатов М.В.* История одного мифа: Марр и марризм. М.: Едиториал УРСС, 2018. 284 с.
7. *Альмов С.* Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 97. С. 7–36.
8. *Гусев Н.С.* Н.С. Державин — болгарист, добившийся успеха в большевистской и советской науке // Материалы для виртуального Музея славянских Культур. 2020. Вып. 1. С. 76–82.
9. *Добренко Е.* Споря о Марре // Новое литературное обозрение. 2013. № 119. С. 340–348.
10. *Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
11. *Дружинин П.А.* Яфетические зори в Российской академии наук // Новое литературное обозрение. 2013. № 119. С. 349–357.
12. *Иванова Т.Г.* История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 800 с.
13. *Илизаров Б.С.* Почетный академик Сталин и академик Марр. М.: Вече, 2012. 432 с.
14. *Каганович Б.С.* В.М. Жирмунский о «марризме» и борьбе с ним // Труды института лингвистических исследований: Acta linguistica petropolitana. СПб.: Наука, 2011. Т. 7, Ч. 1: Colloquia classica et indogermanica-V: Классическая филология и индоевропейское языкознание. С. 679–692.
15. Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка 1944–1954 / изд. подгот. К. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 410 с.
16. *Мелетинский Е.М.* Сравнительная типология фольклора (историческая и структурная) // Philologica. Исследования по языку и литературе. Памяти академика Виктора Максимовича Жирмунского. Л.: Наука, 1973. С. 385–393.
17. *Решетов А.М.* Материалы к биобиблиографическому словарю российских этнографов и антропологов. XX век. СПб.: Наука, 2012. 583 с.
18. *Сидорчук И.В.* Н.Я. Марр и марризм в западной историографии // Диалог со временем. 2017. Вып. 58. С. 330–339.
19. *Слезкин Ю.* Н.Я. Марр и национальные корни советской этногенетики // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 48–82.
20. *Соколов Ю.М.* Русский фольклор. Учебник для высших учебных заведений. М.: Учпедгиз, 1938. 559 с.

21. «Удастся ли прорубить эту стену...» (Из писем М.К. Азадовского к Н.К. Гудзию 1949–1950 годов) / публ. К.М. Азадовского // Русская литература. 2006. № 2. С. 66–86.

22. Уорнер Э.Э. Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 144 с.

23. Фрейденберг О.М. Воспоминания о Н.Я. Марре // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1988. С. 178–204.

24. Шимарев В.Ф. Н.Я. Марр и А.Н. Веселовский // Язык и мышление. Le langage et la mentalité. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. VIII: Языки Евразии в работах Н.Я. Марра. С. 321–343.

25. Azadovsky M. Études de folklore en U.R.S.S. 1918 à 1932 // VOKS. Ethographie, folklore et archéologie en U.R.S.S. 1933. Vol. 4. P. 40–61.

Research Article and Publication of Archival Documents

Marrism and Soviet Folklore Studies: From the Archives of Mark Azadovsky

© 2023. Konstantin M. Azadovsky

German Academy of Language and Literature, Darmstadt, Germany;
St. Petersburg, Russia

Abstract: The linguistic theory of the Soviet academician Nikolai Marr which in the 1930s captured Soviet humanities, including literary and folklore studies, had several stages: from an unrestrained glorification up to its complete defamation in 1950 (after Stalin’s article in “Pravda”). Heated discussions around the “paleontological method” resumed in Russia during the Perestroika and later, when most experts consider it as unfounded. The present publication is focused on the remembered evidence of Mark Azadovsky (1888–1954) who in the 1930s headed all folklore studies in Leningrad (in the Academy of Sciences as well as at the University) and who was at that time deeply involved in the principal events of folkloristic life and was well acquainted with its participants. His letter to the Moscow folklore scholar Vera Krupyanskaya (1897–1985), written in May 1952, represents a retrospective evaluation of Marr’s direction in Soviet folklore studies and gives, moreover, an answer to the question: who among the Soviet specialists in folklore could be regarded (and to what degree) as a real adherent of Marr’s school? After 1949, when Mark Azadovsky was subjected to public dishonor and dismissed from all of his academic positions, he had no possibility to express his views in public. However, he managed to indirectly influence the contents of one of the “anti-Marrist” articles typical of that time (“About the fallacious views of N.Ya. Marr and his followers in the field of the folklore studies” by Vladimir Chicherov). The story of this article, published in the magazine “Soviet Ethnography” (1952) presents an “intrigue” with some fascinating details.

Keywords: N. Ya. Marr, marrism, japhetic theory, folklore studies, Yu.M. Sokolov, V.Yu. Krupyanskaya, “Soviet Ethnography,” V.M. Zhirmunsky, V.I. Chicherov.

Information about the author: Konstantin M. Azadovsky — PhD in Philology, German Academy of Language and Literature, Alexandraweg 28, 64287 Darmstadt, Germany; St. Petersburg, Russia.

E-mail: azadovski@mail.ru

For citation: Azadovsky, K.M. “Marrism and Soviet Folklore Studies: From the Archives of Mark Azadovsky.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (27), 2023, pp. 217–245. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-217-245>

References

1. Azadovskii, M.K. “A.N. Veselovskii kak issledovatel’ fol’klora” [“A.N. Veselovsky as a Researcher of Folklore”]. *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk*, no. 4, 1938, pp. 85–119. (In Russ.)
2. Azadovskii, M.K. “Ob odnom suizhetnom sovpadenii (‘Smert’ ateista’ v romane Omulevskogo i u Ippolita Tena)” [“On One Plot Coincidence (‘Death of an Atheist’ in Omulevski’s Novel and in Hippolyte Taine’s Unfinished Work)”]. *Akademiku N.Ia. Marru. XLV [To Academician N.Ya. Marr. XLV]*. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1935, pp. 583–591. (In Russ.)
3. Azadovskii, M.K. “Pamiatii N.Ia. Marra (1864–1934)” [“In Memory of N.Ya. Marr (1864–1934)”]. *Sovetskii fol’klor. Sbornik statei i materialov [Soviet Folklore. Collection of Articles and Materials]*, no. 2–3. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1935, pp. 5–20. (In Russ.)
4. Azadovskii, M. “Sovetskaia fol’kloristika za 20 let” [“Soviet Folklore Studies for 20 Years”]. *Sovetskii fol’klor. Sbornik statei i materialov [Soviet Folklore. Collection of Articles and Materials]*, no. 6. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1939, pp. 3–53. (In Russ.)
5. Azadovskii, K.M. and Egorov, B.F. “Kosmopolitizm” [“Cosmopolitism”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 36, 1999, pp. 89–98. (In Russ.)
6. Alpatov, M.V. *Istoriia odnogo mifa: Marr i marrizm [The Story of a Myth: Marr and Marrism]*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2018. 284 p. (In Russ.)
7. Alymov, S. “Kosmopolitizm, marrizm i prochie ‘grekhi’: otechestvennye etnografy i arkheologi na rubezhe 1940–1950-kh godov” [“Cosmopolitanism, Marrism and Other ‘Sins’: Domestic Ethnographers and Archaeologists at the Turn of the 1940s and 1950s”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 97, 2009, pp. 7–36. (In Russ.)
8. Gusev, N.S. “N.S. Derzhavin — bolgarist, dobivshiisia uspekha v bol’shevistskoi i sovetkskoi nauke” [“N.S. Derzhavin — a Bulgarianist who Succeeded in Bolshevik and Soviet Science”]. *Materialy dlia virtual’nogo Muzeia slavianskikh Kul’tur*, issue 1, 2020, pp. 76–82. (In Russ.)
9. Dobrenko, E. “Sporia o Marre” [“Arguing about Marr”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 119, 2013, pp. 340–348. (In Russ.)
10. Druzhinin, P.A. *Ideologiia i filologiia. Leningrad, 1940-e gody. Dokumental’noe issledovanie: v 2 t. [Ideology and Philology. Leningrad, 1940s. Documentary Study: in 2 vols.]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. (In Russ.)
11. Druzhinin, P.A. “Iafeticheskie zori v Rossiiskoi akademii nauk” [“Japhetic Stars at the Russian Academy of Sciences”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 119, 2013, pp. 349–357. (In Russ.)
12. Ivanova, T.G. *Istoriia russkoi fol’kloristiki XX veka: 1900 – pervaiia polovina 1941 g. [History of Russian Folkloristics in the 20th Century: 1900 – First Half of 1941]*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2009. 800 p. (In Russ.)

13. Ilizarov, B.S. *Pochetynyi akademik Stalin i akademik Marr [Honorary Academician Stalin and Academician Marr]*. Moscow, Veche Publ., 2012. 432 p. (In Russ.)
14. Kaganovich, B.S. “V.M. Zhirmunskii o ‘marrizme’ i bor’be s nim” [“Victor M. Zhirmunsky on ‘Marrism’ and on the ‘Struggle against Marrism’.”]. *Trudy instituta lingvistichekikh issledovaniĭ: Acta linguistica petropolitana [Transactions of the Institute for Linguistic Studies: Acta Linguistica Petropolitana]*, vol. 7, part 1: Colloquia classica et indogermanica-V: Klassicheskaia filologiia i indoevropskoe iazykoznanie [Colloquia Classica et Indogermanica-V: Studies in Classical Philology and Indo-European Languages]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 679–692. (In Russ.)
15. Azadovskii, K., editor. *Mark Azadovskii, Iulian Oksman. Perepiska 1944–1954 [Mark Azadovsky, Julian Oksman. Correspondence. 1944–1954]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 410 p. (In Russ.)
16. Meletinskii, E.M. “Srvnitel’naia tipologiia fol’klora (istoricheskaia i strukturnaia)” [“Comparative Typology (Historical and Structural) of Folklore”]. *Philologica. Issledovaniia po iazyku i literature. Pamiati akademika Viktora Maksimovicha Zhirmunskogo [Philologica. Studies in Language and Literature. In Memory of Academician Victor Maksimovich Zhirmunsky]*. Leningrad, Nauka Publ., 1973, pp. 385–393. (In Russ.)
17. Reshetov, A.M. *Materialy k biobibliograficheskomu slovariu rossiiskikh etnografov i antropologov. XX vek [Materials for the Bibliographical Dictionary of Russian Ethnographers and Anthropologists. 20th Century]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2012. 583 p. (In Russ.)
18. Sidorchuk, I.V. “N.Ia. Marr i marrizm v zapadnoi istoriografii” [“N.Ya. Marr and Marrism in Western Historiography”]. *Dialog so vremenem*, issue 58, 2017, pp. 330–339. (In Russ.)
19. Slezkin, Iu. “N.Ia. Marr i natsional’nye korni sovetskoĭ etnogenetiki” [“N.Ya. Marr and the National Roots of Soviet Ethnogenetics”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 36, 1999, pp. 48–82. (In Russ.)
20. Sokolov, Iu.M. *Russkii fol’klor. Uchebnik dlia vysshikh uchebnykh zavedenii [Russian Folklore. Textbook for High Schools]*. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1938. 559 p. (In Russ.)
21. “‘Udastsia li prorubit’ etu stenu...’ (Iz pisem M.K. Azadovskogo k N.K. Gudziu 1949–1950 godov)” [“‘Will it be Possible to Cut through this Wall...’ (From M.K. Azadovsky’s Letters to N.K. Gudziy, 1949–1950)”] publ. by K.M. Azadovsky. *Russkaia literatura*, no. 2, 2006, pp. 66–86. (In Russ.)
22. Uorner, E.E. *Vladimir Iakovlevich Propp i russkaia fol’kloristika [Vladimir Yakovlevich Propp and Russian Folklore Studies]*. St. Petersburg, Department of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2005. 144 p. (In Russ.)
23. Freidenberg, O.M. “Vospominaniia o N.Ia. Marre” [“Memories of N.Ya. Marr”]. *Vostok–Zapad. Issledovaniia. Perevody. Publikatsii [East–West. Researches. Translations. Publications]*. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 178–204. (In Russ.)
24. Shishmarev, V.F. “N.Ia. Marr i A.N. Veselovskii” [“N.Ya. Marr and A.N. Veselovsky”]. *Iazyk i myshlenie. Le langage et la mentalité [Language and Thought. Le langage et la mentalité]*, issue 8: Iazyki Evrazii v rabotakh N.Ia. Marra [Eurasian Languages in the Works of N.Ya. Marr]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1937, pp. 321–343. (In Russ.)
25. Azadovsky, M. “Études de folklore en U.R.S.S. 1918 à 1932.” *VOKS. Ethographie, folklore et archéologie en U.R.S.S.*, vol. 4, 1933, pp. 40–61. (In French)

Литературный факт.
2023. № 1 (27)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (27), 2023

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-246-257>
<https://elibrary.ru/RIBGUP>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Знакомый хлебниковед в Киеве». К 85-летию А.Е. Парниса

© 2023, А.В. Лавров

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Заметка приурочена к юбилею Александра Ефимовича Парниса, к рупнейшего исследователя творчества Велимира Хлебникова, русского футуризма и русской литературы начала XX в. в целом. Обозначены основные вехи творческого пути ученого, оценены его наиболее значительные труды и показано их значение для современной историко-литературной науки. В тексте содержатся личные воспоминания автора, много лет дружески общавшегося с А.Е. Парнисом. Его труд — это не только одоление сопротивляющегося материала, который становится благодаря его усилиям из скрытого явным, из неведомого познанным, но и в известной мере преодоление самого себя. В заметке высказывается пожелание юбиляру завершить свой главный труд — научную биографию Велимира Хлебникова, главы из которой уже начинают доходить до читателя.

Ключевые слова: А.Е. Парнис, Велимир Хлебников, кубофутуризм, русский авангард, источниковедение.

Информация об авторе: Александр Васильевич Лавров — академик РАН, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом новой русской литературы, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: pavlova.lavrov@gmail.com

Для цитирования: Лавров А.В. «Знакомый хлебниковед в Киеве». К 85-летию А.Е. Парниса // Литературный факт. 2023. № 1 (27). С. 246–257. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-246-257>

Под описательным определением «знакомый хлебниковед в Киеве» из письма Владимира Федоровича Маркова, профессора русской литературы Калифорнийского университета, автора ныне классической «Истории русского футуризма» (1968), к Дмитрию Ивановичу Чижевскому, патриарху славяноведения, культурологу и филологу, представителю первой волны русской эмиграции, в мае 1970 г. фигурировал 32-летний киевлянин Александр Ефимович Парнис, к тому времени еще не удостоившийся диплома о высшем филологическом образовании [3, с. 220–221]. Он же в других письмах Маркова к Чижевскому — «хлебниковист», «корреспондент-хлебниковед», «мой знакомый из России»: представитель второй волны эмиграции, видимо, прочно усвоил конспирологические навыки, привитые ему десятилетиями жизни в советской стране. Примечательно при этом, что не «корреспондент-хлебниковед» в данном случае явился инициатором переписки с Марковым, а сам маститый ученый: 6 декабря 1967 г. он обратился с письмом к Александру Ефимовичу, сославшись на то, что получил его адрес от жившего в Нью-Йорке Самуила Вермеля, поэта и театрального режиссера эпохи русского авангарда [3, с. 237]. Все это — факты, свидетельствующие о том, что автор нескольких скромных публикаций (наиболее значительная из них к тому времени — «Хлебников в революционном Гиляне (новые материалы)», напечатанная в № 5 журнала «Народы Азии и Африки» за 1967 г. [9]) достиг в сознании крупных филологов-специалистов «степеней известных» — если подразумевать под этой формулой профессиональную репутацию, а не место в служебной иерархии.

Сам А.Е. Парнис признается, что первичным стимулом к жизненному самоопределению для него послужил сборник стихотворений и поэм Велимира Хлебникова под редакцией Н.Л. Степанова, изданный в 1960 г. в малой серии «Библиотеки поэта». В 2008 г. в беседе с И.Н. Толстым он сообщает: «Первое мое впечатление от текстов Хлебникова было шокирующим — я ничего в них не понял, и это меня безумно смущало и раздражало. Я решил, что нужно профессионально заняться изучением поэзии, чтобы разобраться во всем этом» [1, с. 16–17]. И путь к освоению «страны поэта» он выбрал достаточно специфический: «Чтобы разобраться в хлебниковских текстах 1910 – начала 1920-х гг., надо было найти ключи или “подступы” к главе будетлян, к его герметичной поэзии, и я решил разыскать людей, которые знали поэта, хотя прошло более сорока лет после его смерти» [1, с. 85]. Иными словами — не с микроскопом в глубь стихов, а от биографии, от внешнего фона — к стихам.

Таким образом, А. Парнисом избран определенный путь и определенный метод — поисковика, собеседника-интервьюера, метод «старателя» — в тех смыслах, которыми наделяется это слово у В.И. Даля: «усердник, рачитель, прилежателъ, заботник, ревнитель, попечитель»¹. Разумеется, в кругу его знакомцев оказываются самые яркие представители авангардной эпохи: А.Е. Крученых, Л.Ю. Брик, В.Б. Шкловский, Г.Н. Петников и др. То, что «отец русского футуризма» Давид Бурлюк и Р.О. Якобсон проживают в США, а Юрий Анненков — в Париже, не беда — А. Парнис вступает с ними в переписку. В эпицентре его внимания — Хлебников в его литературном окружении и биографических контактах, и эта глобальная задача побуждает его предпринять широчайший спектр разысканий. Через жившую в Москве дочь К.Д. Бальмонта Нину Константиновну Бруни он узнает парижский адрес Бориса Константиновича Зайцева, эпизодически общавшегося с Хлебниковым, и тот в ответном письме дает колоритную мемуарную зарисовку (см.: [4, с. 251]). Но не только живые классики русской литературы оказываются среди корреспондентов или собеседников пытливого «хлебниковиста», объектом его поисков в основном являются лица малоизвестные или вовсе неизвестные, но так или иначе соприкоснувшиеся с Хлебниковым. Многих ему удалось разыскать, а некоторых — даже побудить к написанию мемуаров, которые теперь доведены до печати.

Часто применительно к архивным публикациям их авторы, стремясь подчеркнуть значимость предлагаемого материала, употребляют выражения вроде «удалось найти», «в архивном фонде обнаружено», «уникальная находка» и т. п. — применительно к документам, хранящимся в доступных архивохранилищах десятилетиями, прошедшим первичную архивную обработку и даже ранее востребованным другими исследователями. А. Парнис принадлежит к тем немногочисленным «старателям», кому действительно удавалось найти материалы, которые ни в чье поле зрения ранее не попадали и, возможно, в определенных случаях были обречены на забвение и уничтожение. Сам он признает в беседе с И.Н. Толстым, что у него появилось «какое-то профессиональное чутье к поискам текстов, неизвестных текстов моих “героев”» [1, с. 18]. Самый яркий пример его находок подобного рода — обнаружение в 1966 г. в бакинском подвале архива Р.П. Абиха с рукописями Хлебникова. Заслуга Парниса — в установлении подлинного места рождения Хлебникова: зимняя ставка Малодербетовского улуса Астраханской губернии.

¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Тип. М.О. Вольфа, 1882. Т. 4: Р–V. С. 323.

Им же еще в конце 1960-х гг. была предпринята попытка сохранения памятных построек в деревне Санталово Крестецкого уезда Новгородской губернии, где жил свои последние дни и умер Хлебников. О конвульсиях, которыми сопровождалось прохождение этой идеи (спасения пустующей школы и полуразрушенной баньки) по «инстанциям», рассказывает сам «старатель»:

Я поехал в Новгород и выступил перед студентами-филологами пединститута, а также выступил в местных отделениях Союза писателей и Союза художников, уговорил нескольких художников и поэтов поехать со мной в Санталово и на месте все посмотреть. После посещения Санталова у нас возникла идея устроить в школе летнюю творческую дачу для художников. В Москве я пробился на прием к президенту Академии художеств скульптору Н.В. Томскому. Он родился на Новгородской земле, в Старой Руссе <...> Томский охотно поддержал мою идею и обещал помочь. Я ездил также в Пушкинские Горы к С.С. Гейченко, который обещал мне свою помощь <...> Сразу же после этой поездки в Санталово я напечатал (вместе с А. Заваровой) в «Учительской газете» статью «Сберечь дом поэта» (29 июня 1967). Ей предшествовала небольшая заметка в поддержку поднятого в статье вопроса, подписанная издателем Собрания сочинений Хлебникова Н.Л. Степановым, народным артистом СССР Г. Рошалем [1, с. 95–96].

Однако все старания по спасению мемориальных строений пошли прахом, и теперь не только они стерты с лица земли, но нет и самой деревни Санталово, обезлюдевшей и заброшенной.

Безразличие «инстанций» к попыткам одинокого энтузиаста увековечить память о Хлебникове вполне объяснимо: этот поэт всецело принадлежал к авангардистам — «формалистам», припечатанным в свое время статьей «Сумбур вместо музыки» на долгие десятилетия. И хотя Хлебников устремлялся вместе с красноармейским обозом провозглашать Персидскую советскую республику, а Бунин, например, выражал открыто и безапелляционно свою ненависть к советской власти, для последней этот писатель-«реалист» был более приемлем, чем галлюцинирующий Председатель Земного Шара. Вплоть до наступления «перестроечных» лет изучение Хлебникова в СССР не поощрялось, статьи о нем и публикации были наперечет, литературоведческую карьеру на нем построить было невозможно. Закономерно при этом, что его наиболее пристальным и преданным избранному делу исследователем стал не ищущий официальных

регалий полудеклассированный интеллигент, состоявший к тому же в непростых взаимоотношениях с советским правопорядком (будучи полуфиктивным личным секретарем писателя-правозащитника Виктора Некрасова, А. Парнис в 1974 г. вслед за своим «работодателем» подвергся обыску, в результате которого были похищены и уничтожены многие материалы из собранного архива). Не удивительно в силу всех этих обстоятельств, что, получив уже широкую известность как компетентнейший знаток Хлебникова и русского футуризма, простиравшуюся за пределы страны, А. Парнис выступал в печати в 1960–1970-е гг. лишь от случая к случаю, не имея возможности обнародовать самые значительные результаты своей изыскательской деятельности.

Мне и моему другу и соавтору тех лет Сергею Гречишкину довелось познакомиться с Сашей Парнисом в начале 1970-х гг., благодаря посредничеству наших общих с ним друзей, Г. Суперфина и Л. Черткова. Нас, уже имевших определенный опыт архивных изысканий (на них были основаны наши дипломные работы в Ленинградском университете и первые публикации), в новообетенном собеседнике поразили более всего многосторонность и разнообразие его профессиональных интересов, а также широчайший спектр связанных с этими интересами знакомых и всевозможных «информантов». Не меньше, чем материалы, хранящиеся в государственных архивохранилищах, его привлекали потенциальные возможности обнаружения искомого, нового и неожиданного, рассредоточенного по личным коллекциям или просто случайно уцелевшего у родственников и потомков, у людей, известных в культурной среде или совершенно никому не ведомых, но прикосновенных к тому или иному значимому лицу или явлению. Понятно было, что то, чем мы уже с достаточным упорством занимались, — освоение государственных архивов по описям фондов и алфавитным каталогам, — лишь верхняя часть воображаемого айсберга, в подводные пространства которого проникает наш хлебниковед. Что касается Хлебникова, то для А. Парниса его фигура неизменно оставалась средоточием всех изысканий, поглощенность им приобретала тотальный характер, вплоть до достаточно комических эпизодов. Помнится, когда А. Парнис останавливался в нашей с женой квартире на Петроградской стороне, он все собирался, да никак не мог выбраться в расположенный неподалеку зоопарк. Наконец, мы поинтересовались, чем вызвана такая не по возрасту упорная устремленность. Оказалось, что наш гость, памятуя о слоновьем долголетии, захотел посмотреть на слона, который отобразился в знаменитом «Зверинце» Хлебникова

(«Где слоны, кривляясь, как кривляются во время землетрясения горы, просят у ребенка поесть...»). И успокоился, узнав от нас, что слониха, обитательница зоопарка, созерцавшаяся Хлебниковым, погибла в блокаду от артиллерийского обстрела.

В середине 1970-х гг. мне удалось содействовать публикации первой большой работы А. Парниса в академическом издании, подготовленной в соответствии со всеми филологическими нормативами. Тогда он сумел убедительно атрибутировать Хлебникову рассказ «Закаленное сердце (из черногорской жизни)», опубликованный под псевдонимом «В-кій» в 1913 г. в петербургской газете «Славянин». Эту работу, содержащую веские аргументы в пользу авторства Хлебникова, я представил на суд академика М.П. Алексеева (чьим референтом я тогда состоял), и он одобрил ее к печати; статья «Южнославянская тема Велимира Хлебникова: новые материалы к творческой биографии поэта», включающая текст рассказа и комментарий, увидела свет в пушкинодомском сборнике «Зарубежные славяне и русская культура» в 1978 г. [5].

К тому времени многие филологи-специалисты сумели оценить по достоинству широту познаний и творческие возможности А.Е. Парниса и стали привлекать его к работе над профессионально готовившимися изданиями, уже не имеющими отношения к Хлебникову и другим «будетлянам». Первым в этом ряду следует назвать Илью Самойловича Зильберштейна, взявшегося за подготовку в серии «Литературное наследство» монументального издания «Александр Блок. Новые материалы и исследования» в пяти книгах. На долю Парниса выпал едва ли не самый трудоемкий раздел в этом издании — публикация (с привлечением к комментированию и других авторов) «Дарственных надписей Блока на книгах и фотографиях», появившихся в книге 3-ей в 1982 г. [2]. И.С. Зильберштейн отдал должное особому дару научного поиска, которым наделен Парнис, и не ошибся, доверив ему указанный раздел. Основу его составили надписи Блока, разысканные на протяжении долгих лет Н.П. Ильиным, собирателем автографов, книг, фотографий и прочих материалов, имеющих отношение к жизни и творчеству поэта; таковых в его собрании было около 200. Парнис за два–три года своей работы над подготовкой этого раздела фактически удвоил корпус инскриптов: общее число было доведено до 397, из них 191 автограф опубликовался в «Литературном наследстве» впервые. Обследованы были фонды многих библиотек и научных учреждений, а также собрания коллекционеров, получены сведения из личных библиотек. Конечно, дать исчерпывающе полный свод инскриптов в данном случае не

удалось, да и не было такой возможности: не каждый из библиоманов готов оповещать о хранящихся у него раритетах. Надписи Блока на его книгах после обнаружения парнисовского свода появлялись в печати и будут еще появляться, но это обстоятельство, конечно, не может умалить значения проделанного труда.

После указанной публикации в 1985 г. вышло в свет не менее значимое издание, хотя роль А.Е. Парниса в его подготовке была обозначена более чем скромно, — 5-е, дополненное издание книги В. Катаняна «Маяковский: Хроника жизни и деятельности» [6]. Широко известная и многократно переиздававшаяся хроника Катаняна в новом издании под редакцией Парниса значительно расширила свой объем, ввела новонайденную информацию на основе разысканий последних десятилетий и собственных дополнений, написанных редактором. В том же году увидела свет еще одна хроника — «Программы “Бродячей собаки”» (см.: [10]), — выполненная в соавторстве с Р.Д. Тименчиком. Эта работа, напечатанная в ежегоднике «Памятники культуры. Новые открытия», представляет собою реконструкцию всей деятельности, от собрания к собранию, знаменитого петербургского литературно-артистического кабаре — по отражению ее в периодике, документальных свидетельствах, переписке современников, мемуарах, а также в подборке биографических сведений об учредителях и участниках этого коллективного действия. В последующие десятилетия «Программы “Бродячей собаки”» — одна из самых востребованных, наиболее часто цитируемых фундаментальных работ о литературно-художественной жизни начала XX в. И, наконец, в 1986 г. появились «Творения» Велимира Хлебникова [11]; составление и текстологическую подготовку осуществил, а также написал комментарии А.Е. Парнис совместно с В.П. Григорьевым. Этот фолиант, заключавший в себе наиболее значительные образцы творчества поэта во всех использованных им жанрах, был наиболее полным и тщательно исполненным изданием Хлебникова после пятитомного «Собрания произведений»², осуществленного в 1928–1933 гг. под редакцией Ю.Н. Тынянова и Н.Л. Степанова, и «Неизданных произведений»³ (1940), выпущенных в свет Н.И. Харджиевым и Т.С. Грицем. За этими изданиями последовали

² Хлебников В. Собрание произведений Велимира Хлебникова: в 5 т. / под общ. ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1928–1933. Т. 1: Поэмы. 331 с.; Т. 2: Творения. 328 с.; Т. 3: Стихотворения: 1917–1922. 392 с.; Т. 4: Проза. 345 с.; Т. 5: Стихи, проза, статьи, записная книжка, письма, дневник. 379 с.

³ Хлебников В. Неизданные произведения / ред. и коммент. Н. Харджиева, Т. Грица. М.: Худож. лит., 1940. 490 с.

«Работы по поэтике» Р. Якобсона (1987) [12], том Бенедикта Лившица под заглавием «Полутораглазый стрелец» (1989) [7] — первое выполненное в соответствии с научными критериями издание его сочинений, наконец, огромный том статей и исследований различных авторов «Мир Велимира Хлебникова» (2000) [8] под общей редакцией А.Е. Парниса; усилия по формированию, подготовке и изданию этой книги отняли у него несколько самых плодотворных лет жизни. Эти усилия имели не только позитивный характер; немало их было уделено преодолению всевозможных противодействий, которые сопровождали долгий путь сборника к читателю. И здесь уместно вкратце обрисовать фон, на котором воплощались все эти — и многие другие — начинания, из которых складывалась творческая биография А. Парниса.

Проводить, проживая постоянно в Киеве, профессиональную изыскательскую и исследовательскую работу, вдали от больших центральных библиотек и архивов, было невозможно, и А. Парнис перебрался в Москву, где у него долгое время не было собственного обиталища. Приходилось скитаться с места на место, ютиться по чужим квартирам. Мне хорошо памятен этот быт — точнее, скудная, безбытная жизнь, иногда дополнявшаяся почти сюрреалистическими эффектами (например, какое-то время он жил в коммунальной квартире, в комнате, узкой, как пенал, заполненной множеством сломанных холодильников). Около трех недель мне довелось погостить у него на северной окраине Москвы в квартире Игоря Губермана, освободившейся из-за вынужденного отсутствия хозяина (пребывавшего на поселении после лагерной отсидки); поскольку это пристанище удавалось использовать «всерьез и надолго», Парнис переместил туда значительную часть своей библиотеки: более чем скромные апартаменты были заняты книгами на девять десятых жизненного пространства, включая столы, стулья и кровати; узкий диванчик, на котором я спал, в дневные часы заполнялся книгами, потребными хозяину для текущей работы, и освобождался перед отходом ко сну. В то довольно продолжительное пребывание в гостях у Парниса я смог ознакомиться со многими раритетами, хранившимися в его библиотеке, — редчайшими изданиями эпохи авангарда, стекавшимися к нему еще с той поры, когда они не были объектами жгучего массового интереса и не фиксировались с приложением астрономических сумм в каталогах международных аукционов. (Некоторое представление о коллекции Парниса можно составить по большому блоку иллюстраций, помещенных в приуроченном к его предыдущему юбилею сборнике «Авангард и остальное» [1].) Впрочем, когда

его скитальческая жизнь закончилась, и он водворился в собственной однокомнатной квартире, новое жилище быстро приобрело прежний хаотический и перенаселенный (книгами) облик: столы и кровати не использовались по своему назначению, на полу между рядами книг были проложены узкие проходы, подобно окопным траншеям, а наша вечерняя трапеза свершалась на трех табуретках: две — для сидения, третья выполняла функцию стола с яствами и напитками.

Трагикомический быт, в тисках которого в былые годы вершились труды и дни нашего «старателя», усугублялся внешними жизненными условиями — нелепыми бюрократическими правилами, ультимативными требованиями, в том числе личными капризами и мелкими каверзами, которые исходили из редакций издательств, газет, журналов, а порой и от коллег и разных «вышестоящих» лиц. В частности, не сложились у Парниса толерантные отношения с Н.И. Харджиевым, присяжным исследователем Хлебникова, который мыслил себя монополистом по этому автору и ревниво относился к другим попыткам внедриться в его епархию. В нормальных условиях между коллегами, занятыми общим делом, возникли бы содружество и взаимопомощь, в данном же случае развилось многолетнее скрытое и явное противостояние; мне хорошо известно, насколько остро и болезненно А. Парнис воспринимал эту ситуацию. Сыграла свою негативную роль и тяжелая личная драма, пережитая им в начале 1990-х гг. В жизни едва ли не каждого человека перемежаются свет и тени, но в жизни Парниса теневые стороны значительно преобладают над светлыми — по крайней мере, в его собственном восприятии. Учитывая все эти обстоятельства, усугубленные определенными психологическими особенностями личности, нельзя не удивляться тому, что, несмотря ни на что, Александр Парнис смог с впечатляющей полнотой и яркостью осуществить дело своей жизни. Его труд — это не только одоление сопротивляющегося материала, становящегося благодаря его усилиям из скрытого явным, из неведомого познанным, но и в известной мере преодоление самого себя.

В последнее время А. Парнис, осознавая, что пришла пора подведения профессиональных итогов, задумывался над тем, что подоспело время побороться за получение ученой степени или высокого звания, и не раз обсуждал со мною, по случайности уже увенчанным на разные лады, такую перспективу. Я уверял своего друга, что к его имени в настоящее время никакие приставки ничего не прибавят, что две с половиной сотни изданных им первоклассных работ, ставших значимой вехой в освоении громадной историко-ли-

тературной эпохи, не имеющих ничего общего с методологическим сухим сеном или с обобщением и переосмыслением многократно обобщенного и переосмысленного, ни в каком дополнительном знаковом вознаграждении не нуждаются. И приводил, как самый веский аргумент, еврейский анекдот: «Дочка спрашивает у матери: — Мама, кто такой Карл Маркс? — Та отвечает: — Это был такой экономист. — Как наша теть Фира? — Нет, теть Фира — старший экономист». Мое пожелание юбиляру: оставаться Марксом в своем освоенном культурно-историческом пространстве и не соблазняться служебными достоинствами тети Фиры. И завершить, наконец, свой главный труд — научную биографию Велимира Хлебникова, главы из которой уже начинают доходить до читателя.

Литература

1. Авангард и остальное: Сборник статей к 75-летию Александра Ефимовича Парниса. М.: Три квадрата, 2013. 798 с.
2. Александр Блок: Новые материалы и исследования: в 5 кн. / под ред. И.С. Зильберштейна, Л.М. Розенблум. М.: Наука, 1982. Кн. 3. 862 с.
3. Владимир Федорович Марков: первооткрыватель и романтик. К 50-летию издания книги «Russian Futurism: A History». Материалы и исследования / сост. А.В. Крусанов, Н.Г. Фиртич. СПб.: Аполлон, 2019. 687 с.
4. *Зайцев Б.* Собр. соч.: в 11 т. М.: Русская книга, 2001. Т. 11: Письма 1923–1971 гг. Статьи. Воспоминания современников. 508 с.
5. Зарубежные славяне и русская культура / отв. ред. М.П. Алексеев. Л.: Наука, 1978. 262 с.
6. *Катанян В.А.* Маяковский: Хроника жизни и деятельности / вступ. ст. А. Парниса, В. Шкловского. 5-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1985. 647 с.
7. *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л.: Сов. писатель, 1989. 720 с.
8. Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования, 1911–1998 / под общ. ред. А.Е. Парниса. М.: Языки русской культуры, 2000. 880 с.
9. *Парнис А.Е.* В. Хлебников в революционном Гиляне (новые материалы) // Народы Азии и Африки. 1967. № 5. С. 156–164.
10. *Парнис А.Е., Тименчик Р.Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник: 1983. Л.: Наука, 1985. С. 160–257.
11. *Хлебников В.* Творения / сост., подгот. текста и коммент. В.П. Григорьева, А.Е. Парниса. М.: Сов. писатель, 1986. 736 с.
12. *Якобсон Р.* Работы по поэтике / сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. 464 с.

Research Article

“A Familiar Khlebnikov Specialist in Kiev.” For the 85th Jubilee of A.E. Parnis

© 2023. Alexander V. Lavrov

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article is dedicated to the anniversary of Alexander E. Parnis, who is known as a foremost researcher of Velimir Khlebnikov’s works, Russian futurism and Russian literature of the early 20th century overall. The author of the article marks main landmarks of the creative biography of the scholar, evaluates his most significant works and shows their importance for modern history of Russian literature. The text includes some personal memoirs by the author who has been on close friendly terms with A. Parnis for many years. The work of the scholar is not only an overcoming of the resisting material, which, thanks to his efforts, becomes a transformation of the hidden into the open, of the unknown into the knowable, but also, to a certain extent, an overcoming of himself. The main wish to the “hero of the day” is to complete his main work, i. e. the scientific biography of Velimir Khlebnikov, chapters from which are already beginning to reach the reader.

Keywords: A.E. Parnis, Velimir Khlebnikov, Cubo-Futurism, Russian avant-garde, source studies.

Information about the author: Alexander V. Lavrov — Academician of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Director of Research, Head of the Department of New Russian Literature, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

E-mail: pavlova.lavrov@gmail.com

For citation: Lavrov, A.V. “‘A Familiar Khlebnikov Specialist in Kiev.’ For the 85th Jubilee of A.E. Parnis.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (27), 2023, pp. 246–257. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-246-257>

References

1. *Avant-garde i ostal'noe: Sbornik statei k 75-letiiu Aleksandra Efimovicha Parnisa [Avant-garde and the Rest: A Collection of Articles for the 75th Anniversary of Alexander Efimovich Parnis]*. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2013. 798 p. (In Russ.)
2. Zil'bershtein, I.S., and L.M. Rozenblium, editors. *Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniia: v 4 kn. [Alexander Blok: New Materials and Research: in 4 vols.]*, vol. 3. Moscow, Nauka Publ., 1982. 862 p. (In Russ.)
3. *Vladimir Fedorovich Markov: pervootkryvatel' i romantik. K 50-letiiu izdaniia knigi "Russian Futurism: A History." Materialy i issledovaniia [Vladimir Fedorovich Markov: Discoverer and Romantic. On the 50th Anniversary of the Publication of the Book "Russian*

Futurism: A History.” *Materials and Research*], comp. by A.V. Krusanov, N.G. Firtich. St. Petersburg, Apollon Publ., 2019. 687 p. (In Russ.)

4. Zaitsev, B. *Sobranie sochinenii: v 11 t.* [Collected Works: in 11 vols.], vol. 11: Pis'ma 1923–1971 gg. Stat'i. Vospominaniia sovremennikov [Letters of 1923–1971. Articles. Memoirs of Contemporaries]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2001. 508 p. (In Russ.)

5. Alekseev, M.P., editor. *Zarubezhnye slaviane i russkaia kul'tura* [Foreign Slavs and Russian Culture]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 262 p. (In Russ.)

6. Katanian, V.A. *Maiakovskii: Khronika zhizni i deiatel'nosti* [Mayakovsky: The Chronicle of Life and Activity], introd. articles by A. Parnis, V. Shklovskii. 5th ed. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1985. 647 p. (In Russ.)

7. Livshits, B. *Polutoraglazyi strelets: Stikhotvoreniia, perevody, vospominaniia* [Half-eyed Sagittarius: Poems, Translations, Memoirs]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1989. 720 p. (In Russ.)

8. Parnis, A.E., editor. *Mir Velimira Khlebnikova: Stat'i. Issledovaniia, 1911–1998* [The World of Velimir Khlebnikov: Articles. Research, 1911–1998]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 880 p. (In Russ.)

9. Parnis, A.E. “V. Khlebnikov v revoliutsionnom Giliane (novye materialy)” [“V. Khlebnikov in Revolutionary Gilan (New Materials)”]. *Narody Azii i Afriki*, no. 5, 1967, pp. 156–164. (In Russ.)

10. Parnis, A.E., and R.D. Timenchik. “Programmy ‘Brodiachei sobaki’.” [“Programs of ‘The Stray Dog’.”]. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia: Ezhegodnik: 1983* [Monuments of Culture. New Discoveries: Yearbook: 1983]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 160–257. (In Russ.)

11. Khlebnikov, V. *Tvoreniia* [Creations], comp., text prep. and comm. by V.P. Grigor'ev and A.E. Parnis. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1986. 736 p. (In Russ.)

12. Iakobson, R. *Raboty po poetike* [Works on Poetics], comp. and ed. by M.L. Gasparov. Moscow, Progress Publ., 1987. 464 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.03.2023

Одобрена после рецензирования: 10.03.2023

Дата публикации: 25.03.2023

The article was submitted: 01.03.2023

Approved after reviewing: 10.03.2023

Date of publication: 25.03.2023

БИБЛИОГРАФИЯ

Литературный факт.
2023. № 1 (27)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (27), 2023

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-258-268>
<https://elibrary.ru/RJROCG>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

И.А. Бунин и В.Н. Муромцева-Бунина на страницах «Нового журнала»

© 2023, Е.Р. Пономарев

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 22-28-01340 «Полное собрание сочинений В.Н. Муромцевой-Буниной: архивное исследование, комплексное изучение, издание» в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Аннотация: Статья представляет собой анализ публикаций И.А. Бунина и В.Н. Муромцевой-Буниной на страницах «Нового журнала» за всю его историю. Выясняется, что посмертных публикаций Бунина в этом издании было значительно больше, чем прижизненных. Автор усматривает в этом уникальный проект В.Н. Муромцевой-Буниной, посвященный памяти о «живом муже»: Бунин оставался главным автором журнала несколько десятилетий после своей смерти. Разбирая архив мужа, вдова стала регулярно публиковать в «Новом журнале» неизвестную прозу (после смерти писателя остался ряд неопубликованных рассказов), а также стихотворения — как никогда не публиковавшиеся, так и основательно забытые. Проект был продолжен наследниками вдовы Бунина — Л.Ф. Зуровым и М.Э. Грин. Посмертные публикации Бунина печатались в журнале несколькими большими сериями. Семантически близкой бунинской серии стало печатание в журнале автобиографических очерков В.Н. Муромцевой-Буниной «Беседы с памятью», посвященных ее совместной жизни с И.А. Буниным. Этот широчайший бунинский контекст, развернутый на страницах главного журнала послевоенной русской эмиграции, автор объясняет особой ситуацией, сложившейся в эмигрантской журналистике: В.Н. Муромцева-Бунина была заинтересована в постоянном получении гонораров и стремилась не пропустить ни одной книги, а журнал, со своей стороны, хотел продолжать печатать на первом месте всем известного классика русского зарубежья. «Новый журнал» остался «бунинским журналом» вплоть до середины 1970-х гг. (если говорить о регулярной публикации новых художественных текстов Бунина, то до 1969 г.) и почти на 20 лет продлил писательскую жизнь Бунина.

Ключевые слова: И.А. Бунин, В.Н. Муромцева-Бунина, Л.Ф. Зуров, М.Э. Грин, «Новый журнал», литературное наследие Бунина, «Беседы с памятью», журналистика эмиграции.

Информация об авторе: Евгений Рудольфович Пономарев — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; профессор, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, наб. реки Фонтанки, д. 15, 191023 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5508-6532>

E-mail: eponomarev@mail.ru

Для цитирования: Пономарев Е.Р. И.А. Бунин и В.Н. Муромцева-Бунина на страницах «Нового журнала» // Литературный факт. 2023. № 1 (27). С. 258–268. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-258-268>

Участие И.А. Бунина в литературно-публицистическом эмигрантском «Новом журнале» было как бы изначально подразумеваемым. Четыре первых книги журнала (1942—1943 гг.) открывали рассказы Бунина: в первой книге два («Руся», «В Париже»), в трех следующих по одному («Натали», «Генрих», «Таня»). Решение о печатании рассказов принималось без автора, не мог писатель и держать корректуру, поскольку в декабре 1941 г. США вступили в войну и почтовое сообщение между вишистской Францией и Америкой прекратилось. Рукописи рассказов были присланы одному из редакторов-основателей М. Алданову ранее. Интересно, что Алданов попросил убрать из текстов эпизоды, которые могли показаться непристойными русскоязычному американцу, а также некоторые смелые выражения. Бунин согласился и предложил для рассказов автоцензурные сокращения¹. Однако редакторов авторские изменения удовлетворили не до конца: с одной стороны, они внесли ряд изменений, предложенных автором; с другой стороны, они самостоятельно изменили те отрывки текста, которые показались им излишне смелыми.

После войны, в 1945–1946 гг. Бунин уже самостоятельно публиковал в журнале новые рассказы («Чистый понедельник», «Речной трактир», «Дубки»; «Пароход “Саратов”», «Месть», «Галя Ганская», «Ловчий» — кн. 10–14); все они, кроме рассказа «Ловчий», из книги «Темные аллеи». Далее последовала большая пауза. Последние прижизненные появления Бунина в журнале — два стихотворения, напечатанные в 1952 г. (кн. 28), и еще одно стихотворение, опубликованное в 1953 г. (кн. 34).

¹ НИОР РГБ. Ф. 429. И.А. Бунин. Карт. № 3. Ед. хр. 21. Л. 140–141.

Однако на этом публикации текстов Бунина в «Новом журнале» не завершились. В 1958 г. (кн. 53, июнь) — небольшим текстом «Происхождение моих рассказов» — В.Н. Бунина начала публикации из бунинского архива, которые превратились в огромную серию. Несмотря на то, что в этой серии печатались архивные материалы почившего автора — как и раньше, при жизни классика, они нередко открывали номер. С 1959 по 1961 г. (год смерти В.Н. Буниной) публикации «Из литературного наследия И.А. Бунина» появлялись во всех книгах с 57-й по 64-ю (с пропуском номера 63). Некоторые публикации целиком составляли стихи; некоторые были целиком прозаические, включали небольшие рассказы или наброски (под заглавием «Записи»). Есть публикации, соединяющие стихи и прозу. Все рассказы, опубликованные в этой серии, автором никогда не публиковались. Стихи в большинстве своем тоже новые, не публиковавшиеся; лишь некоторые из них можно отнести к «забытым» — это перепечатки стихотворений, созданных в годы революции и опубликованных в периодике, на тот момент уже совершенно недоступной. Вероятно, подавляющая часть читателей журнала прочитывала их как совершенно новые. Лишь одна публикация откровенно архивного свойства: сначала напечатана бунинская запись о том, как было задумано стихотворение «Игроки» («Овальный стол, огромный. Вдоль по залу...», 1916 г.). Затем идет текст стихотворения (несколько раз публиковавшегося Буниным при жизни). Этот текст как бы прилагается к записи — в напоминание.

Стихотворные подборки обычно включают в себя по 8 стихотворений, в последней дано сразу 16 стихотворений. Всего за этот период опубликовано 40 стихотворений. Из неизвестных до той поры рассказов опубликованы «Начало» (не одноименный рассказ из книги «Темные аллеи», а набросок, изначально называвшийся «К “Окаанным дням”»); «Аля», «Крым», «Десятого сентября». Три последних входят в круг «Темных аллеи»². Необходимо отметить, что В.Н. Бунина, не имевшая текстологической подготовки, не всегда точно перепечатывала рукопись (некоторые части рассказа «Крым» она вообще опустила). Долгие годы все публикации этих рассказов повторяли тексты «Нового журнала», однако в последние годы было проведено текстологическое исследование, в ходе которого тексты рассказов восстановлены по сохранившимся рукописям Бунина [2; 5].

² О понятии «круг “Темных аллеи”» см.: [4; 1; 6; 7].

Таким образом, возникало ощущение, что творчество Бунина не окончено с его физической смертью, продолжаясь и после нее. Этот факт регулярных публикаций произведений великого писателя после его смерти на страницах того же периодического издания, в котором он нередко печатался при жизни, едва ли не уникален. Скажем, «Посмертные сочинения» Л.Н. Толстого (с которыми можно сравнить публикации «Из литературного наследия И.А. Бунина») были все-таки разовым событием и печатались в книжном формате. Здесь перед нами — продолжающаяся акция, завершение которой фактически не планируется: В.Н. Бунина разбирает архив покойного мужа и знакомит читателей журнала с текстами, которые в нем обнаруживаются.

Эта уникальная ситуация, вероятно, возможна только в общем контексте эмигрантской литературы, когда, с одной стороны, вдова классика невероятно заинтересована в журнальных гонорарах и стремится не пропустить ни одной книги, с другой стороны, журнал исключительно заинтересован в том, чтобы на его страницах эксклюзивно появлялись новые тексты проверенного временем, известного всей Зарубежной России писателя. Этот эпизод истории «Нового журнала» — при сравнении с иными уникальными эпизодами истории журналистики — может открыть нам совершенно неожиданные горизонты эмигрантики.

После кончины В.Н. Буниной (1961) созданную ею традицию продолжил в качестве наследника Л.Ф. Зуров. Начиная с кн. 66 (декабрь 1961 г.) и до кн. 93 (декабрь 1968 г.) — с пропуском кн. 78, 81, 83, 85, 90, 92, — а затем еще в кн. 98 (март 1970 г.), т. е. на протяжении всех 1960-х гг., новые произведения Бунина продолжают регулярно появляться в «Новом журнале»: И.А. Бунин, по сути, остается постоянным автором главного толстого журнала эмиграции.

Зуров публикует стихи, рассказы, наброски (включая наброски ненаписанного второго тома «Жизни Арсеньева»), «записки» (как правило мемуарного характера), немного выдержек и писем (как правило, содержащие биографические материалы). Отметим неожиданную публикацию в кн. 76 (1964 г.) 14 детских, шуточных стихотворений Бунина («писем в стихах», как определено Зуровым), адресованных Олечке Жировой, к которой и Бунин, и его жена относились как к собственной дочери. О.А. Жирова умерла в 1964 г., и эта публикация, вероятно, осмыслялась Зуровым как своеобразный некролог. Однако получилось и нечто иное: читателям открылся совершенно иной Бунин — автор милых и забавных строк, адресованных ребенку. Это была первая публикация, так сказать, «домашних стихов» Бунина, создававшихся не для печати, а для чтения в домашнем

кругу. В дальнейшем эта сторона Бунина-стихотворца, включающая стихи сатирического и эпиграмматического свойства, будет приоткрыта в целом ряде мемуаров и эпистолярных публикаций.

Материалы архивного характера уходят в середину журнальных номеров — к публицистике и публикациям по истории литературы. Стихотворения и рассказы Бунина по-прежнему открывают номер. Зуров печатает Бунина меньшими блоками, чем это делала его вдова: иногда всего по одному рассказу; стихотворения по несколько штук. К концу 1960-х гг. размеры публикаций увеличиваются. Возможно, по той же причине, что и у В.Н. Буниной: Зуров боится не успеть опубликовать все, что кажется ему стоящим внимания. Принцип публикаций тот же, что и при жизни В.Н. Буниной: проза — только неопубликованная (в некоторых случаях, вычлняя «записи» из бунинских подборок и папок, Зуров нарушал внутренние связи архивных подборок, составленных Буниным: например, опубликовал не все наброски ко второму тому «Жизни Арсеньева»³; тексты рассказов он готовил точнее, чем В.Н. Бунина, но тоже допускал некоторые ошибки, исправленные нами при републикации); стихотворения — как не публиковавшиеся, так и основательно забытые (например, стихотворение «Плащаница (По древнему унывному распеву...)», опубликованное в кн. 93 «Нового журнала», впервые напечатано в «Одесском листке» в 1919 г.; стихотворение «Изгнание (Темнеют, свищут сумерки в пустыне...)», опубликованное в кн. 74, впервые напечатано в парижской газете «Отечество» в 1920 г., а стихотворение «Разлука (Бледна приморская страна...)», опубликованное в кн. 91, впервые увидело свет в газете «Возрождение» в 1927 г.).

Вернемся к «Новому журналу» конца 1950-х гг. Начав публикации «Из литературного наследия И.А. Бунина» В.Н. Бунина одновременно — в той же кн. 53 (июнь 1958 г.) — напечатала собственный биографический очерк «Отроческие годы И.А. Бунина». Еще с конца 1920-х гг., когда она впервые заявила о себе как мемуаристка и начала публиковать в эмигрантских газетах биографические очерки, она выбрала себе литературное имя — В.Н. Муромцева-Бунина. Так подписаны и все ее тексты, напечатанные в «Новом журнале».

С 1930-х гг. по 1958 г. Муромцева-Бунина не публиковала свои мемуарные произведения (подробнее см.: [8]). Возвращение в периодику было связано с работой над первой бунинской биографией — книгой «Жизнь Бунина». Публикация 1958 г., вероятнее всего,

---

³ Подробнее см. предисловия и археографические описания опубликованных материалов к полной научной публикации набросков Бунина: [1].

планировалась как препринт с целью заинтересовать потенциальных покупателей книги (книга вышла в том же 1958 г.).

Но этот опыт, надо думать, наряду с дружескими отношениями, которые связывали В.Н. Бунину с редакцией, способствовал идее новой — собственной — серии публикаций, которую она предложила читателям «Нового журнала» в 1960–1961 гг. С 59-й по 64-ю кн. (с пропуском кн. 61) в журнале стали регулярно появляться мемуарные очерки под заглавием «Беседы с памятью» (серия, без сомнения, была бы продолжена, сели бы не смерть автора весной 1961 г.). Мемуарные очерки первоначально создавались как главы книги под таким же заглавием — продолжения «Жизни Бунина». Биография доведена Муромцевой-Буниной до момента ее встречи с Буниным и начала их совместной жизни. Вторая книга была задумана сразу по окончании первой — тем более, что целый ряд материалов давно лежал у автора в портфеле. Например, доподлинно известно, что вся история большого путешествия 1907 г. — их первое совместное, по сути, свадебное путешествие — была написана еще в 1927 г. и внимательно читалась Буниным⁴. Не исключено, что наброски каких-то иных частей второй книги были тоже созданы раньше.

На издание книги был заключен договор с американским издательством «Чайка», владелица которого Pauline W. Taylor (Полин Тэйлор; Вера Николаевна называла ее в письмах Полиной Ричардовой) была большой любительницей русской культуры. Однако в сентябре 1960 г. В.Н. Бунина расторгла контракт и вернула П. Тэйлор аванс. Ей показалось неприемлемым, что издательница требует внести изменения в ее рукопись. Именно тогда она решила печатать всю рукопись по главам в «Новом журнале», где уже появились (возможно, вновь мыслившиеся как препринт) главы «Наши встречи» (кн. 59) и «Новая жизнь» (кн. 60). 27 сентября 1960 г. Бунина писала Г.Н. Кузнецовой, не открывая истинной причины своего решения: «Да, я отказалась от издания Чайкой “Бесед с памятью”. Поняла, что нельзя вместить в 250 стр. десять лет нашей жизни. Стала печатать в “Н[овом] Ж[урнале]”. С 62 номера будут печатать большие куски, если, конечно, журнал будет существовать» [3, с. 542].

Однако журнальный формат почти сразу разочаровал мемуаристку. В кн. 62 был напечатан очерк «Путь до Святой земли», от продолжения этого путешествия (главы «В Палестине» и «Сирия, Галилея,

⁴ См, напр., письмо В.Н. Буниной Р.Б. Гулю от 11 января 1961 г.: «Это путешествие <по Галилее> было написано в 27 году летом, и Ивану Алексеичу особенно нравилась Галилея, Баальбек и Дамаск» (РАЛ. MS. 1067/2732). Это подтверждает и дневник В.Н. Буниной за 1927 г. (РАЛ. MS. 1067/385).

Египет») редакция решила отказаться по причине большого объема. Муромцева-Бунина была неприятно удивлена. 12 января 1961 г. она писала Кузнецовой — в последние годы жизни она писала ей обо всем:

Чувствую большое огорчение, вчера получила письмо от Гуля, который сообщает, что в Н[овом] Ж[урнале] будет напечатана только первая половина нашего странствия по Святой Земле, а ни Баалбек, ни Дамаск, ни Галилея не будут. Я очень расстроилась, если бы он предупредил меня об этом, я взяла бы от него первую половину и отдала бы в «Грани», как можно эту часть отделить!? [3, с. 558].

Самому Гулю она написала днем раньше: «А у меня главная цель моих “Бесед” дать правильный внутренний облик Бунина. <...> У Вас, по-видимому... давать более занимательные места из нашей жизни»⁵. Тем не менее, следующие главы «Встречи с писателями в 1907–08 гг.» (кн. 63) и «Италия» (кн. 64) в дальнейшем пошли в журнале. Последний очерк увидел свет уже после смерти его автора.

Итак, в период 1959–1961 гг. В.Н. Муромцева-Бунина — постоянный автор «Нового журнала» сразу в двух ипостасях: как писательница-мемуарист и редактор-публикатор наследия мужа. Ее биографические очерки вступают в сложные контекстуальные отношения с текстами Бунина: в кн. 53 (1958) напечатаны «Происхождение моих рассказов» Бунина и «Отроческие годы И.А. Бунина» В.Н. Муромцевой-Буниной; в кн. 59, 60, 62 (1960) открывающие номер стихи Бунина соединяются с очерками Муромцевой-Буниной «Наши встречи», «Новая жизнь» и «Путь до Святой земли», напечатанными в середине номера — в начале раздела «Воспоминания и документы»; кн. 64 (1961) открывает рассказ «Десятого сентября», в разделе «Воспоминания и документы» идет очерк Муромцевой-Буниной «Италия». Можно ощутить и семантический параллелизм между ее очерками и теми автобиографическими материалами Бунина, которые она публикует.

Л.Ф. Зуров, продолжив регулярные публикации бунинского архива, подготовил и несколько публикаций из архива Веры Николаевны: очерк «То, что я запомнила о Нобелевской премии» (1962, кн. 67), а также выдержки из дневника 1918–1919 гг. (1972, кн. 107; напечатаны уже после смерти Зурова). Голос Веры Николаевны продолжил

⁵ РАЛ. MS. 1067/2732.

звучать на страницах «Нового журнала» и после смерти — как и при жизни, не так громко, как голос ее мужа.

Унаследовавшая после смерти Зурова архив Бунина и Буниной М.Э. Грин почти без перерыва начала новую бунинскую серию публикаций на страницах «Нового журнала» — «Из дневников И.А. Бунина». Эта серия выходила со 108-й по 116-ю кн. (с сентября 1972 г. по сентябрь 1974 г.). Читатель — как научный, так и широкий — впервые ознакомился с дневниковыми записями великого писателя с 1917 г. и до конца жизни. Примерно 10 лет (до выхода трехтомника «Устами Буниных», подготовленного М.Э. Грин [9]) это был единственный источник изучения бунинских дневников.

В 1981 г., продолжая традиции В.Н. Буниной и Л.Ф. Зурова, М.Э. Грин опубликовала три рассказа Бунина, ранее не публиковавшихся: «Ахмат», «Новая шубка», «Далекий пожар». Они открывали кн. 142 — Бунин вновь стал актуальным автором журнала. В 1987 г. М.Э. Грин дала разрешение Ю.В. Мальцеву опубликовать еще несколько кратких рассказов (первый из них не закончен): «На извозчике», «Москва», «Au secours!», «Письма», «Мария Стюарт», «Кибитка», «В канаву!»⁶. Эта последняя бунинская публикация в «Новом журнале» впервые не открывала номер (кн. 168/169), а ушла на 60–70-е страницы. Символическое перемещение бунинских текстов с первой позиции вглубь книги демонстрировало изменившееся отношение редакции: И.А. Бунин более не воспринимался как «бессмертный», его творчество стало «архивным».

Итак, «Новый журнал» остается «бунинским журналом» вплоть до середины 1970-х гг. (если говорить о регулярной публикации новых художественных текстов Бунина, то до 1969 г.) — он почти на 20 лет продлил писательскую жизнь Бунина. Идея В.Н. Буниной сохранить «живой голос» мужа, воплощенная ею на страницах журнала и продолженная ее наследниками, оказалась ярчайшим проектом эмигрантской журналистики.

В публикациях «Нового журнала» органично соединились две тенденции: представить Бунина как живого и действующего автора и как объект пристального внимания эмигрантской истории литературы. Перед нами удивительный историко-литературный феномен, весьма необычный для истории русской журналистики.

⁶ Эти две последние публикации бунинской прозы тоже не идеальны в текстологическом отношении. Большинство текстов были републикованы в 2022 г. (см.: [2]).

Литература

1. Бунин И.А. Наброски / подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Р. Пономарева // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Т. 110. Кн. 1: И.А. Бунин. Новые материалы и исследования / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. С. 132–322.
2. Бунин И.А. Посмертные произведения (републикация четырнадцати рассказов на основе текстологического исследования) / подгот. текстов и коммент. Е.Р. Пономарева // Новое литературное обозрение. 2022. № 3 (175). С. 255–275. DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_255
3. И.А. Бунин. Новые материалы. М.: Русский путь, 2014. Вып. 3: «...Когда переписываются близкие люди». Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун / сост., подгот. текста, научный аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса, сопроводит. ст. Е.Р. Пономарева. 714 с.
4. Пономарев Е.Р. Круг «Темных аллей». Неопубликованный рассказ И.А. Бунина // Вопросы литературы. 2015. № 5. С. 318–330.
5. Пономарев Е.Р. Посмертные произведения Ивана Бунина: ошибки публикаторов и восстановленный текст // Новое литературное обозрение. 2022. № 3 (175). С. 249–254. DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_249
6. Пономарев Е.Р. Преодолевший модернизм: творчество И.А. Бунина эмигрантского периода: монография. М.: Литфакт, 2019. 340 с.
7. Пономарев Е.Р. Рассказы «круга “Темных аллей”» // Русская литература. 2020. № 3. С. 141–152. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-141-152
8. Рогачевская Е. Литератор Вера Николаевна Муромцева // *Emigrantica et cetera: К 60-летию Олега Коростелева* / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, М. Шруба. М.: Дмитрий Сечин, 2019. С. 753–774.
9. Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и др. архивные материалы: в 3 т. / подгот. текста и примеч. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977–1982.

Research Article

I.A. Bunin and V.N. Muromtseva-Bunina on the Pages of the “Novyi zhurnal” / “The New Review”

© 2023. Evgeny R. Ponomarev

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Acknowledgements: The reported study was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 22-28-01340 “Complete Works of V.N. Muromtseva-Bunina: Archival Research, Comprehensive Study, Publication”).

Abstract: The article presents an analysis of the publications of I.A. Bunin and V.N. Muromtseva-Bunina on the pages of the “Novyi zhurnal” (“The New Review”) for its entire history. It turns out that there were significantly more posthumous Bunin’s publications in this edition than lifetime ones. The author sees in this fact the project of V.N. Muromtseva-Bunina, dedicated to the memory of the “eternally living husband”: Bunin remained the main author of the journal for several decades after his death. While sorting through her husband’s archive, the widow began regularly publishing previously unknown prose in the “Novyi Zhurnal,” as well as poems (both never published and thoroughly forgotten). The project was continued by the inheritors of Bunin’s widow, namely L.F. Zurov and M.E. Green. Semantically close to Bunin’s series was the publication of autobiographical essays by V.N. Muromtseva-Bunina “Conversations with Memory,” dedicated to her life together with Bunin. This broadest Bunin context, deployed on the pages of the main journal of the post-war Russian emigration, could be explained with the special situation that had developed in emigrant journalism. Muromtseva-Bunina was interested in constantly receiving author’s fee and tried not to miss a single volume, and the journal wanted to continue printing in the first place the well-known classic of Russia abroad. “Novyi Zhurnal” remained a “Bunin’s journal” until the mid-1970s (or if we talk about the regular publication of Bunin’s literary texts until 1969) and extended Bunin’s writing life for almost 20 years.

Keywords: I.A. Bunin, V.N. Muromtseva-Bunina, L.F. Zurov, M.E. Green, “Novyi zhurnal,” Bunin’s literary heritage, “Conversations with Memory,” emigrant journalism, emigrantica.

Information about the author: Evgeny R. Ponomarev — DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Professor, Russian Christian Academy for the Humanities, Fontanka Emb. 15, 191023 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5508-6532>

Email: eponomarev@mail.ru

For citation: Ponomarev, E.R. “I.A. Bunin and V.N. Muromtseva-Bunina on the Pages of the ‘Novyi Zhurnal’ / ‘The New Review’.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (27), 2023, pp. 258–268. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-258-268>

References

1. Bunin, I.A. “Nabroski” [“Sketches”], text prep., introd. and notes by E.R. Ponomarev. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 110, book 1: I.A. Bunin. *Novye materialy i issledovaniia [I.A. Bunin. New Materials and Research]*, ed. and comp. by O.A. Korostelev, S.N. Morosov. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, pp. 132–322. (In Russ.)

2. Bunin, I.A. “Posmertnye proizvedeniia (republikatsiia chetyrnadsati rasskazov na osnove tekstologicheskogo issledovaniia)” [“Posthumous Works (Republication of 14 Short Stories Based on Textual Research)”], ed. by E.R. Ponomarev. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3 (175), 2022, pp. 255–275. DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_255 (In Russ.)

3. I.A. Bunin. *Novye materialy [I.A. Bunin. New Materials]*, issue 3: “...Kogda perepisyvaiutsia blizkie liudi.” Pis’ma I.A. Bunina, V.N. Buninoi, L.F. Zurova k

G.N. Kuznetsovoi i M.A. Stepun [Letters from I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov to G.N. Kuznetsova and M.A. Stepun], comp., text prep., scientific apparatus by E.R. Ponomarev and R. Devis, introd. article by E.R. Ponomarev. Moscow, Russkii put' Publ., 2014. 714 p. (In Russ.)

4. Ponomarev, E.R. "Krug 'Temnykh allei': Neopublikovannyi rasskaz I.A. Bunina" ["The Circle of the 'Dark Alleys': The Unpublished Story by I.A. Bunin"]. *Voprosy literatury*, no. 5, 2015, pp. 318–330. (In Russ.)

5. Ponomarev, E.R. "Posmertnye proizvedeniia Ivana Bunina: oshibki publikatorov i vosstanovlennyy tekst" ["The Posthumous Works of Ivan Bunin: Publishers' Mistakes and Restored Texts"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3 (175), 2022, pp. 249–254. DOI: 10.5395/3/08696365_2022_175_3_249 (In Russ.)

6. Ponomarev, E.R. "Preodolevshii modernizm: tvorchestvo I.A. Bunina emigrantskogo perioda: monografiia" ["Overcoming Modernism: I.A. Bunin's Work of the Emigrant Period: A Monograph"]. Moscow, Litfact Publ., 2019. 340 p. (In Russ.)

7. Ponomarev, E.R. "Rasskazy kruga 'Temnykh allei'." ["The Stories from the Circle of the 'Dark Alleys'."]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2020, pp. 141–152. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-141-152 (In Russ.)

8. Rogachevskaia, E. "Literator Vera Nikolaevna Muromtseva" ["Writer Vera Nikolaevna Muromtseva"]. *Emigrantica et cetera: K 60-letiiu Olega Korosteleva* [*Emigrantica et cetera: To the 60th Anniversary of Oleg Korostelev*], ed. and comp. E.R. Ponomarev, M. Schrub. Moscow, Dmitry Sechin Publ., 2019, pp. 753–774. (In Russ.)

9. *Ustami Buninykh: dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy: v 3 t.* [*Through the Voices of the Bunins: Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and Other Archive Materials: in 3 vols.*]. Frankfurt am Main, Posev Publ., 1977–1982. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 09.01.2023
Одобрена после рецензирования: 06.02.2023
Дата публикации: 25.03.2023

The article was submitted: 09.01.2023
Approved after reviewing: 06.02.2023
Date of publication: 25.03.2023

Литературный факт.
2023. № 1 (27)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (27), 2023

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-269-277>
<https://elibrary.ru/REITGR>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Библиография публикаций И.А. Бунина и В.Н. Муромцевой-Буниной в «Новом журнале»

© 2023, М.С. Щавлинский

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия;
Центральная городская публичная библиотека им. В.В. Маяковского,
Санкт-Петербург, Россия

Благодарности: Работа выполнена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 22–28–01340 «Полное собрание сочинений В.Н. Муромцевой-Буниной: архивное исследование, комплексное изучение, издание».

Аннотация. В статье приводится полная библиография публикаций И.А. Бунина и В.Н. Муромцевой-Буниной в «Новом журнале», а также публикации, подготовленные наследниками (и исследователями с их разрешения): Л.Ф. Зуровым, М.Э. Грин, Ю.В. Мальцевым. Устранены недочеты и ошибки библиографов, а также добавлены пропущенные ранее публикации.

Ключевые слова: И.А. Бунин, В.Н. Муромцева-Бунина, «Новый журнал», библиография.

Информация об авторе: Максим Станиславович Щавлинский — аспирант, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; библиограф 1 категории, Центральная городская публичная библиотека им. В.В. Маяковского, наб. реки Фонтанки, д. 46, 190005 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5156-8999>

E-mail: maxim.shavlinsky@gmail.com

Для цитирования: Щавлинский М.С. И.А. Бунин и В.Н. Муромцева-Бунина на страницах «Нового журнала» // Литературный факт. 2023. № 1 (27). С. 269–277. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-269-277>

При содействии И.А. Бунина в 1942 г. начал свою деятельность «Новый журнал». Руководили журналом Марк Алданов и Михаил Цетлин, позднее Михаил Карпович — до 1959 г. Позднее была составлена редакционная группа, в нее вошли: Николай Тимашев, Юрий Денике и Роман Гуль. На время деятельности этих редакторов пришлось публикации И.А. Бунина и В.Н. Муромцевой-Буниной, которые мы приводим ниже. С 1990 по 1994 гг. главный редактор — Юрий Кашкаров, с 1995 по 2005 гг. — Вадим Крейд, с 2005 — Марина Адамович.

В приводимой ниже библиографии собраны и подробно описаны все публикации И.А. Бунина и В.Н. Муромцевой-Буниной в хронологической последовательности. Исправлены ошибки и недочеты прошлых составителей библиографии, а также внесены ранее пропущенные публикации. Учтены публикации, сделанные наследниками Буниных (или с их разрешения): Л.Ф. Зуровым, М.Э. Грин и Ю.В. Мальцевым. Библиография составлялась таким образом, чтобы из заглавия сразу же можно было понять содержание публикации, особенно если речь об архивных публикациях, дневниках и письмах (указаны все адресаты писем, если их можно было установить). Существующий отсканированный архив — не полон, поэтому все публикации просмотрены de visu в библиотеках Санкт-Петербурга и Москвы.

И.А. БУНИН

1. Руся, В Париже // Новый журнал. 1942. № 1. С. 8–27.
2. Натали // Новый журнал. 1942. № 2. С. 5–37.
3. Генрих // Новый журнал. 1942. № 3. С. 5–19.
4. Таня // Новый журнал. 1943. № 4. С. 22–41.
5. Чистый понедельник // Новый журнал. 1945. № 10. С. 7–21.
6. Речной трактир; «Дубки»; Пароход «Саратов» // Новый журнал. 1945. № 11. С. 5–21.
7. Мечь // Новый журнал. 1946. № 12. С. 5–14.
8. Галя Ганская // Новый журнал. 1946. № 13. С. 5–13.
9. Ловчий // Новый журнал. 1946. № 14. С. 5–12.
10. Ночь («Ледяная ночь, мистраль...»); Искушение («В час полуденный, зыбко сливаясь по Древу...») // Новый журнал. 1952. № 28. С. 3.

11. Каир («В жарком золоте заката Пирамиды...») // Новый журнал. 1953. № 34. С. 5.
12. Происхождение моих рассказов // Новый журнал. 1958. № 53 (июнь). С. 5–11.
13. Из литературного наследства И.А. Бунина: Венки («Был праздник в честь мою. И был увенчан я...»); «Венком из мирта освежал я...»; Се жених грядет («В сосудах тонких и прозрачных...»); «Где Ты, угасшее светило?...»; В караване («Под луной на дальнем юге...»); «Сохнут, жарко пахнут травы...»; «Что впереди? Счастливый, долгий путь...»; Бретань («Ночь ледяная и немая...»); Записи; Начало; Аля; Крым / публ. В. Муромцевой-Буниной // Новый журнал. 1959. № 57 (сент.). С. 5–17.
14. Из литературного наследства И.А. Бунина: <Запись о создании стихотворения «Игроки»>; «Овальный стол, огромный. Вдоль по залу...» / публ. В. Муромцевой-Буниной // Новый журнал. 1959. № 58 (дек.). С. 32–33.
15. Из литературного наследства И.А. Бунина: «Качаюсь, плескаюсь — и с шумом встаю...»; «Ты высоко, ты в розовом свете зари...»; «Высокие нездешние цветы...»; «В белой зыби облаков...»; «Дует ветер, море хлеба...»; «В полуденных морях, далеко от земли...»; «Ты странствуешь, ты любишь, ты счастлива...»; «Ты жила в тишине и покое...» / публ. В. Муромцевой-Буниной // Новый журнал. 1960. № 59 (март). С. 5–8.
16. Из литературного наследства И.А. Бунина: «Уж ветер шарит по полю пустому...»; «Порыжели холмы. Зноем выжжены...»; «Многое в мире люблю. Больше всего мне любезен...»; «Ходит солнце осеннее низко...»; «Через ели бархатно-зеленые...»; «В аллее перед старым домом...»; «Сладкий запах горячей бумаги...»; «Ночью, в темном саду, постоял вдалеке...»; Запись / публ. В. Муромцевой-Буниной // Новый журнал. 1960. № 60 (июнь). С. 6–8.
17. Из литературного наследства И.А. Бунина <Записи написаны на страницах, вырванных из ученической тетради> / публ. В. Муромцевой-Буниной // Новый журнал. 1960. № 61 (сент.). С. 5–8.
18. Из литературного наследства И.А. Бунина: «Из темноты, что окружает нас...»; «Над скудной северной страной...»;

- «Под хмурым небом, в синем море...»; «Кругла и бледна, поднималась луна...»; «Гляжу с холма из-под серых олив...»; «И снова ночь и снова под луной...»; «С песками смуглыми сравни...»; «Я помню чистый гулкий вход...»; «Отвесной каменистой тропой...»; «Отлив. Душа обнажена...»; «Петух на этой церкви древней...»; «Ночь и дождь, в доме лишь одно...»; «Наполнила ты гроб дубовый...»; «Водянистой бирюзой...»; «Листовою мелкою, лимонной...»; «Возьмет Господь у вас...» / публ. В. Муромцевой-Буниной // Новый журнал. 1960. № 62 (дек.). С. 5–9.
19. Десятого сентября / публ. В. Муромцевой-Буниной // Новый журнал. 1961. № 64 (июнь). С. 5–7.
20. Из архива И.А. Бунина: Портрет; «Когда я впервые...» / публ. и вступ. ст. Л. Зурова // Новый журнал. 1961. № 66 (дек.). С. 5–7.
21. Литературное завещание И.А. Бунина: К моему завещанию; К моему литературному завещанию / публ. и вступ. ст. Л. Зурова // Новый журнал. 1961. № 66 (дек.). С. 166–172.
22. Из архива И.А. Бунина: Модест; Паломница / публ. Л. Зурова // Новый журнал. 1962. № 67 (март). С. 5–7.
23. Из архива И.А. Бунина: Ривьера; Тучи / публ. Л. Зурова // Новый журнал. 1962. № 68 (июнь). С. 5–10.
24. Из архива И.А. Бунина: Аля; <Письмо А. Седых>; <Отрывок из воспоминаний о встрече с внучкой А.С. Пушкина — Е.А. Розен-Мейер>; «Высокий белый зал, где черная рояль...» / публ. Л. Зурова // Новый журнал. 1962. № 69 (сент.). С. 15–18.
25. Из архива И.А. Бунина: Коренной; Лев / публ. Л. Зурова // Новый журнал. 1962. № 70 (дек.). С. 5–6.
26. Зимний сон / публ. Л. Зуров // Новый журнал. 1963. № 71 (март). С. 5–8.
27. Русь града взыскующая / публ. Л. Зурова // Новый журнал. 1963. № 72 (июнь). С. 5–6.
28. «Сон Пресвятыя Богородицы» / публ. Л. Зурова // Новый журнал. 1963. № 73 (сент.). С. 5.
29. Изгнание («Темнеют, свищут сумерки в пустыне...») / публ. Л. Зурова // Новый журнал. 1963. № 74 (дек.). С. 6.

30. <Запись: рассуждения И.А. Бунина о смерти> / публ. Л. Зурова // Новый журнал. 1964. № 75 (март). С. 5.
31. Записи <И.А. Бунин пишет о своей юности, о брате Ю.А. Бунине и о В.В. Пашенко> / публ. Л. Зурова // Новый журнал. 1964. № 76 (июнь). С. 76–77.
32. Переписка И.А. Бунина с ребенком <Четырнадцать писем Бунина в стихах, адресованы девочке Оле>: «Жил-был на Босоле...»; «На весь день я бросил чтение...»; «С постельки рано я вскочил...»; «Опять от (Оли) нет письма...»; «Пишу тебе для mots...»; «В именины нашей Оли...»; «Вот что я тебе скажу...»; «Дорогая Олечка...»; «Ты когда-то все просила...»; «Дорогая моя чушка...»; «На серенькой бумажке...»; «У Самойловых пируя...»; «Милая Олечка, как поживаешь...»; «Милая Олечка, я нездоров...» / публ. и предисл. А. Величковского // Новый журнал. 1964. № 76 (июнь). С. 260–264.
33. Лита / публ. Л. Зурова // Новый журнал. 1964. № 77 (сент.). С. 41–42.
34. Заметки И.А. Бунина: Из записной книжки <Заметки, характеристики, наброски, приведенные И.А. Буниным в порядок, — для второго тома «Жизнь Арсеньева»> / публ. Л. Зурова // Новый журнал. 1965. № 79 (март). С. 143–149.
35. Записи: <О «Жизни Арсеньева»; О читательских предпочтениях в молодости; О В.В. Пашенко; Разные воспоминания молодости; О литературном процессе 80-х гг. XX в. – 00-х гг. XX в.; О России, о Герцене, цитаты: Герцена, Достоевского, Мокриевича и Михайловского о России; О Москве и своей молодости> / публ. Л. Зурова // Новый журнал. 1965. № 80 (июнь). С. 125–128.
36. Записи: <О писательстве, о памяти, о жизни и молодости, о смерти> / публ. Л. Зурова // Новый журнал. 1966. № 82 (март). С. 119–122.
37. Безымянные записки; Книга моей жизни <отрывки из этих записей были использованы в романе «Жизнь Арсеньева» и в рассказе «Цикады»> / публ. Л. Зурова // Новый журнал. 1966. № 84 (сент.). С. 49–55.
38. Рассыпанный набор <Выдержки из писем И.А. Бунина (1946 г.) по поводу подготовки к печати госиздатовского одно-

- томника его произведений.> / публ. и предисл. Л.Ф. Зурова // Новый журнал. 1967. № 86 (март). С. 135–138.
39. «Один я был в полночном мире...»; «Под окном бродила и скучала...» / публ. Л. Зурова // Новый журнал. 1967. № 87 (июнь). С. 5.
40. Записи <Об А.И. Андреевой — второй жене Л.Н. Андреева; О первой встрече с Л.Н. Андреевым; Цитаты из Библии; О прошедшей жизни> / публ. Л. Зурова // Новый журнал. 1967. № 88 (сент.). С. 35–37.
41. Неизвестные стихи И.А. Бунина: «Снег дымился в раскрытой могиле...»; «Снова я на перевале, в небе...»; «И снова вечер, степь и четко...»; «Луна полночная глядит...»; «Луна над шумною Курюю...»; «“Отдай!” — И шлепнулся в волну...»; «В кофейнях поздние огни...»; «Нет Колеса на свете, Господин...»; «Иконку, черную дощечку...» / публ. Л. Зурова // Новый журнал. 1967. № 89 (дек.). С. 19–23.
42. Неизвестные стихи И.А. Бунина: «И шли века и стены Рая пали...»; «Бледна приморская страна...»; «Жизнь промелькнула как во сне...»; В рощах Урвеллы («Ты ль повинна, Майя, что презрел...»); Венчик («Колокола переводили...»); «Никогда вы не воскреснете, не встанете...»; «На всякой высоте прельщает Сатана...»; «Луна и Нил. По берегу, к пещерам...» / публ. Л. Зурова // Новый журнал. 1968. № 91 (июнь). С. 28–31.
43. Неизвестные стихотворения И.А. Бунина: «По древнему унывному распеву...»; «В столетнем мраке черной ели...»; «Сомкнулась степь сияющим кольцом...» / публ. Л. Зурова // Новый журнал. 1968. № 93 (дек.). С. 23–24.
44. «Настанет день, когда опять войдет...» / публ. Л. Зурова // Новый журнал. 1970. № 98 (март). С. 5.
45. Письма И. Бунина к Л. Зурову / публ. М. Грин // Новый журнал. 1971. № 105 (март). С. 225–231.
46. Бунин о себе и своем творчестве: Архивные материалы <Письмо к Боссару: автобиография для французского издания «Господина из Сан-Франциско» (Bounine I. Le Monsieur de SanFrancisco. Paris: Bossard, 1922); «Писатели о своих книгах: Анкета Андрея Седых» (Сегодня. 1930. 1 янв.); Письмо к Ю.Л. Сазоновой (автобиографические сведения); Записи Ю.Л. Сазоновой о разных произведениях И.А. Бунина; Воспоминания И.А. Бунина о публикации стихотворения

- «Ормузд» («Ни алтарей, ни истуканов...») в журнале «Жупел» (1905. № 1), о сборнике стихов К.Д. Бальмонта «Песни мстителя» / публ. М. Грин // Новый журнал. 1972. № 107 (июнь). С. 161–170.
47. Из дневников И.А. Бунина <Записи с 21.03.1916 по 27.07.1917> / публ., коммент.и предисл. М. Грин // Новый журнал. 1972. № 108 (сент.). С. 189–201.
48. Из дневников И.А. Бунина <Записи с 23.05.1918 по 31.01.1920> / публ., коммент. и предисл. М. Грин // Новый журнал. 1973. № 109 (дек.). С. 168–182.
49. Из дневников И.А. Бунина: Франция (1920–1924) <Записи с 19.08.1920 по 10.08.1924> / публ., коммент. и предисл. М. Грин // Новый журнал. 1973. № 110 (март). С. 139–157.
50. Из дневников И.А. Бунина: Довоенный период <Записи с 11.09.1929 по 25.07.1940> / публ., коммент. и предисл. М. Грин // Новый журнал. 1973. № 111 (июнь). С. 130–150.
51. Из дневников И.А. Бунина <Записи с 28.07.1940 по 31.12.1940> / публ. и коммент. М. Грин // Новый журнал. 1973. № 112 (сент.). С. 208–226.
52. Из дневников И.А. Бунина: Нобелевская премия, 1933; 1941 год <Записи с 01.01.1941 по 22.06.1941>; Приложение / публ., коммент. и предисл. М. Грин // Новый журнал. 1973. № 113 (дек.). С. 129–148.
53. Из дневников И.А. Бунина <1941 год: продолжение, записи с 23.6.1941 по 29.10.1941> / публ. и коммент. М. Грин // Новый журнал. 1974. № 114 (март). С. 126–141.
54. Из дневников И.А. Бунина <1941 год: продолжение, записи с 06.11.1941 по 31.12.1941>; 1942 год <Записи с 1.1.1942 по 13.08.1942> / публ. и коммент. М. Грин // Новый журнал. 1974. № 115 (июнь). С. 140–155.
55. Из дневников И.А. Бунина <1942 год: продолжение, записи с 01.09.1942 по 31.12.1941>; 1943 год <Записи с 1.1.1943 по 18.12.1943>; 1944 <Записи с 1.1.1944 по 01.12.1944>; 1945 <Записи с 1.1.1945 по 02.05.1953> / публ. и коммент. М. Грин // Новый журнал. 1974. № 116 (сент.). С. 162–184.
56. Неопубликованные рассказы: Ахмат; Новая шубка; Далекий пожар / публ. и предисл. М. Грин // Новый журнал. 1981. № 142 (март). С. 5–8.

57. Неизвестные рассказы: На извозчике; Москва; Au secours!; Письма; Мария Стюарт; Кибитка; В канаву! / публ., предисл. и пер. Ю.В. Мальцева // Новый журнал. 1987. № 168/169 (сент.–дек.). С. 65–79.

В.Н. МУРОМЦЕВА-БУНИНА

58. Отроческие годы И.А. Бунина: <Гл. из кн. «Жизнь Бунина (1870–1906)»> // Новый журнал. 1958. № 53 (июнь). С. 111–133.
59. Беседы с памятью: Наши встречи // Новый журнал. 1960. № 59 (март). С. 127–156.
60. Беседы с памятью: Новая жизнь // Новый журнал. 1960. № 60 (июнь). С. 166–178.
61. Беседы с памятью: Путь до Святой земли // Новый журнал. 1960. № 62 (дек.). С. 147–175.
62. Беседы с памятью: Встречи с писателями в 1907–08 гг. // Новый журнал. 1961. № 63 (март). С. 173–203.
63. Беседы с памятью: Италия // Новый журнал. 1961. № 64 (июнь). С. 205–220.
64. Из воспоминаний В.Н. Буниной–Муромцевой: То, что я запомнила о Нобелевской премии / предисл. Л.Ф. Зурова // Новый журнал. 1962. № 67 (март). С. 136–140.
65. И.А. и В.Н. Бунины в канун эмиграции: Из дневника В.Н. Буниной <Два отрывка из дневника 1918 и 1919 гг.> / публ. и предисл. Л.Ф. Зурова // Новый журнал. 1972. № 107 (июнь). С. 263–264.
66. Письма <Написаны в 1918–1919 гг.: В.Н. Муромцеву; Без адресата; Н.А. Муромцеву и Л.Ф. Муромцевой; Другьям без адресата; Ю.А. Бунину; Без адресата> / публ., коммент. и предисл. М. Грин // Новый журнал. 1977. № 128 (сент.). С. 127–139.

Research Article and Publication of Archival Documents

Bibliography of Publications by I.A. Bunin and V.N. Muromtseva-Bunina in the “Novyi zhurnal” / “The New Review”

© 2023. Maksim S. Shchavlinsky

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The reported study was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 22-28-01340 “Complete Works of V.N. Muromtseva-Bunina: Archival Research, Comprehensive Study, Publication”).

Abstract: The article provides a complete bibliography of publications by I.A. Bunin and V.N. Muromtseva-Bunina in the “New Journal,” as well as publications prepared by the heirs (and researchers with their permission), namely L.F. Zurov, M.E. Green, Yu.V. Maltsev. The author of the article eliminates shortcomings and errors of bibliographers and adds previously missed publications.

Keywords: I.A. Bunin, V.N. Muromtseva-Bunina, “Novyi zhurnal,” bibliography.

Information about the author: Maksim S. Shchavlinsky — PhD Student, Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Bibliographer of the 1st Category, Vladimir Mayakovskiy Central City Public Library, Fontanka Emb., 46, 190005 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5156-8999>

E-mail: maxim.shavlinsky@gmail.com

For citation: Shavlinsky, M.S. “Bibliography of Publications by I.A. Bunin and V.N. Muromtseva-Bunina in the ‘Novyi Zhurnal’ / ‘The New Review’.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (27), 2023, pp. 269–277. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-269-277>

Статья поступила в редакцию: 09.01.2023

Одобрена после рецензирования: 06.02.2023

Дата публикации: 25.03.2023

The article was submitted: 09.01.2023

Approved after reviewing: 06.02.2023

Date of publication: 25.03.2023

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2023 № 1 (27)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская
Подписано в печать 25.03.2023
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 17,5
Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. 1, ком. 6.3-23Н